

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 17, № 1, 2024

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 17, no. 1, 2024

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года	9
---	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Волконский В.А. К вопросу об идеологиях и их носителях	41
Окрепиллов В.В., Коршунов И.В. Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения	60

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Лаженцев В.Н. Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми)	79
Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов	91
Елохова И.В., Плотников Р.В. Подход к моделированию инвестиционной привлекательности отрасли в региональном аспекте	110

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская-Полищук М.А. Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию	126
Пугачев А.А. Потенциал налогового воздействия на экономическое неравенство граждан в России	142

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Иванов С.Л., Теребова С.В. Проблемы развития инновационного предпринимательства в регионе и пути их решения	159
--	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Ресурсы демографического развития:
к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях 178
- Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности
в российском обществе травмы 201

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Юдина Т.Н., Осадчая Г.И. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции
возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов 215

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Мосикари Т. Моделирование и прогнозирование государственного долга
в Южной Африке 228
- Нифтиев И.М., Рустамли Э.Ф., Маммадли Р.М. Моделирование производства
возобновляемой электроэнергии в Азербайджане 240

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Когай Е.А., Ромашкина Г.Ф. Памяти Н.И. Лапина: II Лапинские чтения 261

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 269
- Правила приёма статей 281
- Информация о подписке 282

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The Russian Federation in the First Quarter of the 21st Century.
The President Has Set Tasks until 2030 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Volkonsky V.A. On Ideologies and Their Bearers: Revisiting the Issue 41
- Okrepilov V.V., Korshunov I.V. Managing Agglomeration Development in the Face
of Multiple Competing Goals: Challenges and Solutions 60

REGIONAL ECONOMICS

- Lazhentsev V.N. Regional Experience of Studying and Developing Productive Forces
(Case Study of the Republic of Komi) 79
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Agglomeration Processes in Russian Regions: Specifics
and Challenges Related to the Intensification of Positive Effects 91
- Elokhova I.V., Plotnikov R.V. An Approach to Modeling the Investment Attractiveness
of the Industry in the Regional Aspect 110

PUBLIC FINANCE

- Pechenskaya-Polishchuk M.A. Realization of the Regions' Budget Capacity:
A New Integrative Approach to the Research 126
- Pugachev A.A. The Potential of Tax Impact on the Economic Inequality of Citizens
in Russia 142

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Ivanov S.L., Terebova S.V. Innovative Entrepreneurship Development in the Region:
Challenges and Ways to Address Them 159

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M. Demographic Development Resources:
On the Unification of Concepts in Demographic Research 178
- Nemirovsky V.G. The “Avoidant Individual” as a Social Personality Type
in the Russian Trauma Society 201

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Yudina T.N., Osadchaya G.I. Sociological Assessment of the Success of Reintegration
of Migrants Returning from Russia to Kyrgyzstan 215

GLOBAL EXPERIENCE

- Mosikari T. Modeling and Forecasting Public Debt in South Africa 228
- Niftiyev I.M. Rustamli E.F., Mammadli R.M. Modeling Renewable Electricity
Production in Azerbaijan 240

SCIENTIFIC REVIEWS

- Kogay E.A., Romashkina G.F. To the Memory of N.I. Lapin: Second Lapin Readings 261

MONITORING OF PUBLIC OPINION

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 269
- Manuscript Submission Guidelines 281
- Subscription Information 282

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 15–17 марта 2024 года в России состоятся выборы Президента РФ. Они будут проходить в совершенно особых для страны условиях, связанных с продолжающейся специальной военной операцией, нарастающими угрозами национальной безопасности со стороны стран НАТО, а также комплексными внутренними изменениями, которые активно проходят в России с момента начала спецоперации. На фоне сохраняющейся тревожной обстановки вокруг России 29 февраля 2024 года Президент РФ выступил с очередным ежегодным Посланием Федеральному Собранию РФ, в котором представил программу действий и конкретных мер государственной политики на ближайшие шесть лет (до 2030 года). Послание носило предвыборный характер и было адресовано не только органам государственного управления всех уровней публичной

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2024). The Russian Federation in the first quarter of the 21st century. The President has set tasks until 2030. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 9–40. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.1

власти, но и широким слоям российского общества. По сути, главой государства были очерчены контуры будущего России на ближайший политический цикл, и это имеет важное значение в условиях неопределенности и высокого уровня рисков, с которыми сталкивается страна в настоящий исторический момент времени (после начала специальной военной операции). В статье представлен авторский подход к анализу сегодняшней ситуации в стране (частью которой являются и президентские выборы 2024 года), базирующийся на многолетнем авторском мониторинге эффективности государственного управления, системность которого определяется комплексным характером эмпирической базы (анализ статистических данных, общероссийских и региональных, в том числе авторских, социологических опросов населения, анализ экспертных оценок и ключевых решений, принимаемых Президентом и Федеральным Собранием РФ). Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе эффективности государственного управления за период четырех президентских сроков В.В. Путина (2000–2024 гг.), то есть на протяжении первой четверти XXI века. В этом контексте авторы анализируют общие цели, задачи, принципы государственного управления, сформулированные В.В. Путиным еще в начале своей президентской деятельности; ключевые инициативы и решения, принятые им для достижения поставленных задач; внутренние и внешние условия, в которых главе государства предстояло реализовывать цели национального развития; а также ключевые этапы, которые прошла страна за последние 23 года, и основные итоги, с которыми она «подошла» к началу нового политического цикла.

Ключевые слова: президентские выборы 2024 года, Послание Федеральному Собранию РФ, цели национального развития, цивилизационный кризис, суверенитет, национальная идентичность.

29 февраля 2024 года Президент РФ В.В. Путин озвучил ежегодное Послание Федеральному Собранию РФ, которое (как отметили эксперты) стало «одним из самых сильных посланий президента за последние годы»¹. «Владимир Путин четко расставил приоритеты России на мировой арене, наши цели и интересы, стратегию развития и будущее миропорядка»².

Обращаясь к Федеральному Собранию и к гражданам страны в целом, В.В. Путин подчеркнул, что «даже в самые сложные периоды Россия никогда не отказывалась от решения задач фундаментального характера, всегда думала о будущем, и мы сейчас должны поступать так же»³.

В 2024 году Послание Президента имеет особое значение для страны.

«Каждое Послание Федеральному Собранию – это прежде всего взгляд в будущее. И сегодня речь пойдет не только о наших ближайших планах, но и о стратегических задачах, о тех вопросах, решение которых считаю принципиально важным для уверенного, долгосрочного развития страны»⁴.

Во-первых, оно носит предвыборный характер: 15–17 марта 2024 года в России пройдут выборы главы государства, и оценки практически всех экспертов, как и социологические опросы населения, говорят о том, что на этих выборах у В.В. Путина нет конкурентов.

¹ Время героев. Эксперты о главных тезисах послания Владимира Путина: мнение политолога Ю. Баранчика // ЯндексДзен. 29.02.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZcCW4uD3O2gHCJ-s>

² Россия выступает драйвером формирования будущего справедливого миропорядка: мнение руководителя проектов Экспертного института социальных исследований В. Шаповалова // Взгляд. 29.02.2024. URL: <https://vz.ru/news/2024/2/29/1255873.html>

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁴ Там же.

По данным ВЦИОМ, 76% россиян планируют принять участие в выборах Президента РФ, при этом 75% собираются голосовать за В. Путина⁵.

«Президентские выборы – это, безусловно, главное политическое событие в жизни страны. А выборы 24-го года будут иметь, как это ни пафосно звучит, **значение еще и в глобальном смысле**. За ними будут следить во всем мире – и друзья, и так называемые партнеры...

Предстоящие выборы будут уникальными, ведь никогда в новейшей истории мы не находились на таком сложном и, пожалуй, судьбоносном отрезке жизни страны... Можно сказать, что предстоящая кампания станет одним из определяющих моментов в процессе формирования **обновленного ценностного каркаса российского общества**. Страна будет выбирать и президента, и **долгосрочный смысловой и идеологический тренд будущей жизни...** Конкуренты [у В. Путина], конечно, будут, но их роль в значительной степени **уже predetermined ситуации**»⁶.

Во многом поэтому (или, отчасти, как «сигнал» о важности соблюдения Закона о стратегическом планировании⁷) «программа действий и конкретных мер», прозвучавшая в Послании Президента РФ, рассматривались «в горизонте ближайших шести лет»⁸ (2024–2030 гг.; *вкладка 1*).

Во-вторых, главная особенность этого предвыборного Послания Президента заключается в том, что выборы главы государства в 2024 году будут проходить **в совершенно особых для страны условиях**, связанных с продолжающейся СВО (которая идет уже 2 года) и беспрецедентными угрозами национальной безопасности со стороны государств – членов НАТО. Это обстоятельство придает особый контекст итогам голосования: страна действительно, как отмечают эксперты, «будет выбирать и президента, и **долгосрочный смысловой и идеологический тренд будущей жизни**»⁹.

Острая фаза конфликта с НАТО, в который оказалась втянута Россия в результате (и это нельзя не признать) вполне успешной стратегии США по разжиганию фактически гражданской войны между братскими славянскими народами, происходит не только непосредственно на поле боя, но и во всех сферах жизни: в политике, экономике и главное – в культуре, в области морально-нравственных ценностей. В этом

⁵ Выборы президента России-2024: первый рейтинг // Аналитический обзор ВЦИОМ. 10.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2024-reitingi-kandidatov>

⁶ РИА-новости. 10.12.2023 (мнение главы Фонда развития гражданского общества К. Костина). URL: <https://ria.ru/20231210/vybory-1914947523.html>

⁷ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предполагает разработку и корректировку ключевых документов стратегического планирования **каждые 6 лет**. Среди таких документов:

- ✓ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации (статья 16),
- ✓ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (статья 18),
- ✓ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период (статья 24),
- ✓ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации (статья 27),
- ✓ План деятельности федерального органа исполнительной власти (статья 31),
- ✓ Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (статья 33).

⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁹ РИА-новости. 10.12.2023 (мнение главы Фонда развития гражданского общества К. Костина). URL: <https://ria.ru/20231210/vybory-1914947523.html>

Некоторые ключевые цели и задачи, планируемые к достижению на ближайшие 6 лет (к 2030 г.)¹⁰

- ✓ Уровень бедности в России должен стать ниже 7%; среди многодетных семей – снижение более чем в 2 раза, хотя бы до 12%;
- ✓ продление программы материнского капитала и «Семейной ипотеки»;
- ✓ ожидаемая продолжительность жизни в России должна составить не менее 78 лет;
- ✓ до 2030 года полностью закрыть проблему капитального ремонта школ; открыть 12 образовательных школ лидерского уровня, 25 университетских кампусов; провести капитальный ремонт порядка 800 общежитий вузов и университетов;
- ✓ МРОТ в России должен увеличиться почти вдвое – до 35 тысяч рублей;
- ✓ более чем вдвое увеличить совокупные вложения государства и бизнеса в исследования и разработки, довести их долю до 2% ВВП;
- ✓ увеличить инвестиции в науку со стороны частного бизнеса не менее чем вдвое;
- ✓ объём производства российского АПК должен вырасти не менее чем на четверть по сравнению с 2021 г., экспорт – увеличиться в 1,5 раза;
- ✓ к 2030 году нужно сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы;
- ✓ зафиксировать основные налоговые параметры до 2030 года и обеспечить тем самым стабильные и предсказуемые условия для реализации любых, в том числе долгосрочных, инвестиционных проектов;
- ✓ к 2030 году привести в порядок не менее тысячи объектов культурного наследия, благоустроить более 30 тыс. общественных пространств;
- ✓ до 2030 года направить 4,5 триллиона рублей на модернизацию коммунальной инфраструктуры;
- ✓ к 2030 году турпоток должен удвоиться, до 140 млн человек в год; при этом вклад туризма в ВВП России также вырастет вдвое – до 5%;
- ✓ к 2030 году интенсивность авиаобращения в России должна вырасти в полтора раза к уровню прошлого года;
- ✓ готовить проект бюджета на очередную трёхлетку и вернуть все основные расходы, инвестиции дальше – на период до 2030 года;
- ✓ в ближайшие шесть лет на строительство, ремонт и оснащение объектов здравоохранения дополнительно направить более триллиона рублей;
- ✓ продление до 2030 года Программы «Приоритет-2030», направленной на поддержку потенциала и качества всей высшей школы, поддержку вузов;
- ✓ доля отечественных высокотехнологичных товаров и услуг на внутреннем рынке за предстоящие 6 лет должна увеличиться в полтора раза, а объём несъёмного, неэнергетического экспорта – не менее чем на две трети;
- ✓ в предстоящие 6 лет уровень валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности России должен увеличиться не менее чем на 40% по сравнению с 2022 годом;
- ✓ средний доход на работника, занятого в сфере малого и среднего бизнеса, в предстоящие 6 лет должен расти быстрее темпов увеличения ВВП;
- ✓ направить на реализацию проекта «Экономика данных» в предстоящие 6 лет не менее 700 миллиардов рублей;
- ✓ дополнительно направить более 100 миллиардов рублей на просветительские, образовательные, исторические и другие востребованные творческие проекты в кино, в интернете, в социальных сетях;
- ✓ за последние 16 лет в новые квартиры переехали один миллион 730 тысяч человек; в предстоящие 6 лет важно не снижать такую динамику; Правительство подготовить и запустить новую программу расселения аварийного жилья;
- ✓ должно быть ликвидировано не менее 50 точек высоких экологических рисков (наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда).

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

смысле нельзя не согласиться с экспертами, утверждающими, что этот конфликт носит **цивилизационный характер**. «Сейчас России брошен не только традиционный военно-политический вызов, но и создаётся угроза **на уровне идентичности и истории, что предопределяет экзистенциальный характер нынешнего конфликта**»¹¹.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные высказывания западных политиков, публично озвучиваемые ими фактически с самого начала СВО и раскрывающие истинные цели «коллективного Запада» — не защитить демократию на Украине, а «отменить Россию», «нанести ей стратегическое поражение».

В рубрике «От главного редактора» мы регулярно обращаемся к мнению экспертов, придерживающихся именно цивилизационного

подхода, рассматривающих историю развития России в контексте **многовекового** противостояния русской и англосаксонской цивилизаций (таких как А. Дугин, А. Фурсов и др.).

«Элиты Запада не скрывают своей цели: нанести, – как они говорят, это прямая речь, – „стратегическое поражение России“... **Это значит покончить с нами раз и навсегда**»¹³.

«Вся геополитика построена на рассмотрении извечного противостояния цивилизации Моря (талассократии) и цивилизации Суши (теллурукратии). Яркими выражениями этих начал в древности были противостояния сухопутной Спарты и портовых Афин, сухопутного Рима и морского Карфагена... По мере того как политика становилась глобальной и захватывала всю территорию земного шара, эти две цивилизации окончательно приобрели пространственное воплощение. Ядром цивилизации Суши стала Россия – Евразия, а полюс цивилизации Моря закрепился в зоне англосаксонского влияния: от Британской Империи – к США и блоку НАТО. Именно так геополитика видит историю последних столетий...»¹⁴

«Перед нами стоит задача выжить и сохраниться как особому социокультурному типу, как особому варианту цивилизации... **выживание и сохранение населения, сохранение нас как социокультурного типа, особого исторического, которому тысяча лет, как минимум. Вот это и есть, если угодно, национальная идея. Но я бы сказал, это цивилизационная идея**»¹⁵.

«Чтобы эффективно противостоять Западу в войне цивилизаций, которую Россия уже ведет, надо учитывать иерархию планов. Высший уровень – идентичность:

- какова идентичность врага (с кем по большому счету мы воюем?);
- какова наша собственная идентичность;
- какова идентичность остальных цивилизационных акторов?

Надо начинать с такой цивилизационной карты... **только цивилизационный подход позволяет говорить о суверенном общественном сознании**, а значит, и о суверенной науке и о суверенном образовании... Это последний звонок для российской гуманитарной науки: либо стремительно переходим на позиции цивилизационного подхода (Россия = суверенная цивилизация), либо пишем заявление об уходе»¹².

¹¹ Яковенко А.В. Мир в горизонте 2040 года // Горизонт 2040. 14.11.2023. С. 475 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

¹² Дугин А.Г. Цивилизационный подход // Завтра. 13.02.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/civilizatcionnij_podhod

¹³ Послание Президента Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

¹⁴ Дугин А.Г. Украина как поле Армагеддона // Изборский клуб. 01.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24378>

¹⁵ Что ждет Россию. Мнение Андрея Фурсова // Проза.ру. 26.07.2022. URL: <https://proza.ru/2022/07/26/404>

Однако специфика нашего авторского подхода заключается в анализе трансформации российского государства и общества в более ограниченный исторический промежуток времени: в постсоветский период, а точнее в период президентских сроков В.В. Путина (с 2000 года по настоящее время), во многом потому, что он проходит «здесь и сейчас», что называется «на наших глазах», и мы являемся не просто исследователями прошлого, а фактически непосредственными участниками настоящих событий.

Рассматривая этот период истории России (произошедшие события в стране и в мире; ключевые решения, принимаемые Президентом; процессы, происходящие в системе государственного управления; динамику общественных настроений и т. д.), мы приходим к выводу о том, что выборы главы государства в 2024 году имеют важное значение не только в контексте событий, происходящих после 24 февраля 2022 года, но и

как важный этап **всего исторического развития Российской Федерации за последние 24 года и как основа для её дальнейшего движения на ближайшие десятилетия.**

Стоит отметить, что в случае победы В.В. Путина на предстоящих выборах это будет один из самых продолжительных периодов в истории России, когда во главе государства находился один человек¹⁶. Прерывание такого периода чревато очередной «травмой» общества, что убедительно показал опыт распада (а точнее развала) СССР – целенаправленного акта, организованного США в рамках «холодной войны» при непосредственном участии внутрироссийских элит, фактически осуществивших национальное предательство в 1986–1990-х гг.¹⁷

О том, насколько глубоко последствия «травмы» общества, ставящие под удар само существование государства, наглядно свидетельствуют объективные данные официальной статистики (*табл. 1, 2*).

¹⁶ Лишь 6 человек в истории России руководили страной 30 лет и более:

- ✓ Иван IV Васильевич Грозный (16 января 1547 – 18 марта 1584; 37 лет);
- ✓ Михаил Фёдорович Романов (21 февраля 1613 – 13 июля 1645; 32 года);
- ✓ Алексей Михайлович (13 июля 1645 – 29 января 1676; 31 год);
- ✓ Пётр I Великий (27 апреля 1682 – 22 октября 1721; до 1696 г. правил совместно с Иваном V; 39 лет);
- ✓ Екатерина II Великая (28 июня 1762 – 6 ноября 1796; 34 года);
- ✓ Иосиф Виссарионович Сталин (3 апреля 1922 – 5 марта 1953; 31 год).

¹⁷ Исчерпывающая, на наш взгляд, информация об этом представлена в рубрике «Личины оборотней» газеты «Правда», где публикуются материалы интервью с членом-корреспондентом РАН Ж.Т. Тощенко. Цель этих статей (как отмечают авторы рубрики) – «рассмотреть персонально историческую вину особенно одиозных предателей [Ельцина, Калугина, Яковлева, Собчака, Немцова и др.], **не имеющую срока давности...**». Некоторые выпуски рубрики:

1. Политическое ничтожество // Правда. 2021. № 69. 2–5 июля.
2. Личины оборотней // Правда. 2021. № 93. 27–30 августа.
3. «Шоковый терапевт» Гайдар действовал безоглядно и беспощадно // Правда. 2022. № 20. 25–28 февраля.
4. Многие ли помнят, кто такой Бурбулис? // Правда. 2022. № 28. 18–21 марта.
5. Этот Козырев играл чужими козырями // Правда. 2022. № 40. 15–18 апреля.
6. Дьяволиада Березовского // Правда. 2022. № 64. 17–20 июня.
7. Бездна предательства – Александр Яковлев // Правда. 2022. № 91. 19–22 августа.
8. Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. 2022. № 106. 23–26 сентября.
9. Стал убийцей своей страны // Правда. 2022. № 108. 1–4 октября.
10. Собчак – самовлюбленный краснобай и позер // Правда. 2022. № 114. 15–18 октября.
11. Немцовы перещеголяли самого Хлестакова // Правда. 2022. № 132. 25–28 ноября.

Таблица 1. Динамика распространения некоторых социальных патологий в России в 1990–1999 гг., на 100 тыс. чел. нас.

Показатель	1990 г.	1999 г.	Изменение, 1999 к 1990, %
Уровень смертности от самоубийств	26,4	39,3	149
Уровень смертности от убийств	14,3	26,2	183
Уровень смертности от случайных отравлений алкоголем	10,8	20,5	190
Заболеваемость наркоманией и токсикоманией	4,3	43,0	1000
Число лиц, совершивших преступление, тыс. чел.	897,3	1716,7	191
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.			

Таблица 2. Динамика показателей уровня жизни населения (1994–1999 гг.)

Показатель	1994 г.	1999 г.	Изменение, %
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	33,3	43,8	132
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от численности населения	22,4	29,9	133
Уровень безработицы, % от экономически активного населения трудоспособного возраста	8,2	13,0	159
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.			

При этом важно подчеркнуть, что главной причиной «травмы», полученной российским обществом в конце 1980-х – начале 1990-х гг., стал именно распад СССР, который (как отмечает Ж.Т. Тощенко) «разорвал поступательное развитие государства и общества»¹⁸.

«Кардинальный характер изменений, происшедших в советском/российском обществе в годы перестройки, а затем в 1991–2000-е годы, привел к возникновению и закреплению **новых травмирующих черт (характеристик) общественного сознания... Прежде всего произошли дезориентация и дезорганизация общественного сознания... Особую значимость... приобрела его травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития**»¹⁹.

«Поступательное развитие государства и общества» – характеристика, которую можно применить и к современной России. Единый

стиль управления, реализуемый В.В. Путиным на протяжении периода с 2000 года по настоящее время, позволяет рассматривать последние 24 года **как отдельный исторический этап развития страны**. У этого уже почти четвертьвекового этапа есть свои цели и задачи; его объединяют основные принципы управления государством. У него есть своя периодизация, логика развития и, как следствие, свои итоги (пока промежуточные).

Цели и задачи национального развития были обозначены Президентом еще в 1999 году в его первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий»: «Шансы на достойное будущее, – как отметил В.В. Путин, – это: **Российская идея, Сильное государство и Эффективная экономика**»²⁰.

Эти, казалось бы, общие ориентиры, сформулированные В.В. Путиным, на самом деле стали основой его практической деятельности, вполне конкретных законотворческих решений, принимаемых главой государства и Федеральным Собранием РФ на протяжении всего периода с 2000 года по сегодняшний день (вкладка 2).

¹⁸ Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 19, 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

Вкладка 2

Ключевые решения, принятые Президентом РФ на протяжении периода с 2000 года по настоящее время, для реализации трех целей национального развития, обозначенных в статье «Россия на рубеже тысячелетий»

<u>ЦЕЛЬ – «РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ» (НАПРАВЛЕНИЕ / ЗАДАЧИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОВЕРИЯ ОБЩЕСТВА К ВЛАСТИ, УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)</u>
4 апреля 2005 г. – ФЗ № 32 «Об общественной палате Российской Федерации». Учреждены Общественная палата РФ и общественные советы.
5 сентября 2005 г. – объявлено о начале реализации в РФ приоритетных национальных проектов, цель которых заключалась в концентрации бюджетных и административных ресурсов по главным направлениям социально-экономического развития (21 октября 2005 года для разработки мер, направленных на реализацию нацпроектов, при главе государства был образован Совет по реализации приоритетных национальных проектов).
1 января 2006 г. – в России началась реализация четырех нацпроектов: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса (АПК)».
28 июня 2007 г. – Указ Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». В перечень критериев оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти впервые была включена оценка степени удовлетворенности со стороны населения.
6 мая 2011 г. – Президент РФ выступил с предложением об образовании Общероссийского народного фронта (ОНФ).
21 марта 2014 г. – Федеральный закон № 36 «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».
31 декабря 2015 г. – Указ Президента Российской Федерации № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Впервые указано, что главной задачей ставится предотвращение угроз со стороны НАТО (США).
25 июня – 1 июля 2020 г. – общероссийское голосование по поправкам к Конституции. За изменение Конституции проголосовали 77,9% избирателей (57,7 млн чел.).
2 июля 2021 г. – новая Стратегия национальной безопасности (в которой, как отметили эксперты, впервые была «выпукло отмечена система национальных ценностей или нравственных, нравственно-духовных ценностей... отдельным приоритетом обозначено „идеологическое лидерство, которое необходимо в мире“» ²¹).
30 июля 2021 г. – Создание Межведомственной комиссии по историческому просвещению.
17 декабря 2021 г. – на сайте МИД РФ опубликованы российские проекты документы по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО, в которых, в частности, указано (статья 4): «Российская Федерация и все Участники, являющиеся по состоянию на 27 мая 1997 года государствами-членами Организации Североатлантического договора, соответственно, не размещают свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года». Эти и другие требования гарантий безопасности со стороны России были проигнорированы США и странами НАТО, о чем они заявили через прессу 26 января 2022 г.

²¹ Мнение директора Центра военно-политических исследований МГИМО А. Подберезкина (источник: Эксперты оценили перемены в подписанной Путиным стратегии нацбезопасности // РБК. 03.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edac3d>).

Продолжение вкладки 2

24 февраля 2022 г. – в своем обращении к россиянам Президент РФ объявил о начале специальной военной операции на территории Украины.
14 июля 2022 г. – Федеральный закон № 261 «О российском движении детей и молодежи».
31 июля 2022 г. – утверждены Морская доктрина РФ и Корабельный устав Военно-морского флота.
4 октября 2022 г. – федеральные конституционные законы № 5–8 о вхождении в состав Российской Федерации четырех новых субъектов (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей).
9 ноября 2022 г. – Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
25 января 2023 г. – Указ № 808 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г.».
28 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“».
31 марта 2023 г. – Указ Президента Российской Федерации № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».
24 июня 2023 г. – Федеральный закон № 264 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“».
ЦЕЛЬ – «СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» (НАПРАВЛЕНИЕ / ЗАДАЧИ: УКРЕПЛЕНИЕ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ; УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВА)
13 мая 2000 г. – Указ Президента РФ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Были образованы Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Южный, Дальневосточный, Уральский федеральные округа. В 2010 году к ним добавился Северо-Кавказский федеральный округ.
1 декабря 2000 г. – подписан указ о создании Комитета РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами (КВТС) – федерального органа исполнительной власти по регулированию и контролю экспорта вооружений (в 2004 г. КВТС был реорганизован в Федеральную службу по военно-техническому сотрудничеству при Министерстве обороны РФ; Госкомоборонзаказ – в Федеральную службу по оборонному заказу при Министерстве обороны РФ).
23 марта 2003 г. – принята Конституция Чечни, прошел референдум по законопроектам о выборах Президента и Парламента Республики. В итоге «все субъекты федерации были возвращены в единое правовое поле и заработали как единый организм» ²² .
6 октября 2003 г. – Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Установлена единая для всех субъектов РФ территориальная организация местного самоуправления.
20 марта 2006 г. – образована Военно-промышленная комиссия при правительстве России.
1 марта 2007 г. – единственным государственным посредником в военно-техническом сотрудничестве стал «Рособоронэкспорт».

²² Опора на большинство россиян. 28.03.2023 (оценка Е. Булычева – арбитра арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, члена ученого совета и руководителя отдела исследований проблем административного права Евразийского научно-исследовательского института проблем права). URL: <https://ufa.bezformata.com/listnews/opora-na-bolshestvo-rossiyan/115663442/>

Продолжение вкладки 2

<p>8 июня 2012 г. – ФЗ № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон „О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”». Увеличены максимальные штрафы за нарушения на массовых акциях.</p>
<p>21 июля 2012 г. – «Закон об НКО – иностранных агентах».</p>
<p>30 июля 2012 г. – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» («закон о клевете»).</p>
<p>Август 2012 г. – с этого года эксперты отмечают появление в системе государственного управления «Полибюро 2.0.», который характеризуют как «конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы... внутри путинского «большого правительства»²³.</p>
<p>С 2014 по 2017 г. – ряд «громких» уголовных дел против чиновников разного уровня: 14 ноября 2016 г. впервые в истории России был задержан действующий министр экономического развития А. Улюкаев. Также были арестованы губернаторы В. Юрченко (Новосибирская обл., 2014 г.), А. Хорошаев (Сахалин, 2015 г.), Н. Денин (Брянская обл., 2015 г.), В. Гайзер (Коми, 2015 г.), Н. Бельх (Кировская обл., 2016 г.), А. Соловьев (Удмуртия, 2017 г.) и др.</p>
<p>21 января 2020 г. – начало работы нового кабинета министров под руководством М.В. Мишустина. Только 3 человека из 11 заместителей и первых заместителей Правительства сохранили свое место.</p>
<p>4 июня 2021 г. – ФЗ №157 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статью 4 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации”». ФЗ официально запрещает экстремистским организациям участвовать в выборах, что фактически «свело к нулю» деятельность штабов Навального*.</p>
<p>4 марта 2022 г. – ФЗ № 31 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и ФЗ № 32 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил России, и уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых сил России.</p>
<p>14 июля 2022 г. – ФЗ № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».</p>
<p>21 сентября 2022 г. – Указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».</p>
<p>24 сентября 2022 г. – ФЗ № 365 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В УК РФ вводятся понятия «мобилизация», «военное положение» и «военное время» (в соответствующие периоды ужесточаются наказания); введены новые статьи «Добровольная сдача в плен» (ст. 352.1; от 3 до 10 лет лишения свободы) и «Мародерство» (ст. 356.1; до 15 лет).</p>
<p>27 ноября 2023 г. – ФЗ № 555 «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном оборонном заказе”». Создается федеральная система каталогизации продукции для федеральных нужд.</p>

²³ Большое правительство Владимира Путина и «Полибюро 2.0»: доклад «Минченко консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

* Деятельность штабов Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Окончание вкладки 2

ЦЕЛЬ – «ЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА» (НАПРАВЛЕНИЕ / ЗАДАЧИ: УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА, ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН)
1 января 2001 г. – введена плоская шкала подоходного налога со ставкой в 13% (что спустя 20 лет глава Правительства РФ назвал «революционным и простым для того времени решением» ²⁴).
2001 г. – В.В. Путин предложил создать резерв средств из нефтегазовых доходов.
1 января 2002 г. – внесены поправки в Налоговый кодекс РФ (введен налог на добычу полезных ископаемых), что вынудило олигархический клан пойти на раздел своих доходов с государством, в результате чего к 2002 г. доходы бюджета выросли до 2204,7 млрд руб., то есть в 3,6 раза по сравнению с 1999 г.
2004 г. – образован Стабилизационный фонд, который обеспечивал дополнительную устойчивость государственным финансам.
7 мая 2012 г. – 11 «майских указов» Президента РФ, содержащих более 2018 поручений Правительству РФ.
15 июня 2012 г. – Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности».
18 июня 2012 г. – Указ Президента РФ №859 «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России».
7 мая 2018 г. – Указ Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
21 июля 2020 г. – Указ о национальных целях развития России до 2030 года.
3 мая 2022 г. – Указ Президента РФ № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».
31 декабря 2022 г. – Указ Президента РФ № 996 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим и лицам, имеющим специальные звания полиции, проходящим военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей».
3 апреля 2023 г. – Указ Президента РФ № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества».
11 сентября 2023 г. – Указ Президента РФ № 669 «О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащих».
15 января 2024 г. – Указ № 36 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 „О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года” и в Стратегию, утвержденную этим Указом».
23 января 2024 г. – Указ № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей».

²⁴ Мишустин назвал революционным введение плоской шкалы НДФЛ // РБК. 15.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/602a28b79a79479e34c54db0>

Факты, представленные на *вкладке 2*, свидетельствуют о том, что все ключевые управленческие решения, принимаемые В.В. Путиным за последние 24 года, были подчинены реализации ориентиров, озвученных им в самом начале своей президентской деятельности.

И в этот же период им были публично озвучены **принципы государственного управления**, которыми он руководствовался на протяжении своих президентских сроков: **личная ответственность и государственные интересы**.

«В России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране... в своих действиях буду руководствоваться **исключительно государственными интересами**. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю, это то, что буду работать открыто и честно»²⁵.

Необходимо отметить, что впервые эти принципы проявили себя не в публичной риторике главы государства, а на практике, причем в решении одного из самых «больных» на тот момент вопроса — власть олигархов.

28 февраля 2000 года (фактически накануне президентских выборов, состоявшихся 26 марта) В.В. Путин объявил «сильным мира сего» о

принципе «равноудаления всех субъектов рынка от власти». Он подчеркнул, что ничего невозможно сделать в стране без создания «абсолютно равных условий» для всех субъектов рынка и участников игры на политической сцене; и что это — «по существу **создание нового облика страны**».

«Нам нужно, чтобы все участники игры и на политической сцене страны, и в экономике были поставлены **в абсолютно равные условия, чтобы никто не мог, подобравшись к власти слева или справа, получать какие-то преимущества...** Без решения этого вопроса вообще ничего сделать невозможно. В этой связи и выстраивание правовой структуры, и борьба с коррупцией приобретает первостепенное значение. Это не просто работа в правоохранительной сфере. Это по существу **создание нового облика страны**»²⁶.

Кроме того, на этой же встрече олигархам был дан четкий сигнал о том, что работу следует вести **вокруг национальной идеи, а не вокруг какой-то конкретной политической фигуры**, что стало ударом по самой сути так называемой «семибанкирщины»²⁷, наиболее одиозные представители которой были либо арестованы, либо вынуждены покинуть страну.

²⁵ Речь В. Путина на церемонии вступления в должность Президента РФ 7 мая 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21399/videos>

²⁶ Вступительное слово В. Путина на встрече с доверенными лицами 28.02.2000 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24146>

²⁷ Термин «семибанкирщина» — популярное в российских СМИ в 1996 и ряде последующих лет обозначение группы крупнейших представителей российского финансового бизнеса (олигархов), игравших значительную политическую и экономическую роль, владевших СМИ, и неформально объединившихся, несмотря на внутренние разногласия, с целью обеспечить переизбрание Б.Н. Ельцина на следующий срок на президентских выборах 1996 г.

1 ноября 1996 года в газете «Financial Times» было опубликовано интервью с Б. Березовским, в котором он назвал имена семи человек, контролирующих более 50% российской экономики и совместно влияющих на принятие важнейших внутривнутриполитических решений в России:

1. Владимир Потанин (ОНЭКСИМ Банк),
2. Владимир Гусинский (Мост-банк),
3. Михаил Ходорковский* (МЕНАТЕП),
4. Петр Авен (Альфа-банк),
5. Михаил Фридман (Альфа-банк),
6. Александр Смоленский (Столичный банк сбережений, с 1997 года — СБС-Агро),
7. Борис Березовский (Объединенный банк).

Ряд СМИ в состав «семибанкирщины» включали также Владимира Виноградова (Инкомбанк) и Виталия Малкина (Российский кредит) (источник: <https://ria.ru/20111108/483944714.html>).

* Включен в реестр иностранных агентов.

«Мне кажется, что мы не должны вести предвыборную работу вокруг конкретной политической фигуры, а **должны реально объединиться только вокруг политической линии, только вокруг каких-то идей**, которые должны быть привлекательными для подавляющего большинства населения страны»²⁸.

Впоследствии принцип «ручного управления» государством проявлялся на протяжении фактически всех президентских сроков В.В. Путина:

- ✓ в самом характере системы государственного управления, которую эксперты еще в 2012 году назвали «Политбюро 2.0»²⁹, где лично Президент играет роль «главного арбитра»;
- ✓ в принятии решения о вхождении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации (2014 г.);
- ✓ в инициированном именно главой государства изменении Конституции РФ, потребовавшем, в том числе, смены Правительства (2020 г.)³⁰;
- ✓ в период пандемии COVID-19;
- ✓ и, конечно, в принятии решения о начале СВО и последующем периоде, когда от В.В. Путина, как «человека, отвечающего в стране за всё», *требовалось выполнение роли не только руководителя системы государственного управления, но и верховного главнокомандующего,*

и национального лидера, вокруг которого консолидируется общество.

Таким образом, цели, задачи, практические направления деятельности и принципы, которыми руководствовался В.В. Путин на протяжении последних 24 лет, были сформулированы и публично озвучены им в самом начале своей президентской деятельности, и сегодня они образуют единство исторического процесса, в рамках которого развивалась страна за этот период.

Причем последовательность исторического развития России сохранялась, даже несмотря на то, что менялись внешние и внутренние условия, в которых В.В. Путину приходилось осуществлять свою деятельность; кардинально изменился сам мир.

«...в мире и в нашей стране произошли серьезные, если не сказать **огромные, колоссальные изменения**. По историческим меркам срок двадцать лет не такой и большой, не такой долгий. Но, когда он выпадает на эпоху **слома всего мирового устройства**, время как будто бы сжимается... **За эти двадцать лет произошло больше событий, чем в иные времена происходит за многие-многие десятилетия, и перемены эти качественные, требующие коренных изменений самих принципов международных отношений**»³¹.

²⁸ Вступительное слово В. Путина на встрече с доверенными лицами 28.02.2000 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24146>

²⁹ Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад «Минченко консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

³⁰ Голосование по поправкам к Конституции проходило в период с 25 июня по 1 июля 2020 г. (78% избирателей, или 58 млн чел., проголосовали за изменение Основного закона страны). Но впервые с этой инициативой выступил именно Президент РФ в ходе своего ежегодного Послания Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г.

³¹ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

Именно условия, в которых Президент реализовывал задачи национального развития, позволяют говорить о том, что **вся история России за последнюю почти четверть века — это история её борьбы за укрепление национального суверенитета, фактически за пересмотр итогов «холодной войны» и позиций, утраченных страной под руководством М. Горбачева и Б. Ельцина, против «коллективного Запада», пытающегося воспрепятствовать данному процессу.**

1. «Для такой страны, как Россия, существование, просто существование нашей страны без суверенитета невозможно, её просто не будет»³².

2. «...думаю, что это сегодня важно для всех: без суверенной, сильной России никакой прочный миропорядок невозможен»³³.

«Последствия прихода к власти Ельцина и его клики — это историческая катастрофа. Это гибель порядка 10 миллионов человек, которые просто не перенесли „реформ“ 1990-х. Это разгром большей части промышленности и сельского хозяйства. Это утрата всех внешнеполитических позиций. Это, фактически, режим внешнего управления, когда прямо в министерствах сидели американские советники и диктовали, что и как делать»³⁴.

В своих последних публичных выступлениях В.В. Путин неоднократно говорил о том, что в начале 2000-х гг. он пытался встроить Россию

«в семью так называемых цивилизованных стран», «высказывал предположения о вступлении России в НАТО» (вкладка 3).

Однако единственная Россия, которая была для Запада приемлема и с которой он мог бы сосуществовать — это была Россия образца 90-х гг., или (словами самих западных политиков) страна-«бензоколонка»³⁵. Причины этого (как отмечают эксперты) — «нежелание получить в лице РФ глобального конкурента, а также стремление любой ценой сохранить сформировавшиеся в период 1987–1994 годов формальные и неформальные односторонне выгодные для стран коллективного Запада правила игры»³⁶.

«Так называемый Запад с его колониальными повадками, привычкой разжигать по всему миру национальные конфликты стремится не просто сдержать наше развитие — вместо России им нужно зависимое, угасающее, вымирающее пространство, где можно творить всё что угодно»³⁷.

Такая Россия была неприемлема для Президента, и об этом он открыто сообщил, **обращаясь непосредственно к западному политическому истеблишменту**, 10 февраля 2007 года во время своего выступления на Мюнхенской конференции по безопасности: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. **Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня...**»³⁸

³² «Итоги года» с В. Путиным 14 декабря 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>

³³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

³⁴ Афонин Ю. Ельцин — предатель и олицетворение катастроф // Сайт Рязанского областного отделения КПРФ. 03.02.2021. URL: <https://kprfrzn.ru/analitika/jurij-afonin-elcin-predatel-i-olicetvorenje-katastrof>

³⁵ Сенатор США Дж. Маккейн. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-16/Makkejn-Rossiya---eto-benzokolonka>

³⁶ Белоусов Д.П. Социокультура-2040: вызов целостности общества — взгляд со стороны развития технологий // Горизонт 2040. С. 391 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

³⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

³⁸ Выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Выдержки из публичных выступлений Президента РФ В.В. Путина о попытках выстроить мирные отношения со странами НАТО

1. «...я уже говорил, это не секрет, и нашим западным партнёрам, как я их всё время называл, **мы же всё предложили, мы считали, что мы свои, буржуинские, мы хотим быть в этой семье так называемых цивилизованных народов.** И в НАТО я удочки забросил: давайте рассмотрим эту возможность, — нас щёлк отсюда, даже рассматривать не стали»³⁹.
2. «Я уже говорил об этом публично — и нашим союзникам, нашим партнёрам. Ведь был момент, когда ваш покорный слуга просто высказал предположение: **а может быть, нам и в НАТО такая страна не нужна.** Нет. Спрашивается, а что ещё-то? Мы-то считали, что мы уже вот, свои, извините, как у нас в народе говорят, буржуинские. Чего ещё? **Противостояния идеологического больше нет. В чём проблема? Видимо, проблема в геополитических интересах и надменном отношении к другим. Вот в чём проблема, в самоуверенности**»⁴⁰.
3. «...очень важное, я хочу, чтобы Вы как американский гражданин и чтобы Ваши зрители об этом тоже услышали: **прежнее российское руководство исходило из того, что Советский Союз прекратил своё существование, больше никаких разделительных линий идеологического характера не существует.** Россия добровольно и инициативно пошла даже на развал Советского Союза и исходит из того, что это будет понято так называемым — уже в кавычках — «цивилизованным Западом» как предложение к сотрудничеству и союзничеству. Вот чего ожидала Россия и от Соединённых Штатов, и от так называемого коллективного Запада в целом... после 1991 года, когда Россия ожидала, что её возьмут в братскую семью «цивилизованных народов», ничего подобного не произошло... Ну хорошо. Я стал Президентом в 2000 году. Думал: ладно, всё, югославская тема прошла, надо попробовать восстановить отношения, **всё-таки открыть вот эту дверь, в которую Россия пыталась пройти.** И больше того, я же публично говорил об этом, могу повторить, на встрече здесь, в Кремле, с уходящим от власти Биллом Клинтон — вот здесь рядышком, в соседнем помещении — я ему сказал, задал вопрос: **слушай, Билл, а как ты думаешь, если бы Россия поставила вопрос о вступлении в НАТО, как ты думаешь, это возможно?** Вдруг он сказал: ты знаешь, это интересно, я думаю, что да. А вечером, когда мы с ним встретились уже на ужине, он говорит: ты знаешь, я разговаривал со своими, со своей командой — нет, сейчас это невозможно. Можете спросить у него, я думаю, он наше интервью услышит — подтвердит. Я бы никогда не стал ничего подобного говорить, если бы этого не было. Ну ладно, сейчас невозможно... я задал вопрос: **возможно это или нет? И получил ответ: нет... Если бы он сказал «да», начался бы процесс сближения, и в конечном итоге это могло бы состояться, если бы мы увидели искреннее желание партнёров сделать это. Но этим не закончилось**»⁴¹.

³⁹ Встреча В. Путина с военными корреспондентами 13 июня 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391/> videos

⁴⁰ Выступление В. Путина на заседании международного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

⁴¹ Интервью В. Путина Т. Карлсону 9 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>

Последующие события (война в Грузии 2008 года, массовые акции протестов в 2011 – начале 2012 гг.⁴², которые широко «подогревались» западными СМИ⁴³ и произошли именно тогда, когда Дж. Байдену не удалось уговорить Президента РФ Д.А. Медведева баллотироваться на второй срок, чтобы не допустить наступления третьего президентского срока В.В. Путина⁴⁴, государственный переворот на Украине в 2014 г.) – **всё это были попытки «коллективного Запада» остановить процесс укрепления национального суверенитета России.**

И тот факт, что с самого начала своих президентских сроков В.В. Путин уделял повышенное внимание вопросам укрепления обороноспособности страны, укрепления вертикали власти и укрепления национальной идентичности российского общества, свидетельствует о том, что он понимал: **«коллективный Запад» не сможет так просто принять суверенитет России;** слишком глубока его ненависть (а может, даже и страх) к наследнице СССР, который в свое время был реально работающей альтернативой либеральной идеологии западного «общества потребления».

Здесь будет уместно вспомнить о том, как именно в исторических документах описывается внешняя политика США по отношению к советскому руководству.

Выдержка из Директивы совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г.: «Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие: а. Уменьшить мощь и влияние Москвы...; б. Внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России...»

15 декабря 2021 года (то есть спустя 21 год после того, как Президент РФ В.В. Путин общался с Б. Клинтон о возможности вступления России в НАТО) Министерством иностранных дел Российской Федерации были переданы американской стороне проекты договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и

⁴² Некоторые примеры:

- ✓ митинги 5 декабря на Чистых прудах и 10 декабря 2011 года на Болотной площади в Москве, по оценкам ГУВД Москвы, собрали до 25 тыс. человек;
- ✓ 24 декабря 2011 года митинг протеста на проспекте Сахарова собрал 29 тыс. чел.;
- ✓ 4 февраля 2012 года митинг «За честные выборы» на Болотной площади по разным оценкам собрал от 36 тысяч до 120 тысяч участников;
- ✓ 26 февраля 2012 года в Москве состоялись две акции протеста под названием «Большой белый круг» и «Проводы путинской политической зимы»; по разным данным в акции приняли участие от 11 до 34 тысяч человек;
- ✓ 5 марта 2012 года состоялся согласованный массовый митинг на Пушкинской площади, в котором участвовали от 14 до 30 тысяч человек;
- ✓ 10 марта 2012 года состоялся очередной митинг на Новом Арбате. На него пришли, по официальным данным, примерно 10 тысяч человек, по подсчетам организаторов – 25 тысяч;
- ✓ 6 мая 2012 года акция «Народный марш» или «Марш миллионов» в Москве собрала от 30 до 120 тыс. человек.

⁴³ Примеры:

- ✓ пресс-секретарь Белого дома Джей Карни назвал митинги положительным знаком поддержки демократии в России;
- ✓ «Reuters» писал, что многих уязвила рокировка в тандеме;
- ✓ «The Washington Post» считает, что перед выборами власть наделала слишком много ошибок и вокруг Путина стал рассеиваться ореол неуязвимости;
- ✓ «Los Angeles Times» отметила огромное количество злоупотреблений власти;
- ✓ «Le Figaro» было указано на популярный в России вопрос отсутствия альтернативы Владимиру Путину.

⁴⁴ «В преддверии очередных президентских выборов 2012 г. вице-президент США Джозеф Байден посетил с рабочим визитом Москву (9 марта 2011 г.). По мнению экспертов, это демонстрировало «поддержку Западом потенциального выдвижения Дмитрием Медведевым своей кандидатуры на второй срок» или, другими словами, было направлено против возвращения В. Путина на пост Президента РФ» (источник: Джо Байден попытается отговорить Владимира Путина баллотироваться на пост президента РФ в 2012 году? // The Moscow post. URL: <http://www.moscow-post.com/politics/000129922924180/>).

соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора. Причем, как отмечено на официальном сайте МИД РФ, «американской стороне **в развернутой форме были даны необходимые пояснения логики российского подхода, представлены соответствующие аргументы**»⁴⁵.

По сути, это была еще одна попытка договориться с США, как и та, которую Президент

«... мы делали всё возможное, действительно всё возможное для того, чтобы решить эту проблему мирными средствами, терпеливо вели переговоры о мирном выходе из этого тяжелейшего конфликта. Но за нашей спиной готовился совсем другой сценарий. Обещания западных правителей, их заверения о стремлении к миру на Донбассе обернулись, как мы теперь видим, подлогом, жестокой ложью... И сегодня признаются в этом — они же признаются в этом публично, открыто, не стесняясь...

В декабре 2021 года мы официально направили в США и НАТО проекты договоров о гарантиях безопасности. Но по всем ключевым, принципиальным для нас позициям получили, по сути дела, прямой отказ. **Тогда окончательно стало понятно, что отмашка на реализацию агрессивных планов дана и останавливаться уже они не собираются**»⁴⁶.

предпринимал в начале 2000-х гг. Можно сказать, **предложение мирного сосуществования суверенной России и «коллективного Запада» № 2**. Но это уже была попытка договориться на **качественно ином уровне**: она исходила не от «постельцинской» России, а от России окрепшей, с высоким уровнем консолидации общества вокруг Президента и патриотических ценностей, с измененной Конституцией, с нейтральной «пятой колонной», с находящимся на пути к возрождению военно-промышленном комплексе, с масштабными международными связями...

Поэтому и характер этой попытки был соответствующий — **с позиций национальных интересов суверенной России**, как её «окрестили» западные СМИ (американский журнал «National Interest») — это был «ультиматум Путина»⁴⁷. В частности, одно из ключевых условий этого «ультиматума» звучало следующим образом (статья 4): «Российская Федерация и все Участники, являвшиеся по состоянию на 27 мая 1997 года государствами-членами Организации Североатлантического договора, соответственно, не размещают свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы **в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года**»⁴⁸.

Однако, вместо того чтобы искать компромиссы⁴⁹, страны НАТО привели в действие свой план «Украина — анти-Россия», и наша страна оказалась вынужденной уже **не укреплять, а именно защищать свой национальный суверенитет, бороться за его сохранение**.

⁴⁵ Официальный сайт МИД РФ. Сообщение для СМИ. 17.12.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/

⁴⁶ Послание Президента Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

⁴⁷ Петров Г. НАТО обсудит «путинский ультиматум» коллективно // Независимая газета. 19.12.2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-12-19/1_8330_nato.html

⁴⁸ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора // МИД РФ. 17.12.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

⁴⁹ 26 января 2022 г. госсекретарь США Э. Блинкен заявил о том, что «США не откажутся от принципа „открытых дверей в НАТО» (источник: Блинкен: США не откажутся от принципа „открытых дверей в НАТО // Информационное агентство ТАСС. 26.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13535663>), а генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг отметил: «Мы не можем пойти на компромисс по принципам, на которых основана наша безопасность в течение десятков лет» (источник: НАТО и США отвергли предложения России по безопасности. Чем ответит Путин? // Бизнесonline. 27.01.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/537506>).

Поэтому неизбежность, вынужденный характер СВО (что всегда подчеркивал Президент) — это, пожалуй, главное, что необходимо знать о позиции России в данном конфликте. «Мы не начинали так называемую войну на Украине, — неоднократно отмечал В.В. Путин, — мы лишь пытаемся её закончить. Теми средствами, которые у нас остались»⁵⁰.

«Не мы начинали войну на Донбассе, но, как уже не раз говорил, мы сделаем всё, чтобы её закончить»⁵¹.

И, как мы видим, только полный и глубокий анализ всего периода президентских сроков В.В. Путина позволяет в полной мере понять суть этой неизбежности: начиная с первых шагов главы государства по «равноудалению» олигархов от власти, через «мюнхенскую речь» 2007 года и «крымскую весну» 2014 года и, с другой стороны, — вспоминая о всех многочисленных попытках «коллективного Запада» остановить процесс укрепления национального суверенитета России, вернуть её в то «полуколониальное» состояние, в котором она находилась

после поражения в «холодной войне» и развала СССР в 1991 году.

Таким образом, схематично вся хронология этапов, которые сегодня привели к фазе активного противостояния между Россией и НАТО, выглядит следующим образом:

1. 2000 год — отклонение предложения В.В. Путина о выстраивании партнерских отношений с Западом.

2. 10 февраля 2007 г. — «мюнхенская речь» В.В. Путина.

3. 2014 год — государственный переворот на Украине. Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации⁵² после референдума, проведенного в Крыму 16 марта 2014 г.⁵³ «Крымская весна».

3. 2021 год — требования России о предоставлении ей гарантий безопасности (фактически вторая попытка В.В. Путина выстроить мирные отношения с «коллективным Западом», которая также была проигнорирована).

4. С 24 февраля 2022 г. по настоящее время — специальная военная операция.

5. 5 октября 2022 г. — принятие в состав Российской Федерации четырех новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области⁵⁴.

⁵⁰ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

⁵¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁵² О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220>

⁵³ В ходе референдума 16 марта 2014 г. большинство проголосовавших избирателей крымского полуострова (96,77%) высказались за воссоединение с Россией. По данным главы крымской комиссии по проведению референдума М. Малышева, явка составила 83,1% (источник: <https://ria.ru/20150316/1052210041.html>).

⁵⁴ Краткая хронология вхождения четырех новых регионов в состав Российской Федерации:

23–27 сентября 2022 г. на территории ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей состоялись референдумы о вхождении в состав Российской Федерации. По их итогам за присоединение к России проголосовали 99,23% жителей Донецкой Народной Республики; 98,42% жителей Луганской Народной Республики; 93,11% жителей Запорожской области; 87,05% жителей Херсонской области.

29 сентября 2022 г. В.В. Путин подписал Указы о признании независимости Запорожской и Херсонской областей (Указы № 685, 686).

30 сентября 2022 г. состоялась церемония подписания договоров о принятии в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образовании новых субъектов Российской Федерации.

2 октября 2022 г. Конституционный суд одобрил пакет документов о принятии Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей в состав России.

3 октября 2022 г. депутаты Государственной Думы РФ единогласно ратифицировали соответствующие договоры о принятии в состав России четырех новых территорий.

4 октября 2022 г. — договоры о принятии ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей ратифицировал Совет Федерации.

5 октября 2022 г. — Президент подписал соответствующие федеральные конституционные законы.

Кроме того, процесс укрепления национального суверенитета России, реализуемый Президентом РФ на протяжении последних 24 лет, осложнялся не только ситуацией на международной арене (регулярными попытками коллективного Запада прервать его), но и внутренней ситуацией в стране — тем, что можно назвать «наследием 90-х», то есть значительным количеством людей во властвующих кругах, которых (соглашаясь со многими экспертами) если и можно назвать «элитами», то лишь условно (вкладка 4).

«Слово „элита“, — как подчеркнул Президент в ходе своего Послания Федеральному Собранию, — во многом себя дискредитировало. Теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то **кастой с особыми правами и привилегиями**»⁵⁵.

Так называемые «элиты» стоят за «пробуксовыванием»⁵⁶ реализации национальных проектов, включением России в Болонскую систему образования, за оптимизацией здравоохранения, деятельностью Центробанка, ориентирующегося (как уже давно отмечают некоторые эксперты) на указания «мировой финансовой закулисы»⁵⁷, и за многими другими процессами, которые, в принципе, тоже направлены на включение России в систему Западного мира, **но с одной оговоркой — на любых условиях, без сохранения национального суверенитета.**

Как отмечают эксперты, до начала СВО Президент мог лишь «потихонечку оттеснять либеральную тусовку, но оттеснить ее совсем он не мог, чтобы не поспориться с Западом»⁵⁸.

«Отчалил за рубеж бывший премьер-министр России М. Касьянов*, который проживает теперь в Латвии. Заместитель премьер-министра А. Дворкович уехал в США. Израиль в качестве места проживания выбрали бывшие заместители главы правительства И. Клебанов, А. Хлопонин и министры Я. Уринсон, М. Акимов. Бывший руководитель Госимущества А. Кох проживает в ФРГ. В. Христенко имеет квартиру в Испании. Бывшая зам. премьер-министра О. Голодец тоже разрывается на две страны, одна из них — та же Испания. За рубежом проживают также бывшие главы администрации президента РФ (В. Волошин, В. Юмашев вместе с дочерью Б. Ельцина Татьяной), бывшие министры и их заместители (А. Козырев, Е. Скрынник, А. Вавилов, И. Чуян, А. Реймер и др.), немало бывших губернаторов и их заместителей, сотни чиновников федерального правительства!»⁵⁹

После 24 февраля 2022 г., когда ситуация кардинально изменилась и резко возросли угрозы национальной безопасности, многие представители так называемых «элит», не видящие возможности связать свою личную жизнь с судьбой России, сами покинули её. Как отметил Президент 16 марта 2022 г., в России начался процесс **«естественного и необходимого самоочищения общества»**⁶⁰.

⁵⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁵⁶ Лишние деньги. Почему в России буксует реализация нацпроектов // Федералпресс. 14.01.2020. URL: <https://fedpress.ru/article/2407222>

⁵⁷ См., например:

«Это уголовщина, за такое в нормальной стране давно бы пересажали». Глазьев жестко про обвал рубля и предательство ЦБ // Яндекс.Дзен. 15.08.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZNs82nPxV0kOhfFB>;

Хазин М. Обвал рубля — бунт элиты? // Царьград. 16.08.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/specoperacija-cb-protiv-rublja-kurovalas-izvne-cepochku-prosledil-hazin_847657;

В Госдуме назвали Банк России «иноагентом»: выполняет западный план по обвалу курса рубля // Новый день. 03.08.2023. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/802765.html>;

Катасонов В. Центробанк ведёт подрывную работу внутри России // Рамблер. 23.08.2023. URL: <https://news.rambler.ru/science/49211433-tsntrobank-vedet-podryvnuyu-rabotu-vnutri-rossii-ekonomist/>

⁵⁸ Делягин М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов // Накануне.ru. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>

⁵⁹ Тощенко Ж.Т. Старые и новые лики предательства // Правда. 2023. № 86. 30 января.

* Включен в реестр иностранных агентов.

⁶⁰ Выступление В. Путина на совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996>

Мнение экспертов о качестве современных (постсоветских) «элит»

1. «К элите принадлежит не тот, кто имеет власть или капитал (причем чем больше, тем лучше), а тот, кто характеризуется необходимым набором **гражданских и нравственных качеств**, которые позволяют без скидок, натяжек и обмана именовать его представителем и обладателем всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития... ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи. Ее давно уже не стало, нет и в настоящее время»⁶¹.
2. «...если судить об истинных чертах и стремлениях современного правящего слоя в России, то следует прежде всего обратить внимание на три характеристики: две явные — **обладание властью и капиталом** и одна скрытая — **стремление возвышаться над народом...** Главная цель такой „элиты“ — **при любых обстоятельствах удерживать власть, сохранить и увеличить своё богатство**, чего бы это ни стоило»⁶².
3. «Де-факто установившаяся в начале 1990-х годов модель представляла собой колониальную систему, функционирующую в режиме внешнего управления. Под эти реалии писалась и Конституция 1993 года. **Компрадорство „элит“ состояло в осуществлении функций посредничества с метрополией...** в интервале 2014–2022 годов многие связи с бывшей метрополией оказались разорваны. Часть бывших компрадоров не смогла этот разрыв перенести и бежала из страны, другая осталась, тайно мечтая о **восстановлении прежних посреднических отношений**»⁶³.
4. «В современной России та часть элиты, которая исторически формировалась как **сословие преферентной торговли и „большого хашка“, остаётся такой и поныне и не замотивирована на пронациональные перемены**»⁶⁴.
5. «Что же мы видим сегодня? Наиболее открытые ненавистники России, особенно те, кого могли „подтянуть“ за разные „подвиги“ правоохранительные органы, уехали из страны — туда им и дорога. Ничтожное количество западной агентуры ... удалось, по стечению обстоятельств, взять под стражу. **Но ведь основная часть потенциальных коллаборантов мимикрировала и затаилась, ожидая своего часа, и всем это прекрасно известно...** Устранена ли навсегда опасность возврата к старому курсу, к попыткам отказаться от всех наших новых завоеваний и подчиниться западному центру принятия решений, как это было в конце 80-х — начале 90-х годов? Ничуть не бывало! **Для того чтобы полностью обезопасить страну и народ от новой „перестройки“, необходима тотальная чистка государственного аппарата от чиновников, имеющих либо имевших заграничные и недвижимые активы за границей и замеченных в неадекватности по отношению к идеологии спецоперации на Украине, и ещё по массе критериев...**»⁶⁵

⁶¹ Тощенко Ж.Т. (2008). Парадоксальный человек: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 543 с.

⁶² Еремин В.И. Постсоветское самодержавие: клан, номенклатура или элита? 22.11.2022. URL: <https://dzen.ru/a/Y3vqNqzH4Eh8K2E1>

⁶³ Багдасарян В. Орден и власть // Изборский клуб. 09.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23984>

⁶⁴ Лепехин В. Власть, элита и народ. От мобилизации к модернизации // ЦентрАзия. 20.02.2023. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1676868480>

⁶⁵ Сорокин Н. Критерии будущего // Завтра. 04.02.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/kriterii_budushego

Одновременно со стороны многих экспертов всё чаще стали звучать призывы к главе государства по поводу более решительных шагов в направлении национализации элит.

«Государство много сделало для маргинализации радикальных либералов. Этот процесс начался с 2000 и занял 24 года при смене нескольких администраций. Влияние либералов на идеологию России неуклонно падало, но оно остается по-прежнему весьма значительным – прежде всего в культуре, образовании и науке. Так неуверенно и затянато бороться с либерализмом могут только либералы или не получившие сверху ясных и четких указаний. При этом столь же неуклонно, но столь же замедленно – подчас застывая на одном и том же кадре на год и больше – шло возрастание патриотизма. Этого требовали и Крым наш, и тем более СВО. Но и тут власть действовала так же осторожно и неуверенно, как и с демонтажом либерализма»⁶⁶.

Однако пока не реализованы все цели СВО («демилитаризация и денацификация Украины»⁶⁷) и пока с «коллективным Западом» не достигнуты договоренности о мирном (пусть даже и «холодным») сосуществовании, решение задачи национализации элит вряд ли представляется возможным.

Во-первых, в России по-прежнему «буксует»⁶⁸ процесс образования новых элит. Новую российскую элиту, как отметил глава государства, необходимо формировать из

участников спецоперации. «Они и должны выходить на ведущие позиции и в системе образования и воспитания молодежи, и в общественных объединениях, в госкомпаниях, бизнесе, в государственном и муниципальном управлении, возглавлять регионы, предприятия в конечном итоге, самые крупные отечественные проекты»⁶⁹ (с этой целью в Послании Федеральному Собранию РФ Президент анонсировал новый механизм формирования управленческих кадров – специальную кадровую программу «Время героев»).

«...я сегодня встречался со студентами, которые прервали обучение, многие из них пошли в зону боевых действий – именно из этих людей мы должны в будущем формировать элиту страны»⁷⁰.

«С 1 марта 2024 года ветераны специальной военной операции, а также солдаты и офицеры, которые сейчас сражаются в действующих частях, смогут подать заявление для участия в первом учебном потоке специальной кадровой программы. Назовем ее „Время героев“. Эта программа будет строиться по тем же стандартам, что и наши лучшие проекты: Высшая школа государственного управления, которую называют „школой губернаторов“, а также конкурс „Лидеры России“. Их выпускники выходят на высокие позиции во многих сферах, даже становятся министрами, главами регионов»⁷¹.

⁶⁶ Дугин А. Дрон-идеология для волонтеров // Завтра. 20.02.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/dron-ideologiya_dlya_volonterov

⁶⁷ Обращение Президента РФ к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843>

⁶⁸ Халдей А. Что такое национализация элиты // Regnum. 07.04.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2606896.html>

⁶⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁷⁰ Выступление В. Путина на совещании по вопросам социально-экономического развития агломерации Санкт-Петербурга 26 января 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73329>

⁷¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

Во-вторых (как отмечают эксперты), «кадровая революция сверху» приведет к «неизбежному ослаблению государства и возникновению такого количества уязвимостей, которое при нынешнем цивилизационном противостоянии с Западом даст последнему массу возможностей воспользоваться ситуацией»⁷².

Таким образом, сегодня, по прошествии уже двух лет проведения СВО, а также накануне выборов Президента РФ, ситуация внутри и вокруг России по-прежнему остается крайне напряженной:

✓ нашу страну пытаются втянуть в полномасштабную войну с НАТО, уже без всяких оговорок (по крайней мере, многие западные политики активно «готовят» к такому сценарию население своих стран⁷³);

✓ в связи с этим всё тревожнее звучат прогнозы многих экспертов о перспективах применения ядерного оружия;

«На самом деле всё идёт к использованию ядерного оружия и, возможно, к уничтожению человечества... Либерализм и его повестка завели человечество в тупик. Теперь выбор стоит так: или либералы, или человечество»⁷⁴.

✓ **во внутренней ситуации по-прежнему только Президент и несколько человек в его окружении (как отмечают эксперты) остаются единственными «заказчиками» движения России к обретению полного национального суверенитета.** Многие представители элитарных кругов продолжают жить «по старинке» в надежде на то, что всё вернётся на круги своя.

«На стратегию суверенитета главный заказчик – это Путин и несколько человек в его окружении... появление Путина и его группы не закономерно, а случайно, спонтанно. Будь Путин немного более понятным группе Ельцина, они никогда бы его не выбрали. Случись вместо Путина другой человек, мы бы имели другую Россию. Вторую Украину. По сути, такая ельцинская Россия во многом и сейчас жива и спрятана за спиной Путина. И всем страшно: уйди Путин – и они вылезут. Все это понимают, и потому на Западе именно отстранение Путина – главная цель.

Они знают: убери Путина – и элита дрогнет. И народ в России это знает. Элита лжива и продажна. Она глухо молчит и притворяется. **Её ещё никто не чистил, и даже в ближайшем окружении Путина нет тех, кому народ бы мог поверить и доверить продолжение борьбы за суверенитет. Зато полно тех, кто или не справится, или вернёт ельцинщину»⁷⁵.**

✓ По данным ВЦИОМ, большинство россиян поддерживают решение В.В. Путина о начале специальной военной операции (на протяжении всего периода проведения СВО доля разделяющих это мнение оставалась стабильной – 65–68%⁷⁶), однако некоторые аналитики все-таки обращают внимание на то, что 28% граждан не согласны жить по принципу «Всё для фронта, всё для Победы!». Это «значимый показатель. Это почти треть опрошенных, их сложно объявить трусами, предателями, слабачками, иноагентами, прогнать из страны»⁷⁷.

⁷² Коровин В. Где вы, комиссары Путина? // Изборский клуб. 16.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23998>

⁷³ Некоторые примеры:

1. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг (26.01.2024, Брюссель): «Если Путин выиграет на Украине, есть реальный риск, что он повторно применит силу».

2. Главнокомандующий вооруженными силами Норвегии Э. Кристоферсен (21.01.2024, интервью газете «Dagbladet»): «Когда эта война закончится, никто не знает, каким будет следующий шаг Путина».

3. Министр обороны Германии Б. Писториус (19.01.2024, интервью газете «Der Tagesspiegel»): «Мы слышим угрозы из Кремля почти каждый день... поэтому мы должны принять во внимание, что Владимир Путин может однажды напасть на страну НАТО».

⁷⁴ Дугин А. Поворот истории // Изборский клуб. 23.02.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25366>

⁷⁵ Халдей А. Трансфер и стратегия суверенитета: заказчики и исполнители // Завтра. 29.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/transfer_i_strategiya_suvereniteta_zakazchiki_i_ispolniteli

⁷⁶ Специальная военная операция: два года спустя. Аналитический обзор ВЦИОМ. 24.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja>

⁷⁷ О готовности россиян подчинить свою жизнь задачам СВО // Независимая газета. 27.02.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-02-27/2_8957_red.html

✓ Кроме того, российские политологи прогнозируют вмешательство США и в сами выборы главы государства, причем при помощи технологий, которые начали разрабатываться еще за год до начала спецоперации⁷⁸.

В этих тревожных условиях крайне важно, что главой государства и Федеральным Собранием РФ с самого начала специальной военной операции активно принимаются управленческие решения, которые направлены на самые приоритетные задачи, обеспечивающие национальную безопасность страны: на поддержку участников СВО и членов их семей, укрепление материального положения населения и экономики страны, повышение обороноспособности

и информационной безопасности государства и т. д. (вкладка 5).

И не менее важен тот факт, что не только у главы государства, но и в экспертном сообществе есть четкое представление о будущем России, о приоритетах её внутреннего развития, международных отношений и, в целом, о роли нашей страны в формирующемся многополярном мире (вкладки 6, 7). После начала СВО появилось большое количество публикаций на эту тему⁷⁹, а также масштабных проектов, объединяющих десятки экспертов из различных областей знаний: таких как «Горизонт 2040» и «Мировоззрение Русской цивилизации. Через полифонию к симфонии».

Проект «Горизонт 2040» был запущен в ноябре 2022 года Агентством стратегических инициатив и Российским экспортным центром. **Наблюдательный совет (высший коллегиальный орган управления) возглавляет Президент РФ В.В. Путин.** По словам авторов, «ключевыми задачами проекта являются **формирование видения ключевых вызовов и трендов, которые с разной степенью вероятности могут произойти в ключевых сферах социально-экономической жизни как российского, так и мирового сообщества, а также определение ключевых возможностей и угроз развитию на горизонте 2040 года...** «Горизонт 2040» объединил **более 130 ведущих российских экспертов** в областях демографии, экологии, климата, энергетики, технологий, космоса, здравоохранения, продовольствия, социокультуры и экономики»⁸⁰.

Проект «Мировоззрение Русской цивилизации. Через полифонию к симфонии» впервые был представлен 9 декабря 2023 г. на конференции в Санкт-Петербургском государственном университете, организованной Изборским клубом. **Авторы проекта – эксперты Изборского клуба** (А. Проханов, В. Аверьянов, М. Маслин, А. Иванов, А. Болдырев, В. Багдасарян и др.). По словам В. Аверьянова, «цель проекта – **сформулировать основы национальной картины мира** как результат суммы коллективных усилий многих поколений мыслителей, «соборного разума»... Успешная реализация проекта позволит оснастить **административную и политическую российскую элиту мировоззренческим аппаратом в целях манифестации более однозначного и действенного вектора государственного самосознания**»⁸¹.

⁷⁸ Мухин А. Внешнее вмешательство в выборы 2024 года в России и возможные последствия: доклад. Январь 2024. 18 с. // Центр политической информации. URL: https://polit-info.ru/images/data/gallery/0_311_vmeshatelstvo_2024.pdf

⁷⁹ См., например:

Тошенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 3–15;

Балацкий Е.В. Екимова Н.А (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies. № 3. С. 74–90;

Дементьев Е.В. (2023). Коммуникативная концепция Общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 57–70;

Дугин А. Основы русской идеологии. URL: <https://izborsk-club.ru/25133>

⁸⁰ Горизонт 2040. 14.11.2023. С. 3, 7 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁸¹ Источники: <https://izborsk-club.ru/25060/>; https://zavtra.ru/blogs/russkoe_mirovozzrenie_ot_manifesta_k_politike_vosstanovleniya_suverennosti_i_velichiya

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 26 декабря 2023 г. по 28 февраля 2024 г.⁸²

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ
<p>4 января – Указ № 10 «О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей».</p>
<p>14 февраля – ФЗ «О внесении изменений в статью 121 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и статью 531 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Закон предусматривает сохранение должности госслужащих, проходящих военную службу.</p>
<p>14 февраля – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Наряду с диверсией к преступлениям, которые в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации признаются деятельностью, направленной против безопасности государства, отнесены иные преступления, связанные с диверсионной деятельностью (содействие диверсионной деятельности, проведение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организация диверсионного сообщества и участие в нём).</p> <p>Устанавливаются повышенные меры ответственности за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, совершённые из корыстных побуждений или по найму, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Предусматривается возможность применения наказания в виде лишения специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград за совершение не только тяжких и особо тяжких преступлений, но и преступлений небольшой и средней тяжести, направленных против безопасности Российской Федерации.</p> <p>Расширяется перечень преступлений, совершение которых влечёт конфискацию имущества. В частности, принудительно безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора будет подлежать имущество, полученное в результате совершения из корыстных побуждений таких преступлений, как публичные распристрашение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, и публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства.</p> <p>Кроме того, конфискации будет подлежать имущество, используемое или предназначенное для финансирования не только терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), но и деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.</p>
<p>26 февраля – Указ Президента РФ № 141 «О военно-административном делении Российской Федерации». С 1 марта 2024 г. предусмотрено формирование Ленинградского, Московского, Южного, Центрального и Восточного военных округов.</p>

⁸² Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, данный мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Окончание вкладки 5

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

14 февраля – Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и статью 13 Федерального закона „О противодействии экстремистской деятельности“». Изменяется подсудность рассмотрения административных дел о признании информационных материалов экстремистскими. В этих целях предусматривается рассмотрение указанных категорий дел не районными судами, а верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа. Устанавливается обязанность суда привлекать к участию в деле правообладателей, издателей, авторов произведений и (или) переводов, а если административный иск подан о признании экстремистским религиозного издания, то и специалистов в области соответствующей религии. Кроме того, в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» вносятся корреспондирующие изменения, согласно которым информационные материалы признаются экстремистскими в порядке, установленном законодательством об административном судопроизводстве.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

15 января – Указ № 36 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 „О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года“ и Стратегию, утвержденную этим Указом». В.Зорькин: «Это очень важное событие в жизни нашего государства и его внутренней политики... Речь идет не просто о том, что меняется порядок работы с основными документами по реализации государственной национальной политики, которые и раньше были в поле зрения Президента. Сегодня закреплен **новый порядок работы с ними, расширен круг участников, которым они будут предоставляться — в полном объеме, со всеми приложенными анализами и рекомендациями. Это будет более аналитический пакет, охватывающий весь комплекс межнациональных отношений.** Укрепится практика принятия решений по межведомственным проблемам — известно, что вопросы госнацполитики находятся в ведении и компетенции около 20 федеральных органов исполнительной власти. **Очень важно, что теперь правительство будет на своем уровне аккумулировать все эти материалы, обобщать и докладывать их президенту, а также палатам Федерального собрания РФ. Кроме того, эти документы будут опубликованы, их можно будет обсуждать, предлагать меры по их реализации**»⁸³.

23 января – Указ № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». Закреплен единый бессрочный статус многодетной семьи (семья, имеющая 3 детей и более). Многодетным семьям будут выдаваться удостоверения, подтверждающие их статус. Определены меры соцподдержки для таких семей: господдержка и выплаты в связи с рождением и воспитанием детей, поддержка в сфере трудовых отношений, право на бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок. Многодетные матери могут рассчитывать на досрочное назначение страховой пенсии. Соцподдержка многодетным семьям будет оказываться до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или 23 лет, если он обучается очно. Регионам рекомендовано ввести дополнительные меры поддержки. Решено также вести банк данных о многодетных семьях.

28 февраля – Указ № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Как отметил Президент в Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г., Стратегия «скорректирована с учётом актуальных задач и вызовов». В ней указано, что «российская наука служит основой суверенного развития государства»; «с 2022 года по настоящее время проходит этап мобилиционного развития развития научно-технологической сферы»; «целью научно-технологического развития является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации».

⁸³ Официальный сайт Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru/news/vneseny-izmeneniya-v-ukaz-o-strategii-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-na-period-do-2025-goda>

Выдержки из статьи д-ра ист. наук, научного руководителя факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С.А. Караганова «Век войн? Статья вторая. Что делать?»⁸⁴

1. Крайне опасный мир предстоящих двух десятилетий требует коррекции внешнеполитической и оборонной политики... они должны быть основаны на концепции «крепость Россия» — **максимально возможной самостоятельности, суверенитета, защищённости, независимости, концентрации на внутреннем развитии...** Нужна разумная открытость для выгодного экономического, научного, культурного, информационного сотрудничества с дружественными странами Мирового большинства (МБ). **Но открытость — не самоцель, а средство, обслуживающее внутреннее материальное и духовное развитие.**
2. Роль взаимозависимости как инструмента поддержания мира переоценивалась и раньше, сейчас же она по преимуществу опасна. Нужно стараться создавать «цепочки стоимости» на своей территории, чтобы повысить её связанность, особенно это касается взаимодействия центра страны с Сибирью и — более актуратно — с дружественными государствами. Сейчас это Белоруссия, большинство центральноазиатских государств, Китай, Монголия, страны ШОС и БРИКС.
3. Политика «крепости Россия» требует **максимального вовлечения в конфликты, которые будут вспыхивать в ходе начавшегося «геостратегического землетрясения».** В новых условиях прямое вовлечение не актуально, но пассивно.
4. В развитии только **частично удавшегося Восточного поворота** через Дальний Восток нужна **новая комплексная сибирская стратегия, зовущая вперёд, но и «назад», к романтике освоения Зауралья.**
5. **Запоздало** (лучше бы на век раньше) завершая западный, европейский вояж..., **мы оставим себе отвергаемую постевропейской модой великую европейскую культуру.** Без неё мы не создали бы величайшую литературу. А без Достоевского, Пушкина, Толстого, Гоголя, Блока не стали бы великой страной и великим народом.
6. В наступивших мировых условиях безусловным приоритетом должно стать развитие в обществе **оборонного сознания, готовности защищать Отечество, в том числе и с оружием в руках.**
7. Вектор сегодняшней внешней политики — **всестороннее развитие отношений со странами Мирового большинства...** В новом многообразном, многовариантном, многокультурном мире мы должны развивать в себе ещё одно конкурентное преимущество — **интернационализм, культуру и религиозную открытость...** необходимо строить **параллельные [ООН] структуры** на основе БРИКС+, расширения ШОС, их интеграции с Организацией африканского единства, Лигой арабских стран, АСЕАН, Меркосуру...
8. Пекин — **главный внешний ресурс нашего внутреннего развития, союзник и партнёр на обзорную перспективу...** Индия — **другой естественный союзник в создании новой мировой системы и в предотвращении скольжения к Третьей мировой...** На североамериканском направлении — **содействие начавшемуся долговременному уходу США в естественный для неё неоглобализм на новом глобальном уровне...** главный вектор в отношении субконтинента [Европы] — **моральное и политическое опораживание.**
9. Важным элементом должна стать **наступательная, а не оборонительная, как в прошлом, идеологическая политика.** Попытки «поправиться» и договориться с Западом не только безразличны, но и контрпродуктивны.
10. Достаточно очевидно единственно разумная цель нашей политики в отношении земель Украины. **Освобождение и присоединение всего Юга, Востока и, вероятно, Приднепровья.**
11. **Усиление опоры на ядерное сдерживание, ускорение движения по лестнице эскалации, призвано убедить Запад, что у него есть три выхода применительно к военному конфликту на Украине. Первое, отступить с достоинством... Второе, быть разгромленным... Или, третье, получить всё то же самое, но только с ядерными ударами по своей территории и сопутствующим развалом общества...** Добиться предотвращения сползания мира к серии конфликтов и последующей глобальной ядерной войне, обеспечения продолжения мирного возрождения нашей страны и превращения её в одного из архитекторов и строителей новой миросистемы **невозможно без резкой активизации и модернизации политики ядерного сдерживания.**
12. **Российская политика должна гласно исходить из того, что НАТО — враждебный блок, доказавший агрессивность своей прошлой политикой и де-факто ведущий против России войну.**

⁸⁴ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать? // Россия в глобальной политике. 21.02.2024. URL: <https://karaganov.ru/vek-vojn-statija-vtoraja-chto-delat/>

Названия (тематические направления) экспертных докладов проекта «Горизонт 2040»⁸⁵

- ✓ *Демография (Милёхин А.В.)*
- ✓ *Климат и экология. Ситуация в сфере климата (Порфирьев Б.Н., Катцов В.М.)*
- ✓ *Климат и экология. Ситуация в сфере экологии (Данилов-Данильян В.И., Порфирьев Б.Н.)*
- ✓ *Технологии. Глобальные технологические тренды 2022–2040 годов (часть 1). Сценарная прогнозная оценка к 2040 году по ключевым направлениям развития технологий (ключевые тезисы) (Белусов Д.Р.)*
- ✓ *Технологии. Глобальные технологические тренды 2022–2040 годов (часть 2). Сценарная прогнозная оценка к 2040 году по ключевым направлениям развития технологий (ключевые тезисы) (Белусов Д.Р.)*
- ✓ *Технологии. Большие драйверы роста и развилки догоняющей модернизации (Кузнецов Е.Б.)*
- ✓ *Квантовые технологии: общее введение (Фёдоров А.К.)*
- ✓ *Здравоохранение и пандемии (Мелик-Гусейнов Д.В.)*
- ✓ *Продовольствие. Глобальные тренды в продовольствии и окно возможностей для отечественного АПК (Иванов С.Н.)*
- ✓ *Продовольствие. Проблемы всемирной продовольственной безопасности в период до 2040 года. Сценарная прогнозная оценка ключевых трендов рынка продовольствия на период 2022–2040 годы (Юшин С.В.)*
- ✓ *Энергетика. Ключевые вызовы и приоритеты России в области энергетики на горизонте 2040 года (авторский коллектив)*
- ✓ *Космос. Прогнозная оценка на период 2023–2050 годы: опорная инфраструктура, тренды, ключевые решения, драйверы роста (Кузнецов Е.Б.)*
- ✓ *Космос. Проблемы российской космонавтики (Моисеев И.М.)*
- ✓ *Космос-2040 (Севастьянов Н.Н.)*
- ✓ *Социокультура (Калачикова Е.А.)*
- ✓ *Социокультура-2040: вызов целостности общества – взгляд со стороны развития технологий (Белусов Д.Р.)*
- ✓ *Технологии и социальная культура (Кузнецов Е.Б.)*
- ✓ *Россия как субъект. Специальный доклад (Дугин А.Г.)*
- ✓ *Россия на карте мира. Стенограмма пленарного заседания ПМЭФ 15 июня 2023 года (Безруков А.О., Белусов А.Р., Белоусов Д.Р., Дугин А.Г., Песков Д.Н.)*
- ✓ *Мир в горизонте 2040 года (Яковенко А.В.)*
- ✓ *Рецензия на мировые тренды, глобальные угрозы и сценарии развития России к 2040 году через призму экспертизы США (Петров А.Ю.)*
- ✓ *США как проект (Безруков А.О.)*
- ✓ *Бразилия (Симонова Л.Н.)*
- ✓ *Китай (Кузнецов П.В.)*
- ✓ *Китай (Маслов А.А.)*
- ✓ *Турция (авторский коллектив)*
- ✓ *Объединённые Арабские Эмираты (Елисеев В.С.)*
- ✓ *Индия (Грива Е.В.)*
- ✓ *Алжир (Кузнецов П.В.)*

⁸⁵ Горизонт 2040. Белая книга: сборник // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

Некоторые выдержки из экспертных докладов проекта «Горизонт 2040»⁸⁶

1. «Поиск субъектной позиции и вопросы прав и оснований для утверждения себя в качестве „независимого агента действия“ (субъекта) как обществ, так и индивидуумами становятся одной из центральных задач социальных исследований в XXI веке»⁸⁷.
2. «В условиях резкого нарастания как прямого давления на Россию, так и „хаотичного“ компонента в мировой политике и экономике, следует определить места граждан страны в этом процессе; решение проблемы преодоления тотального отчуждения, формирующегося в условиях нового витка технологического развития и делающего человека просто ненужным в существующей части как производственных, так и творческих процессов; обеспечение принятия обществом развития (научно-технологического, институционального, социального, человеческого) должно стать основной производством уникальной российской идентичности сейчас и в долгосрочной перспективе»⁸⁸.
3. «Мы же говорим о 2040 годе, потому что если это будет и мы не станем сейчас субъектом, то это будет не наш 2040 год. Для того чтобы 2040 год был русским две тысячи сороковым, то сейчас надо определиться с субъектностью — и довольно чётко. А это очень-очень важный вызов... духовная ориентация бытия плюс традиционные ценности, а это самое важное...»⁸⁹
4. «...неизбежным представляется противопоставление сфер мировоззрения, идеологии и культурно-исторической идентификации. Это создаст предпосылки для восстановления значения инструментария так называемой мягкой силы в международных отношениях, но уже на сбалансированной и подлинно конкурентной основе»⁹⁰.
5. «Стоит отметить, что как семейная, так и миграционная политика имеют смысл и могут быть успешными только при наличии привлекательного ценностного начала, которое формирует желание жить и работать в России. Никакие меры поддержки и программы релокации не могут быть эффективными, если у человека нет внутренних ответов на вопросы, какое будущее его и его детей ждёт в этой стране, в каком обществе они будут жить и какую общую цель преследует это общество, имеемое народом России?»⁹¹

⁸⁶ Горизонт 2040. Белая книга: сборник // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁸⁷ Калачикова Е.А. Социокультура // Горизонт 2040. С. 357 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁸⁸ Белоусов Д.Р. Социокультура-2040: вызов целостности общества – взгляд со стороны развития технологий / Горизонт 2040. С. 391 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁸⁹ Дугин А.Г. Россия как субъект // Горизонт 2040. С. 425 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁹⁰ Яковенко В.А. Мир в горизонте 2040 года // Горизонт 2040. С. 481 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

⁹¹ Милехин А.В. Демография // Горизонт 2040. С. 35 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>

Четкое понимание будущего России, прозвучавшее и в предвыборном Послании главы государства, и в оценках многих экспертов, внушает оптимизм и вынуждает сконцентрироваться на сложностях дня сегодняшнего: насколько эффективно удастся России преодолеть этот опасный во всех отношениях исторический период? Когда это случится и на каких позициях в геополитическом пространстве окажется наша страна после окончания СВО? Сможет ли идеологический, духовно-нравственный тренд, заданный «крымской весной» и началом СВО, продолжить свое существование и навсегда изменить облик страны (общества, культуры, властвующих элит...)?

Всё это вопросы, которые сегодня остро стоят на повестке дня и на которые пока сложно найти ответ (слишком много неизвестных в этом уравнении). Но в конечном итоге нужно вспомнить о том, насколько эффективно Пре-

зиденту и России в целом удалось справиться со всеми вызовами, которые вставали на пути исторического движения к укреплению национального суверенитета на протяжении последней почти четверти века.

Об этом наглядно свидетельствуют объективные данные официальной статистики и показатели субъективных оценок общественного мнения: **по ключевым показателям национального и общественного развития** (таким как площадь территории государства, численность населения, ожидаемая продолжительность жизни, объективные и субъективные показатели динамики уровня и качества жизни населения, уровень смертности от убийств и самоубийств, оценка деятельности органов власти и т. д.) **Россия за период президентских сроков В.В. Путина сделала существенный шаг вперед по сравнению с тем, в каком состоянии её «оставлял» Б. Ельцин в 1999 году (табл. 3).**

Таблица 3. Итоги президентских сроков В.В. Путина в показателях официальной статистики и субъективных оценок населения

Показатель	1999 г. (последний год президентского срока Б. Ельцина)	2023 г. *	Изменение (+/-), 2022 к 1999
Показатели официальной статистики**			
Площадь территории РФ, тыс. кв. км	17075,4	17125,2	+49,8
Численность населения (на конец года), млн чел.	145,6	146,4	+0,8
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,93	72,73	+6,8
Коэффициент фондов, разы	14,1	13,8	-0,3
Численность безработных, тыс. чел.	9094	2951	-6143
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности нас.	28,4	9,8	-18,6
Число зарегистрированных преступлений, тыс.	3001,7	1966,8	-1034,9
Уровень смертности от убийств, на 100 тыс. чел. нас.	26,2	3,7	-22,5
Уровень смертности от самоубийств, на 100 тыс. чел. нас.	39,3	9,2	-30,1
Показатели субъективных оценок населения***, % от числа опрошенных			
Уровень одобрения деятельности Президента РФ	8,6	61,4	+53
Доля позитивных оценок покупательной способности доходов	27,9	62,7	+35
Доля положительных оценок социальной самоидентификации	23,3	45,2	+22
Доля положительных оценок социального настроения	31,0	65,6	+35
Доля положительных оценок «запаса терпения»	43,6	76,6	+33
Динамика протестного потенциала	35,2	17,7	-18
* Данные статистики – за 2022 год; данные социологических опросов – за 2023 год.			
** Источники: Федеральная служба государственной статистики, Генеральная прокуратура РФ.			
*** Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.			

И, пожалуй, не менее важно то, что за последние 20 лет **именно в обществе, в общественном сознании (а не просто в стратегических документах или целевых установках главы государства) укрепилось понимание вектора развития страны в сторону «возрождения великой державы», «возвращения социалистических идеалов и ценностей» и «противостояния Западу с опорой на собственные силы»** (табл. 4).

На наш взгляд, изменение российского общества за последние 20 лет (укрепление его национальной идентичности) — это и есть общий итог всего периода президентских сроков В.В. Путина (включая его «мюнхенскую речь», период «крымской весны», внесение поправок в Конституцию РФ и т. д.), а не только следствие нарастающих угроз национальной безопасности в период СВО.

Таким образом, основанный на фактах анализ политического курса, реализуемого В.В. Путиным на протяжении последних 23 лет, показывает, что в его основе всегда лежала задача возвращения суверенитета России, утраченного ею после распада СССР. Чтобы продолжать следовать этой задаче в условиях угроз и препятствий, целенаправленно создаваемых «коллективным Западом» для того, чтобы затормозить процесс укрепления национального

суверенитета нашей страны, главе государства пришлось существенно изменить, фактически развернуть на 180 градусов курс внешней политики Российской Федерации: от искренних намерений и реальных попыток встроить Россию в западный мир до фактически прямого противостояния блоку НАТО (причем единственной причиной такого «разворота» был отказ самого «коллективного Запада» от признания национального суверенитета России).

В настоящее время (после начала СВО) Россия проходит крайне сложный, опасный, но в то же время переломный, сопровождающийся комплексными внутренними изменениями исторический период, который следует рассматривать **исключительно в контексте всего исторического пути развития России первой четверти XXI века**. И выборы Президента РФ 2024 года являются одним из важных промежуточных этапов этого пути.

В конечном итоге, на кону цивилизационного конфликта между Россией и «коллективным Западом» стоит возможность дальнейшего движения нашей страны к будущему, ориентиры которого были озвучены в Послании Президента РФ 29 февраля 2024 года. Или это движение прервется, погрузив российское общество в очередное состояние «травмы»...

Таблица 4. Представления населения региона об идее объединения российского общества*, % от числа ответивших

Вариант ответа	2002 г.	2023 г.	Изменение (+/-), 2023 к 2002
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	22,6	49,3	+27
Идея укрепления России как правового государства	22,1	35,8	+14
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	7,8	23,9	+16
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	6,6	19,7	+13
Идея объединения всех славянских народов	5,0	17,4	+12
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	3,2	13,7	+11
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	3,9	8,5	+5
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	2,3	9,0	+7
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	3,9	4,4	+1
Идея очищения общества через православную веру	4,1	3,1	-1
Другая идея	0,2	2,3	+2
Затрудняюсь ответить	31,9	22,1	-10

* Формулировка вопроса «Какая идея, на Ваш взгляд, способна объединить наше общество?». Не более трех вариантов ответа. Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Поэтому не случайно глава государства закончил послание тем, что в настоящее время действительно является самым главным: «Выполнение всех намеченных планов сегодня прямо зависит от наших солдат, офицеров, добровольцев — всех военнослужащих, которые сражаются сейчас на фронте... Это они, наши воины, создают сегодня абсолютно необходимые условия для будущего страны и для её развития»⁹².

Литература

- Балацкий Е.В. Екимова Н.А (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies. № 3. С. 74–90.
- Дементьев Е.В. (2023). Коммуникативная концепция Общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 57–70.
- Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 3–15.
- Тощенко Ж.Т. (2008). Парадоксальный человек: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 543 с.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Russian Federation in the First Quarter of the 21st Century. The President Has Set Tasks until 2030

Abstract. March 15–17, 2024, the presidential election will be held in Russia. The election will take place in a very specific context due to the ongoing special military operation, aggravating threats to national security posed by NATO countries, and a range of internal changes that Russia has been going through since the beginning of the special military operation. Against the background of the alarming situation around Russia, the RF President delivered his annual Address to the RF Federal Assembly on February 29, 2024; he presented a program of actions and specific public policy measures for the next six years (until 2030). The Address had certain aspects reminding of an election speech and was intended not only for government bodies at all levels of public authority, but also the broad strata of Russian society. In fact, the head of state outlined the contours of Russia's future for the next political cycle, and this is important amid uncertainty and a high level of risks that the country is facing at the present historical moment

⁹² Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

(after the start of the SMO). The article presents our own approach to analyzing the current situation in the country (including the 2024 presidential election), based on our long-term monitoring of public administration effectiveness, the system-wide nature of which is determined by the comprehensiveness of the empirical base (analysis of national and regional statistics, including those of own compilation; sociological surveys, analysis of expert assessments and key decisions taken by the President and the RF Federal Assembly). Scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the effectiveness of public administration during Vladimir Putin's first four presidential terms (2000–2024), that is, during the first quarter of the 21st century. In this context, we analyze general goals, objectives, and principles of public administration formulated by Vladimir Putin as he assumed office as president for the first time; key initiatives and decisions he adopted in order to address the tasks set; internal and external conditions in which the head of state had to achieve national development goals; key stages that the country went through over the past 23 years; and the main results with which it “approached” the beginning of a new political cycle.

Key words: 2024 presidential election, Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, national development goals, civilizational crisis, sovereignty, national identity.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

К вопросу об идеологиях и их носителях

**Виктор Александрович
ВОЛКОНСКИЙ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: volk-econom@rambler.ru

Аннотация. С наступлением эпохи информации и знаний идеологии приобретают все большее значение в жизнедеятельности обществ и определяют их историю. Роль идеологий особенно возросла в период обострения цивилизационного противостояния коллективного Запада и незападных стран, дружественных России и Китаю. В статье дано определение понятия идеология и краткое описание современных идеологий Запада и России. В то же время в специальном разделе показано, что даже научно разработанная теория очень ограничена в своих возможностях выявить основные закономерности развития общества (в силу несопоставимой сложности познаваемого и познающего), а тем более целенаправленно воздействовать на это развитие. Все знают ленинскую формулу «Идея становится силой, когда она овладевает массами». Но субъектом, который разрабатывает идеологию, защищает ее от враждебных влияний, «заряжает» ею общество, является правящий слой, элита. С опорой на труды отечественных и западных историков и социологов в статье описывается развитие представлений о правящем слое общества, элите как носителях идеологий и об опасностях, связанных с его расколом. В странах Запада функцию отбора кадров для элиты в большей мере выполняет рыночный механизм накопления капитала. В России и Китае в паре «правлящий слой – государство» ведущую роль чаще играет государство, которое в значительной мере формирует и идеологию, и правящий слой. В современном российском государстве одной из важнейших задач является создание механизмов отбора кадров и привилегированных условий для правящего слоя в ситуации существующего неоправданного социально-экономического неравенства. В статье рассматриваются методы практического решения этой задачи. Представленный материал может быть использован для

Для цитирования: Волконский В.А. (2024). К вопросу об идеологиях и их носителях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 41–59. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.2

For citation: Volkonsky V.A. (2024). On ideologies and their bearers: Revisiting the issue. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 41–59. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.2

определения приоритетности задач, стоящих перед Россией, и формирования институциональных механизмов их решения.

Ключевые слова: идеология, носители идеологии, цивилизационное противостояние, элита, правящий слой, государство.

Введение. Противостояние идеологий в XX и XXI столетиях

Представленная статья продолжает цикл работ (Волконский, 2022; Волконский, 2023), в которых рассматриваются основные идеологические (смысловые) факторы, определяющие историческое развитие народов и структуры власти. Чтобы сформулировать цель исследования, необходимо сначала описать современную ситуацию в политической и социально-идеологической сферах. В указанных работах важнейшие процессы мирового исторического развития последнего столетия рассматриваются на основе следующего достаточно реалистичного постулата (или достаточно хорошо обоснованной гипотезы): с начала XX века (может быть, более точно — с момента создания социалистического государства СССР) «смысловым ядром», конфигурацией доминирующих идеологий, определяющих большую часть других смысловых и целевых структур, стало противостояние стран Запада и стран незападных цивилизаций, или сторонников однополярного мира (ОПМ) и сторонников многополярного мира (МПМ). Эпоха противостояния (или конфронтации) может стать очень длительной с чередованием периодов, подобных нынешнему обострению на грани «большой войны», и периодов относительно мирного сосуществования Запада и незападных цивилизационных полюсов, подобных «периоду разрядки» 1970-х годов (с продолжением холодной, информационно-идеологической войны и эпизодически возникающих локальных горячих войн).

Характер, смыслы и факторы этого цивилизационного противостояния в XXI веке резко отличаются от его характеристик в XX веке. На протяжении XX века главным фактором противостояния была противоположность идеологических установок «социализм — капитализм» (с временным доминированием идеологии нацизма в Европе) и институциональных структур управления хозяйством. В 1920-е годы партийно-государственный центр СССР должен был построить небывалую хозяйственную систему, обеспечивающую достаточные мотива-

ции для эффективного труда огромного народа без использования капиталистической установки на личное обогащение, без стимулирующей роли экономического неравенства. Точнее, этот фактор должен был перестать быть главной движущей силой и остаться на вторых ролях. На первое место выходила оценка заслуг перед обществом (один из ключевых факторов отличия социализма от капитализма). Разработанная теория для такого строительства отсутствовала, проектирование и конструирование велось в значительной мере путем проб и ошибок. В основном эта задача была выполнена: спроектирована и построена небывалая система управления хозяйством и всей огромной страной по типу управления крупной компанией.

Под влиянием ряда факторов идеология социализма теряла свою энергетику одновременно с неуклонным сокращением темпов экономического роста СССР. Закономерно утверждалась идея о необходимости сочетания плана и рынка, и это сближало коммунистическую идеологию с идеологией конвергенции, которую разрабатывали виднейшие западные политологи (в частности Джон Гэлбрейт). Основы марксистской теории нуждались в обновлении. Фундаментальные проблемы деления капиталистического общества на классы буржуазии и пролетариата и классовой борьбы перестали быть безраздельно лидирующими в отношении общественного внимания. Из внутристрановых проблем не меньшую значимость обрели, например, проблемы формирования властвующей элиты.

Гораздо более острыми стали проблемы межстрановые, межгосударственные, прежде всего индуцируемые противоборством Запад — СССР. Это противоборство, как и все межстрановые противоречия, разворачивалось далеко не только в идеологической сфере. Человек обычно идентифицирует себя в первую очередь не с идеологией, а с тем или иным сообществом или с его центром, управляющей организацией. В противостоянии цивилизаций важное значение имеют идеологии, но еще важнее противостояние их носителей.

Но остроту и неустранимую значимость этих проблем могли оценить не все. На первый план выходили проблемы экономико-технологического развития и международного взаимодействия в этой сфере. По-видимому, следует признать, что холодную войну выиграли западные политики и идеологи, которые сумели создать у значительной части советского управляющего слоя впечатление, что Запад готов признать Советский Союз равноправным и суверенным членом «общечеловеческого» сообщества развитых стран наравне со странами Западной Европы и Северной Америки. На самом деле западные (в основном англо-саксонские) руководители и идеологи вынашивали проект раскола советской элиты и поддержки той ее части, которая готова пожертвовать суверенитетом и подчиниться («временно!»). Позже этот проект получит название технологии «цветных революций»¹. Это был обман советской элиты, в который поверил не только Горбачев, но... «я сам обманываться рад» (многие называют это предательством).

Гибель СССР и социалистического содружества привела к резкому падению роли коммунистической идеологии в мире и значения борьбы идеологий как важнейшей движущей силы истории. Все знают ленинскую формулу «Идея становится силой, когда она овладевает массами». Старшие поколения привыкли рассматривать идеологию как безусловно доминирующую в народе систему представлений и смысловых установок, как вдохновляющий образ Будущего, как систему, сопоставимую с религиозной верой. Сложившуюся ситуацию ухода идеологических факторов с первых ролей в процессе исторического развития они воспринимают как «духовный вакуум».

Между тем, периоды подобной роли идеологии и безусловного единства народа являются скорее исключениями, чем правилом. В другие периоды роль идеологий, процессы их развития и противоборство не выступают как ключевые факторы жизни общества, а концентрируются в более или менее узком его слое, который называют правящим слоем или элитой. Именно этот слой (или класс) разрабатывает идеологию,

¹ Судя по фундаментальной роли, которую играет в устройстве западных обществ идеология превосходства (см. следующие разделы), не могло быть иначе.

защищает ее от враждебных влияний, «заряжает» ею общество. Он является главным носителем идеологии.

В связи со сказанным в статье поставлена цель скорректировать привычное для большей части россиян, не вполне адекватное для современного периода представление о носителе идеологии и рассмотреть проблемы, выявляющиеся при таком более адекватном представлении.

Идеологии и их носители

Современный исторический период для России является тяжелым временем не только из-за специальной военной операции, перешедшей в «гибридную войну» против России всего коллективного Запада. Лавина санкций, обрушившаяся на систему внешнеэкономических связей, породила комплекс проблем, далеко не только технологических и логистических, но и политических. Для России сейчас первоочередная задача также — выход из десятилетней экономической стагнации. Даже если взять период 2009–2019 гг. (до пандемии коронавируса и СВО), рост ВВП за это время составил только 9%². В условиях многополярного мира идет формирование цивилизационных полюсов в виде ассоциированных объединений. Один из таких полюсов — евразийский с центром в лице России. Задача состоит в том, чтобы обеспечить привлекательность общественно-экономического устройства России для тех стран, которые стали или могут стать дружественными или перестать быть враждебно настроенными. Как показывают расширение коалиции стран БРИКС, саммиты Россия — Африка, Россия — Латинская Америка, эта задача выполнима.

В истории России было немало ситуаций, когда существование страны зависело от быстрых и радикальных преобразований. Народ способен справляться с комплексом тяжелых проблем. А основой для этого служат сплочение народа и его активизация, *подъем пассионарности*, которые зависят от его духовного состояния, жизнеспособности его идеологии. Пока можно констатировать явный недостаток пассионарности. И вряд ли можно сказать, что мы

² Экономическое развитие России после разрушения Советского Союза, основные проблемы и необходимые экономические реформы подробно рассмотрены в большой статье А.Г. Аганбегяна (Аганбегян, 2022).

знаем, как добиваться «пробуждения» народа и его элиты (о возможностях общественных наук см. следующий раздел). Но постоянное изучение социально-психологической жизни народа, его **ценностно-смысловой системы**, методов воздействия на эту сторону жизни общества – приоритетная задача государства. Кроме того, для решения комплекса задач, стоящих перед страной, необходимо, прежде всего, их конкретизировать и определить приоритеты их выполнения, нужна **картина мира**. На мой взгляд, можно дать следующее определение понятия идеология. **Идеология** – это система представлений о мире и ценностно-смысловых установок, доминирующая в определенном сообществе, активизирующая и направляющая жизнедеятельность его членов³. Идеологии могут быть научно обоснованными или основанными на религиозной вере, четко интеллектуально осознанными или быть совокупностью интуитивных верований и неосознанных оценок и устремлений.

В современном обществе информации и знания при жесткой идеологической конфронтации Запад – Незапад роль идеологии не ограничивается задачей социально-экономического развития, от нее зависит буквально вопрос жизни и смерти, объединения или распада общества. С советских времен мы привыкли, что важнейшим условием выполнения идеологией своей функции является ее опора на науки об обществе. Возможности и ограничения наук об обществе обсуждаются в следующем разделе. Важнейший вывод (урок) из истории трагической гибели прекрасной идеократии СССР: идеология не должна становиться окаменевшей безжизненной догмой. Это положение стало привычным от тысячекратного повторения, но редко представляют наглядно и конкретно, что это означает в жизни, в практической деятельности. Идеология должна быть постоянно **живой идеологией**, откликающейся на все новые события и вызовы, постоянно борющейся и отстаивающей свою систему ценностей и смыслов. И быть открытой для широких дискуссий и необходимых изменений. В ней должны полноценно участвовать первые лица партии и государства. Конечно, необходимы специальные

³ Это определение не противоречит понятию идеология в философском словаре (Кирилленко Г.Г., Шевцов Е.В. (2010). Краткий философский словарь. М.: АСТ: СЛОВО, Полиграфиздат. 480 с.).

институты для развития наук об обществе и идеологии, исследования ее восприятия и усвоения обществом (необходимо сказать, что задачи обновления теоретической части официальной идеологии были также очень серьезными). При жесткой конфронтации с информационно-идеологическими институтами Запада таких условий советская элита создать не могла. Приходилось использовать репрессии и запреты. За догматизацией, потерей энергии и влияния официальной идеологии следовало расширение влияния идеологии капиталистической – потребительства и установки на обогащение.

Целесообразно различать два понятия, которые обозначают термином идеология. Общество в своей жизнедеятельности всегда руководствуется некоторым комплексом общепринятых знаний, принципов, нравственных правил и ограничений, ценностно-смысловых установок, не всегда четко осознаваемых и обладающих разной силой влияния на поведение членов общества и групп. Этот комплекс будем называть *глубинной идеологией (ГИ)*. Она формируется и опирается на всю культуру народа, на его ментальность и психологию⁴.

Но для формирования политики государства и для системы образования, что особенно важно для воспитания следующих поколений, нужен интеллектуально формализованный комплекс: основные знания о природе и обществе, правила мышления и поведения, ценностно-смысловые установки (в частности образ будущего). *Интеллектуально формализованная идеология (ИФИ)* – это некий стержень, или ядро глубинной идеологии. В советское время таким ядром было учение марксизма-ленинизма, исторический материализм⁵.

⁴ Какой должна быть патриотическая идеология и какова ее роль в процессе воспитания юношества, подробно объясняла в своем выступлении в Госдуме депутат Елена Драпеко (Драпеко, 2023).

⁵ Для современной России, при сохраняющейся опасности раскола правящего слоя, важнейшее значение имеет переосмысление истории, особенно советского периода. В. Багдасарян (Багдасарян В. (2023). Что в нем не так? О новом учебнике истории // Завтра. № 36) подробно обсуждает проблемы такого переосмысления на материале нового учебника истории России для 10 и 11 классов авторов В.Р. Мединского и А.В. Торкунова. Он называет этот учебник началом создания «единой концептуальной версии изложения исторического процесса XX–XXI веков».

В современных условиях снижения политической роли идеологий (даже «духовного вакуума») значение ИФИ оказывается менее важным, чем более сложный и многоаспектный феномен ГИ. Если ИФИ могут быть универсальными, не привязанными к конкретному сообществу – носителю, то доминирующие ГИ у разных сообществ обычно существенно различаются. Идеология (и формализованная, и глубинная) такого большого сообщества, как народ, не охватывает всей сложности его внутренних и внешних связей, потребностей, традиций, культуры.

За рамками идеологии остаются возникающие и реально действующие более мелкие сообщества: социальные слои, властвующие группировки, финансово-политические корпорации и т. п. В каждом из них может формироваться своя идеология, которую сообщество использует в своих целях. Все это относится и к правящему слою – *носителю доминирующей идеологии*.

Правящий слой

Чтобы понять механизм взаимодействия идеологии и общества, требуется рассмотреть формирование ее носителя – правящего слоя. Создатели марксизма установили, что основную роль в формировании идеологии играет класс буржуазии. Эта идеология отражает интересы класса капиталистов, и они имеют возможность распространить ее на все общество. Но господствующий класс играет определяющую роль не только в экономике. Он воздействует на общество через отношения власти. Главный инструмент власти – государство. Даже в эпоху бурного развития капитализма правящий слой включал не только финансово-промышленных магнатов, но и госчиновников.

Еще на рубеже XIX и XX веков итальянские социологи Гаэтано Моска и Вильфредо Парето⁶ показали, что часто большую роль в общественном устройстве играет не государство, а правящий слой (класс), или элита, которая обладает большей властью, чем государство, и использует его как инструмент в своих интересах. Этот слой определяет основы политики и формирует кадровый состав государства. Интересы правящего слоя могут совпадать с интересами

государства и общества в целом, но временами могут значительно различаться. При этом интересы и смысловые установки и государства как достаточно сплоченного сообщества, и правящего слоя могут отличаться от глубинной идеологии, сложившейся в остальном обществе. Подобные ситуации могут приводить к серьезным политическим кризисам.

Моска и Парето изучали политическую сферу жизнедеятельности общества и феномен власти. На долю буржуазии приходилась большая часть правящего слоя и его влияния. Но в элите – главном социальном слое, наделенном властью, – соединяются разные элементы по их происхождению (наследованию), социальному положению, виду деятельности. В 1956 году американский социолог и политолог Райт Миллс дал четкое и вполне конкретное описание структуры властвующей элиты США⁷ (Миллс, 1959). Таким образом, согласно социологии Запада, субъектом, направляющим развитие общества, чаще всего является властвующая элита, и главным инструментом в ее руках служит государство.

Выводы о приоритетной роли властвующей элиты по отношению к государству были сделаны западными социологами на основе изучения обществ западной цивилизации. Сопоставление устройства обществ в России, Китае и в странах Восточной Азии со странами Запада свидетельствует о глубоких различиях⁸. В частности, в этих незападных странах государство обладает значительной самостоятельностью и гораздо большими авторитетом и властью по сравнению с другими частями правящего слоя. Оно, как правило, определяет основы общественной идеологии и направления необходимых преобразований в обществе. В паре «государство – элита» именно государство оказывается субъектом, формирующим элиту как инструмент для решения проблем общества (как оно их понимает).

Характерный факт: китайские историки – идеологи конфуцианства пишут, что в Китае в идеологии общества и в реальной практике

⁷ Развернутое описание развития представлений о правящем слое имеется в книге М. Хазина и С. Щеглова (Хазин, Щеглов, 2017, глава 4).

⁸ Краткое описание этих различий имеется, например, в книге (Волконский, 2021, раздел 2.2).

⁶ Русские переводы: (Моска, 1994; Моска, 1995; Парето, 2007).

государство не служит выразителем и исполнителем идей и установок общества (преобладающее представление в современных развитых странах). Оно всегда было и теперь является воспитателем общества, может и должно развивать и исправлять человеческую природу «в силу ее расположенности к добру» (Renaissance..., 2011). В России в большинстве исторических периодов принадлежность к элите (дворянству) неразрывно связывалась с обязанностью службы государю. Историки называют этот тип элиты служилой.

Г. Моска поднимает вопрос о причинах смены одного правящего слоя (правящего класса, властвующей элиты) вместе с его государством другим (позже об этом писал Квигли применительно к смене любых «инструментов» западной экспансии). Обычной причиной ослабления правящего слоя Моска считает его отделение, отрыв от общества, подавление им всякой возможности контроля со стороны общества, устранение необходимости реагировать на его изменяющиеся запросы, учитывать возможности потери власти. В условиях социальной мобильности должно происходить постепенное (вовсе не радикальное) обновление его состава и его идеологии. При отделенности от общества властвующий слой начинает чувствовать вседозволенность, происходит его моральная деградация. Государственный аппарат поражается болезнью бюрократизма, растет коррупция.

В условиях современного противостояния цивилизаций причиной смены правящего слоя становится преобразование его политики, идеологии, отчасти состава под воздействием иностранных центров власти и их спецслужб, навязывающих свою идеологию. Такие трансформации происходили в процессах подготовки западными центрами проведения «цветных революций». По сути, концепция Моски оказалась теоретической базой технологии «цветных революций» Дж. Шарпа.

Расколы в правящем слое

Нетривиальный вывод, который делает Моска как историк: устойчивость правящего слоя (класса) с его идеологией определяется наличием «второго слоя» — не допущенного до личных контактов с руководящим ядром власти и поэтому действующего и принимающего

решения на основе воспринятой им идеологии⁹. «Первый слой», а тем более его руководящее ядро, формирующее новую идеологию и новую структуру власти, обычно представляет собой слишком узкую, немногочисленную группу. Гораздо более многочисленный «второй слой» необходим ему для связи с широкой массой потенциальных сторонников, для распространения новой идеологии, обеспечения устойчивости власти. Возникает раскол правящего класса.

Один из самых плодотворных подходов к изучению динамики элит и их идеологий представлен в книге Петра Турчина (Турчин, 2023). На основе многих исторических примеров автор показывает ситуацию, когда численность претендентов на статус члена правящего слоя быстро растет, в то время как число «мест» в этом слое, в элите остается относительно неизменным. «Разочарованные» претенденты, не получившие ожидаемых элитных «мест», формируют контрэлиту с альтернативной идеологией, которая вступает в борьбу с «первым слоем» правящего класса (по Г. Моска).

Иногда раскол удается преодолеть без серьезных потрясений, но некоторые конфликты такого рода обостряются до государственных переворотов и даже до гражданских войн. Буржуазные революции — это обычно обострение конфликтов между быстро растущим классом буржуазии (претенденты на места в политической элите) и старой феодальной элитой. П. Турчин называет причины таких процессов «перепроизводством элит».

В его книге приводятся также примеры решения проблем «перепроизводства элит» без социально-политических потрясений. Таким примером может служить период стремительного роста в США во второй половине XIX века класса капиталистов по численности и по богатству. В качестве иллюстрации: за десятилетие с 1860 по 1870 год число миллионеров в США увеличилось с 41 до 545 человек. Чересчур разросшийся буржуазный класс был неспособен эффективно выполнять функции управляющего слоя — формировать и реализовывать единую политику и идеологию. Он был еще «вторым слоем», «первый» состоял из политиков и аристократов.

⁹ Здесь излагается интерпретация концепции Моски в книге (Хазин, Щеглов, 2017).

Период 1870–1900-х годов, который называют Позолоченным веком, был чрезвычайно хаотичным и противоречивым. Однако неуклонно шел процесс поглощений и слияний, позволяющий сократить численность претендентов на элитные места – верхушки руководства крупнейших компаний. Члены этого небольшого сообщества уже по своему положению руководителей крупных организаций обладали реальной властью в обществе. Постепенно они объединились с профессиональными политиками по образцу английского истеблишмента. Остальные члены капиталистического класса составили «второй слой» элиты или влились в средний класс. Параллельно с процессами в социально-экономической сфере шел процесс корректировки старой идеологии, борьба сторонников и противников усиления «второго слоя» и его объединения со старой элитой. Возникло «Великое движение за слияния» (1895–1904 гг.). Лидеры бизнеса выдвигали идею о том, что неограниченная конкуренция вредна и для общества, и для экономики. Деловые круги (с малым количеством членов) легко объединялись и все больше подчиняли себе законодательные и исполнительные органы правительства.

А. Фурсов и М. Делягин в своих работах по истории Британии и англосаксов систематически используют важнейшую категорию **субъект стратегического действия (ССД)**. М. Делягин определяет ССД как «внутриэлитную группу, объединенную хорошо осознаваемыми ее членами долгосрочными интересами, обладающую инструментами воспроизведения и поддержания своего влияния» (Делягин, 2023, с. 8–9). Подобный субъект, несомненно, необходим и для современной России. Только речь должна идти не об интересах, а в первую очередь о способности долговременно сохранять преемственность в осознании и поддержании патриотической установки как главного надличностного смысла. На разных этапах истории состав группы может формироваться из разных социальных слоев, может изменяться образ будущего. Но для России в современной исторической ситуации само осознание необходимости такого стратегического субъекта представляется первоочередной задачей. Судя по использованию понятия ССД А. Фурсовым и М. Деляги-

ным, в модели правящего класса Г. Моски оно соответствует скорее не всему «первому слою», а его руководящему ядру.

Особенно важна роль «второго слоя» в периоды деградации «первого слоя», в условиях, когда действия руководящего ядра, его политика по той или иной причине перестают соответствовать требованиям общества, доминирующей идеологии. В такой период «второй слой» может «заразиться той же болезнью». Это может привести к радикальной смене правящего слоя, а в современную эпоху противостояния цивилизаций – к тяжелому кризису в стране и повернуть в другую сторону ее развитие (к победе «цветной революции»).

Однако наличие «второго слоя» может дать и противоположный результат – помочь сохранить правящий слой, идеологию, направление исторического развития. «Второй слой», «заряженный» доминирующей идеологией, выдвигает новую претендующую на власть группировку, которая проводит очищение и обновление правящего слоя и обеспечивает ему дополнительный период правления. К таким историческим результатам можно отнести приход к власти в Венгрии после подавления восстания 1956 года группировки Я. Кадара, в Чехословакии после 1968 года – группировки Л. Свободы и Г. Гусака. Без наличия «второго слоя» в компартиях этих стран невозможно было бы дальнейшее развитие по социалистическому пути.

Во многих обществах возникают и специально строятся институты, выделяющие элитный слой из остального общества для обеспечения его привилегированного положения, его сплочения и надежности его патриотической установки. Примером может служить выделение истеблишмента в британском обществе, в первую очередь за счет системы *элитного образования* (частные школы и элитные университеты), направленной на развитие «административного интеллекта и укрепление физического здоровья» (Делягин, 2023, глава VII). Вся английская элита отдавала своих детей с 6 лет в частные школы-пансионы, где их ждала беспощадная многолетняя «зубрежка, тренировка» (М. Делягин использует даже слово «дрессировка»). Они фактически оказывались изъятыми из семьи (приезжали только на каникулы).

Примеры применения представленных понятий к современным проблемам

В настоящее время большую часть правящего класса развитых стран составляют работники науки, образования, здравоохранения и руководящий состав предприятий и учреждений, т. е. сообщество людей высокого интеллектуально-культурного уровня. Еще в начале XX века этот быстро растущий сектор населения во многих странах был слабо представлен во властных структурах — это важнейшая часть претендентов на элитные места. В английском обществе истеблишмент потерял свой признаваемый обществом статус превосходства. Одной из важных причин, пусть и не главной, было несоответствие элитарного образования новым задачам и потребностям общества: выпускники университетов умели руководить огромной империей, но не имели знаний научно-инженерных, педагогических, медицинских.

М. Делягин, описывая этот конфликт в Британии, сопоставляет его с похожим конфликтом в советском обществе (Делягин, 2023, с. 195–206). Аналогия с британским процессом состоит в основном в составе конфликтующих сторон. Одной стороной противоречия была партийная верхушка (реальная власть), другой — интеллектуальная молодежь, работающая в научных и высокотехнологичных институтах и предприятиях. М. Делягин придает этому конфликту большое значение в разрушении СССР: он «привел к катастрофическим последствиям» (Делягин, 2023, с. 195). С этим мнением трудно согласиться. Молодежь не стремилась к власти, ей нужна была информационная и творческая свобода. Лифты социальной мобильности продолжали действовать, хотя и начали давать сбои. Партийные руководители ограничивали эту свободу не из опасения, что физики и математики вытеснят их из властных кабинетов. Наступал период ослабления энергетики надличностных смыслов, период «идеологического вакуума». Большинство партийных руководителей и идеологов понимали необходимость включения энергетики рыночной смысловой установки, т. е. перехода к системе «сочетания плана и рынка». На такой переход была ориентирована идеология Перестройки.

Во властных структурах уже с 70-х годов разрабатывалось несколько вариантов глубокого реформирования хозяйственной и политиче-

ской системы. Однако пока нет достаточного количества открытых материалов об этих разработках и о группировках, которые были их носителями. Такой фактор, как «перепроизводство элит», мало что может объяснить в процессах конца 80-х годов и развала Союза. И наоборот, одним из важнейших факторов (если не главным) было влияние на эти процессы информационно-идеологических центров и спецслужб Запада¹⁰. Уровень жизни в СССР оставался значительно более низким, чем в Европе и Северной Америке, и перестал повышаться. И значительная доля правящего класса состояла из людей, убежденных, что путь выхода из кризиса для России — стать «обычной либерально-капиталистической страной» и возвратиться в сообщество стран Запада.

В связи с быстрым ростом социального слоя образованных, культурных интеллектуалов всегда остается опасность возникновения общества тех, кто претендует на участие в управлении обществом, и раскола типа «перепроизводства элит». Такой раскол не стал серьезной проблемой ни в Британской империи, ни в советском обществе. Дело в том, что в обоих случаях была постоянно открыта возможность для инакомыслящих пассионариев реализовать себя и подняться по лестнице социально-политической иерархии вдали от центра, где всегда остается нехватка активных интеллектуалов. В Британской империи это были колонии, в Советском Союзе — регионы Сибири, Арктики, Дальнего Востока, или помощь дружественным силам в Африке, Латинской Америке. В более общем плане задачу предотвращения расколов элиты можно обозначить как создание политической и смысловой вдохновляющей перспективы для инакомыслящих пассионариев.

Одной из таких перспектив является реализация себя в сфере культуры, здравоохранения, в научно-технологических исследованиях и

¹⁰ Несомненно, в этих процессах важнейшую роль играли советские спецслужбы (КГБ и ГРУ), которые к 80-м годам стали в большой мере независимыми от партийно-государственного центра (Фурсов, 2016; Фурсов А.И. (2021). Жизнь и смерть капитализма // Завтра. № 26, 27, 28, 29; Делягин, 2023). Свидетельства историков позволяют предположить, что именно части спецслужб в позднесоветские десятилетия формировали ядро «второго слоя» правящего класса и его смысловых установок.

разработках, а также в сфере образования – «производства» культурной и интеллектуальной части человеческого потенциала. Здесь трудится значительная часть высоко интеллектуального и культурного слоя, т. е. элиты. В развитых странах для эффективной работы этого ценного контингента работников создаются привилегированные и наиболее привлекательные условия, в первую очередь повышенный уровень оплаты труда. К сожалению, в современной России это касается не всех указанных отраслей. В работе Е. Узяковой (Узякова, 2023) приводится сопоставление структуры уровней оплаты труда по отраслям для России (2021 г.) и для США (2019 г.). Даны отношения (в %) номинальной заработной платы работников интересующих нас отраслей к средней по экономике в целом. В частности, по отрасли «Образование» в США уровень заработной платы практически совпадает со средним по экономике (скорее всего, в этом показателе не учитывается частное элитное образование), в России – 76,7% от средней. По отрасли «Научные исследования и разработки» в США оплата вдвое выше средней по экономике, в России – 165%.

Налицо явно заниженный уровень оплаты преподавателей. О необходимости повышения качества современной системы образования, которая в советские времена считалась одной из лучших в мире, сейчас говорится много. Эта проблема многоаспектная, и нельзя сказать, что простое повышение оплаты труда преподавателей приведет к ее быстрому решению. Однако необходимо, чтобы эта проблема заняла место в ряду самых значимых и неотложных задач государства.

Теория Моски, Парето, Турчина о роли правящего слоя строится почти исключительно на историческом опыте стран Западной Европы, не опираясь на опыт стран Азии или Евразии. Это связано с глубокими различиями общественного устройства и опыта стран разных цивилизаций.

В странах западной цивилизации в последние несколько столетий в паре «правящий класс – государство» чаще именно правящий класс, элита являлась субъектом, формирующим государство как инструмент для своих целей и интересов. В российской цивилизации часто государство формировало правящий

(служилый) класс (Сергейцев и др., 2020). Особенно четко это проявилось в советскую эпоху: тогда формирование правящего слоя стало важнейшей задачей государства (партийно-государственного аппарата) – задачей формирования кадрового ресурса для выполнения его целевых установок.

Стержневым фактором в идеологии любой страны сейчас является роль беспрецедентного, всеохватывающего процесса развития технологий. Д. Аджемоглу и С. Джонсон пишут: «Каждый день мы слышим от руководителей, журналистов, политиков и даже некоторых наших коллег из Массачусетского технологического института, что мы неустанно движемся к лучшему миру благодаря беспрецедентному развитию технологий... Конечно, проблемы остаются, но талантливые предприниматели и ученые изобретут решения – более совершенные роботы, искусственный интеллект на уровне человека и любые другие прорывы, которые потребуются» (Acemoglu, Johnson, 2023). Совсем уж «невообразимые» и вдохновляющие достижения перечисляют авторы в связи с искусственным интеллектом (ИИ): «Программное обеспечение для распознавания лиц, поисковые системы, которые угадывают, что вы хотите найти, и рекомендательные системы, которые подбирают для вас товары, которые, скорее всего, вам понравятся, взаимодействие между человеческой речью и компьютером. Программы ИИ могут распознавать тысячи различных объектов и изображений и обеспечивать базовый перевод с более чем ста языков, могут инвестировать лучше, чем опытные финансовые аналитики, могут помочь адвокатам и юристам».

Возможности и перспективы, которые открывает процесс развития технологий, делают его важнейшим элементом ценностно-смысловой системы как на Западе, так и в незападных цивилизационных полюсах. В незападных странах он обычно занимает место не цели, а средства обеспечения условий для жизни человека и его совершенствования. А на Западе он выступает как самостоятельная ценность, как продолжение (с необходимыми коррективами) высшей смысловой установки эпохи капитализма – на развитие производства и обогащение.

Главная идея цитируемой книги Аджемоглу и Джонсона состоит в исследовании негативных последствий и проблем, которые порождают трансформации общественных отношений при бесконтрольном (и нередко стремительном) процессе развития новых технологий, и в критике слишком оптимистического отношения к развитию технологий (исследование опирается на опыт западных стран). Основные негативные проблемы связаны с ростом экономического неравенства, ухудшением условий труда для больших контингентов работников (вследствие автоматизации производства) и с усилением контроля руководителей предприятий над работниками и властвующими группировками над всем населением (угрозы, связанные с прогрессом военных технологий, в книге не исследуются). В целом авторы остаются оптимистами, убежденными в том, что общество должно и способно направлять развитие технологий на благие цели. Для этого, прежде всего, в идеологическом пространстве должно быть создано представление о том, какие технологии нужны обществу и людям, а какие принесут горе или враждебность людей друг к другу. Такие изменяющиеся общественные представления в книге называются *видениями* проблемы или ее решения.

В сообществе историков, описывающих происхождение социалистических обществ, нет разногласий в том, что такие общества есть результат реализации социалистической идеологии, предварительно разработанной как теория и в какой-то мере даже как конструкторский проект. Иными словами, важнейшую роль здесь играла ИФИ, которая хорошо соответствовала глубинной идеологии трудящихся классов общества.

Совсем другой характер имеет процесс формирования современного устройства общества в странах Запада. Их идеология состоит из «капиталистической» части — индивидуалистический либерализм плюс установка на обогащение, сформировавшаяся совместно и взаимосвязанно с системой социально-экономических институтов, и идеологии превосходства (цивилизационного или расового), охватывающей в той или иной форме все социальные слои. Она поддерживается реально высоким уровнем экономики, технологий и качества

жизни в западных странах. Единство и устойчивость как общественного устройства, так и этой идеологии обеспечиваются также системой институтов власти, которую часто называют «глубинным государством».

Капиталистическая часть идеологии формировалась совместно и взаимосвязанно с системой социально-экономических институтов, последовательно продвигаясь в разных странах по разным сторонам общественной жизни без чего-то похожего на общий план или проект. Идеология превосходства существует гораздо более длительное время, чем система капитализма, и представляет собой в основном глубинную идеологию. Несомненный интерес представляют те социально-психологические черты, которые помогли Западу достичь его исторического лидерства. Обратимся к Оскару Шпенглеру. В своем главном труде «Закат Европы» («*Der Untergang des Abendlandes*» — точный перевод «Закат Запада») он показывает отличия «картины души» западного человека от мироощущения людей незападных народов. Вот, например, как он описывает восприятие одних и тех же действий, связанных с расширением и освоением пространства. Для западного человека это идея «*покорения пространства*», которая подразумевает физическую энергию сопротивления пространства, «которую было бы совершенно невозможно растолковать греку». Эта идея демонстрирует «притязание души господствовать над чуждым». Метафизическая страсть западного человека стремится к *преодолению «всяких преград для его чувства власти»* (Шпенглер, 1998, с. 449, 517). «Воля к власти, также и в области нравственного, — стремление придать своей морали всеобщее значение, принудить человечество подчиниться ей, желание всякую иную мораль переиначить, преодолеть, уничтожить... Кто иначе думает, чувствует, желает, тот дурен, отступник, тот враг. С ним надо бороться без пощады» (Шпенглер, 1998, с. 495, 499).

В XX столетии агрессивная установка на безграничную экспансию и господство стала основой идеологии глобализации. Шпенглер, по существу, утверждает, что это не просто результат сложившихся исторических и географических обстоятельств, а духовная основа «*фаустовской души*» западных народов. Основатель

ДНК-генеалогии А.А. Клёсов высказал гипотезу, что агрессивность людей Запада, их неспособность смириться с непохожестью, а тем более с альтернативностью других этносов, других цивилизаций, имеет генетический характер и источник¹¹.

Идеология превосходства народов западной цивилизации является важнейшим фактором, обеспечивающим их единство и активизацию. Однако с начала XXI столетия идет процесс постепенной утраты Западом реального превосходства, поэтому сохранение реального превосходства и представления о нем, укорененного в сознании общества, становится императивом, ради которого западные элиты готовы отбрасывать любые нравственные нормы и ограничения, и высшие ценности, и смыслы бытия. К власти приходят социально-политические группы и движения, готовые поддерживать неонацистов, провоцировать локальные войны с целью ослабить страны, сопротивляющиеся их диктату, идти на шаги по эскалации войны, грозящей ядерным апокалипсисом.

В отличие от западной, в глубинных идеологиях России и Китая важнейшие смысловые установки направлены не на достижение превосходства, а на обеспечение стабильности и сотрудничества между разными этносами, разными социальными слоями. Российский народ добивался наибольших успехов, когда ему удавалось объединиться для *общего дела*. Коммунистические установки на революционные преобразования в основном были направлены на преодоление чуждой для российского и китайского цивилизационных кодов капиталистической идеологии. Смена социалистических основ общественного устройства на капиталистические в 1990-е годы привела к катастрофическим результатам. И уже с 2000-х годов начался процесс восстановления привычной для российской цивилизации системы приоритетов социального государства и ценности исторической традиции (включая значительное количество социалистических черт в идеологии).

В Китае в июне 2023 года в установочном выступлении Си Цзиньпина была озвучена

«новая точка отсчета» — новая, уточненная формулировка основ идеологии. Вот ее главная идея: «Сочетание, интеграция основных постулатов марксизма с лучшими традициями китайской культуры — это путь, по которому необходимо следовать для изучения и развития социализма с китайской спецификой на основе китайской цивилизации»¹². Учитывая необходимость сближения России и Китая, можно быть уверенным, что новый шаг китайских идеологов поможет российскому руководству использовать в идеологической работе смысловые богатства социализма. Уже с первых дней своего руководства Компартией и страной Си Цзиньпин чаще всего обращался к мудрости Конфуция. Обращаясь к молодежи 4 мая 2014 года, он приводит 17 конфуцианских цитат, в частности: «достигать согласия при наличии разногласий», «благородный муж во всех делах считает справедливость самым главным». Думаю, нет надобности доказывать, насколько близки эти китайские идеологические установки к современной глубинной идеологии российской патриотической элиты (пусть она и не оформляется как государственная идеология).

Возвышение традиции как важнейшей духовной ценности, государственная поддержка изучения и осмысления истории и создания ее сбалансированного образа, без односторонних искажений, отвечающего «коду российского народа», должны стать одной из главных частей идеологии общества и государства.

Чего можно требовать от наук об обществе?

Поскольку частью идеологии являются знания о мире, следует признать, что идеология должна быть научной, т. е. опираться на положения, проверенные наукой. Однако ценностно-смысловые установки, доминирующие в обществе или его части, вовсе не обязательно должны быть перенесены в идеологию. Идеология элиты или ее части может ставить цели совершенствования общественного устройства, формировать образ Будущего. Носитель идеологии, обладающий властью, как правило, ставит задачи перед наукой, вытекающие из его идеологических установок, он направляет развитие науки.

¹¹ Эпоха мобилизации. О самоорганизации и резервных возможностях человека: беседа с главным редактором журнала «Наука и религия» С.Ю. Ключниковым (2023) // Завтра. № 21.

¹² Тавровский Ю. (2023) Новый поход. Си Цзиньпин соединил марксизм и конфуцианство // Завтра. № 31.

В настоящее время в силу монополизации СМИ и контроля над содержанием соцсетей появилась возможность централизованного управления тем комплексом идей, представлений, оценок, который мы назвали интеллектуально формализованной идеологией. Доверие значительной части общества и элиты к такой «искусственной ИФИ» поддерживается, в частности, тем, что ее ключевые идеи и положения выдаются за выводы науки. Проверять и, если нужно, опровергать такие идеи и положения — задача политической борьбы. В настоящем разделе приводятся аргументы за то, что дело не только в использовании положений, не имеющих отношения к науке, а в том, что сами общественные науки часто переоцениваются, что их возможности отражать реальные закономерности общественных процессов очень ограничены.

Сейчас несомненной истиной признается положение, что наука — это одна из главных движущих сил истории. Ее развитие — основа создания новых материалов, источников энергии, новых технологий, в целом создания и совершенствования среды обитания человека. Все более активным становится участие науки в формировании человеческих сообществ и человека как биологического, психологического, социального феномена. Воздействие науки может вести как к укреплению морали общества, его единства, безопасности, так и к усилению угроз для его существования — расколам и дроблению (например, к подготовке и провоцированию «цветных революций»), обострению конфликтов, вплоть до войн: холодных, горячих, гибридных. Очевидно, что с развитием науки связаны серьезные моральные и ценностные проблемы за ее рамками. Но оказывается, что и сама наука, ее возможности наталкиваются на ограничения и сомнения, связанные с проблемой верификации и надежности.

Когда речь идет о природе и естественных науках, никаких сомнений и философских трудностей не возникает. Но можно ли быть уверенным, что результаты общественных наук дают картину общества, которая удовлетворяет требованиям верификации? Что фундаментальные факторы, определяющие важнейшие грядущие события, не остаются за рамками тех закономерностей, которые открыты и описаны общественными науками? На эти вопросы отвечает (отрицательно!) теория сложности

А.Н. Колмогорова. Аппарат с ограниченной распознающей способностью не может понять, отличить от нагромождения случайностей то «информационное сообщение», которое «научно» описало бы процесс, превосходящий по сложности его распознающую способность. Это положение называют также законом Эшби.

Наука есть часть общественного сознания. Философы-материалисты считают, что сознание человека и общества (в том числе и наука) — это *отражение* действительности. С этим нельзя согласиться. Принятие этого постулата означало бы отрицание творческой способности сознания. Но сознание человека, кроме отражения сложившихся объектов, может создавать новое — строить новые модели и проекты, которые не существуют в реальности. Распознающая способность сознания и мышления человека не может оказаться большей, чем сложность, многообразие его мышления и поведения, поскольку само сознание тоже является предметом осмысления, объектом, который оно должно осознать. Все то же самое можно сказать об общественном сознании и общественной науке.

Задача науки — выявлять, устанавливать устойчивые параметры и объективные закономерности процессов, протекающих в природе и обществе. Нет оснований считать, что распознающая способность ученых и научных организаций, исследующих жизнь общества, является более сложной, чем объект исследования, т. е. те действия и идеи, которые создают крупные исторические деятели, их сообщества и организации. Для любой закономерности найдется такая группа членов общества, действия и идеи которой не укладываются в данную закономерность. Конечно, относительно закономерностей, открытых науками о природе, тоже нельзя гарантировать абсолютную надежность. Однако возможные нарушения закономерности очень малы или достаточно мала вероятность их появления.

Примерно так описывает отличие человека от животных Эрик Фромм (Фромм, 1992, с. 43). Животное адаптируется к среде, к своей экологической нише и живет в гармонии с ней или погибает. Человек часто выходит за пределы, очерченные для него природой. И для новых ситуаций, в которых он оказывается, он не имеет унаследованной инстинктивной программы поведения и ищет новые решения.

Если нарушения закономерности могут быть признаны несущественными, *неважными*, то закономерность признается верифицированной, научно установленной. Любые закономерности, которыми пользуются на практике, основаны на *доверии* к ним. Фактор доверия особенно значим при использовании наук об обществе.

Человеку приходится принимать серьезные решения в условиях неопределенности. Научные знания позволяют резко сократить неопределенность, определить высоковероятные и почти невероятные последствия. Авторитет научности играет важнейшую роль, когда речь идет о теории как основе идеологии. Пример — марксистско-ленинская теория, которая в значительной мере определила направление исторического развития на целый XX век.

Человека и его сообщества, их жизнь и развитие характеризует такая высокая сложность, что возникает вопрос: как получается, что на протяжении длительных периодов времени (исторически спокойных) не только ученые, но и обычные люди разбираются в причинах происходящих событий и уверенно прогнозируют состояние общества на несколько лет вперед? В результате культурного и цивилизационного развития народов и других сообществ возникают такие институты, как мораль, право, обычаи, религии и идеологии, которые ограничивают «бесконечное» разнообразие возможностей для действий и даже мыслей человека (изначально ограниченных только природными условиями). Те же институты могут расширять возможности человека, но при этом они ставятся под контроль сообщества.

Приведенные соображения показывают, что от науки об обществе нельзя требовать таких же надежных и универсальных знаний, как от наук естественных. Открытые наукой закономерности «живут» очень недолго, поскольку современное общество стремительно меняет свой облик. Они не похожи на «продукцию» фундаментальных естественных наук. Знания об обществе могут быть очень ценными, чаще всего их ценность и действенность проявляются, если их использовать «здесь и сейчас». Долгосрочные стратегии приходится строить на основе сегодняшних знаний. Но нужно быть готовыми постоянно проверять и обновлять как эти зна-

ния, так и саму стратегию. Можно сказать, что по большей части наука об обществе есть *наука прикладная*.

Иллюстрацией может служить использование марксистской науки В.И. Лениным. Согласно теории Маркса, возникшей в рамках изучения развития западноевропейских стран, коммунистический общественно-экономический строй может установиться только после и на основе развития капитализма. В начале XX столетия в России капитализм был развит недостаточно, буржуазия не играла значительной политической роли, большая часть марксистов считала, что марксистская партия должна поддерживать буржуазно-демократическую революцию и то правительство, политика которого будет способствовать развитию капитализма.

В то время еще не были достаточно изучены и известны цивилизационные различия России и Европы. Но Ленин понимал, что наука не может быть непосредственно использована как основа для плана действий. В частности, в марксистской науке государственная власть не играет той определяющей роли, которую она всегда играла и играет в России. В то же время он лучше всех осознал и чувствовал, что для глубинного преобразования общества, которое является целью коммунистов, в России им необходима вся полнота государственной власти и мощная смысловая, идеологическая установка. Ее носителем должна была стать партия нового типа (по образцу религиозных орденов). Марксистская наука служила для этого важнейшим инструментом: она давала коммунистической Цели и Идеологии авторитет научности (в то время марксистское направление было одним из самых продвинутых). Т. е. Ленин использовал науку не только и, может быть, не столько как теорию, прежде всего он учитывал ее прикладной потенциал.

При этом Ленин вышел за рамки тех ограничений, которые выстроила история и отразила общественная наука. Он показал, что этот выход возможен за счет взятия и использования власти. Не той власти как главного стимула, мотивации действий большинства великих исторических деятелей и властвующих элит — власти как условия господства своей социальной группы или своего класса. И, конечно, не той власти, о которой писал Ф. Ницше как о

пути выхода сверхчеловека за рамки «слишком человеческого» (Сергейцев и др., 2020, с. 275–276). Для Ленина власть необходима *не как цель, а как средство* преобразования общества. Победа идей Ленина демонстрирует, что сложность человека и его истории выше, чем способность ее «распознавания» общественной наукой.

Высока ценность науки в ее «прикладном» значении для эффективного управления обществом. Для этого необходимы люди с большими знаниями, наделенные особым талантом (интуицией) понимания ключевых вопросов ситуации, волнующих людей управляемых, наделенные харизмой. Многие из этих качеств могут быть получены в результате обучения наукам об обществе. Природные *харизматики* в некоторой части могут быть заменены *профессионалами*.

Кадры для элиты и проблема неравенства

Как уже отмечалось, в России и Китае в паре «правлящий слой – государство» в периоды нормального развития общества государство является ведущим звеном, формирующим правящий слой, элиту. Важнейшей задачей государства является создание активного, профессионального, патриотичного кадрового состава элиты. В настоящем разделе рассматриваются в основном практические подходы к решению этой проблемы.

В Российской Федерации современный кадровый состав как финансово-экономических институтов, так и государственных отраслевых и территориальных органов управления сформировался в значительной мере в период разрушения советской системы управления. Существующий «кадровый корпус» (включая менеджеров и собственников крупных компаний), как говорится, далек от совершенства и вызывает много критики и в отношении профессиональной пригодности, и даже в отношении непатриотичности идеологических установок. Многие журналисты и политологи поднимают вопрос о необходимости ускорить процесс обновления состава кадров, управляющих экономикой, совершенствовать доминирующие ценностно-смысловые установки, о необходимости «трансформации элиты»¹³. Эта

¹³ Переслегин С. (2023). Опричная стратегия. О перспективах трансформации элиты // Завтра. № 5.

задача осознается государством. Вопрос состоит в выборе способов, механизмов «отбора и выдвижения» кадров для правящего слоя, а также обеспечения его патриотической жизненной установки, предотвращения воздействия враждебной идеологии.

Развитые капиталистические страны достигли высоких результатов за счет рыночной конкуренции, за счет того, что более материально обеспеченными и влиятельными в обществе чаще становились наиболее способные предприниматели и «управленцы». Умение находить приемлемые пути в сложнейших ситуациях рынка не менее ценно, чем достижения в науке или медицине. Но когда объем личной собственности служит главным фактором, определяющим статус человека в обществе, это создает такие мощные «стихийные» силы, порождающие неравенство, что проблема ограничения неравенства становится (и до сих пор остается) труднейшей проблемой человечества¹⁴. Цивилизационный код России и ее исторический опыт не совместимы с верховенством капиталистических принципов. Кроме того, чрезмерный разрыв между бедными и богатыми становится серьезным тормозом для экономического роста, поскольку препятствует росту спроса основной массы потребителей.

В то же время первоначальное упрощенное представление о социализме как о системе полного социально-экономического равенства также, несомненно, ошибочно. Она создала бы крайне неустойчивое общество, где постоянно сохранялась бы опасность недовольства ча-

¹⁴ В 2020 г. в Гарвардском университете вышла большая книга Тома Пикетти (Piketty, 2020), посвященная в основном проблеме неравенства и идеологиям, выступающим против неравенства или оправдывающим неравенство. Подробно описаны разные виды неравенства: экономическое, связанное с уровнем образования, с отношениями метрополии и колоний, и др., а также история идеологической и политической борьбы против чрезмерного неравенства и за поддержку неравенства. Хотя автор показывает, как на протяжении истории постоянно рушились попытки создать устойчивые режимы, отвечающие представлениям о справедливости, он заключает книгу верой в то, что справедливое общество построить можно. По его мнению, оно будет создано на основе принципов партиципативного социализма (социализма участия) и социального федерализма.

сти элиты недостатком своего уровня жизни и общественного влияния. В бедных странах разрыв между богатой верхушкой общества и остальной массой населения, как правило, больше, чем в богатых развитых странах. Причина в том, что элиты бедных стран стремятся обеспечить себе такие же образ жизни и возможности общественного влияния, как у элиты богатых развитых стран. А государства бедных стран не ставят всерьез задачи ограничения богатства элиты, поскольку такая политика может спровоцировать покинуть страну значительную часть элиты, т. е. активных, квалифицированных, способных предпринимателей.

Чрезмерный рост экономического неравенства стал одной из причин стремительного (по историческим меркам) усиления и распространения в XIX–XX столетиях идеологии социализма и того, что она стала великим смысловым комплексом наравне с мировыми религиями. Теперь признано, что социалистическая система может (по примеру Компартии Китая) полностью использовать механизм рыночной конкуренции. Для России, несомненно, требуется обновление идеологии социализма, учитывающее лучшие черты советской общественно-экономической системы и современные подходы. Необходима *идеология социализма с российской спецификой*.

В России в результате трансформации экономического и общественного устройства в 90-е годы резко обострилась проблема неравенства. Децильный фондовый индекс неравенства по доходам, который в поздние советские времена составлял 6–8 раз, в 2010–2020 гг. устойчиво держался на уровне 15–16 раз. По уровню неравенства Россия стала занимать одно из первых мест среди развитых стран¹⁵. При этом исследования многих российских и зарубежных социологов показывают, что восприятие высокого уровня неравенства населением России отличается от восприятия жителей других стран гораздо более острой критической оценкой. Ответственным за необходимое снижение неравенства население России считает государство (Горшков, 2014; Белехова, 2023).

¹⁵ Россия и страны мира: стат. сборник (2022). М.: Росстат. 400 с.

В богатых капиталистических странах, как правило, значительная часть населения считает определенный уровень неравенства вполне нормальным явлением или неизбежной «платой», необходимой для стимулирующего действия капиталистической смысловой установки на личное обогащение. В «коде» российского народа сильны элементы «социалистической установки», допускающей неравенство в основном в форме морального авторитета и отвергающей чрезмерное материальное неравенство.

Российское государство оказывается «между двух огней». С одной стороны, пробуксовывание реализации публично заявленных целей более справедливого распределения порождает снижение доверия к государству, апатию и пассивность в народе (Ильин, Морев, 2022). С другой стороны, резкая смена механизмов перераспределения (вроде бы оправданная военной ситуацией) в условиях информационно-идеологической войны может привести к оппозиционным настроениям в слое крупных собственников и к его расколу. Если эти опасности имеют хоть малую вероятность осуществиться, приходится, как поется в песне, «выучиться ждать», адаптируясь к неприемлемо высокому уровню неравенства: поддерживать уверенность, что это временно; создавать условия, чтобы патриотическая часть госуправления не чувствовала себя нищей по сравнению с олигархами. Возможно, наилучшая линия политики — медленное, пошаговое введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов и имущества. Видимо, введение НДФЛ в размере 15% для лиц с высоким доходом было первым шагом такого проекта. Будем ждать дальнейших шагов.

Вернемся к задаче формирования «корпуса кадров» для управляющего слоя. В эпоху классического капитализма главным механизмом смены кадров была рыночная конкуренция (с разорением обанкротившихся компаний и созданием новых). Сейчас, в эпоху доминирования гигантских корпораций и увеличения размеров государственного аппарата крупных стран, более значимые процессы смены кадров происходят внутри бюрократических структур, управляющих этими организациями. Ускоренная ротация кадров путем отставки не справив-

шихся и назначения новых чаще всего сталкивается с проблемой укрепления власти кланов, засилья родственных и дружеских связей, игнорирующих деловые и моральные качества претендентов на должность. В результате новый состав управляющей структуры нередко оказывается хуже предыдущего.

Наилучшим образом зарекомендовал себя еще в советское время способ, который можно обозначить как **проектный**. Контингент работников и управленцев, а также организации, участвующие в реализации долгосрочного проекта, представляющего приоритетную значимость для экономики или общества (например, система проектирования и строительства АЭС для своих и иностранных заказчиков), выделяются и начинают действовать по особым правилам, отличным от общепринятых, и пользоваться особыми возможностями. В число этих отличий, например, может входить обязанность любых российских компаний и госорганов выполнять в первоочередном порядке запросы на информацию, заказы на определенные виды оборудования от участников проекта.

Осознание участниками такого проекта первоочередной важности их общего дела для страны, народа неизбежно становится фактором, объединяющим их и формирующим их смысловые установки. Особенно сильное духовное воздействие оказывает участие в проекте, если участники объединены территориально или по условиям труда часто контактируют друг с другом. Другим важным качеством проекта является долгосрочность, его стратегический характер.

В этом смысле образцом могут служить проекты создания и развития территориально-производственных комплексов (ТПК). Ряд ТПК на месторождениях Урала и Сибири был создан еще в советское время в расчете на развитие на протяжении нескольких поколений. Скажем, сначала осваивается добыча металлогенераторных руд за счет поставок горнодобывающего оборудования из других районов, затем строятся машиностроительные заводы, позволяющие обеспечить свои потребности и поставлять продукцию в другие регионы. Дороги и энергетика строились с большим опе-

режением в расчете на будущее строительство заводов со все более сложной продукцией. Учитывается неизбежный быстрый рост населенных пунктов, затем городов, развитие системы подготовки кадров — от школ и детских садов до филиалов ведущих вузов страны¹⁶.

Создание для определенного проекта (который может включать как государственные, так и частные компании) и его команды привилегированного положения ставит его в ситуацию монополиста и устраняет конкурентные стимулы к развитию. Отсутствие стимулов может привести к деградации управляющей системы проекта¹⁷. В такой ситуации основную роль в формировании стимулов, разработке возможностей и долгосрочных перспектив развития проекта, естественно, берет на себя государство. Оно может использовать разнообразные инструментари: воздействовать на соотношения цен, системы дотаций, госзаказ, государственные инвестиции и т. д. Ключевое значение, конечно, будет принадлежать параметрам стратегического народнохозяйственного плана. В условиях санкционной экономической войны, разрушающей свободные рынки, именно государство может и должно создавать условия, когда импортозамещение оказывается наиболее перспективным (более, чем поиски путей для обхода санкционных ограничений).

Свойством создавать духовно-смысловое единство участников большого сообщества и поднимать их трудовую активность обладают многие крупные финансово-промышленные и другие корпорации. Этим страна может и должна воспользоваться.

¹⁶ О советских и современных ТПК и их роли в развитии российской экономики пишет в ряде статей Б. Марцинкевич (см., например, Марцинкевич Б. (2022). Что такое ТПК. От импортозамещения к импортоопережению // Завтра. № 48).

¹⁷ Примером может служить резкое ухудшение в 1990–2000-е годы положения в железнодорожном транспорте. Это ухудшение специалисты характеризуют как пример отрасли, где переход к рынку нанес «наиболее разрушительный удар»: тотальное воровство и коррупция, «отсутствие сколько-нибудь понятной перспективы и планов по исправлению ситуации» (Максимов Г. (2016). Стальная воля. О развитии железных дорог в России // Завтра. № 5).

Пока стабильность ценнее новых горизонтов

В начале статьи было перечислено множество задач, стоящих сейчас перед Россией. Многие из них требуют серьезных и по возможности скорых трансформаций в экономике и других секторах. Журналисты и ученые доказывают, что необходимо постоянно контролировать и, если нужно, совершенствовать идеологию, которой руководствуется народ, конкретизировать образ Будущего для страны, вводить прогрессивную шкалу налогообложения, создавать специальный орган, разрабатывающий стратегические планы... Путинский управляющий центр понимает необходимость решения большей части этих задач. Но медлит, почему? Ведь речь не идет о срочных действиях, которые невозможны в период специальной военной операции. Речь идет о проблемах, которые выявились задолго до ее начала. Сказать, как мы уже привыкли слышать (и от оппонентов, и от сторонников), о «недостатке политической воли»? После таких решений, как присоединение Крыма, начало СВО, включение новых субъектов в состав РФ, такое объяснение совсем неприемлемо.

Наиболее убедительным представляется следующее объяснение. Последние годы показали, насколько мощным оружием в руках западного «глубинного государства» является его монопольное владение средствами воздействия на общественное сознание. В условиях конфронтации коллективного Запада и незападных стран, перешедшей в настоящую войну в информационно-идеологическом пространстве, любые радикальные изменения могут породить расколы в российском обществе. Хотя возникновение значимых расколов сейчас маловероятно,

но связанные с ними риски слишком высоки. В период обострения конфронтации с Западом любые изменения и трансформации должны проводиться **с соблюдением правила или требования сохранения устойчивости, стабильности** основных структур общества и принципов жизни, единства и взаимного доверия между разными социальными слоями, между властью и обществом.

Заключение

Подытожим основные проблемы и тезисы, содержащиеся в статье.

1. В статье дано определение понятия идеология и предложена его «двойственная» структура: глубинная идеология (ГИ) – комплекс знаний, принципов, нравственных норм и ограничений (не всегда четко осознаваемых), которыми руководствуется общество в своей жизнедеятельности, и интеллектуально формализованная идеология (ИФИ).

2. Главный носитель идеологии – правящий слой, элита, в странах Запада, как правило, направляет развитие идеологии и использует ее в своих целях. В России и Китае чаще ведущим звеном является государство, которое в значительной мере формирует и идеологию, и правящий слой.

3. Рассмотрение проблем современного развития доказывает первостепенную значимость правящего слоя для развития общества. Для российского государства важнейшей проблемой является совершенствование механизмов отбора кадров и создания привилегированных условий для правящего слоя в ситуации существующего неоправданного неравенства. Рассматриваются подходы к практическому решению этой проблемы.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2022). О преодолении стагнации и кризиса и переходе к устойчивому социально-экономическому росту в России // Актуальные проблемы экономики и управления. № 4. С. 4–34.
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1.
- Волконский В.А. (2021). Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир. 384 с.
- Волконский В.А. (2022). «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика // Экономическая наука современной России. № 2.

- Волконский В.А. (2023). Логика противостояния цивилизационных полюсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1.
- Горшков М.К. (2014). Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. № 7.
- Делягин М.Г. (2023). Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Плантагенетов до Скрипалей. Изд. 3-е, испр. М.: Книжный мир. 264 с.
- Драпеко Е. (2023). Почему воспитание «буксует»? // Советская Россия. № 64.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демократического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1.
- Миллс Ч.Р. (1959). Властвующая элита. М.: Изд. иностранной литературы.
- Моска Г. (1994). Правящий класс. Гл. 2, 7 // Социологические исследования. № 10, 12.
- Моска Г. (1995). Элементы политической науки. Гл. 3, 5 // Социологические исследования. № 4, 5, 8.
- Парето В. (2007). Социалистические системы. М.: Директ-медиа, 2007.
- Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П. (2020). Идеология русской государственности, Континент Россия. СПб: Питер. 688 с.
- Турчин П. (2023). Конец времени. Элиты, контрэлиты и путь Политическая дезинтеграция. Нью-Йорк: Пингвин пресс. 489 с.
- Узякова Е.С. (2023). Оплата труда и качество рабочей силы в России // Проблемы прогнозирования. № 4.
- Фромм Э. (1992). Некрофилия // Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа.
- Фурсов А.И. (2016). Conspiracione. О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Хазин М., Щеглов С. (2017). Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М.: РИПОЛ классик. 624 с.
- Шпенглер О. (1998). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри. 688 с.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. Public Affairs.
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. Belknap Press: Harvard University Press.
- Ruiping Fan (Ed.). (2011). *Renaissance of Confucianism in Contemporary China*. Dordrecht e.a.: Springer.

Сведения об авторе

Виктор Александрович Волконский – доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Volkonsky V.A.

On Ideologies and Their Bearers: Revisiting the Issue

Abstract. With the advent of the era of information and knowledge, ideologies are becoming increasingly important in the life of societies and determine their history. The role of ideologies has especially increased during the period of aggravation of the civilizational confrontation between the Collective West and those non-Western countries that are friendly toward Russia and China. The article defines the concept of ideology and provides a brief description of modern ideologies of the West and Russia. We prove that even a scientifically developed theory is very limited in its ability to identify the main patterns of societal development (due to the incomparable complexity of the knowable and the knower), and even more so to purposefully influence this development. There is a well-known Leninist formula: “An idea becomes a power when it takes hold of the masses”. But it is the elite, the ruling stratum, that develops an ideology,

protects it from hostile influences, and communicates it to society. Based on the works of Russian and Western historians and sociologists, the paper describes the development of ideas about the ruling stratum, the elite as the bearer of ideologies and the dangers associated with its split. In Western countries, the function of selecting personnel for the elite is largely performed by the market mechanism of capital accumulation. In Russia and China, in the “ruling stratum – government” tier, the leading role is more often played by the government, which largely forms both the ideology and the ruling stratum. In modern Russia, one of the crucial tasks is to create mechanisms for the selection of personnel and creation of privileged conditions for the ruling stratum in a situation of existing unjustified socio-economic inequality. The article discusses methods for practical solution of this problem. The presented material can be used to determine the priority of the tasks facing Russia and to form institutional mechanisms for their solution.

Key words: ideology, ideological bearers, civilizational confrontation, elite, ruling stratum, government.

Information about the Author

Viktor A. Volkonsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Статья поступила 04.12.2023.

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.3

УДК 332.02, ББК 65.049(2)

© Окрепилов В.В., Коршунов И.В.

Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения

Владимир Валентинович

ОКРЕПИЛОВ

Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: okrepilov@test-spb.ru

ORCID: 0000-0003-0830-2081; ResearcherID: B-6290-2015

Илья Владимирович

КОРШУНОВ

Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: korshunov.ires@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7758-8445; ResearcherID: P-5647-2015

Аннотация. Появление нового объекта в системе государственного управления – агломерации – вызывает необходимость разработки и определения набора показателей, которыми будут измеряться экономический рост и развитие агломераций. Эта управленческая проблема обосновывает актуальность исследования, цель которого – оценить информационно-аналитическую достаточность и качество показателей, рекомендуемых к применению при разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших агломераций и определяемых документами стратегического планирования федерального уровня, на примере

Для цитирования: Окрепилов В.В., Коршунов И.В. (2024). Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 60–78. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.3

For citation: Okrepilov V.V., Korshunov I.V. (2024). Managing the development of agglomerations in the context of multiple competing goals: Challenges and solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 60–78. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.3

Санкт-Петербургской агломерации. Методологической основой исследования являются публикации российских и зарубежных ученых и экспертов по проблеме пространственного развития и управления городскими агломерациями; действующая система законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные аспекты национальной политики пространственного развития; данные официальной статистики. На основании результатов, полученных в ходе исследования, сделаны выводы: 1) показатели оценки экономического роста агломераций, которые однозначно определены федеральными документами стратегического пространственного планирования, можно принять в качестве минимально достаточных и исключительно для реализации предельно сокращенной версии экспресс-анализа; 2) процесс институционализации управления городскими агломерациями не завершен; на текущем этапе мы имеем дело с «мягкой» формой как требований к определению состава и границ агломераций, так и правил формирования долгосрочных программ развития агломераций; 3) необходимо развивать имеющийся опыт создания стратегических планов развития городских агломераций. Новая методология должна сочетать современные концепции пространственного развития, позволяющие найти компромисс между государственным контролем и потенциалом управления агломерациями; преодолеть проблему фрагментации управления и размытости институциональной структуры управления агломерацией; использовать инструменты экономики качества (метрологию, стандартизацию и управление качеством) при разработке стратегий и долгосрочных планов развития городских агломераций.

Ключевые слова: городские агломерации, стратегическое планирование, пространственное развитие, индикаторы планирования, качество управления, качество планирования, экономика качества, Санкт-Петербургская агломерация.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10090, <https://rscf.ru/project/23-28-10090/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда при поддержке Правительства Санкт-Петербурга, в Институте проблем региональной экономики Российской академии наук.

Введение

Ключевым концептом действующей «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹ (далее – Стратегия) выступает политика поляризованного развития. Документом определены приоритеты пространственного развития, представляющие агломерацию в качестве драйвера роста территории; приоритеты развития инфраструктурного каркаса и границы макрорегионов. Появление нового объекта в системе государственного управления – агломерации – вызывает необходимость разработки и определения набора показателей, которыми будут измеряться экономический рост и развитие агломераций, что стимулирует исследования как в

области обоснования модели управления агломерацией (Доклад о состоянии..., 2021), так и в области формирования подходов к оценке (Растворцева, Манаева, 2023; Фаузер, Смирнова, 2023). В настоящее время, характеризующееся сдвигами в социальной структуре общества и экономике, геополитическим кризисом, названные вопросы крайне актуальны для России и не менее актуальны за рубежом (Castan Broto et al., 2019; Bell et al., 2020; Granqvist et al., 2020). Это обосновывает значимость «качества управления, в том числе повышение качества планирования» (Окрепилов, 2021а). Процесс управления критически зависим от информации – решения принимаются на основе полученной информации (в том числе по планированию), а применение составляющих экономики качества – стандартизации,

¹ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р.

метрологии, управления качеством — повышает эффективность и качество планирования, что подтверждается опытом создания стратегических документов.

Эта управленческая проблема и обосновывает актуальность настоящего исследования. Его цель — оценить информационно-аналитическую достаточность и качество показателей, рекомендуемых к применению при разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших агломераций и определяемых документами стратегического планирования федерального уровня, на примере Санкт-Петербургской агломерации. Таким образом, объектом исследования является Санкт-Петербургская агломерация, относящаяся к категории крупнейших городских агломераций².

Для достижения цели в исследовании поставлены и решены следующие задачи:

1) установлены показатели оценки экономического роста агломераций, которые однозначно определены федеральными документами стратегического пространственного планирования;

2) проведен ретроспективный анализ состояния социально-экономической системы Санкт-Петербургской агломерации на основе показателей, однозначно определяемых документами стратегического планирования федерального уровня;

3) выявлены основные тенденции пространственного и социально-экономического развития Санкт-Петербургской агломерации.

На основании результатов, полученных в ходе решения задач, сделаны выводы о достаточности рекомендуемого набора показателей для определения основных параметров эконо-

мического роста агломерации с целью принятия стратегических решений и понимания вызовов развитию агломерации.

Методика исследования и данные

Методологической основой исследования являются публикации российских и зарубежных ученых и экспертов по проблеме пространственного развития и управления городскими агломерациями; действующая система законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные аспекты национальной политики пространственного развития; данные официальной статистики.

Приступая к обсуждению методики исследования, необходимо принимать во внимание следующий факт, который добавляет сложности в области управления развитием городских агломераций. Это отсутствие законодательного закрепления понятия городской агломерации, критериев отнесения территорий к числу таковых, методики определения границ агломераций. Существующие «Методические рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»³ (далее — Методические рекомендации), обсуждаемые ниже, представляют лишь рекомендации к определению состава крупных и крупнейших городских агломераций, предлагая перечень муниципальных образований, рекомендуемых к включению в их состав. В результате, как утверждают эксперты Института экономики города, опираясь на результаты проведенного ими исследования, сегодня наблюдается ситуация, когда «представление о составе агломераций, существующее в субъектах Российской Федерации и отраженное в том числе в действующих документах планирования, в большинстве случаев расходится, и порой радикально, с рекомендованным Методическими рекомендациями составом»⁴. Здесь отметим,

² Совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 1000 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми и социальными, связями (согласно определению, приведенному в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р)).

³ Утверждены Приказом Минэкономразвития России от 26.09.2023 № 669.

⁴ К вопросу о составе крупных и крупнейших городских агломераций Российской Федерации. Институт экономики города. 21 с. URL: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/aglomeracii_-_ekspress-analiz.pdf (дата обращения 10.10.2023).

что в отношении Санкт-Петербургской агломерации наблюдается совпадение мнений о ее составе как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. Одни и те же территории определены и Методическими рекомендациями, и законом Ленинградской области⁵.

Как отмечается в исследовании Л.В. Мельниковой, представляющем анализ эволюции «идей об эффективности и равенстве в пространственном развитии экономики» (Мельникова, 2022) за период с 1990-х годов до настоящего времени, модель поляризованного развития, опирающаяся на «идею о принципиальной роли агломерации в экономическом росте» (Мельникова, 2022), получила приоритет в российской региональной политике во втором десятилетии XXI века. В 2017 году «дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций», было определено одним из результатов государственной политики регионального развития Российской Федерации, который необходимо достичь к 2025 году⁶. Разработанные в 2018 году национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации сперва до 2024 года⁷, а затем до 2030 года⁸, и «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»⁹ выделили как один из вызовов территориальные различия

в уровне жизни, а «появление и развитие новых центров экономического роста» обозначили в качестве ответа на этот вызов.

Согласно упомянутому выше плану, усиление межрегиональных связей должно обеспечить улучшение связанности центров экономического роста между собой и создать стимулы к дополнительному развитию как самих центров, так и территорий между ними. Это должно привести к росту качества жизни на всей территории страны не за счет перераспределения ресурсов, а за счет экономического развития территорий, что повышает значение управления центрами экономического роста. Одновременно в документе отмечается его роль – сформировать «верхнеуровневую систему показателей и основные задачи (факторы и описание требуемых действий внутри них)»¹⁰. Такое решение обосновывалось намерением обеспечить оперативную гибкость механизма управления достижением национальных целей развития. В результате – детализация задач, мероприятий, инструментов, а также индикаторов – переносится в национальные проекты, государственные программы, региональные проекты и государственные программы регионов. Аргумент – повышение эффективности управления и обеспечение прямой связи программ с работой по достижению национальных целей развития.

В итоге задача формирования такого важного контура системы управления агломерациями (центрами экономического роста), как система показателей и методология их формирования, переносится на уровень конкретных проектов и программ, которые будут запланированы к реализации в совершенно определенных территориях, где, собственно, и размещаются агломерации. Учитывая совокупность национальных целей, многообразие проблем и различие уровня их приоритетности в границах конкретной территории (Коршунов, 2023), а также то, что собственно агломерация как на-

⁵ Областной закон Ленинградской области от 08.08.2016 № 76-оз (ред. от 19.12.2019) «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (принят ЗС ЛО 13.07.2016).

⁶ См. Указ Президента Российской Федерации от 15.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁹ Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р (с изм. от 24.12.2021).

¹⁰ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р (с изм. от 24.12.2021).

циональная цель не определена этими документами, очевидно, следует предположить, что имеется несколько вариантов развития событий в части выстраивания контура системы управления агломерациями.

Первый вариант. Широкая вариативность набора показателей для управления агломерациями, которая обусловлена:

1) наличием значительного числа субъектов управления (ответственные за реализацию программы / проекта, обусловленных национальными целями развития), поскольку с большой вероятностью можно предположить, что на территории отдельного региона будет реализовываться не единичная программа / проект, а некоторая их совокупность;

2) наличием большой совокупности национальных проектов, государственных программ, региональных проектов и государственных программ регионов, которые будут реализовываться на территории;

3) различным уровнем внимания к агломерационным процессам и отдельным аспектам этого процесса, различными подходами, объясняемыми спецификой конкретных проектов/программ, уровнем, на котором они разрабатываются (государственный/региональный/муниципальный), что будет приводить к концентрации внимания на определенном круге задач и соответствующих этим задачам измеряемых показателей.

Второй вариант. Стандартный набор показателей, рекомендуемый (или обязательный) к применению на всех уровнях управления агломерационными процессами, зафиксированный в методических указаниях, подготовленных на федеральном уровне. Подготовка методических указаний потребует от федерального уровня управления выбора определенной теоретической концепции, на которой будет выстраиваться методика, определяющая эти показатели, и понимания институциональной структуры управления агломерациями.

Третий вариант представляет собой комбинацию первого и второго – это использование как стандартного набора показателей, так и показателей, извлекаемых из систем, создаваемых

в рамках программного и проектного управления достижением целей национального развития.

Здесь необходимо заметить следующее. Несмотря на то, что вопрос формирования системы управления городской агломерацией вызывает большой интерес среди российских экспертов, тем не менее авторы обходят стороной вопрос системы показателей, на основе которых должны приниматься управленческие решения. В рамках обсуждаемой проблемы интерес представляет статья Ю.В. Павлова, Е.Н. Королевой и Н.Н. Евдокимова (Павлов и др., 2019). Примечательно, что на уровне представления синтезированной системы управления городской агломерацией, полученной на основе анализа 144 исследований, в таблице 7 приводимого выше исследования, раскрывающей элементы подсистемы прямых и обратных связей системы управления, приводится такой элемент, как государственное (в т. ч. нормативно-правовое) регулирование развития агломерации, в рамках которого просматривается формализация такой характеристики, как показатели для целей управления. Но в предлагаемой исследователями авторской многоуровневой декомпозиции системы управления агломерацией этот элемент исключен из обсуждения применительно ко всем рассматриваемым моделям управления городской агломерацией (договорная, двухуровневая муниципальная, одноуровневая, региональная).

Соглашаясь с исследователями в том, что сложность объекта управления и особенности модели управления требуют взвешенного подхода к определению показателей, применяемых для целей управления, тем не менее считаем, что уклонение от обсуждения этого значимого элемента системы управления агломерациями не является конструктивным шагом.

На объективное существование проблемы указывают не только проведенный выше анализ «верхнеуровневых» документов стратегического планирования и результаты исследований ученых и экспертов, это вытекает и из анализа документов государственного стратеги-

ческого планирования именно пространственного развития России.

Принятая в 2019 году Стратегия, определяя политику развития перспективных центров экономического роста в качестве одного из четырех приоритетов, одновременно делает акцент на стимулировании агломерационных эффектов не только в перспективных центрах, но и на периферии (это два других приоритета из четырех заявленных в Стратегии), которая определяется, во-первых, как «территории с низким уровнем социально-экономического развития, обладающие собственным потенциалом экономического роста, а также территории с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала», во-вторых, как «опорные населенные пункты» и, в-третьих, как «приграничные муниципальные образования». Четвертый приоритет – связывание центра и периферии, которое реализуется через обеспечение транспортной доступности, развитие коммуникационно-информационной инфраструктуры. В связи с этим вполне обоснованным следует признать мнение тех исследователей, которые еще на этапе обсуждения Стратегии утверждали, что она указывает на отказ государства от регулирования пространственной организации экономики и «переход от комплексного планирования развития территорий к инфраструктурному планированию» (Мусинова, 2019). В более поздних исследованиях также внимание обращено на роль инфраструктурного планирования, в частности на то, что в стратегиях территорий, которые попадают в зону реализации федеральных инфраструктурных проектов, чаще всего отмечается проявление тех или иных положений, определяемых Стратегией (Жихаревич, 2021).

Большое количество центров роста и их рассредоточение по территории Российской Федерации зафиксировано в Приложении 3 к Стратегии. Такое впечатляющее количество объектов управления, обладающих при этом различными характеристиками, вызывает необходимость наличия обоснованной системы показателей, применяемых для определения

основных параметров экономического роста агломерации с целью принятия стратегических управленческих решений.

Рассмотренные ранее документы указали на единственный предлагаемый законодателем путь – детализацию индикаторов в конкретных планах, программах, проектах и стратегиях. Этот путь не простой и находится в центре внимания экспертов. С одной стороны, он отражает позицию центрального правительства в отношении того, каким образом оно планирует сделать агломерации более привлекательными и конкурентоспособными. Существует много сложностей на пути извлечения потенциала управления агломерациями через реализацию государственного контроля (Tolkki, Haveri, 2020). С другой стороны, это решение порождает проблему, широко обсуждаемую сегодня в зарубежных исследованиях независимых экспертов (Dixon et al., 2023; Kitchin, Moore-Cherry, 2020) и на площадках ООН¹¹, получившую название фрагментарное управление, которое создает большие сложности для современного территориального планирования и управления.

Тем не менее имеются все основания внимательно изучить документы, изданные в развитие Стратегии, на предмет выявления методических рекомендаций и показателей, рекомендуемых к применению в целях управления крупными и крупнейшими городскими агломерациями.

Первый документ из этой категории – «План реализации Стратегии пространственного развития на период до 2025 г.»¹² (далее – План). Действительно, п. 73 Плана предусматривает «разработку порядка согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономическо-

¹¹ 1st Global State of Metropolis: Metropolitan Management from Policy, Legislation, Governance, Planning, Finance and Economics. Preliminary Findings and Key Messages Booklet. United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat). Available at: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo/>

¹² Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 3227-р.

го развития крупных и крупнейших городских агломераций», он был выполнен практически с годичным опозданием (вместо июня 2021 года — в мае 2022 года), но в этом документе¹³ обсуждаются процедуры, а не показатели. Одновременно п. 75 Плана предусматривает «Разработку не менее 20 долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций». Поскольку срок выполнения события перенесен с декабря 2021 года на декабрь 2023 года, то можно предположить, что это связано с задержкой подготовки документа, регламентирующего процесс разработки планов. И это действительно так, Методические рекомендации, которые уже упоминались выше, были подготовлены только в сентябре 2023 года.

Проблема, к сожалению, заключается в том, что документ не вносит определенности в части того, что представляет собой система показателей, устанавливаемых документами стратегического планирования федерального уровня для анализа состояния социально-экономического развития агломерации в целях разработки долгосрочных планов их развития, а также обосновывающей их методики. В частности, п. 1.7 рекомендует при разработке долгосрочного плана использовать расчетную форму «Подготовка долгосрочного плана социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций», которая не прилагается к документу. Указано, что документ (расчетная форма) «размещен на сайте Минэкономразвития России в разделе «Нормативное обеспечение стратегического планирования» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/normativnoe_obespechenie_strategicheskogo_planirovaniya/). Но при обращении по указанному адресу (последняя дата обращения 10.11.2023) документ не обнаруживается.

Большое значение для нашего анализа представляет раздел 3 Методических рекомендаций, который называется «Анализ социально-экономического развития и прогнозирования развития городской агломерации». Описывая алгоритм анализа, этот раздел был призван сформировать четкое понимание о методике и составе показателей, которые войдут в систему, обосновывающую управленческое решение. Предлагается следующий алгоритм:

1) провести анализ текущего и прогнозного социально-экономического развития городской агломерации в целях выявления отставаний и дефицитов и по результатам анализа установить значения целевых показателей, на достижение которых направить мероприятие Долгосрочного плана (п. 3.1);

2) для выявления отставаний и дефицитов проанализировать базовые показатели социально-экономического развития городской агломерации (текущие значения и темпы роста за последние 5 лет) (п. 3.2). Здесь же утверждается, что перечень базовых показателей содержится в разделе «Базовые показатели СЭР» расчетной формы, которая размещена по приводимой в п. 1.7 ссылке на интернет-ресурс. Но, как было отмечено выше, по данному адресу расчетная форма не обнаруживается.

Далее в п. 3.2 приводится перечень показателей (всего четыре), определяемых Минэкономразвития России как характеризующие экономический рост и рекомендуемые для проведения анализа социально-экономического развития и прогнозирования развития городской агломерации. Это следующие показатели:

- объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами;
- объем инвестиций в основной капитал;
- среднесписочная численность работников организаций;
- среднемесячная заработная плата работников организаций.

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 996 «Об утверждении правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций».

Таким образом, обосновывается вывод, что скорее всего система показателей, характеризующих экономический рост агломераций, представляет собой широкий перечень, который в какой-то мере будет совпадать с показателями, генерируемыми в рамках управления национальными проектами и программами. Тем не менее четко и однозначно определены именно как характеризующие экономический рост агломерации приведенные выше четыре показателя, поэтому они и будут использованы нами при проведении ретроспективного анализа состояния социально-экономической системы Санкт-Петербургской агломерации.

Еще один вывод заключается в том, что, предположительно, раз отсутствует четкое указание на определенную методологию формирования показателей и методики их расчета, то у субъектов, осуществляющих планирование, имеется некоторая степень свободы по выбору методологии и формированию показателей. Самое главное – обеспечить их согласованность с «верхнеуровневой системой показателей», зафиксированной национальными целями развития Российской Федерации.

Обратим внимание на интересный момент, который был выявлен при сопоставлении показателей, однозначно определенных в Методических рекомендациях, и показателей, установленных национальными целями развития Российской Федерации (табл. 1).

Сопоставление показателей свидетельствует, что экономический рост агломерации в первую очередь должен содействовать достижению таких национальных целей, как «Достойный, эффективный труд, успешное предпринимательство» и «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», что в полной мере укладывается в логику разработки мер реагирования на большой вызов, определяемый как «территориальные различия в уровне жизни», послуживший причиной принятия стратегии поляризованного развития, представляющей агломерации в роли драйверов роста.

Далее проведем анализ четырех показателей, характеризующих экономический рост агломерации, приведенных в Методических рекомендациях, для формирования обоснованного суждения о сути наблюдаемых тенденций в области социально-экономического развития агломерации.

Таблица 1. Соотнесение показателей, характеризующих экономический рост агломераций, с национальными целями развития

№	Показатель, определенный Приказом № 669 от 26.09.2023	Целевой показатель в соответствии с Указом № 474 от 21.07.2020
1	Среднесписочная численность работников организаций	Увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн чел.*
2	Среднемесячная заработная плата работников организаций	Обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения не ниже уровня инфляции*; снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года**
3	Объем инвестиций в основной капитал	Реальный рост инвестиций в основной капитал не менее 70% по сравнению с показателем 2020 года*
4	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	Обеспечение темпа роста валового регионального продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности*
<p>* Показатель относится к национальной цели «Достойный, эффективный труд, успешное предпринимательство».</p> <p>** Показатель относится к национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей».</p> <p>Источник: составлено авторами.</p>		

Результаты исследования

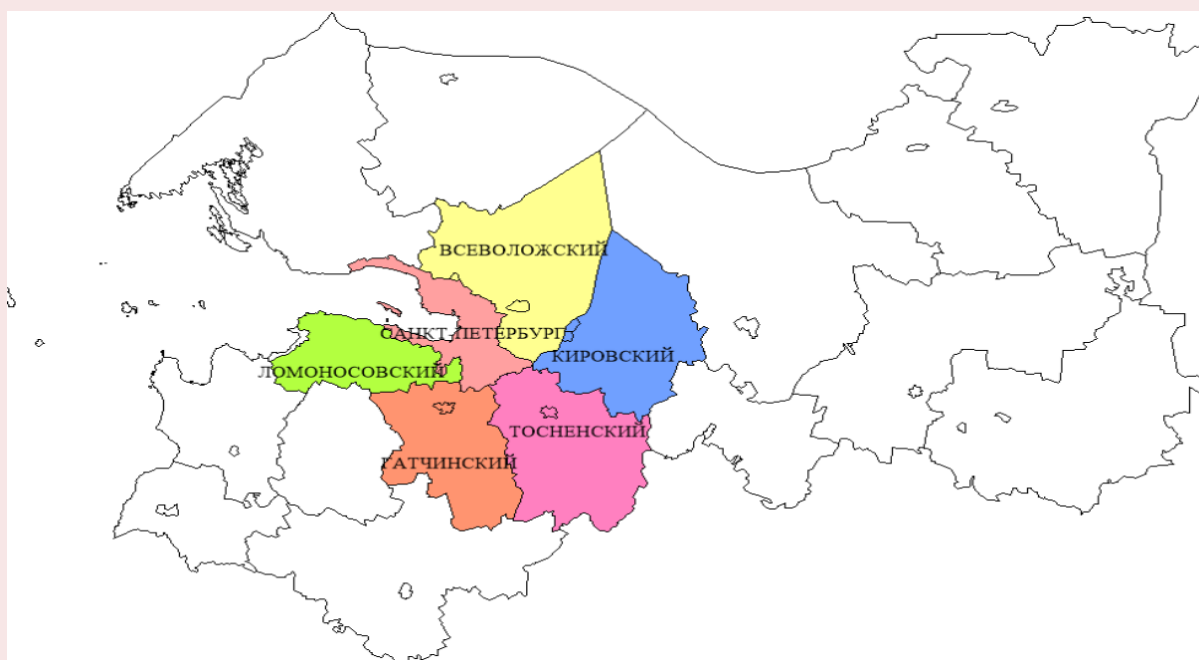
Санкт-Петербургская агломерация занимает площадь размером 17,1 кв. км, в ее состав входит вся территория г. Санкт-Петербурга и 19% территории Ленинградской области. Это следующие муниципальные районы: Всеволожский, Ломоносовский, Тосненский, Гатчинский и Кировский¹⁴. Размещение Санкт-Петербургской агломерации на территории Ленинградской области представлено на *рисунке 1*.

Производство. Хотя в Методических рекомендациях и указывается, что предлагаемые показатели рассчитываются Росстатом на уровне муниципальных образований, тем не менее их обнаружение в открытом доступе является сложной задачей (зачастую представляются общие данные, без детализации по отраслям экономики муниципального образования) или представление осуществляется в формате, не сопоставимом с форматом данных, опре-

деленных для статистики субъекта Федерации (г. Санкт-Петербург). Это в первую очередь относится к показателям, характеризующим экономическую деятельность, в частности – объему отгруженных товаров. В связи с этим в качестве показателя, характеризующего объем производства, был взят валовой региональный продукт (далее – ВРП), представляемый в том числе с детализацией по видам экономической деятельности региона.

По этой же причине для оценки тенденций в области экономики, формирующихся в границах агломерации в той ее части, которая образует муниципальными районами, входящими в состав Ленинградской области, использовался показатель ВРП Ленинградской области. Было сделано предположение, что тенденция, наблюдаемая для области в целом, большей частью будет характерна и для муниципальных районов.

Рис. 1. Санкт-Петербургская агломерация на территории Ленинградской области

Составлено по: Единый государственный реестр почвенных ресурсов России. URL: <https://egpr.esoil.ru/content/2DB.html> (дата обращения 19.10.2023).

¹⁴ Состав территорий определен Приказом Минэкономразвития России от 26.09.2023 № 669 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций».

Анализ данных статистики приводит к следующим выводам.

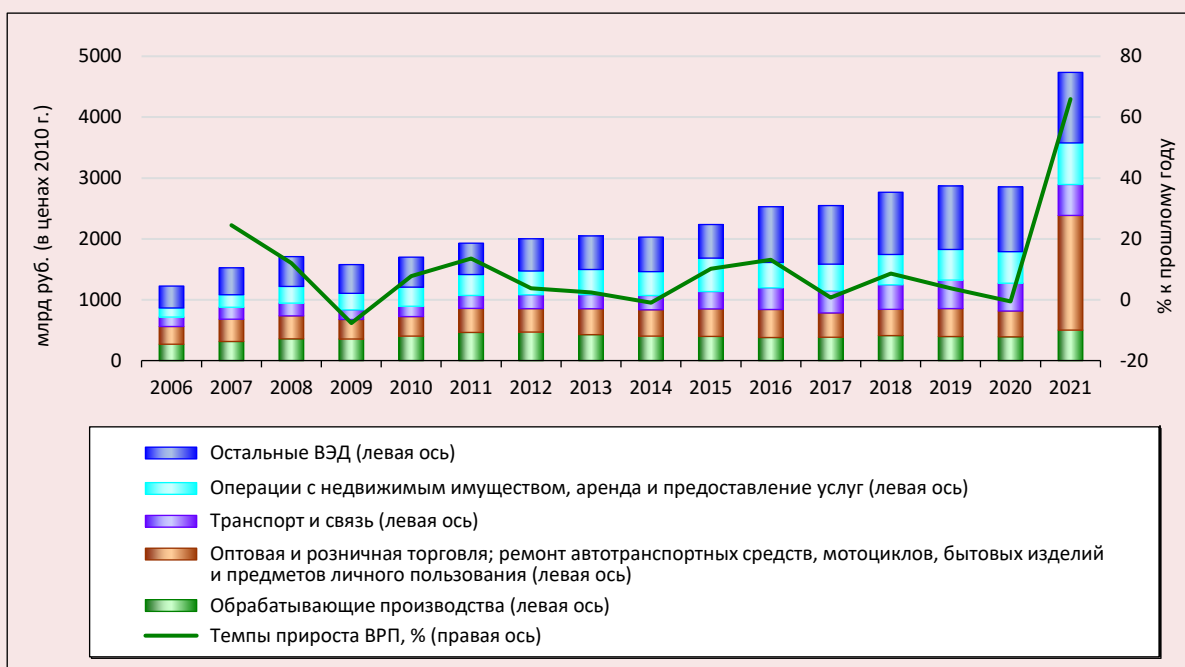
Во-первых, основными видами экономической деятельности (далее – ВЭД), определяемыми по доле вклада ВЭД в ВРП, для г. Санкт-Петербурга в 2006–2021 гг. являются ВЭД «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (22% в ВРП), «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (18% в ВРП), «Обрабатывающие производства» (17% в ВРП), и «Транспорт и связь» (13% в ВРП). Среднегодовой темп прироста ВРП г. Санкт-Петербурга составил 9,44% за рассматриваемый период (рис. 2).

Формирующийся отраслевой вектор находится в явном противоречии с «отраслевым вектором реализации задач, поставленных перед промышленностью Санкт-Петербурга» (Окрепилов, 2021b) в Концепции промышленной политики, разработанной Комитетом

по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга. Тенденция устойчивого роста экономики с опорой на отрасли, составляющие основу инновационного развития города (радиоэлектронная промышленность, транспортное машиностроение, в том числе судостроение, энергетическое машиностроение), а также наиболее высокотехнологичные отрасли промышленности (автомобильная, фармацевтическая, пищевая), пока не складывается.

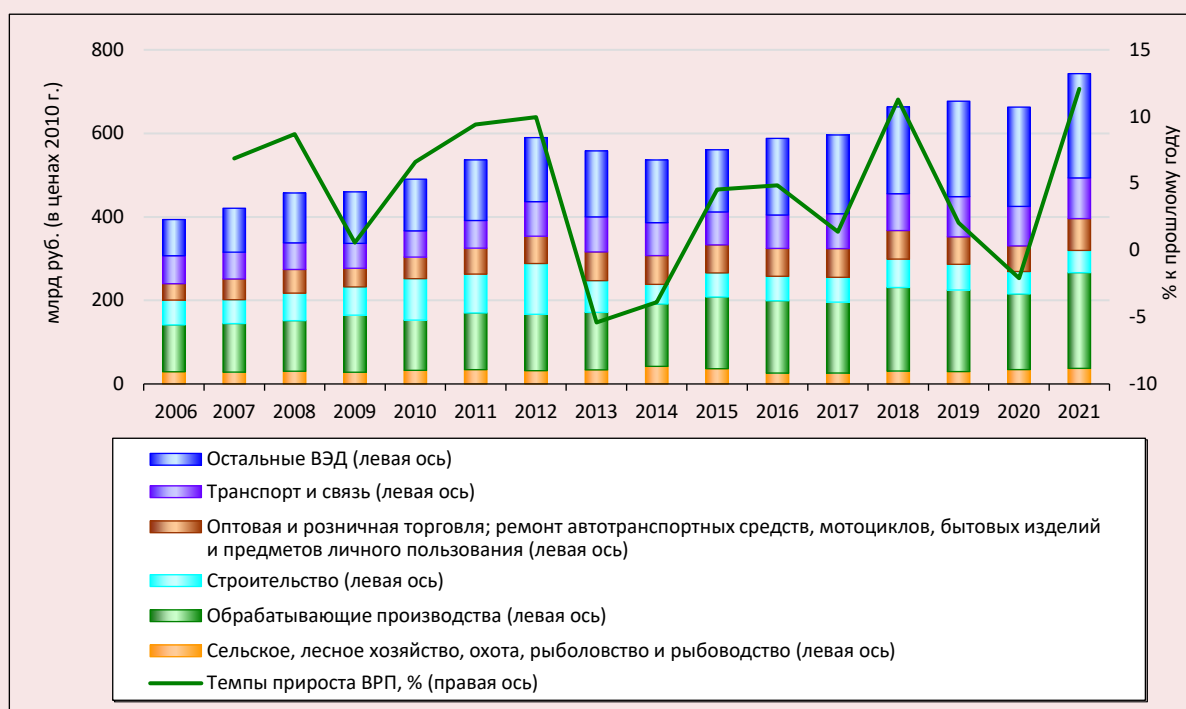
Во-вторых, главными видами экономической деятельности Ленинградской области в 2006–2021 гг. стали ВЭД «Обрабатывающие производства» (28% в ВРП), «Транспорт и связь» (14% в ВРП), «Строительство» (12% в ВРП), «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (11% в ВРП). Среднегодовой темп прироста ВРП Ленинградской области составил 4,33% за рассматриваемый период (рис. 3).

Рис. 2. Динамика и структура валового регионального продукта города Санкт-Петербурга за 2006–2021 гг., млрд руб. в ценах 2010 г.

Составлено по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения 19.10.2023); Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения 19.10.2023).

Рис. 3. Динамика и структура валового регионального продукта Ленинградской области за 2006–2021 гг., млрд руб. в ценах 2010 г.

Составлено по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения 19.10.2023); Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения 19.10.2023).

Примечательно, что, хотя и не наблюдается полного совпадения структуры ВЭД, формирующих экономику территорий, входящих в агломерацию, в то же время доля вклада трех ВЭД, которые одновременно значимы и для г. Санкт-Петербурга, и для муниципальных районов Ленинградской области, вошедших в агломерацию, практически совпадает и

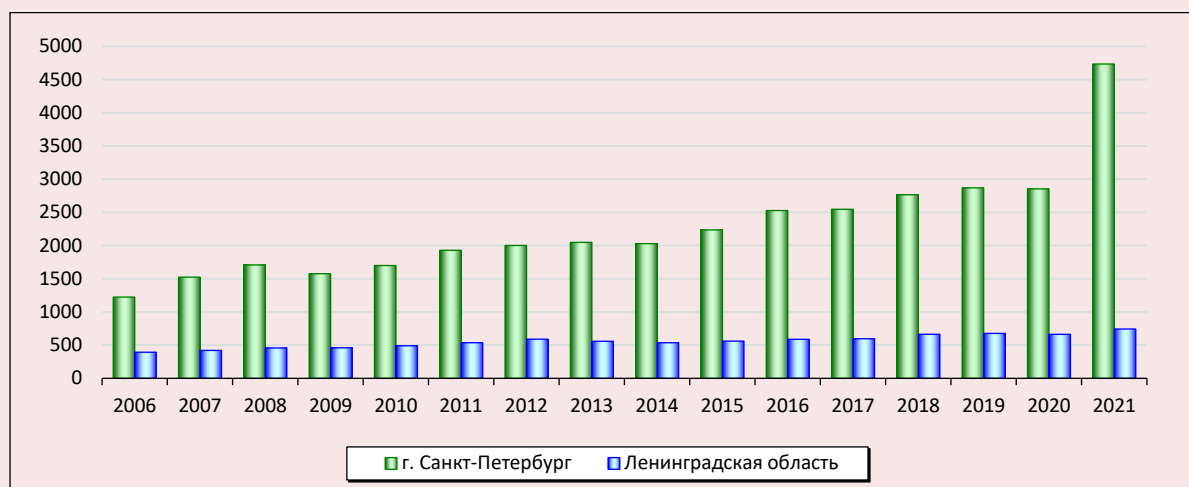
составляет 52 и 53% соответственно (табл. 2). Также стоит отметить, что ВЭД «Строительство» вошел в четверку лидеров для Ленинградской области и отсутствует в ней для г. Санкт-Петербурга, где среди четверки ВЭД, определяющих основной вклад в ВРП, присутствует ВЭД «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг».

Таблица 2. Сравнение ВЭД по доле вклада в ВРП: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область

Санкт-Петербург		Ленинградская область	
ВЭД	% к ВРП	ВЭД	% к ВРП
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22	Обрабатывающие производства	28
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	18	Транспорт и связь	14
Обрабатывающие производства	17	Строительство	12
Транспорт и связь	13	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Динамика ВРП г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 2006–2021 гг., млрд руб. в ценах 2010 г.

Составлено по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения 19.10.2023); Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения 19.10.2023).

Следует принять во внимание, каким образом соотносятся между собой размеры ВРП г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (рис. 4). Несмотря на то, что до 2021 года ВРП области был примерно в 4 раза ниже ВРП города, а в 2021 году в результате скачкообразного роста ВРП г. Санкт-Петербурга этот разрыв приблизился к 7, в среднем ВРП г. Санкт-Петербурга рос темпами, в два раза превышающими темпы роста ВРП Ленинградской области, при этом объем ВРП г. Санкт-Петербурга кратно превышает объем ВРП Ленинградской области.

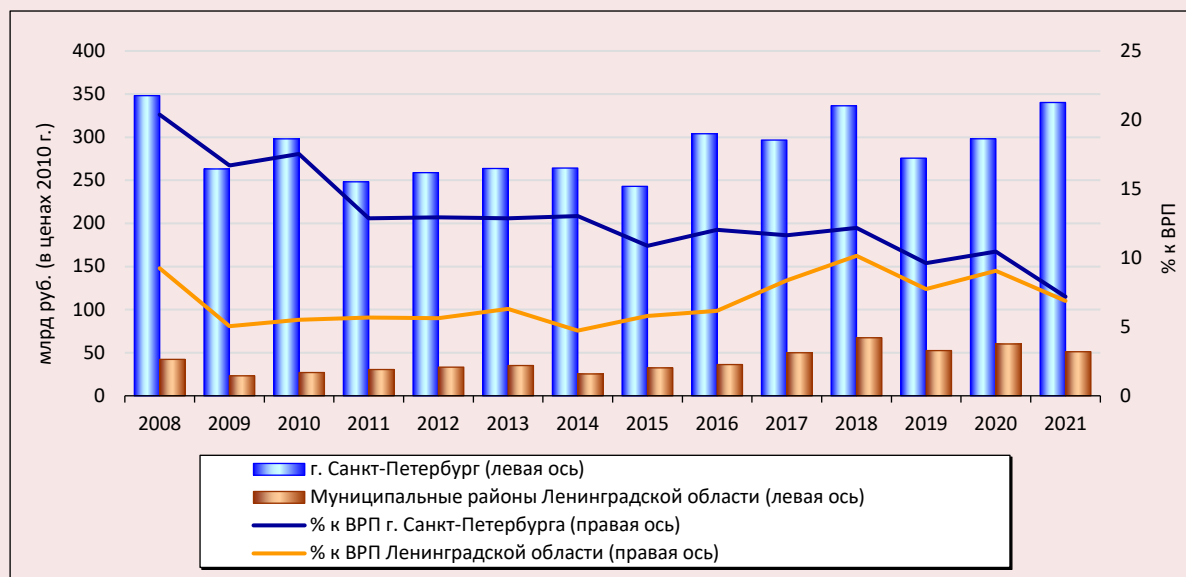
Инвестиции. Если рассматривать стоимостные показатели объемов инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории, составляющей Санкт-Петербургскую агломерацию (рис. 5), то можно предположить, что г. Санкт-Петербург является драйвером экономического развития.

Но анализ динамики доли инвестиций по отношению к ВРП заставляет если не усомниться в этом, то серьезно задуматься, что может стать причиной снижения инвестиционной активности бизнеса на территории г. Санкт-Петербурга. В частности, выявлен следующий факт: в период 2008–2021 гг. доля инвестиций

в основной капитал в ВРП г. Санкт-Петербурга снизилась с более чем 20% до 7. При этом доля инвестиций в основной капитал у муниципальных районов, которые также входят в состав Санкт-Петербургской агломерации, в ВРП Ленинградской области хотя и имела понижающую тенденцию, но уменьшалась не столь стремительно, как у города, и в 2021 году практически сравнялась с долей г. Санкт-Петербурга (снизилась с 10% до 7).

Как было отмечено ранее, темпы роста ВРП Ленинградской области были в два раза ниже темпов роста ВРП г. Санкт-Петербурга. В результате, несмотря на высокий рост ВРП г. Санкт-Петербурга, бизнес не проявил инвестиционной активности, а инвестировал ежегодно в экономику города примерно равные суммы, что к 2021 году привело к более чем двукратному снижению доли инвестиций в основной капитал по отношению к ВРП. Одновременно для той части агломерации, которая приходится на муниципальные районы Ленинградской области, наблюдалась иная тенденция — небольшому росту ВРП соответствовала вялая инвестиционная активность, что не способствовало к увеличению доли инвестиций в основной капитал в ВРП региона, но и не привело к существенному падению этой доли.

Рис. 5. Инвестиции в основной капитал Санкт-Петербургской агломерации

Составлено по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения: 19.10.2023); Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения 19.10.2023); Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) // Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/#themes> (дата обращения 19.10.2023).

Установленный для Ленинградской области факт умеренной инвестиционной активности и вхождения ВЭД «Строительство» в число ключевых ВЭД по вкладу в ВРП подтверждает выводы другого исследования, посвященного тенденциям развития муниципальных образований Ленинградской области, находящихся в зоне интенсивной урбанизации Санкт-Петербургской агломерации, а именно: рост интенсивности девелоперской деятельности в этих муниципальных образованиях обусловлен освоением промышленных зон, размещением новых производств, организацией индустриальных парков, освоением новых инвестиционных площадок, развитием жилищного строительства и модернизацией инфраструктурных объектов (Свириденко, 2020). В более позднем исследовании этого автора внимание обращается на проблему фрагментарного управления, которая к 2022 году четко проявилась — неудовлетворительное качество и интенсивность инвестиционного процесса на агломерационной территории, обусловленное недостаточным уровнем сотрудничества двух

регионов (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область). Решение этой проблемы видится автору в достижении большей согласованности инвестиционной политики в рамках развития Санкт-Петербургской агломерации. В качестве инструмента ее решения предлагается «институциональное взаимодействие органов управления двух субъектов РФ» (Свириденко, 2022).

Этот факт обращает внимание на актуальность широкой экспертной дискуссии не только в отношении того, что из себя должна представлять система показателей для целей управления развитием агломерации, но также и в отношении того, в форме каких институтов должна реализовываться функция управления агломерацией, поскольку это очень важно для определения стандартов качества управления, которым целесообразно будет руководствоваться. Как показывают исследования последних трех лет (Medeiros et al., 2020; Knickel et al., 2021; Kellokumpu, 2023), актуальность этого вопроса нарастает. Разные модели управления имеют и разные цели, различаются инструментами достижения целей, соответствен-

но, использование одного шаблона индикаторов вряд ли будет рациональным решением. Поэтому рекомендательный характер показателей, предлагаемых в анализируемых выше Методических рекомендациях, и определенная степень свободы, позволяющая формировать систему показателей, исходя из собственного видения перспектив развития агломерации (но с ориентиром на «верхнеуровневую систему показателей») руководителями территорий и проживающими в ее границах гражданами, – это безусловный «плюс».

Население. Одной из проблем Санкт-Петербургской агломерации является ее моноцентричность (Солодилов, 2021). Стимулирование субурбанизации, приводящей к снижению моноцентричности агломерации, представляется решением этой проблемы. В связи со сказанным изучение динамики и структуры численности населения агломерации, а также его расселения – важная задача, поскольку эти знания формируют основу для принятия решений по управлению развитием агломерации. Наш анализ не будет касаться вопросов территориально-секторального развития Санкт-Петербургской агломерации, но отдельные показатели, харак-

теризующие демографические процессы, важны для понимания перспектив экономического роста.

Первый вопрос, который представляет интерес исходя из задач и цели нашего исследования, – место Санкт-Петербургской агломерации среди крупнейших агломераций России. Состав агломераций определен Методическими рекомендациями. В *таблице 3* раскрывается динамика численности населения этих агломераций в последние три года и показаны среднегодовые темпы прироста. Согласно приводимым данным из семнадцати агломераций, относящихся к крупнейшим, для двенадцати – численность населения не превысила 2 млн чел., у трех агломераций немного превышает 2 млн чел. и только у двух – существенно превышает 2 млн чел. Это Санкт-Петербургская агломерация с численностью населения более 6 млн чел. и Московская – более 16 млн чел. Темпы прироста численности постоянного населения для девяти агломераций были отрицательными. Санкт-Петербургская агломерация вошла в число восьми агломераций, у которых наблюдались положительные темпы прироста численности постоянного населения.

Таблица 3. Среднегодовая численность постоянного населения агломераций, 2019–2021 гг., чел.

Наименование агломерации	Годы				Среднегодовые темпы прироста, %
	2019	2020	2021	2019–2021	
Крупнейшие городские агломерации					
Пермская агломерация	1 168 551	1 168 040	1 163 548	1 166 713	-0,21
Саратовская агломерация	1 199 165	1 193 227	1 182 027	1 191 473	-0,72
Омская агломерация	1 259 634	1 246 656	1 232 125	1 246 138	-1,10
Красноярская агломерация	1 267 351	1 269 416	1 276 212	1 270 993	0,35
Воронежская агломерация	1 272 926	1 273 518	1 270 140	1 272 195	-0,11
Краснодарская агломерация	1 270 334	1 289 642	1 312 521	1 290 832	1,65
Уфимская агломерация	1 300 725	1 305 709	1 313 050	1 306 495	0,47
Волгоградская агломерация	1 493 693	1 489 498	1 484 102	1 489 098	-0,32
Челябинская агломерация	1 526 104	1 521 354		1 523 729	-0,31
Ростовская агломерация	1 527 599	1 534 538	1 536 458	1 532 865	0,29
Казанская агломерация	1 576 153	1 587 570	1 598 287	1 587 337	0,70
Нижегородская агломерация	1 814 652	1 807 919	1 736 572	1 786 381	-2,18
Новосибирская агломерация	2 081 888	2 086 486	2 087 584	2 085 319	0,14
Самарская агломерация	2 106 142	2 102 965	2 093 143	2 100 750	-0,31
Екатеринбургская агломерация	2 108 623	2 113 653	2 113 449	2 111 908	0,11
Санкт-Петербургская агломерация	6 359 051	6 391 543	6 410 019	6 386 871	0,40
Московская агломерация	16 621 311	16 127 719	16 141 112	16 296 714	-1,46

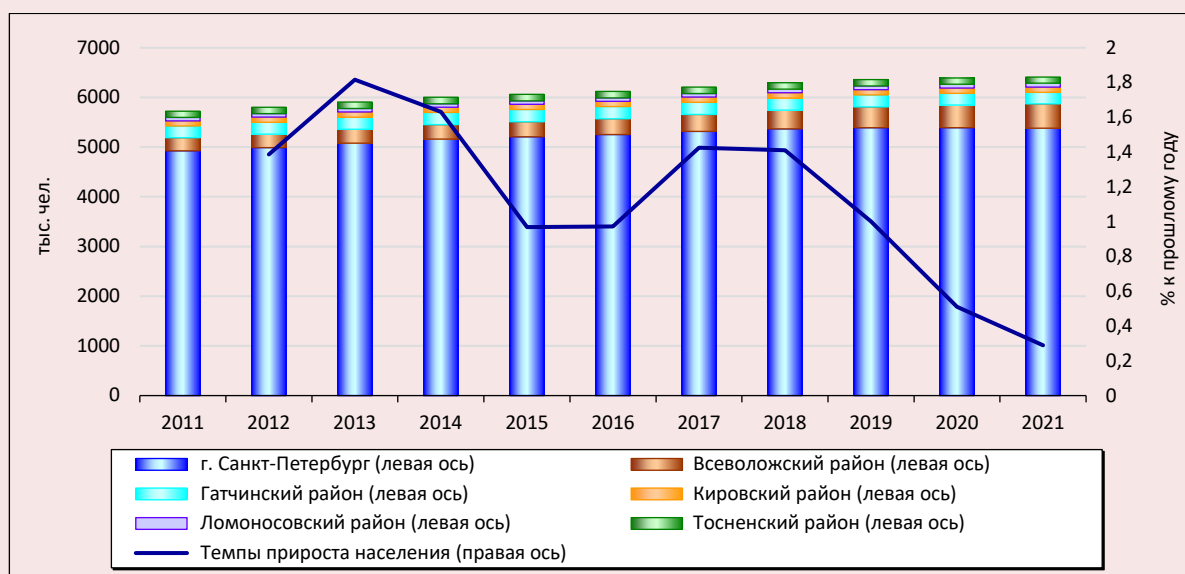
Составлено по: Среднегодовая численность постоянного населения // Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/#themes> (дата обращения 26.10.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 26.10.2023).

Наибольшая доля населения Санкт-Петербургской агломерации по состоянию на 2021 год проживала на территории г. Санкт-Петербурга (84%), Всеволожского (8%) и Гатчинского (4%) районов. Отмечены следующие структурные изменения в 2011–2021 гг.: во Всеволожском районе доля населения увеличилась на 2%, а в г. Санкт-Петербурге – сократилась на 2%. Кроме этого, отмечается спад годовых тем-

пов прироста численности населения за 2011–2021 гг. с 1,39 до 0,28% (рис. 6).

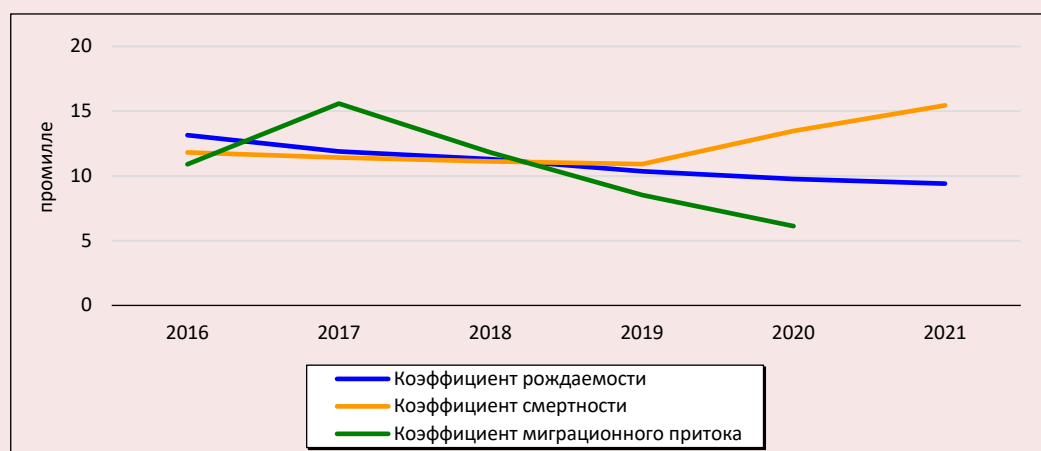
С 2018 года ухудшается демографическая ситуация: коэффициент смертности превышает коэффициент рождаемости. Ситуация осложняется значительным падением миграционного прироста. Например, если в 2018 году прирост населения составлял 9 человек на 1 тыс. чел. населения, то в 2020 году – 6 человек (рис. 7).

Рис. 6. Динамика и структура населения Санкт-Петербургской агломерации

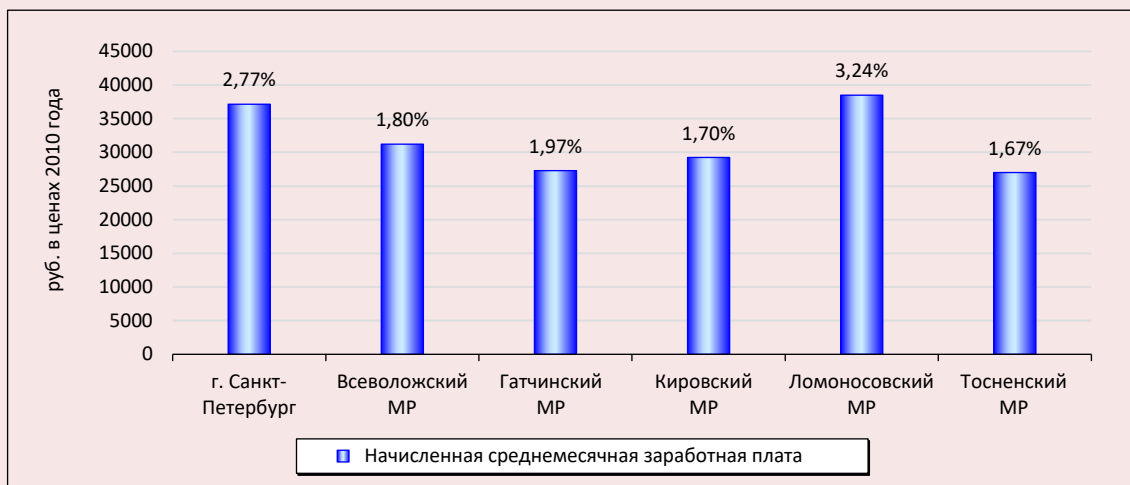
Составлено по: Среднегодовая численность постоянного населения // Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/#themes> (дата обращения 19.10.2023).

Рис. 7. Коэффициенты рождаемости, смертности и миграционного прироста Санкт-Петербургской агломерации за 2016–2021 гг., промилле (на 1000 человек)

Составлено по: Население // Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/#themes> (дата обращения 19.10.2023).

Рис. 8. Начисленная реальная среднемесячная заработная плата за 2019–2021 гг. и ее средние темпы прироста за 2009–2021 гг. (указаны над столбиками)

Составлено по: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа (муниципального района) // Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/#themes> (дата обращения 19.10.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 19.10.2023).

Наибольший уровень среднемесячной реальной заработной платы работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций отмечен в муниципальном районе Ломоносовский и г. Санкт-Петербурге. Здесь же наблюдаются самые большие среднегодовые темпы ее прироста, рассчитанные за период 2009–2021 гг. Дифференциация в размере зарплаты между наибольшим и наименьшим средним значением на территории агломерации составляет 1,4 раза за проанализированные три года (рис. 8).

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщений, предлагаемых для обсуждения, имеющих значение для оценки текущего состояния и прогнозирования развития крупных и крупнейших городских агломераций.

Используя информацию, предоставленную в федеральных документах стратегического планирования и полученную в ходе анализа статистических показателей развития Санкт-Петербургской агломерации, в данном исследовании изучается, является ли установленная регуляторными правилами система показателей достаточной для определения основных пара-

метров экономического роста агломераций в целях управления их развитием. Следует констатировать, что определенные федеральными документами стратегического планирования показатели минимально достаточны, причем исключительно для реализации предельно сокращенной версии экспресс-анализа. Имеющиеся индикаторы не позволяют выявить, оценить и спрогнозировать факторы, генерирующие импульсы для развития агломерации.

Результаты анализа свидетельствуют, что федеральный уровень оказывает значительное влияние на формирование потенциала управления городскими агломерациями. Это влияние связано с контролем, который действует опосредованно, через систему национальных целей и планов. На настоящем этапе развития еще не сделан выбор в отношении модели управления агломерацией, соответственно, не поставлена точка в вопросе, что из себя должна представлять система планирования в целях управления городской агломерацией. Существующий контроль создает рамки, определяющие субъектов управления и «верхнеуровневые цели», но одновременно порождает еще одну проблему – фрагментацию управления агломерацией.

Исследование позволило выделить три ключевые компоненты, которые должна включать современная методика стратегического планирования и управления развитием агломераций:

1) обеспечение компромисса между государственным контролем и потенциалом управления агломерациями;

2) преодоление проблемы фрагментации управления и размытости институциональной структуры управления агломерацией;

3) использование инструментов экономики качества (метрология, стандартизация и управление качеством) при разработке стратегий и долгосрочных планов развития городских агломераций.

В итоге обосновывается необходимость внедрения нового подхода к управлению — управление пространственными формами, а не отдельными городами и муниципалитетами, и формирование новых управленческих концепций.

Выводы данного исследования имеют определенные последствия для развития методологии стратегического планирования развития городских агломераций. Во-первых, необходимо дальнейшее совершенствование методологии разработки показателей оценки экономического роста агломераций. Исследование, представленное в статье, показывает актуальность и целесообразность детального изучения вопроса о полномасштабном внедрении инструментов экономики качества, чтобы обеспечить эффективность планирования и управления. Это особенно актуально для систем, состоящих из множества субъектов управления.

Во-вторых, для преодоления выявленных ограничений необходимо формирование институтов управления агломерациями, координирующих действия множества субъектов управления, что является актуальной задачей как методологического характера, так и прикладного.

Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретических положений науки управления агломерациями по следующим направлениям. Во-первых, систематизированы условия, повлиявшие на сложившийся в Российской Федерации подход к стратегическому планированию развития агломераций. Во-вторых, дана оценка возможности применяемых федеральными документами стратегического планирования показателей выявлять факторы, генерирующие импульсы развития агломерации. В-третьих, определен круг наиболее значимых для Российской Федерации принципов построения методологии стратегического планирования и управления развитием агломераций. Кроме того, можно выделить практический результат исследования, заключающийся, в частности, в предложении направлений преодоления существующих сегодня сложностей управления агломерациями.

Полученные результаты имеют значение для стимулирования эксперимента по использованию инструментов экономики качества (метрология, стандартизация и управление качеством) при разработке стратегий и долгосрочных планов развития городских агломераций в целях совершенствования методологии стратегического планирования.

Литература

- Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации. Межмуниципальное сотрудничество как механизм управления городскими агломерациями (2021): монография / под ред. К.А. Ивановой; науч. ред. издания Э. Маркварт. М.: Проспект. 324 с.
- Жихаревич Б.С. (2021). Влияние Стратегии пространственного развития России на муниципальные стратегии // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 3 (66). С. 8–19. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-8-19
- Коршунов И.В. (2023). Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. № 1 (19). С. 15–28. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
- Мельникова Л.В. (2022). Эффективность и равенство: двадцать лет дискуссии о пространственном развитии // Регион: экономика и социология. № 1 (113). С. 289–323. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-2-46-51
- Мусинова Н.Н. (2019). Развитие городских агломераций как одно из направлений Стратегии пространственного развития России // Вестник университета. № 2. С. 46–51. DOI: 10.26425/1816-4277-2-46-51

- Окрепилов В.В. (2021a). Опыт создания стратегических документов развития экономики Санкт-Петербурга, направленных на повышение качества жизни // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (64). С. 4–13. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-1-14-13
- Окрепилов В.В. (2021b). Стратегия развития базовых отраслей экономики Санкт-Петербурга // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2 (65). С. 26–34. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-26-34
- Павлов Ю.В., Королева Е.Н., Евдокимов Н.Н. (2019). Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией // Экономика региона. Т. 15. Вып. 3. С. 834–850. DOI: 10.17059/2019-3-16
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2023). Современное развитие системы городов России: статический и динамический подходы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 55–67. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.3
- Свириденко М.В. (2020). Пространственное развитие муниципальных образований Ленинградской области, находящихся в зоне интенсивной урбанизации Санкт-Петербургской агломерации: основные тенденции и выводы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (60). С. 69–76.
- Свириденко М.В. (2022). Формирование концепции пространственного развития территории Санкт-Петербургской агломерации: целесообразность проведения согласованной инвестиционной политики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (68). С. 92–97. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-92-97
- Солодилов В.В. (2021). Секторальные особенности территориального развития Петербургской городской агломерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2 (65). С. 101–112. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-101-112
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2023). Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 85–102. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.5
- Beel D., Jones M., Plows A. (2020). Urban growth strategies in rural regions: Building the North Wales Growth Deal. *Regional Studies*, 54(5), 719–731. Available at: <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1669783>
- Castan Broto V., Trencher G., Iwazuk E. (2019). Transformative capacity and local action for sustainability. *Ambio*, 48(5), 449–462. Available at: <https://doi.org/10.1007/s13280-018-1086-z>
- Chuanglin Fang, Danlin Yu (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
- Granqvist K., Humer A., Mäntyslaos R. (2020). Tensions in city-regional spatial planning: The challenge of interpreting layered institutional rules. *Regional Studies*, 55(5), 844–856. Available at: <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1707791>
- Knickel K., Almeida A., Bauchinger L., et al. (2021). Towards more balanced territorial relations – the role (and limitations) of spatial planning as a governance approach. *Sustainability*, 13(9), 5308. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13095308>
- Medeiros E., van der Zwet A. (2020). Sustainable and integrated urban planning and governance in metropolitan and medium-sized cities. *Sustainability*, 12(15), 5976. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12155976>
- Kitchin R., Moore-Cherry N. (2020). Fragmented governance, the urban data ecosystem and smart city-regions: The case of Metropolitan Boston. *Regional Studies*, 55(12), 1913–1923. DOI: 10.1080/00343404.2020.1735627
- Dixon T.J., Karuri-Sebina G., Ravetz J., Tewdwr-Jones M. (2023). Re-imagining the future: City-region foresight and visioning in an era of fragmented governance. *Regional Studies*, 57(4), 609–616, DOI: 10.1080/00343404.2022.2076825
- Tolkkil H.; Haveri A. (2020). The dynamics between state control and metropolitan governance capacity. *Administrative Sciences*, 10(2), 1–12, Available at: <https://doi.org/10.3390/admsci10020026>
- Kellokumpu V. (2023). Depoliticizing urban futures: Visionary planning and the politics of city-regional growth. *Regional Studies*, 57(4), 617–628. DOI: 10.1080/00343404.2021.1980206

Сведения об авторах

Владимир Валентинович Окрепилов – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: okrepilov@test-spb.ru)

Илья Владимирович Коршунов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: korshunov.ires@gmail.com)

Okrepilov V.V., Korshunov I.V.

Managing the Development of Agglomerations in the Context of Multiple Competing Goals: Challenges and Solutions

Abstract. The emergence of agglomerations as new objects in the public administration system makes it necessary to create and define a set of indicators that will assess their economic growth and development. This management problem justifies the relevance of the study, the aim of which is to assess the information and analytical sufficiency and quality of indicators recommended for use in the elaboration of long-term plans for the socio-economic development of large and largest agglomerations and determined by documents of strategic planning at the federal level, using the example of the Saint Petersburg agglomeration. The methodological basis of the research includes the publications of Russian and foreign scientists and experts on the problem of spatial development and management of urban agglomerations; the current legal framework regulating certain aspects of the national spatial development policy; official statistics data. Based on the results obtained during the study, the following conclusions are drawn: 1) indicators for assessing the economic growth of agglomerations, which are unambiguously defined by federal documents of strategic spatial planning, can be accepted as minimally sufficient and exclusively for the implementation of an extremely concise version of express analysis; 2) the process of institutionalization of urban agglomerations management has not been completed; at the current stage, we are dealing with a “soft” form of both requirements for determining the composition and boundaries of agglomerations and rules for the formation of long-term agglomerations development programs; 3) it is necessary to develop existing experience in creating strategic plans for the development of urban agglomerations. The new methodology should combine modern spatial development concepts that help to find a compromise between state control and the potential of agglomeration management; to overcome the problem of fragmentation of management and the blurring of the institutional structure of agglomeration management; to use the tools of quality economics (metrology, standardization and quality management) in the development of strategies and long-term plans for the development of urban agglomerations.

Key words: urban agglomerations, strategic planning, spatial development, planning indicators, management quality, planning quality, quality economics, Saint Petersburg agglomeration.

Information about the Authors

Vladimir V. Okrepilov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Academician, scientific director, Institute for Regional Economic Studies RAS (38, Serpuhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: okrepilov@test-spb.ru)

Ilya V. Korshunov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute for Regional Economic Studies RAS (38, Serpuhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: korshunov.ires@gmail.com)

Статья поступила 20.11.2023.

Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми)

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: vnl1940@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

Аннотация. Обращение к историческим примерам активного участия науки в решении проблем регионального развития в связи с общими национальными задачами предпринято как попытка извлечь положительный опыт преодоления трудностей экстраординарного характера. В статье речь идет об опыте деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил при главе Республики Коми (1993–2004 гг.), который представляет научный интерес по поводу использования результатов научно-исследовательской работы в стратегическом планировании и проектном управлении с учетом чрезвычайных обстоятельств, обусловленных резкой трансформацией экономического уклада России. В статье показано, что это происходит наиболее конструктивно, если научные и практические работники объединены организационно в рамках методологии «проблема – программа». Вторая линия анализа такого опыта заключается в выявлении соответствия научной трактовки понятия «производительные силы» и содержания государственных документов стратегического планирования. Чтобы вернуть производительные силы в систему «наука – практика», необходимо устранить подмену данного понятия ресурсами и производством и подобрать соответствующие показатели их измерения. Основным предметом такого измерения становится «сила», которая представлена как сила и результат природных процессов, научно-технического прогресса и новых форм организации производства.

Ключевые слова: Комиссия – форма организации решения народнохозяйственных проблем, производительные силы как природно-общественная категория, показатели измерения сил, перевод теоретических знаний в практику управления.

Для цитирования: Лаженцев В.Н. (2024). Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 79–90. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.4

For citation: Lazhentsev V.N. (2024). Regional experience of studying and developing productive forces (case study of the Republic of Komi). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 79–90. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.4

Введение

Курс на технологическую самодостаточность России обуславливает поиск оптимальных форм подключения экономики северных регионов к решению сложных народнохозяйственных проблем. Актуальной становится задача производства тех материалов, которые крайне необходимы для развития машиностроения, приборостроения, электронной и других отраслей обрабатывающей промышленности. Одновременно предстоит укрепить собственный потенциал регионов за счет активизации источников развития – труд, наука, образование, техника и технологии, территориальная организация хозяйства, а также движущих сил – профессионального интереса, институтов и отношений, разумных потребностей и т. п. Совершенствование социально-экономических отношений «регион – страна» и «регион – население» в современных весьма сложных условиях жизнедеятельности сопряжено с мобилизацией интеллектуального, природного и производственного потенциала регионов – всего, что в прежние годы обозначалось понятием «производительные силы».

Возвращение данной категории в научный арсенал и в практику управления, но уже с пониманием ее специфики, явилось побудительным мотивом к написанию данной статьи. В статье поставлена цель показать необходимость включения научно-исследовательских работ (НИР) в сфере развития и размещения производительных сил в общую систему стратегического планирования на основании трех постулатов: 1) производительные силы есть способ преобразования природного в социальное, единство объективных и субъективных сторон труда, соединенных сквозными технологическими системами; 2) научные знания о производительных силах переводятся в область практической деятельности в соответствии с этапами решения конкретных проблем: научно-поисковым, научно-техническим и организационно-экономическим; 3) научные центры и институты Российской академии наук должны самостоятельно осуществлять предплановые и предпроектные прогнозы научно-технического и социально-экономического развития страны и ее регионов с сохранением специфического содержания тех или иных научных категорий и понятий.

Комиссия по изучению естественных производительных сил Республики Коми (КЕПС РК) – исторические факты

КЕПС РК – гражданская позиция. С учетом возрастающей роли субъектов РФ в управлении государством, а главное – в сдерживании разрушительного воздействия на экономику «шоковой терапии», проводимой федеральным правительством, в декабре 1992 года была образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Республики Коми под председательством академика Н.П. Юшкина.

Основная задача КЕПС РК – системный анализ наличных природных и человеческих ресурсов, определение генеральных направлений социально-экономического развития республики с учетом общероссийских и региональных интересов. Немаловажной оказалась и ее миссия, о которой первоначально не задумывались, а именно – создание неформального коллектива единомышленников, стоящих на позициях эволюционных преобразований и нивелирования негативных последствий революционного насаждения рыночных отношений с упором на приватизацию государственной собственности в пользу частного капитала. КЕПС РК сдерживала (насколько это было возможно) не только экономическую пертурбацию, но и, образно говоря, «воспаление мозгов» под влиянием социально-политического хаоса.

Академик Н.П. Юшкин стоял на позиции общественного движения «*Российские ученые социалистической ориентации (РУСО)*», и это определенным образом сказалось на формировании идей и планов деятельности Комиссии. Дело в том, что рациональная организация производительных сил правомерно считалась одним из преимуществ социализма по сравнению с капитализмом, поскольку государственная собственность на ключевые источники развития и плановое хозяйство служила основой сбережения общественных ресурсов за счет межотраслевой кооперации и согласования технологических, экономических, экологических и социальных аспектов народного хозяйства.

Большое значение придавалось территориальной организации производительных сил в виде экономических районов и производственно-территориальных комплексов. Практически это выразилось в разработке и реа-

лизации Плана ГОЭЛРО, в территориальном разрезе пятилеток, формировании программно-целевых территориально-производственных комплексов (ТПК) и в ряде других форм организации производства. Конечно, не все шло просто и гладко (и это автор отразил в статье, написанной по поводу столетия государственности Республики Коми) (Лаженцев, 2021), но идеи комплексности, эффективности и социальной справедливости в сознании многих научных и практических работников закрепились настолько прочно, что их трудно было вытравить пропагандой рыночных регуляторов, отражающих превосходство монетаризма над реальным проектированием и созданием хозяйственных комплексов. Хотя отметим и «успехи» такого рода пропаганды. Само понятие «производительные силы» было изъято из учебников, научных текстов и государственных документов по причине его принадлежности к марксизму.

Аналоги. При создании КЕПС РК невольно возникала аналогия с общероссийской *Комиссией по изучению естественных производительных сил (КЕПС)*, созданной Императорской Санкт-Петербургской академией наук в 1915 году, под председательством академика В.И. Вернадского, в которую кроме штатных сотрудников входили научные общества, а также члены пяти министерств (финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, морского, народного просвещения), Центрального военно-промышленного комитета, Главного управления землеустройства и земледелия.

Для формирования Комиссии в таком составе были существенные основания: экстремальные условия жизни и мобилизационной экономики военного времени, крайняя необходимость ускоренного создания новых производственных баз, осознание особой роли науки в совершенствовании технологических параметров отечественной индустрии, необходимость включения в хозяйство по сути всех природных элементов Периодической таблицы Менделеева. КЕПС России¹ осуществляла активную экспедиционную работу, что непосредственно связано с развитием производительных сил Европейского Севера. Огромный вклад в научное обоснование освоения северных тер-

риторий внесла экспедиция в Коми область под руководством академика А.П. Карпинского, президента АН СССР («Печорская бригада», 1933 г.) (Бровина, 2016; Рощевский и др., 2015). Научно-аналитические материалы экспедиции послужили отправной точкой для реализации ряда производственных проектов, в том числе по созданию в 1950-х гг. Северной угольно-металлургической базы (строительство завода по выпуску черных металлов в Череповце на основе коксующихся углей Воркуты, железных руд Карелии и Кольского полуострова, электроэнергии Рыбинской ГЭС)².

Для организации научно-прикладных работ в рамках КЕПС РК был весьма полезен опыт деятельности *Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны (1941–1944 гг.) под руководством академиков В.Л. Комарова и И.П. Бардина*. Положительные моменты деятельности данной Комиссии: программно-целевой метод мобилизационной экономики, освоение научных знаний «с колес», картбланш в финансировании и материально-техническом обеспечении программ исследований, напряженная работа и личная ответственность (Лаженцев, 2023).

Интерес представлял и местный опыт. *Межведомственная комиссия по формированию Тимано-Печорского ТПК под председательством академика М.П. Рощевского* (1978–1990 гг.) служила примером всеобъемлющего охвата многочисленных научных дисциплин для решения конкретной производственно-экономической проблемы. Помехой ее деятельности была крутая политизация вокруг данного комплекса как ажиотажного объекта – директивы КПСС. Но все же в итоге ТПК удалось вписать в русло программно-целевого планирования, что впоследствии полностью перешло в идеологию работы КЕПС РК.

Три комиссии-аналога и КЕПС РК имели одно общее основание – они были созданы для решения задач чрезвычайного значения. Это вполне присуще военным годам и времени революционного реформирования, но даже

¹ В 1930 г. КЕПС преобразовали в СОПС (Совет по изучению производительных сил).

² В технико-экономическое обоснование Северной угольно-металлургической базы значительный вклад внесли академик И.П. Бардин, профессора А.Е. Пробст и В.В. Рикман.

период создания Тимано-Печорского ТПК, казалось бы спокойный, также можно характеризовать как весьма экономически напряженный. В 1970–80-е гг. в Советском Союзе была предпринята попытка преодолеть застой в экономике за счет концентрации ресурсов на ускоренном формировании программно-целевых территориально-производственных комплексов. Опыт трудных времен становится полезным каждый раз, когда возникает необходимость выбора нестандартных методов решения сложных проблем.

КЕПС РК – форма интеграции науки и практики

Опорная структура науки и практики. Со стороны науки для КЕПС РК опорной структурой был *Коми научный центр УрО РАН*. Это классический академический центр фундаментальных и прикладных исследований в области математики, физики, энергетики, химии, биологии, физиологии, наук о Земле, общественных и гуманитарных наук. Задача Комиссии заключалась в оценке получаемых здесь научных результатов и возможностей их использования на практике, то есть в выстраивании научного знания в определенном порядке. Предполагалось, что именно Комиссия способна сформировать тематический план прикладных научно-исследовательских работ для решения технологических и социально-экономических проблем (план не Коми НЦ, а правительства республики).

Со стороны практики опорной структурой для КЕПС РК стала *Администрация Программы развития экономики Республики Коми (1993–2004 гг.)*. Коллегию Администрации возглавил Глава РК Ю.А. Спиридонов, дирекцию – И.Б. Гранович, затем Н.Н. Герасимов. Это уникальная оргструктура, единственная в России того времени, оформленная указом Президента РФ. Ее можно сравнить лишь с федеральной (США) корпорацией «Администрация долины реки Теннесси» (с 1933 г. по н. в.). Благодаря успешной деятельности Администрации Программы даже в условиях глубокого экономического кризиса в России удалось сдвинуть «с мертвой точки» вопросы строительства Средне-Тиманского бокситового рудника, Ярегского горнопромышленного (нефтетитанового) комбината, реконструкции Ухтинского

нефтеперерабатывающего завода, приступить к освоению ряда месторождений Полярного Урала, ввести Кардиологический центр в Сыктывкаре и ряд объектов инфраструктуры сельских районов, спроектировать железную дорогу «Архангельск – Сыктывкар – Соликамск» («Белкомур»)³.

Последовательность движения по линии «наука – практика». Первоначально была сделана попытка правильной трактовки прикладной науки. *Вариант первый.* Если результат НИР можно сразу применить в каком-то практическом деле, то наука автоматически становится прикладной. *Вариант второй.* Прикладной является та часть науки, которая разрабатывает технологию перевода научного знания в область практики; это своего рода методология научно-практической деятельности по поводу трансформации знаний, актуализации проблем и выбора структур – аттракторов. Вторым вариантом для КЕПС РК оказался более подходящим, поскольку он соответствовал характеру решаемых проблем, когда сама проблема «проживает» последовательно научно-поисковую, научно-техническую и организационно-экономическую стадии (Преображенский, 1972, с. 16).

Проблемный подход к прогнозированию социально-экономического развития региона получил теоретическое подкрепление в виде схемы организационной деятельности, где *анализ* определяет исходную базу прогноза, *концепция* – набор целей (идеалов) и вектор движения, *стратегия* – средства достижения идеального состояния системы, *программа* – тактические методы и приемы реализации намеченных целей, *проект* – практическое решение конкретной задачи, *мониторинг* – контроль выполнения принятых решений (*рис. 1*).

³ Строительство железной дороги «Белкомур» отложено на неопределенный срок в силу различного рода нестыковок ведомственных, корпоративных и общественных интересов, отсутствия координации между потенциальными инвесторами, надуманной конкуренции с проектом строительства железной дороги на Индигу, поводом к чему послужили политическая актуализация арктической тематики, вялотекущая деятельность и ликвидация ОАО «Белкомур». Отказ от создания этой железной дороги и соответствующей полосы индустриального развития в 1990-е годы и в начале 2000-х гг. – стратегическая ошибка, которая рано или поздно будет осознана.

Рис. 1. Организационно-деятельностная схема проектирования региональных хозяйственных систем

Виды анализа	Этапы регулирования	Ориентиры	Документы
Диагностический анализ	Концептуирование	Ценности	Концепция
Анализ приоритетных проблем	Стратегирование	Цели	Стратегия
Анализ выполнения программ	Программирование	Проблемы, задачи	Программы
Анализ тенденций	Мониторинг	Результат	Проекты
		Последствия	Отчеты по результатам мониторинга

Источник: (Дмитриева, Лаженцев, 1996, с. 22).

Рис. 2. Научное и организационное сопровождение деятельности правительства Республики Коми в области стратегического планирования (1993–2004 гг.)

Документы планирования	Исполнители
Стратегия	Коми НЦ УрО РАН + КЕПС РК
Программа	КЕПС РК + Администрация Программы
Проект	Администрация Программы + подрядчики

Источник: составлено автором.

Практически проблемный подход был реализован в рамках взаимодействия КЕПС РК с Коми НЦ, Администрацией Программы и исполнителями конкретных проектов (рис. 2).

Своеобразной инвентаризацией проблем послужила разработанная в 1993–1994 гг. Коми НЦ и Ленпромстройпроектом «Схема развития и размещения производительных сил Республики Коми на период до 2010 г.». Схема была составлена по договору с Минэкономразвития РФ, которое хотело понять, имеет ли смысл составление такого документа (стандартного для советского периода) в условиях рыночной экономики. Кроме Республики Коми схему разработали Ленинградская и Свердловская области. Автору не известны выводы по этому вопросу, но составление схем в дальнейшем не практиковалось. Они были заменены схемами территориального планирования и другими документами районной планировки.

Публичная деятельность. Сюда отнесем желание членов КЕПС РК быть на виду и их стремление давать полезную информацию о собственном причастии к решению текущих и перспективных задач (Витязева, 1997). Но глав-

ное заключалось в организации научно-практических конференций по заранее обозначенной тематике с приглашением докладчиков из Москвы, Екатеринбурга и других городов России. Материалы конференций публиковались преимущественно в виде препринтов, а затем основательно в виде книжных изданий⁴. К таким конференциям относятся:

1. «Природные ресурсы и производительные силы Республики Коми» (ноябрь 1993 г.). Формирование информационной базы для рационального природопользования и перспективных экономических разработок. Рыночная трансформация правовой и нормативной базы в минерально-сырьевом и лесном секторе экономики.

⁴ Республика Коми: экономическая стратегия вхождения в XXI век. Материалы научной конференции (13–14 марта 1995 г.) (1996) / КЕПС при Главе Республики Коми. Сыктывкар, 160 с.; Республика Коми: научно-техническая политика. Материалы научно-аналитической конференции (17–18 октября 1996 г.) (1997) / КЕПС при Главе Республики Коми. Сыктывкар. 264 с.; Человек на Севере: условия и качество жизни Труды научно-аналитической конференции (27–28 октября 1998 г.) (1999) / КЕПС при Главе Республики Коми. Сыктывкар. 296 с.

2. *«Республика Коми: экономическая стратегия вхождения в XXI век» (март 1995 г.)*. Новый подход к прогнозированию как методологии определения идеального образа будущего и системная организация движения по выбранному пути – от научного предвидения к практике государственного управления на региональном уровне. Стратегия формирования минерально-сырьевых, топливно-энергетических и биоресурсных комплексов, транспортных и энергетических систем, развития образования и культуры. Методы согласования общественных и частных интересов.

3. *«Республика Коми: научно-техническая политика» (октябрь 1996 г.)*. Организация инновационной деятельности на основе научно-технических разработок. Роль науки в системе природопользования с учетом экологического фактора. Формирование нового технико-экономического уклада производства, в котором решающую роль играют гео- и биотехнологии.

4. *«Человек на Севере: условия и качество жизни» (октябрь 1998 г.)*. Многоплановый анализ условий жизни северян, оценка человеческого потенциала, здоровье и окружающая среда, риски и вопросы безопасности, духовность – образование – культура.

Опубликованные труды и научно-аналитические материалы КЕПС РК в определенной мере повысили значение науки в принятии конкретных решений правительства республики. Пять членов КЕПС РК (В.А. Витязева, Т.Е. Дмитриева, А.В. Коковкин, В.Н. Лажнецов и Н.П. Юшкин) за подготовку таких трудов и активную научно-организационную деятельность в 2001 году стали лауреатами Государственной премии Республики Коми.

Инициатива наказаема. С результативной деятельностью КЕПС РК возник некий элемент, укрепляющий самодостаточность республики, что и было замечено федеральной властью. В конце 2004 года данная Комиссия де-юре перестала существовать; но автор особенно сожалеет о том, что была упразднена и Администрация Программы. Они не вписались в вертикаль государственной власти. Связь между региональной наукой и региональной практикой стратегического планирования была существенно подорвана.

Пример КЕПС РК и Администрации Программы – это лишь частный случай общей противоречивой ситуации в отношениях между центром и регионами. Эти отношения хорошо известны и критически проанализированы. Обратим лишь внимание на возможность появления нового аспекта в толковании данных противоречий. При сложившихся обстоятельствах в области экономического федерализма все существенные, и даже малосущественные, вопросы региональные правительства решают в Москве, поэтому научные исследования в регионах также стали проводиться с московской ориентацией. Если научный результат будет воспринят центральными структурами государственного управления, то повышается вероятность его практического применения на местах. Конечно, научное пространство формируется поверх административно-территориальных границ, а процедура внедрения результатов НИР не обязательно должна проходить на принципах «челночной дипломатии» между центром и регионами. Но механизм запуска научно-технических проектов (финансовые и административные ресурсы) при существующих порядках сосредоточен в столице; к тому же корпоративный капитал пока не подключился основательно к региональной науке.

Возвращение к научной трактовке понятия «производительные силы»

Уроки прошлого. В настоящее время кажется странным, что разработчики схем и программ по развитию производительных сил ни разу не оттолкнулись от самого понятия «производительные силы». Методические рекомендации по таким разработкам, минуя понятийные разъяснения, сразу предлагали показать наличие и перспективу в части численности населения и трудовых ресурсов, природных ресурсов, основных фондов, производства продукции в натуре и стоимости, транспортного строительства, капитальных вложений, концентрации промышленности по городам и районам. То есть все то, что требовалось для последующего составления пятилетних планов, а в постсоветский период – национальных проектов, стратегий и программ. С давних пор производительные силы стали заменяться ресурсами и производством не только в государственных документах, но и

в академических изданиях, например по Коми республике⁵. Была ли в этом какая-то ущербность? На практике она не проявлялась, а в теории — лишь иногда фиксировалась с наивным полаганием, что такая фиксация будет замечена руководством страны и регионов.

Научное понятие «производительные силы». Автор солидарен с философской трактовкой производительных сил как способа преобразования природного в социальное, единство объективных и субъективных сторон труда, соединенных сквозными технологическими системами (Марахов, 1970, с. 17, 18). В настоящее время данную формулировку можно рассматривать как синтез двух теорий развития производительных сил: смены технологических укладов и формирования природно-общественных систем.

Истоки теории технологических укладов лежат в трудах К. Маркса, где производительные силы трактуются в качестве основного звена способа производства, а соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил проявляется как закон. Это и сейчас правильный ориентир для социально-экономических стратегий. Подтверждением тому является тот факт, что в современной науке смена технологических укладов объясняется соответствием, с одной стороны, ведущих факторов производства, с другой — социально-экономических характеристик жизнедеятельности⁶. На закономерностях смены технологических укладов основывал свою теорию «длинных волн» Н.Д. Кондратьев (Кондратьев, 1989), что впоследствии было учтено многими разработчиками стратегий развития экономики и общества. Современными лидерами в разработке теории технологических (техничко-

экономических) укладов являются академик С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1993; Глазьев, 2023) и профессор Карлота Перес (Перес, 2013).

В анализе структуры общественных сил речь идет, как правило, о различного рода источниках (труд, разделение труда, ресурсы, образование, наука, техника) и движущих силах (интересы, потребности, общественные формы организации хозяйства, экономические и социальные отношения); сюда же включаются и структуры управления (информационные системы, регламенты, стандарты, стимулы и др.).

Теория формирования природно-общественных систем создает и объясняет схемы перехода от природного к социальному. В ней силы природы рассматриваются как энергия Космоса, Солнца и Земли, состояние тел и элементов природы. Наука устанавливает, как механические, термодинамические, гравитационные, электромагнитные, геохимические, биохимические и другие силы создают полезные для человека минеральные и биологические вещества. В рамках данной теории выявляются возможности использования перечисленных сил в производственных процессах — *через проектирование производственных технологий как аналогов «технологий» природных и через непосредственное их применение для получения различных видов энергии.*

Научное объяснение производительных сил существенно повышает свое значение, когда объединяет природные и общественные силы в единое целое на геосистемной основе. Здесь главным объектом научного анализа и прогнозирования становятся *природно-хозяйственные комплексы*, в которых природные ресурсы учитываются в качестве национального богатства и основных фондов, хозяйство рассматривается

⁵ Развитие производительных сил Коми АССР: материалы конференции по развитию и размещению производительных сил Коми АССР, 20-23 сентября 1966 г. (1968) / Совет министров Коми АССР, Коми фил. АН СССР; [отв. ред. д-р геогр. наук В.А. Витязева]. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. 527 с.

⁶ Средства производства в последовательности их применения: текстильные машины — паровой двигатель и станки — электродвигатель и сталь массового применения — двигатель внутреннего сгорания и энергоемкие химические технологии — микрoeлектронные комплексы и нанотехнологии...

Социально-экономические отношения и институты в последовательности их возникновения: разрушение феодальной монополии, свободная торговля и конкуренция — становление фабричного законодательства, развитие профессионального образования и организация научно-исследовательских институтов — концентрация капитала и отделение управления от собственности, использование ученых и инженеров непосредственно на производстве — государственные институты социального обеспечения, государственное регулирование экономики, создание системы НИОКР и инновационных структур — государственное участие в создании стратегических видов информационной и коммуникационной инфраструктуры, международная интеграция...

как природно-социально-техническая система, а благополучное состояние окружающей природной среды — как одна из основных потребностей человека.

Взаимодействие естественных и общественных сил лежит в основе учений о геосистемах (Сочава, 1978), энерго-производственных циклах и производственно-территориальных комплексах (Колосовский, 1958), природно-ресурсных циклах (Комар, 1975), о территориальных сочетаниях природных ресурсов (Минц, 1972). Придавать такому взаимодействию особый, ноосферный, смысл, по нашему мнению, нет оснований; оно вполне соответствует классическим формам движения материи (физической, химической, биологической и социальной). В формировании производительных сил участвуют все указанные формы движения, при этом финальная роль остается за социальной. Лишь при определенных социальных условиях производительные силы становятся категорией общественной, то есть приобретают реальный смысл.

И в природе, и в обществе одни и те же силы могут быть *созидательными и разрушительными*. То, что приводит к разрушению, необходимо изучать и практически учитывать особенно ответственно. Это совершенно понятно в отношении опасных природных процессов (деградация мерзлоты⁷, наводнения, цунами, землетрясения, вулканические извержения, эрозия почв, опустынивание...); более-менее понятно относительно отрицательных последствий хищнического природопользования; первоначально трудно понимаемое, но более всего вредоносное — радикальные политические решения, например «шоковая терапия» экономики, насаждение псевдокультуры, чрезмерное социальное расслоение и т. п.

Если сравнить сказанное с содержанием схем развития и размещения производительных сил советских времен и современных документов стратегического планирования, то нельзя не заметить, что в них отсутствуют разделы, соответствующие научной трактовке «производительных сил». Этому понятию бо-

лее-менее соответствовала Комплексная программа научно-технического прогресса СССР, а в настоящее время — Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации⁸. Но и в этих документах многое недоработано, особенно в плане системного анализа науки как производительной силы.

Показатели развития производительных сил.

В изучении *естественных производительных сил* основное внимание уделяется оценке геологических и биологических потенциалов. Геологический (минералообразующий) потенциал измеряется плотностью пород, сейсмической скоростью, магнитной восприимчивостью, электрическим удельным сопротивлением, температурным режимом, целым рядом геохимических показателей. Перечисленное можно обозначить как показатели-причины. К показателям-следствиям относятся территориальная плотность локальных структур, их насыщенность, ранг и плотность тектонических разломов, класс и тип месторождений, объем ресурсов, категория запасов и др. Биологи рассчитывают биоклиматический потенциал определенной местности и его результативность в лесном и сельском хозяйстве. Здесь основными показателями выступают соотношение тепла и влаги, проявления климатической зональности и аazonальности, коэффициенты жесткости погоды. Эти и другие природные потенциалы являются базовыми для территориального планирования (Лаженцев, 1990).

В изучении *общественных производительных сил* социально-экономическая оценка природно-ресурсных потенциалов дополняется вторым рядом характеристик: мощность средств производства, их пропускная способность, скорость движения, технологическая сопряженность, уровни механизации и автоматизации, использование микроэлектроники и роботоподобных механизмов и др.

Особое внимание следует обратить на *энергетические характеристики развития производительных сил*. Например, топливно-энергетический коэффициент (Ктэ) показы-

⁷ Экономическая оценка деградации мерзлоты для северных регионов весьма актуальна, поскольку связана с преодолением миллиардного ущерба (Порфирьев, Елисеев, 2023).

⁸ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023).

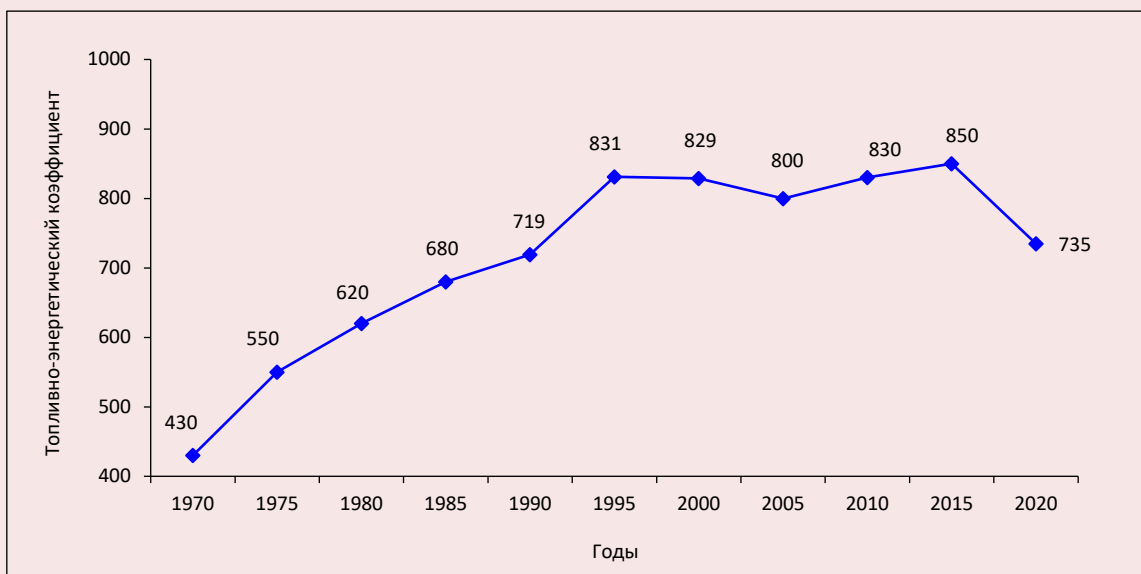
ваит соотношение потребления электроэнергии к потреблению топлива. При его росте примерно в 1,5 раза к базовой величине экономика в целом меняется качественно. За период 1970–1990 гг. в Республике Коми он увеличился с 430 до 719 ус. ед.; рост в 1,7 раза. В последние 30 лет в Коми таких перемен не происходит (рис. 3).

Высокий рост Ктэ в 1970–1990 гг. был обусловлен переходом от преобладания непосредственного потребления топлива (сжигание в печах, стационарных и мобильных установках) к преобладанию использования тепловой энергии среднего потенциала и электричества. Предполагалось, что в дальнейшем опережающими темпами будет возрастать потребление тепловой энергии высокого потенциала, произойдет углубление электрификации за счет развития электромеханических, электрохимических и других высоких технологий. Однако этого не случилось, но резко увеличилось число автомобилей личного пользования, что опять вернуло ситуацию к росту непосредственного сжигания топлива; не произошло существенных сдвигов и в переводе жилого фонда на электроотопление.

Последовательность формирования транспортной сети, рост ее пропускной способности и надежности также служат достоверным показателем развития производительных сил. Здесь важно уловить момент, когда транспортная сеть начинает развиваться по внутренней логике, то есть приобретает некоторую автономность от производства и сложившегося расселения населения. Такой момент, по-видимому, начинается, когда пути сообщения местного значения дополняются транзитной магистралью; затем следует полимагистрализация, кольцевание дорог и далее – сверхмагистрализация. В Республике Коми, как и в Архангельской области, данный процесс еще далек от завершения. Сбой в логической последовательности формирования транспортной сети в этих двух регионах произошел (как было сказано выше) из-за отказа от своевременного строительства железной дороги «Белкомур».

Непростая ситуация сложилась в измерении *фондовооруженности и производительности труда*. В условиях отсутствия государственного контроля над движением основных фондов и их объективной стоимостной оценки, спеку-

Рис. 3. Топливо-энергетический коэффициент в экономике Республики Коми

Источник: рассчитано автором по данным лаборатории комплексных топливно-энергетических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

лятивного поведения собственников по поводу капитализации предприятий, наличия «теневых» схем оплаты труда, скачкообразного роста цен эти показатели теряют свою достоверность. Предстоит создать новую систему измерения организации труда, его фондовооруженности и производительности, в основе которой лежал бы научно-технический прогресс (Аганбегян, 2023).

Региональный аспект такого измерения заключается в сопряжении и синхронной модернизации территориального сочетания производств и отраслей инфраструктуры. Провал в одних звеньях (как правило, во вспомогательных и обслуживающих) делает весь территориально-хозяйственный комплекс низкопроизводительным.

Предпринимаются попытки экономически измерить силу интеллектуального потенциала. Автору известен лишь один прием такого измерения – соотношение стоимости материально-технических объектов предприятия, что числятся на балансе, со стоимостью капитализации данного предприятия, которая отражается в статистике фондовых рынков. Разницу между фондовыми и балансовыми оценками аналитики относят к уровню подготовки, опыту и умению работников предприятия. Интеллектуальный потенциал – одна из актуальных тем научного сообщества.

Обозначенные процессы и показатели служат информацией к размышлению о структурно-функциональных характеристиках производительных сил и их отдельных элементов. Это особая тематика предстоящих междисциплинарных исследований. Пока же сделаем вывод о необходимости не только вернуть в научный арсенал понятие «производительные силы», но и создать систему показателей, адекватную его содержанию.

Вместо заключения

Два сюжета – положительный опыт деятельности КЕПС РК и критика игнорирования научного понятия «производительные силы» – логически нуждаются в объединении. Простое суждение – следует реанимировать первое и содержательно усовершенствовать второе. Но всё простое вызывает сомнение.

Конечно, повторять КЕПС РК нет смысла. В современных условиях было бы разумно научно-организационные функции данной Комиссии ввести в регламент работы ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Опыт выполнения государственного заказа правительства РК на разработку комплексной темы «Потенциал стратегической альтернативы развития Республики Коми» (2020 г.; научный руководитель канд. геогр. наук Т.Е. Дмитриева) показал способность коллектива Центра генерировать результаты НИР различных дисциплин под общую идею стратегического развития республики. Однако этот же опыт говорит о низкой результативности практического использования рекомендаций, сформулированных в указанной разработке. Такого рода результаты исследований должны быть общественно доступными.

Автор неплохо знаком с результатами НИР и формами научно-организационной деятельности северо-европейских центров Российской академии наук. Их пример подтверждает возможность существенного дополнения проводимых фундаментальных исследований работами прикладного характера и оформления их в виде стратегического прогноза развития регионов. Содержание таких работ, конечно, будет охватывать многие направления и аспекты научной, социальной и производственной деятельности, но начинать целесообразно с характеристики производительных сил как специфической категории природно-общественного содержания.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2023). Инновации в России: от высокого знания и наличия перспективных научных заделов к эффективному социально-экономическому развитию // Экономическое возрождение России. № 2 (76). С. 13–26.
- Бровина А.А. (2016). Исторические ракурсы проблемы изучения производительных сил России в XIX – первой трети XX в. // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 89–94.
- Витязева В.А. (1997). Изучение производственных сил Республики Коми на новом этапе (роль КЕПС РК в региональных экономических исследованиях): доклад на научной конференции, посвященной 25-летию Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар: СГУ. 23 с.

- Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития / Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. М.: Владар. 310 с.
- Глазьев С.Ю. (2023). Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. № 2 (76). С. 27–32.
- Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н. (1996). От научного предвидения к практике государственного управления развитием региональных хозяйственных систем // Республика Коми: экономическая стратегия вхождения в XXI век: материалы научной конференции (13-14 марта 1995 г.) / КЕПС при Главе Республики Коми. Сыктывкар. С. 21–25.
- Колосовский Н.Н. (1958). Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат. 200 с.
- Комар И.В. (1975). Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука. 212 с.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 526 с.
- Лаженцев В.Н. (1990). Экономико-географическая концепция территориального планирования. М.: Наука. 128 с.
- Лаженцев В.Н. (2021). Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 67–82. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.4
- Лаженцев В.Н. (2023). Программно-целевая мобилизация ресурсов // Проблемы прогнозирования. № 1 (196). С. 32–41. DOI: 10.47711/0868-6351-196-32-41
- Марахов В.Г. (1970). Структура и развитие производительных сил социалистического общества (Методологические и социологические проблемы). М.: Мысль. 360 с.
- Минц А.А. (1972). Экономическая оценка естественных ресурсов: Научно-методические проблемы учёта географических различий и эффективности использования. М.: Мысль. 303 с.
- Перес К. (2013). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей периодов процветания. М.: Дело. 232 с.
- Порфирьев Б.Н., Елисеев Д.О. (2023). Сценарная оценка ожидаемого ущерба от деградации многолетней мерзлоты: региональный и отраслевой аспекты // Проблемы прогнозирования. № 5 (200). С. 124–135. DOI: 10.47711/0868-6351-200-124-135
- Преображенский В.С. (1972). Беседы о современной физической географии. М.: Наука. 167 с.
- Рошевский М.П., Рошевская Л.П., Бровина А.А. (2015). Печорская бригада академика А.П. Карпинского / Коми научный центр Уральского отделения РАН. Сыктывкар. 646 с.
- Сочава В.Б. (1978). Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука. 319 с.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, профессор, доктор географических наук, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Regional Experience of Studying and Developing Productive Forces (Case Study of the Republic of Komi)

Abstract. As an attempt to extract positive experience to overcome difficulties of an extraordinary nature, we tried to appeal to historic examples of active participation of science in solving problems of regional development due to the general national tasks. The paper deals with the experience of the Commission for Study of Natural Productive Forces under the Head of the Republic of Komi (1993–2004), which is of scientific interest regarding the use of the results of research works of strategic planning and project management, taking into account the extraordinary circumstances caused by the sharp transformation

of Russia's economic structure. The article shows that it happens in a more constructive way when researchers and practitioners are united organizationally within the framework of the "problem – program" methodology. The second line of analysis of such experience is to identify the correspondence between the scientific interpretation of the concept of "productive forces" and the content of state strategic planning documents. To return productive forces to the system "science – practice", it is necessary to eliminate the substitution of this concept by resources and production and to select appropriate indicators of their measurement. The main subject of this dimension becomes "force", which is presented as the force and result of natural processes, scientific and technological progress and new forms of production organization.

Key words: Commission – a form of organizing the solution of national economic problems, productive forces as a natural and social category, indicators of measuring forces, translation of theoretical knowledge into management practice.

Information about the Author

Vitalii N. Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Professor, Doctor of Sciences (Geography), Honored Scientist of the RF, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Статья поступила 12.12.2023.

Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. Городские агломерации в настоящее время играют важную роль в пространственном развитии большинства стран мира, являясь ключевыми центрами экономического роста, генерации и диффузии инноваций. Вместе с тем в теоретической и практической плоскостях, как правило, наибольшее внимание уделяется исследованию крупнейших и крупных городских агломераций (согласно действующему законодательству, в России к ним относятся агломерации с людностью более 1000 и 500 тыс. чел. соответственно), а реальные предпосылки, особенности развития других формирующихся/потенциальных агломераций (так называемые агломерации «второго эшелона») исследуются достаточно слабо. В связи с этим *цель* исследования заключается в выявлении особенностей и проблем активизации агломерационных процессов в регионах России с учетом обеспечения позитивных эффектов. Для достижения данной цели был

Для цитирования: Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2024). Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5

For citation: Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2024). Agglomeration processes in Russian regions: Specifics and challenges related to the intensification of positive effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5

использован широкий спектр как общенаучных (анализ, синтез, системный), так и прикладных экономико-статистических методов (индексный, корреляционный анализ). Научная значимость исследования состоит в развитии методических подходов и инструментария оценки агломерационных процессов, определении их специфики в российских агломерациях «второго эшелона». Было выявлено, что ключевой особенностью развития исследуемых агломераций выступает продолжающаяся концентрация в них значительной доли регионального производства, инвестиций и населения. При этом фактически агломерационные процессы распространяются лишь на ядро агломерации и ближайшую к нему территорию, что проявляется в сближении темпов их роста по ключевым социально-экономическим показателям. Данные факты свидетельствуют о достаточно низкой развитости спутниковой зоны агломераций «второго эшелона» и слабой передаче позитивных эффектов на периферию, а также гипертрофированном развитии ядра, что в перспективе может быть угрозой для устойчивого развития таких агломераций. В заключительной части работы обоснованы приоритетные направления для повышения внутренней интегрированности городских агломераций как открытых социально-экономических систем, которые позволят обеспечить генерацию позитивных экстерналий и превратить агломерации «второго эшелона» в точки роста макро- и регионального уровней.

Ключевые слова: городские агломерации «второго эшелона», крупный город, спутниковая зона, агломерационные процессы, интеграция пространства, стратегические приоритеты пространственного развития.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10054, <https://rscf.ru/project/23-78-10054/>.

Введение

В Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) городские агломерации обозначены в качестве одного из ключевых приоритетов пространственного развития страны. Наряду с этим был закреплён список из:

– 20 городов, являющихся перспективными центрами экономического роста РФ и образующих крупнейшие и крупные агломерации (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.);

– 22 городов – перспективных центров экономического роста субъектов РФ, образующих агломерации с населением более 500 тыс. чел. (Ярославль, Калининград, Саратов и др.)¹;

– 23 городов – перспективных центров экономического роста субъектов РФ, в т. ч. образующих городские агломерации с численностью менее 500 тыс. человек (т. н. агломерации «второго эшелона»), которые могут формироваться вокруг ряда крупных городов страны: Белгород, Архангельск, Великий Новгород, Владимир, Вологда, Калуга, Комсомольск-на-Амуре и др.).

Исследования ведущих ученых² (Лола, 2013; Полян, 2014; Fang, Yu, 2020 и др.), а также мировая практика свидетельствуют о том, что агломерационные формы концентрации экономической деятельности существенно отличаются друг от друга не только по месту в иерархической системе городских населённых пунктов страны, но и по составу элементов, стадии и

¹ В Стратегии 20 крупнейших (с численностью населения более 1 млн чел.), крупных (500–1000 тыс. чел.) городских агломераций еще называются «столичными»; они совместно с 22 другими агломерациями с численностью более 500 тыс. чел. как бы противопоставляются малым/средним городам, сельским территориям и более мелким агломерациям с точки зрения их потенциала концентрации экономической деятельности. В то же время 23 агломерации «второго эшелона» с населением менее 500 тыс. чел. рассматриваются в качестве инструмента обеспечения сбалансированного пространственного развития России, противовеса «столичным» агломерациям.

² Пивоваров Ю.Л. (1999). Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва. 232 с.

направленности развития, месту в системе географического разделения труда. Так, китайские исследователи (Fang, Yu, 2017) к числу наиболее развитых относят крупные агломерации («*urban agglomeration*»), представляющие собой иерархическую систему из взаимосвязанных городов различного ранга (три города и более с общей численностью населения более 20 млн чел.), а также надагломерационные формы расселения и локализации экономической деятельности («*metropolitan inter-locking region*»). В отдельную категорию они выделяют менее развитые агломерации («*town agglomeration*»), формирующиеся вокруг китайских городов одного уровня иерархии, как правило, малых, т. е. с населением до 500 тыс. чел. Такого рода агломерации являются центрами не национальной и международной, а региональной конкурентоспособности и могут возникать не только в регионах с индустриальной экономикой новых технологических укладов, но и на территориях, где в настоящее время наблюдаются процессы активизации социально-экономической связности города и прилегающих к нему сельских территорий.

С учетом существующей специфики пространственного развития современной России «*urban agglomeration*» по своей природе и роли в национальной экономике имеют больше сходства с крупными и крупнейшими (столичными) агломерациями, обозначенными в Стратегии пространственного развития РФ, а «*town agglomeration*» — с остальными слабо развитыми/формирующимися агломерациями «второго» и «третьего эшелона», ядром которых являются более мелкие города (например, 23 перспективных центра экономического роста).

Применительно к СССР и современной России ведущий отечественный исследователь агломерационных процессов Г.М. Лаппо (Лаппо, 2012) отмечал, что в регионах страны процессы агломерирования городов различного уровня иерархии могут идти по направлению как «от города», так и «к городу», но они обязательно характеризуются повышением связности внутриагломерационного пространства; замкнутость таких связей позволяет обеспечить генерацию и трансляцию позитивных агломерационных эффектов на периферию.

Таким образом, необходимым условием устойчивости и перехода на более зрелые стадии развития агломераций, генерации позитивных эффектов для страны является обеспечение внутренней интегрированности ядра и спутниковой зоны. Такая интеграция должна происходить не только по поводу производства, но и в социальной, инфраструктурной, экологической и других сферах агломерационного пространства (Растворцева, 2013; Волчкова и др., 2016; Fang, Yu, 2020).

Следует отметить, что в науке, а также практике управления в настоящее время основное внимание уделяется анализу социально-экономических процессов, протекающих в крупнейших и крупных агломерациях. В свою очередь специфика развития агломераций «второго эшелона» (с численностью населения менее 500 тыс. чел.) исследуется в меньшей степени. Среди немногочисленных отечественных работ по данной проблематике можно отметить исследования специалистов Института экономики города³, Центра экономики инфраструктуры (Дмитриев и др., 2018), ИЭОПП СО РАН (Мельникова, 2017). Автор последней работы на основе проведенных расчетов пришла к выводу о том, что в настоящее время далеко не все российские города генерируют позитивные агломерационные эффекты, что актуализирует задачу более глубокого исследования проблем, ограничивающих развитие на их базе агломераций.

Недостаточная исследованность специфики социально-экономических процессов, протекающих в агломерациях «второго эшелона», в т. ч. в части обеспечения соразвития ядра и спутниковой зоны, актуализирует научную и практическую значимость представленного исследования.

³ Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 5: Крупнейшие городские агломерации России в глобальной экономике (2020). Фонд «Институт экономики города», 21 с. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/vypusk_5_rossiiskie_aglomeracii_v_globalnoi_ekonomike.pdf?ysclid=lmyp9veqol204615622 (дата обращения 10.02.2024).

Объектом исследования выступили 8 агломераций «второго эшелона», ядрами которых являются города, обозначенные в Стратегии пространственного развития России в качестве перспективных центров экономического роста субъектов РФ (Вологда, Архангельск, Тамбов, Калуга, Южно-Сахалинск, Ханты-Мансийск, Сургут, Норильск). Данные города были выбраны нами с учетом их географического размещения в разных федеральных округах, различий в специализации их экономики.

Цель работы – выявление особенностей и проблем активизации агломерационных процессов в регионах России с учетом обеспечения позитивных эффектов и реализации приоритетов Стратегии пространственного развития России.

Гипотеза исследования заключается в том, что слабая внутренняя интегрированность выступает одной из ключевых проблем развития российских городских агломераций «второго эшелона» и ограничивает потенциал их превращения в точки роста макро- и регионального уровней.

Цель и гипотеза работы потребовали решения комплекса следующих *задач*:

- 1) обосновать и апробировать методический подход к исследованию агломерационных процессов⁴ с учетом обеспечения внутренней интегрированности пространства агломерации;
- 2) выявить специфику социально-экономических процессов, протекающих в российских городских агломерациях «второго эшелона»;
- 3) обосновать приоритетные направления повышения внутренней интегрированности городских агломераций.

Научная новизна представленного исследования заключается в выявлении специфики агломерационных процессов, протекающих в агломерациях «второго эшелона», что позво-

⁴ В данной работе словосочетания «агломерационные процессы» и «социально-экономические процессы, протекающие в городских агломерациях», авторами используются в качестве синонимов и отражают явления внутри агломерационного пространства, в т. ч. по линии «ядро – спутниковая зона».

лит вскрыть проблемы, которые ограничивают их развитие как открытых социально-экономических систем и превращение в точки роста макро- и регионального уровней.

Материалы и методы

Алгоритм проведения исследования включает реализацию комплекса взаимоувязанных *этапов*.

1 этап. Определение состава исследуемых городских агломераций.

Состав городских агломераций определялся нами с учетом одновременного соблюдения комплекса следующих условий:

а) 1,5-часовая транспортная доступность административных центров городских и сельских поселений муниципальных районов до города – ядра агломерации (в случае муниципальных округов рассматриваются бывшие поселения района, преобразованного в округ)⁵; муниципальный район включается в состав агломерации, если более 2/3 количества его поселений находятся в пределах изохроны 1,5-часовой доступности;

б) наличие упоминания об агломерации и ее составе в стратегиях социально-экономического развития и документах территориального планирования субъектов РФ и муниципальных образований, публикациях ведущих российских ученых и экспертных организаций;

в) наличие устойчивых социально-культурных и производственных связей между территориями агломерации (Волчкова, Минаев, 2014)⁶.

В соответствии с этим был определен состав 8 городских агломераций России «второго эшелона», являющихся объектом данного исследования (*табл. 1*).

⁵ Данный пороговый уровень транспортной доступности населенных пунктов агломерации был определен на практике эмпирически и носит название константы Гольца. Постепенное затухание экономической активности и снижение производительности хозяйствующих субъектов с удалением от ядра довольно обстоятельно и убедительно было доказано в (Дмитриев и др., 2018; Козлова, Макарова, 2014).

⁶ Исследовались отчеты о деятельности органов местного самоуправления, а также ключевых хозяйствующих субъектов, собранные с данных ресурсов СПАРК и Контур.Фокус.

Таблица 1. Состав исследуемых российских городских агломераций «второго эшелона»

Агломерация	Состав агломерации
Архангельская	Городской округ город Архангельск, городской округ город Новодвинск, городской округ Северодвинск, Приморский муниципальный район
Вологодская	Городской округ город Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные районы (с 1 января 2023 г. данные муниципальные районы стали муниципальными округами)
Калужская	Городской округ город Калуга, Бабынинский, Дзержинский, Перемышльский и Ферзиковский муниципальные районы
Норильская	Городской округ город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район
Сургутская	Городской округ Сургут, городской округ Нефтеюганск, городской округ Пыть-Ях, Сургутский и Нефтеюганский муниципальные районы
Тамбовская	Городской округ город Тамбов, городской округ город Котовск, городской округ город Рассказово, Тамбовский, Рассказовский, Знаменский и Сампурский муниципальные районы
Ханты-Мансийская	Городской округ Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский муниципальный район
Южно-Сахалинская	Городской округ город Южно-Сахалинск, Корсаковский городской округ, Анивский городской округ, Долинский городской округ
Источник: составлено авторами.	

2 этап. Разработка методического подхода к оценке агломерационных процессов, в т. ч. по линии «ядро – спутниковая зона».

В настоящее время устоявшегося унифицированного методического подхода к оценке агломерационных процессов не сложилось. В большинстве исследований (Rigatti, 2009; Tripathi, 2018; Uchida, Nelson, 2010) активно применяется расчет различного рода коэффициентов (коэффициент развитости, индекс Тейла, Джини и др.), которые характеризуют процессы концентрации социально-экономической активности и на основе этого оценивают влияние агломерационных процессов на изменение внутри- и межрегиональной неоднородности (Prakash et al., 2017; Pütz, 2016). В работе (Миргородская, 2017) они были довольно обстоятельно рассмотрены и апробированы на материалах Ростовской агломерации. Однако эти индикаторы, на наш взгляд, в полной мере не позволяют исследовать процессы, протекающие внутри агломерации с точки зрения оценки ее внутренней связности.

Вследствие этого по результатам обобщения существующих исследований отметим, что ключевыми тенденциями развития, свидетельствующими об активизации агломерационных процессов на территории, являются:

– концентрация населения, производства, инвестиций, инновационной деятельности (Сапрымова, Гусева, 2022; Растворцева, 2013), объектов инфраструктуры (Гринчель, Антонова, 2012);

– сокращение различий между муниципальными образованиями агломерации по основным параметрам социально-экономического и инфраструктурного развития (Strange, 2009; Tripathi, 2018); причем снижение таких различий происходит за счет обеспечения внутренней интегрированности и соразвития различных элементов социально-экономического пространства агломераций (Fang, Yu, 2020; Волчкова и др., 2016);

– следствием интеграции внутриагломерационного пространства является синхронизация темпов экономического роста муниципальных образований, входящих в агломерацию (Волчкова, Минаев, 2014).

Последние две тенденции фактически свидетельствуют о том, что развитые агломерации представляют собой высокоинтегрированные пространственные социально-экономические системы, где обеспечивается соразвитие ядра и территорий спутниковой зоны.

В рамках предлагаемого нами методического подхода к исследованию специфики протекания агломерационных процессов агломерация рассматривается как развивающаяся социально-экономическая система. Решается комплекс следующих взаимосвязанных задач.

2.1. Оценка развитости агломерации как пространственной социально-экономической системы:

2.1.1. Расчет коэффициента развитости, позволяющего оценить уровень сформированности системы расселения (городских населенных пунктов) агломерации.

Согласно классическому подходу Института географии РАН (Полян, 2014), коэффициент развитости рассчитывается следующим образом:

$$K_{\text{разв}} = P \cdot (M \cdot m + N \cdot n), \quad (1)$$

где P – численность населения агломерации (млн чел.); M – число городов в агломерации; N – число поселков городского типа в агломерации; m – доля численности населения городов в общей численности населения агломерации; n – доля численности населения поселков городского типа в общей численности населения агломерации.

Класс развитости агломерации определяется исходя из значений данного коэффициента: 1) более 50 – наиболее развитые городские агломерации; 2) от 10 до 50 – сильно развитые; 3) от 5 до 10 – развитые; 4) от 2,5 до 5 – слабо развитые; 5) от 1 до 2,5 – наименее развитые; б) менее 1 – потенциальные (или перспективные) городские агломерации.

Кроме того, будет представлена динамика ряда других показателей, характеризующих систему расселения агломерации и социально-трудовые связи (доля ядра в численности населения агломерации; показатели развитости транспортной сети; масштаб маятниковой трудовой миграции населения⁷, который в подавляющем большинстве исследований рассматривается в качестве ключевого индикатора наличия агломерационных процессов (Волчкова и др., 2014; Лола, 2012); при этом в соответствии с подходом, применяемым в ОЭСР, в агломерацию включаются город и коммутационная зона, т. е. территория, не менее 15% занятого населения которой работает в городе (Dijkstra et al., 2019; Райсих, 2020).

2.1.2. Расчет *коэффициента экономической гравитации агломерации*, позволяющего оценить потенциал хозяйственного взаимодействия территорий внутри агломерации с учетом оценки плотности экономической деятельности, сконцентрированной в данных границах.

⁷ Под маятниковой миграцией понимаются ежедневные или несколько раз в неделю поездки населения из одного населенного пункта (места жительства) в другой на работу и обратно.

Этот индикатор в той или иной модификации использовался в ряде отечественных работ (Волчкова и др., 2014; Козлова, Макарова, 2014; Миргородская, 2017). В нашем исследовании за основу был взят подход, представленный в (Ворошилов, 2019) и апробированный на материалах Европейского Севера России. В отличие от существующих исследований он рассчитывает значения коэффициента в среднем по агломерации с учетом корректировки на межрегиональные различия в уровне цен, что, на наш взгляд, позволяет более объективно проводить сравнения между агломерациями, в т. ч. различного уровня иерархии:

$$G_A = \frac{\sum_{j=1}^n (G_{cj} \cdot f_j)}{\sum_{j=1}^n f_j}, \quad (2)$$

где G_A – показатель гравитации (экономической мощности взаимодействия) агломерации A , млн руб. / км; G_{cj} – показатель взаимодействия между ядром агломерации (c) и муниципальным образованием (j), входящим в нее; f_j – численность населения муниципального образования (за исключением ядра агломерации), входящего в агломерацию A ; n – число муниципальных образований (за исключением ядра), входящих в агломерацию.

В свою очередь показатель взаимодействия между ядром агломерации (c) и муниципальным образованием (j), входящим в данную агломерацию (G_{cj}), рассчитывается по формуле 3:

$$G_{cj} = \sqrt{\frac{p_c \cdot p_j}{d_{cj}^2}}, \quad (3)$$

где G_{cj} – показатель взаимодействия между ядром агломерации (c) и муниципальным образованием (j), входящим в данную агломерацию; p_c – показатель значимости муниципального образования – ядра агломерации (объем отгрузки продукции, численность населения и т. д.); p_j – показатель значимости муниципального образования (j), входящего в агломерацию (за исключением ядра агломерации: объем отгрузки продукции, численность населения и т. д.); d_{cj} – расстояние между ядром агломерации (c) и административным центром муниципального образования (j), входящего в нее.

Информационной базой для расчета коэффициента являются статистические данные по показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» и данные о расстоянии между городом-ядром и административным центром муниципального образования, входящего в агломерацию, определенные с помощью сервиса «Яндекс Карты» (<https://yandex.ru/maps/>).

Наряду с этим будут представлены показатели, характеризующие концентрацию производства, инвестиций, организаций и индивидуальных предпринимателей как в целом по исследуемым агломерациям, так и в проекции «ядро – спутниковая зона».

Сравнение исследуемых агломераций по указанным параметрам позволяет провести оценку их масштабов развития и сформированности как расселенческо-хозяйственных систем.

2.2. Оценка внутренней интегрированности пространства агломерации

2.2.1. Сравнение темпов изменения показателей социально-экономического развития муниципалитетов агломерации, в т. ч. между городом-ядром и территориями спутниковой зоны, на основе использования индексного метода. О наличии внутренней интегрированности агломерации и распространении на периферию агломерационных процессов свидетельствует уровень различий в темпах роста муниципалитетов, как правило, не превышающий 15 процентных пунктов (Волчкова, Минаев, 2014). Довольно подробно связь процессов агломерирования и нарастания/снижения диспропорций в развитии ядра и спутниковой зоны на различных стадиях агломерационного развития рассмотрена в работе А. Пузанова, Р. Попова⁸.

2.2.2. Оценка степени синхронизации процессов развития внутриагломерационного пространства, связанных с получением эффектов от совместного использования ресурсов, объединения усилий предприятий, организаций и

органов власти в рамках агломерации. В нашей работе для оценки данных процессов используется метод корреляционного анализа, который позволяет выявить наличие за длительный период взаимозависимости ключевых показателей развития города-ядра и спутниковой зоны агломерации, что так или иначе свидетельствует о наличии социально-экономических связей между ними⁹.

Все расчеты в исследовании проведены на основе официальной статистики, представленной в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата (<https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/>), где содержится значительный объем информации по ключевым показателям социально-экономического развития всех муниципальных образований России; данных Всероссийской переписи населения 2020 года, системы СПАРК, Контур.Фокус; информации официальных сайтов органов государственной власти субъектов РФ и др. В связи с необходимостью соблюдения принципа полноты и сопоставимости информации на муниципальном уровне основной период исследования включает 2010–2022 гг.

Результаты исследования

Исследование специфики социально-экономических процессов, протекающих в российских агломерациях «второго эшелона», начнем с ключевых показателей развитости этих агломераций как открытых социально-экономических систем, т. е. систем, которые могут не только притягивать ресурсы с внешнего контура, но и распространять внешние эффекты на периферию.

Так, полученные результаты расчетов коэффициента развитости системы расселения свидетельствуют о том, что в настоящее время лишь одна Сургутская агломерация (табл. 2) относится к классу *слаборазвитых*, а 4 агломерации (Архангельская, Вологодская, Тамбовская, также условно Южно-Сахалинская) – к *наименее развитым*. Три остальные (Калуж-

⁸ Пузанов А., Попов Р. (2017). Подходы к оценке развитости городских агломераций. Москва. 32 с. URL: http://www.urbanecomonomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf (дата обращения 10.02.2024).

⁹ В соответствии со шкалой Чеддока определенное значение коэффициента корреляции R по модулю соответствует степени тесноты связи между двумя параметрами: 0,1–0,3 – слабая связь, 0,3–0,5 – умеренная, 0,5–0,7 – заметная, 0,7–0,9 – высокая, 0,9–0,99 – весьма высокая.

Таблица 2. Динамика коэффициента развитости городских агломераций в 2010–2022 гг.

Название агломерации	Коэффициент			
	2010 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2010 г., %
Архангельская	1,74	1,68	1,46	84,1
Вологодская	1,46	1,45	1,46	100,4
Калужская	0,82	0,83	0,83	101,7
Норильская	0,40	0,41	0,39	97,1
Сургутская	2,36	2,72	2,74	116,0
Тамбовская	1,10	1,09	1,02	92,8
Ханты-Мансийская	0,09	0,11	0,11	129,1
Южно-Сахалинская	0,96	1,02	0,94	97,6

Источник: расчеты авторов.

ская, Норильская и Ханты-Мансийская) по данному критерию лишь условно можно отнести к агломерациям. Эти факты можно объяснить тем, что ядрами таких агломераций являются сравнительно небольшие по численности населения города (от 110 тыс. чел в г. Ханты-Мансийске до 356 тыс. чел. в г. Калуге), а также слабо развитой расселенческой сетью их спутниковой зоны (от 0 до 8 городских населенных пунктов). Вместе с тем в 2010–2022 гг. в Ханты-Мансийской, Сургутской и Калужской агломерациях отмечалось увеличение данного коэффициента (на 29, 16 и 2% соответственно), что говорит о некотором развитии их сети расселения.

При этом проведенный анализ свидетельствует о том, что в 2010–2022 гг. *численность постоянного населения* выросла лишь в четырех агломерациях (Ханты-Мансийской – на 28,6%, Сургутской – на 18,1%, Калужской – на 3,2%, Вологодской – на 0,1%; *табл. 3*). Однако даже в «сжимающихся» агломерациях сокращение населения было заметно ниже, чем в целом по соответствующим субъектам РФ. В результате все они усилили свои позиции в качестве центров концентрации населения своих субъектов РФ (в 2022 г. в Южно-Сахалинской агломерации проживало 59% населения региона, в Архангельской – 54%, в Тамбовской – 50%).

Другой ключевой тенденцией в трансформации системы расселения уже внутри всех исследуемых агломераций являются *продолжающиеся процессы концентрации населения в ядре*: в Ханты-Мансийской агломерации уже 85% населения проживает здесь (рост за 2010–2022 гг. на 5 п. п.), Норильской – 85% (рост на 2 п. п.),

Сургутской – 55% (рост на 6 п. п.), Архангельской – 58% (рост на 0,4 п. п.). По мнению П. Поляна, вес ядра в 66% уже является довольно внушительным и дальнейший его рост может привести к деградации спутниковой зоны агломерации¹⁰ (Полян, 2014).

Эти процессы приводят к появлению *дисбалансов в развитии ядра и спутниковой зоны*. В частности, в 2010–2022 гг. различия в темпах изменения численности населения города-ядра и муниципалитетов спутниковой зоны были максимальными в Тамбовской агломерации (104% в г. Тамбове и 72% в Тамбовском районе, что превышает условные 15 п. п., обозначенные в методической части исследования, *табл. 3*), Сахалинской агломерации (119% в Аниевском городском округе и 86% в Долинском городском округе), Ханты-Мансийской агломерации (136% в г. Ханты-Мансийске и 97,1% в Ханты-Мансийском районе). При этом в агломерациях с довольно развитой спутниковой зоной (за исключением Тамбовской), как правило, не наблюдается существенных различий в темпах изменения численности населения в ядре и непосредственно прилегающих к нему муниципальных образованиях. *Все это свидетельствует о распространности агломерационных процессов фактически лишь на прилегающую к центральному городу территорию и слабом их влиянии на периферию спутниковой зоны*.

¹⁰ Во многих развитых городских агломерациях зарубежных стран, наоборот, наблюдается многолетнее сокращение населения центров при постоянном росте в спутниковой зоне.

Таблица 3. Динамика численности постоянного населения городских агломераций, тыс. чел.

Агломерация и муниципальные образования, входящие в ее состав	2010 г.	2015 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2010 г., %
Вологодская область	1201,2	1187,7	1139,5	1128,8	94,0
Вологодская агломерация	447,4	455,5	443,0	448,1	100,1
ГО город Вологда	310,0	320,6	313,4	318,1	102,6
Вологодский МР	50,5	52,4	51,8	52,7	104,5
Грязовецкий МР	35,6	33,1	31,2	32,1	90,0
Сокольский МР	51,3	49,4	46,6	45,1	88,0
<i>Доля агломерации*</i> , %	37,2	38,4	38,9	39,7	+2,4 п. п.
<i>Доля ядра**</i> , %	69,3	70,4	70,7	71,0	+1,7 п. п.
Архангельская область	1182,8	1130,2	1069,8	964,3	81,5
Архангельская агломерация	615,6	609,1	591,6	521,7	84,7
ГО город Архангельск	355,6	358,3	349,2	303,4	85,3
ГО город Новодвинск	40,6	38,9	36,8	32,8	80,9
ГО город Северодвинск	193,1	186,1	180,7	156,7	81,2
Приморский МР	26,3	25,8	24,9	28,8	109,6
<i>Доля агломерации</i> , %	52,0	53,9	55,3	54,1	+2,1 п. п.
<i>Доля ядра</i> , %	57,8	58,8	59,0	58,1	+0,4 п. п.
Тамбовская область	1089,7	1050,3	981,0	966,3	88,7
Тамбовская агломерация	515,5	518,1	502,7	485,4	94,2
ГО город Тамбов	280,1	288,4	287,4	291,5	104,0
ГО город Котовск	31,8	30,7	28,3	26,3	82,8
ГО город Рассказово	45,4	44,2	41,8	47,0	103,5
Тамбовский МР	102,8	103,4	99,8	74,5	72,4
Рассказовский МР	22,9	21,8	19,4	20,5	89,2
Знаменский МР	18,3	17,1	14,7	14,0	76,1
Сампурский МР	14,1	12,6	11,2	11,8	83,3
<i>Доля агломерации</i> , %	47,3	49,3	51,2	50,2	+2,9 п. п.
<i>Доля ядра</i> , %	54,3	55,7	57,2	60,0	+5,7 п. п.
Калужская область	1009,2	1009,8	1012,8	1070,9	106,1
Калужская агломерация	450,4	461,6	452,9	465,0	103,2
ГО город Калуга	339,3	358,4	350,7	355,5	104,8
Бабынинский МР	21,0	18,7	18,0	20,7	98,6
Дзержинский МР	60,2	53,6	52,6	56,6	94,0
Перемышльский МР	14,0	13,7	13,3	14,4	102,3
Ферзиковский МР	15,8	17,3	18,3	17,8	112,6
<i>Доля агломерации</i> , %	44,6	45,7	44,7	43,4	-1,2 п. п.
<i>Доля ядра</i> , %	75,3	77,6	77,4	76,5	+1,1 п. п.
Сахалинская область	496,7	487,3	484,2	460,5	92,7
Южно-Сахалинская агломерация	273,6	284,1	292,3	270,4	98,8
ГО город Южно-Сахалинск	188,9	200,7	208,7	187,4	99,2
ГО Корсаковский	41,3	40,2	40,0	39,9	96,6
ГО Анивский	17,6	18,9	19,7	20,9	119,2
ГО Долинский	25,8	24,3	23,9	22,2	85,9
<i>Доля агломерации</i> , %	55,1	58,3	60,4	58,7	+3,6 п. п.
<i>Доля ядра</i> , %	69,1	70,7	71,4	69,3	+0,2 п. п.

Окончание таблицы 3

Агломерация и муниципальные образования, входящие в ее состав	2010 г.	2015 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2010 г., %
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	1537,1	1626,8	1702,2	1730,4	112,6
Ханты-Мансийская агломерация	100,0	116,6	125,3	128,6	128,6
ГО город Ханты-Мансийск	80,5	96,9	106,0	109,7	136,2
Ханты-Мансийский МР	19,4	19,6	19,3	18,9	97,1
Доля агломерации, %	6,5	7,2	7,4	7,4	+0,9 п. п.
Доля ядра, %	80,6	83,2	84,6	85,3	+4,8 п. п.
Сургутская агломерация	632,1	682,9	736,0	746,8	118,1
ГО город Сургут	308,5	348,6	395,9	406,9	131,9
ГО город Нефтеюганск	123,3	125,4	128,7	125,0	101,4
ГО город Пыть-Ях	41,5	40,9	39,3	40,3	96,9
Сургутский МР	114,1	123,0	126,9	127,6	111,9
Нефтеюганский МР	44,7	45,0	45,2	47,0	105,1
Доля агломерации, %	41,1	42,0	43,2	43,2	+2,0 п. п.
Доля ядра, %	48,8	51,1	53,8	54,5	+5,7 п. п.
Красноярский край	2829,1	2866,5	2849,2	2845,5	100,6
Норильская агломерация	210,4	211,0	215,9	205,4	97,6
ГО город Норильск	176,1	178,1	184,6	175,5	99,6
Таймырский Долгано-Ненецкий МР	34,4	32,9	31,3	29,9	87,0
Доля агломерации, %	7,4	7,4	7,6	7,2	-0,2 п. п.
Доля ядра, %	83,7	84,4	85,5	85,4	+1,8 п. п.
<i>Примечание:</i> здесь и далее в таблицах: ГО – городской округ, МР – муниципальный район.					
* Доля агломерации в региональном значении показателя.					
** Доля города-ядра в значении показателя в целом по агломерации.					
Источник: расчеты авторов.					

Характеризуя демографические процессы, наблюдаемые внутри каждой агломерации, отметим *определенные трансформации в системе расселения, в т. ч. в части развития сельской поселенческой сети как одного из проявлений агломерационных процессов*. Так, анализ результатов Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. позволяет сделать вывод о росте за межпереписной период доли сельских населенных пунктов с числом жителей более 10 чел.: в Вологодской агломерации – с 21,5 до 24,5% (на 3,0 п. п.; в целом по региону снизилась на 2,8 п. п.); Тамбовской – с 83,5 до 86,2% (на 2,7 п. п.; по региону снизилась на 3,7 п. п.); Калужской – с 54,2 до 58,6% (на 4,4 п. п.; по региону выросла на 2,5 п. п.).

В то же время данные о *масштабе маятниковой трудовой миграции* на материалах Вологодской и Тамбовской агломераций свидетельствуют о заметном распространении данного явления лишь на один прилегающий к городу-ядру муниципальный район (Воло-

годский и Тамбовский, 16 и 18% занятого населения которых соответственно регулярно ездят с целью работы в город; *табл. 4*). В следующих по величине маятниковой миграции районах ее доля составляет всего 6%. При этом фактически фиксируется лишь односторонняя направленность данной миграции: доля жителей самих городов-ядер агломерации, работающих в районах, не превышает 0,3%. Все это также говорит о низком уровне трудовых и деловых связей между муниципалитетами агломераций и в целом о слабом развитии опорной зоны рассматриваемых агломераций.

По *показателю экономической гравитации*¹¹ лидером является Сургутская агломерация (164 млрд руб. / км), что обусловлено высокой плотностью экономической деятельности

¹¹ При расчете показателя стоимостные данные были приведены к сопоставимым между субъектами РФ с учетом их корректировки на индекс отклонения от среднероссийского уровня стоимости фиксированного набора товаров и услуг в соответствующем субъекте РФ.

Таблица 4. Маятниковая трудовая миграция населения Вологодской и Тамбовской агломераций, % от общей численности занятого населения

Территория	Доля занятого населения городского округа г. Вологды, выезжающего на работу ежедневно или несколько раз в неделю в районы агломерации	Доля занятого населения районов агломерации, выезжающего на работу ежедневно или несколько раз в неделю в городской округ г. Вологду
Вологодский МР	0,32	16,47
Грязовецкий МР	0,10	5,99
Сокольский МР	0,10	2,43
Территория	Доля занятого населения городского округа г. Тамбова, выезжающего на работу ежедневно или несколько раз в неделю в районы/округа агломерации	Доля занятого населения районов/округов агломерации, выезжающего на работу ежедневно или несколько раз в неделю в городской округ г. Тамбов
Тамбовский МР	0,27	18,29
Сампурский МР	0,01	6,00
ГО город Котовск	0,10	4,75
Знаменский МР	0,04	4,13
Рассказовский МР	0,01	3,10
ГО город Рассказово	0,03	1,73

Источник: рассчитано авторами на основе данных об итогах Всероссийской переписи населения 2020 г. (проведена в октябре – ноябре 2021 г.), предоставленных Территориальными органами Росстата по Вологодской области и Тамбовской области в разрезе муниципальных образований по запросу авторов данной статьи.

ввиду специализации данной агломерации на топливно-энергетическом комплексе с очень высокими объемами производства. Минимальные значения этого показателя зафиксированы в Норильской агломерации (4,2 млрд руб. / км), что объясняется значительными неосвоенными пространствами даже в границах агломерации и фактически наличием всего двух относительно крупных населенных пунктов в ее составе – Норильска и Дудинки (является портом и имеет ряд филиалов ПАО «ГМК «Норильский Никель»); Калужской агломерации (2,4 млрд руб.), где отсутствуют иные городские населенные пункты помимо Калуги. В связи с этим низкая плотность экономической деятельности и значительные расстояния между ключевыми населенными пунктами, на наш взгляд, выступают ключевыми барьерами для развития таких агломераций.

Вместе с тем во всех рассматриваемых агломерациях в исследуемый период наблюдался рост объема отгрузки продукции в расчете на 1 жителя как в текущих, так и в сопоставимых ценах. Наибольшие значения отмечались в Южно-Сахалинской агломерации (рост даже в сопоставимых ценах в 3,0 раза; во многом это связано с реализацией крупных проектов, открытием и расширением производств в сфере добычи полезных ископаемых в данных территориях).

При этом между муниципалитетами каждой агломерации наблюдаются значительные различия в темпах роста производства, обусловленные, главным образом, разной структурой экономики, а также степенью экономической специализации и диверсификации. Во многих муниципалитетах спутниковой зоны значения показателя среднелюдской отгрузки товаров и услуг значительно превышают значения в городе-ядре, поскольку часть последних выполняют в основном функции административного, финансового, культурного, транспортно-логистического центра, а крупные промышленные производства (в т. ч. в сфере добычи полезных ископаемых) находятся в агломерационной зоне. Разнонаправленные тенденции отмечаются и во внутриагломерационных различиях по данному показателю: за 2015–2022 гг. выросла дифференциация по среднелюдскому объему отгрузки продукции между муниципалитетами Вологодской (с 2,3 до 4,2 раза), Тамбовской (с 11,4 до 15,0 раза), Южно-Сахалинской (с 17,8 до 113,0 раза) агломераций; сократились различия в Калужской (с 9,0 до 3,2 раза) и Норильской (с 6,1 до 1,3 раза) агломерациях; примерно на том же уровне остались различия в Ханты-Мансийской, Сургутской и Архангельской агломерациях.

Отметим, что исследуемые агломерации продолжают оставаться *центрами концентрации не только человеческих ресурсов, но и хозяйственной деятельности*. Так, на Архангельскую агломерацию в 2022 году приходилось 2/3 объема региональной отгрузки товаров и инвестиций в основной капитал, на Южно-Сахалинскую – 55 и 77% соответственно, Калужскую – 42 и 39%, Норильскую – 34 и 50%, Сургутскую – 48 и 46%, Тамбовскую –

56 и 50% (табл. 5). Однако за исследуемый период доля 4 из 9 агломераций в общем объеме отгрузки продукции региона снизилась, а у 5 – доля ядра в самой агломерации по данному показателю.

Кроме того, отмечено увеличение и сохранение высокой доли агломераций в общем количестве организаций (в 2019–2023 гг. рост в 5 агломерациях из 8) и числа индивидуальных предпринимателей (рост в 7 из 8) соответствующим

Таблица 5. Доля агломераций в региональном объеме отгрузки товаров и инвестиций в основной капитал, числа организаций и индивидуальных предпринимателей, %

Агломерация	Показатель	Отгружено товаров*			Объем инвестиций в основной капитал**			Общее число организаций			Количество индивидуальных предпринимателей		
		2010	2022	2022 к 2010, п. п.	2010	2022	2022 к 2010, п. п.	2019	2023	2023 к 2019, п. п.	2019	2023	2023 к 2019, п. п.
Архангельская	Доля агломерации***	48,3	65,7	17,4	57,1	66,4	9,3	68,1	67,4	-0,7	58,1	57,5	-0,6
	Доля ядра****	64,4	40,5	-23,9	74,6	67,2	-7,4	75,0	74,8	-0,2	65,9	65,7	-0,2
Вологодская	Доля агломерации	13,2	16,1	2,9	38,6	30,0	-8,6	50,6	52,3	1,7	39,2	43,1	3,9
	Доля ядра	82,5	73,6	-8,9	78,0	69,4	-8,5	88,9	89,2	0,3	74,7	76,7	2,0
Калужская	Доля агломерации	61,5	41,9	-19,6	69,3	39,2	-30,0	49,8	49,9	0,1	46,1	46,6	0,5
	Доля ядра	93,5	74,7	-18,8	96,5	85,6	-10,9	87,2	86,9	-0,3	80,5	82,1	1,5
Норильская	Доля агломерации	38,3	34,4	-3,9	13,6	49,6	36,0	4,0	4,6	0,6	7,8	8,0	0,2
	Доля ядра	98,6	88,2	-10,4	73,1	66,0	-7,1	79,8	78,7	-1,1	87,9	89,1	1,3
Сургутская	Доля агломерации	52,9	48,3	-4,6	58,4	45,6	-12,8	44,0	42,9	-1,1	43,5	46,2	2,7
	Доля ядра	9,9	29,1	19,2	13,9	7,3	-6,6	69,8	68,7	-1,1	61,7	64,2	2,4
Тамбовская	Доля агломерации	71,4	56,5	-14,9	50,5	49,6	-1,0	69,5	69,6	0,1	54,9	56,2	1,4
	Доля ядра	78,6	57,3	-21,3	47,1	67,1	20,1	81,9	82,9	1,0	64,8	69,1	4,2
Ханты-Мансийская	Доля агломерации	7,9	10,5	2,6	11,1	21,1	10,0	8,8	9,8	1,0	7,1	7,1	0,0
	Доля ядра	2,4	9,7	7,3	26,4	13,2	-13,2	91,0	91,3	0,2	86,6	89,2	2,6
Южно-Сахалинская	Доля агломерации	-	55,0	-	12,5	76,7	64,3	77,5	76,3	-1,2	67,3	69,8	2,5
	Доля ядра	-	27,2	-	80,5	95,7	15,3	85,4	84,5	-0,9	79,9	80,8	0,9

* Показатель «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» (в 2010 г. – отгрузка по видам экономической деятельности в сфере промышленного производства); по Южно-Сахалинской агломерации в 2010 г. расчет не проводился в связи с отсутствием информации по большинству муниципалитетов данного региона.

** Показатель «Объем инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства)».

*** Доля агломерации в значении показателя в целом по субъекту РФ.

**** Доля города-ядра агломерации в значении показателя в целом по агломерации.

Источник: расчеты авторов на основе информации Базы данных показателей муниципальных образований (<https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/>) и Информационного ресурса СПАРК (<https://spark-interfax.ru/statistics>).

шего субъекта РФ. В 2023 году на муниципалитеты Архангельской агломерации приходилось соответственно 67 и 58% от общего числа организаций и индивидуальных предпринимателей области, в Южно-Сахалинской – 76 и 70%, Тамбовской агломерации – 70 и 56%.

Снижение доли агломерации в общем объеме инвестиций в основной капитал в 2010–2022 гг. произошло в четырех агломерациях (Вологодская, Калужская, Сургутская и Тамбовская), доля ядра в агломерации снизилась в шести агломерациях (исключение составили Тамбовская и Южно-Сахалинская агломерации). В значительной степени данные тенденции могут быть обусловлены тем, что во всех субъектах РФ ставились и в настоящее время стоят стратегические задачи по диверсификации экономики региона, чтобы не допустить чрезмерного усиления концентрации производства и инвестиций в городских агломерациях. В определенной степени данные задачи удастся решать. Кроме того, к сокращению темпов роста объемов отгрузки и инвестиций в агломерациях в 2020–2022 гг. могло привести более сильное влияние именно на экономику крупных городов последствий введения ограничительных мер в связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг. и возникновением экономиче-

ских сложностей, связанных с введением западными странами широкомасштабных санкций в отношении России в 2022 году.

Одним из ключевых направлений агломерационных процессов является развитие дорожно-транспортной сети, что приводит к снижению временных издержек населения на перемещение между населенными пунктами агломерации и повышению доступности различных учреждений и организаций. В 2010–2022 гг. в большинстве рассматриваемых агломераций (за исключением Архангельской и Норильской) сократилась доля жителей, проживающих в населенных пунктах, не охваченных транспортным обслуживанием (от 0,4 до 5,2 п. п.); при этом непосредственно в агломерациях значение данного показателя заметно ниже, чем в целом по соответствующему субъекту РФ. Северные агломерации (Архангельская, Ханты-Мансийская и Норильская) характеризуются достаточно высокой долей населения без транспортного обслуживания (21, 27 и 50% соответственно), что обусловлено особенностью расселения и организации транспортного обслуживания на Севере и в Арктике (табл. 6).

Результаты анализа реестров межмуниципальных автобусных маршрутов регулярных перевозок пассажиров и багажа (размещены на

Таблица 6. Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного/железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района/округа, городского округа, % от общей численности населения

Территория	2010 г.	2015 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2010 г. (+/-), п. п.
Вологодская область	5,7	12,6	6,5	4,7	-1,0
Вологодская агломерация	3,6	2,9	2,1	1,4	-2,3
Архангельская область (без НАО)	17,8	18,1	21,1	20,7	2,9
Архангельская агломерация	17,3	17,0	17,2	20,8	3,5
Тамбовская область	3,4	0,7	0,8	0,7	-2,6
Тамбовская агломерация	0,5	0,1	0,1	0,1	-0,4
Калужская область	8,4	6,4	5,1	4,8	-3,6
Калужская агломерация	5,5	3,7	3,4	3,2	-2,3
Сахалинская область	1,5	0,2	0,3	0,3	-1,2
Южно-Сахалинская агломерация	1,3	0,0	0,0	0,0	-1,3
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	44,2	42,2	40,6	39,0	-5,1
Ханты-Мансийская агломерация	31,9	32,7	31,0	26,7	-5,2
Сургутская агломерация	3,4	2,5	0,6	0,5	-2,9
Красноярский край	10,3	9,3	9,2	9,2	-1,1
Норильская агломерация	50,0	50,0	50,0	50,0	0,0

Источник: расчеты авторов на основе информации Базы данных показателей муниципальных образований (<https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/>).

официальных сайтах органов государственной власти соответствующих субъектов РФ) на конец 2023–начало 2024 года позволяют сделать вывод о более развитой, чем в целом по региону, сети межмуниципальных маршрутов именно в границах агломераций (преимущественно по линии «город-ядро – крупные населенные пункты агломерации»): на Архангельскую агломерацию (15,4% от общего количества всех районов/округов области) приходится 42,7% всех межмуниципальных маршрутов региона; на Южно-Сахалинскую (22,2% районов/округов) – 40,0% маршрутов; на Тамбовскую (23,3% районов/округов) – 35,7%; на Калужскую (19,2% районов/округов) – 33,3%; на Вологодскую (14,3% районов/округов) – 32,1%; на Сургутскую (22,7% районов/округов) – 19,7%;

на Ханты-Мансийскую (9,1% районов/округов) – 12,5%; на Норильскую (3,3% районов/округов) – 1,4% маршрутов.

Проведенное с помощью корреляционного анализа исследование зависимостей между значениями показателей социально-экономического развития в ядре агломерации и территориях спутниковой зоны в 2010–2022 гг. позволило сделать следующие выводы:

– высокая прямая связь в динамике численности населения наблюдается лишь в небольшом количестве пар «ядро – муниципалитет агломерации» (4 из 25, как правило, с ближним к ядру муниципалитетом: г. Вологда и Вологодский район; г. Сургут и Сургутский район; г. Архангельск и г. Новодвинск; г. Архангельск и г. Северодвинск; табл. 7);

Таблица 7. Коэффициенты корреляции показателей социально-экономического развития города-ядра и муниципальных образований спутниковой зоны за период 2010–2022 гг.

Пары муниципальных образований городских агломераций	ЧН	$K_{\text{еп}}$	$K_{\text{мп}}$	Отгрузка	ОИ	Доходы МБ	Зарплата
ГО г. Вологда – Вологодский МР	0,872	0,750	0,230	0,931	0,628	0,892	0,992
ГО г. Вологда – Грязовецкий МР	-0,487	0,769	-0,192	0,930	0,843	0,862	0,988
ГО г. Вологда – Сокольский МР	-0,300	0,876	-0,170	0,938	0,901	0,896	0,998
ГО г. Архангельск – ГО г. Новодвинск	0,882	0,962	-0,180	0,894	0,169	0,906	0,998
ГО г. Архангельск – ГО г. Северодвинск	0,938	0,961	-0,407	0,559	0,424	0,912	0,983
ГО г. Архангельск – Приморский МР	-0,803	0,987	-0,123	0,556	0,353	0,765	0,982
ГО г. Тамбов – ГО г. Котовск	-0,649	0,959	0,131	0,586	0,292	0,742	0,990
ГО г. Тамбов – ГО г. Рассказово	-0,413	0,933	0,324	0,798	0,194	0,763	0,995
ГО г. Тамбов – Тамбовский МР	-0,309	0,948	0,636	0,813	0,002	0,429	0,997
ГО г. Тамбов – Рассказовский МР	-0,733	0,836	-0,107	0,605	-0,226	0,891	0,994
ГО г. Тамбов – Знаменский МР	-0,702	0,768	0,325	0,797	0,276	0,332	0,995
ГО г. Тамбов – Сампурский МР	-0,839	0,782	-0,450	-0,592	0,066	0,666	0,974
ГО г. Калуга – Бабынинский МР	-0,472	0,769	-0,584	0,584	0,587	0,872	0,995
ГО г. Калуга – Дзержинский МР	-0,628	0,798	-0,297	0,486	0,340	0,964	0,990
ГО г. Калуга – Перемышльский МР	0,083	0,698	0,245	0,507	0,034	0,959	0,966
ГО г. Калуга – Ферзиковский МР	0,549	0,839	-0,063	0,438	0,324	-0,100	0,987
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Корсаковский	-0,134	0,687	0,085	0,759	0,358	0,964	0,980
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Анивский	0,327	0,592	-0,051	0,783	0,402	0,979	0,988
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Долинский	-0,146	0,540	-0,565	-0,650	0,275	0,822	0,978
ГО г. Ханты-Мансийск – Ханты-Мансийский МР	-0,497	0,934	0,100	0,567	0,734	0,446	0,984
ГО г. Сургут – ГО город Нефтеюганск	0,669	0,952	0,243	0,534	0,143	0,709	0,984
ГО г. Сургут – ГО город Пыть-Ях	-0,862	0,945	0,065	0,576	0,103	0,513	0,980
ГО г. Сургут – Сургутский МР	0,950	0,958	-0,212	0,442	0,646	0,836	0,997
ГО г. Сургут – Нефтеюганский МР	0,656	0,863	0,284	0,503	0,510	0,725	0,992
ГО г. Норильск – Таймырский Долгано-Ненецкий МР	-0,434	0,802	0,404	0,861	0,980	0,827	0,997

Обозначения: ЧН – численность постоянного населения на конец года; $K_{\text{еп}}$ – коэффициент естественного прироста населения; $K_{\text{мп}}$ – коэффициент миграционного прироста населения; Отгрузка – отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства); ОИ – объем инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 жителя; Доходы МБ – доходы местного бюджета в расчете на 1 жителя; Зарплата – среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства).
Источник: расчеты авторов.

– по динамике коэффициента естественного прироста населения высокая прямая связь отмечается в подавляющем большинстве пар муниципалитетов (23 из 25); это обусловлено тем, что процессы естественного воспроизводства населения носят устойчивый характер в большинстве муниципалитетов региона; при этом агломерации стягивают молодое население, что обуславливает схожие воспроизводственные демографические процессы на данных территориях;

– по динамике коэффициента миграционного прироста населения не наблюдается заметной связи между муниципалитетами агломераций, т. к. на процессы миграции влияет множество различных факторов для разных муниципалитетов; кроме того, это может свидетельствовать, что территория спутниковой зоны в отличие от ядра не является привлекательной для миграции;

– высокая тесная и прямая связь территорий по динамике отгрузки продукции в расчете на 1 жителя наблюдается менее чем в половине пар муниципалитетов (10 из 25; все 3 пары Вологодской агломерации, 1 из 3 пар Архангельской, 3 из 6 пар Тамбовской, 2 из 3 пар Южно-Сахалинской, единственная пара Норильской агломерации), что говорит о невысокой производственной связности и наличии пространственных дисбалансов в хозяйственном развитии агломерации;

– по динамике объема среднелюдовых инвестиций в основной капитал высокая прямая связь наблюдается лишь в четырех парах муниципалитетов (г. Вологда и Грязовецкий район, г. Вологда и Сокольский район, Ханты-Мансийск и Ханты-Мансийский район, г. Норильск и Таймырский район), что, на наш взгляд, обусловлено слабой взаимодополняемостью их экономик и сопряжением воспроизводственных процессов между муниципалитетами агломерации;

– по объему доходов местного бюджета в расчете на 1 жителя высокая прямая связь наблюдается в подавляющем большинстве пар (19 из 25), что объясняется наличием в системе межбюджетных отношений принципа выравнивания уровней бюджетной обеспеченности муниципалитетов региона путем перечисления из бюджета субъектов РФ дотаций муниципалитетам; в то же время отсутствие корреляции по данному показателю по 6 парам обусловлено

применением в регионах разных подходов к организации межбюджетных отношений и перераспределению полномочий между регионом и муниципалитетами;

– по динамике среднемесячной заработной платы высокая прямая связь наблюдается во всех парах муниципалитетов агломераций, что обусловлено направленностью федеральной региональной и внутрирегиональной политики субъектов РФ в первую очередь на сокращение различий между территориями в уровне оплаты труда работников социальной (бюджетной) сферы и повышение величины их заработной платы.

Выводы

По результатам проведенной работы можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Исследуемые агломерации «второго эшелона» являются достаточно слабо развитыми с точки зрения наличия сформировавшейся в каждой из них системы городских населенных пунктов; при этом происходит дальнейшее увеличение до крайне высокого уровня значений доли города-ядра в общей численности населения. Все это свидетельствует о нарастании центростремительных тенденций и усилении позиций центрального города за счет ресурсов спутниковой зоны, что в перспективе может выступить фактором, ограничивающим возможности развития таких агломераций как интегрированных социально-экономических систем. Вместе с тем сельская расселенческая сеть агломерации в отличие от регионов их базирования не деградирует за счет активной внутрирегиональной миграции.

2. Другим ключевым проявлением агломерационных процессов выступает концентрация значительной доли регионального объема производства, инвестиций, хозяйствующих субъектов в агломерациях «второго эшелона»; однако эти процессы зачастую становятся факторами, обуславливающими рост внутриагломерационной социально-экономической дифференциации. Вместе с тем в последние годы значительная часть исследуемых агломераций (особенно их ядра) несколько утратили свои позиции в качестве центров концентрации регионального производства и инвестиций.

3. Внутри исследуемых агломераций (за исключением ряда северных) в настоящее время активно развивается сеть межмуниципальных автобусных маршрутов, что позволяет повысить

транспортную доступность жителей муниципалитетов спутниковой зоны до города-ядра и является позитивным фактором для дальнейшей активизации агломерационных процессов.

4. Агломерационные процессы от ядра распространяются преимущественно лишь на ближайшую к нему территорию, что проявляется в наличии только по этой линии высокого уровня маятниковой миграции, в сближении и определенной синхронизации их развития по ключевым социально-экономическим показателям. Остальные муниципалитеты либо не испытывают агломерационных процессов по причине слабой интегрированности с ядром или же вынуждены смириться с отрицательными эффектами, связанными с «выкачиванием» ресурсов центральным городом.

5. Сокращающиеся различия между муниципалитетами агломерации по ключевым социальным и ряду других показателей (среднемесячная заработная плата, объем доходов местного бюджета на 1 жителя) связаны, в первую очередь, с выравнивающими приоритетами федеральной и региональной политики, а не обусловлены интеграцией рынков и позитивными эффектами, распространяющимися на периферию от ядра.

6. Как ни парадоксально, но среди агломераций «второго эшелона» России именно ряд северных и арктических (например, Сургутская, Ханты-Мансийская) имеют большой потенциал для развития ввиду довольно высокой развитости их спутниковой зоны, размещения здесь крупных промышленных производств с эффективной специализацией, комплементарных с экономикой их ядра; при этом сами такие агломерации встроены в национальные и глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Таким образом, была доказана гипотеза о том, что слабая внутренняя интегрированность является одной из ключевых проблем развития российских городских агломераций «второго эшелона» и ограничивает потенциал их превращения в точки роста макро- и регионального уровней.

В такой ситуации, на наш взгляд, важна реализация комплекса следующих приоритетов, направленных на обеспечение внутренней интеграции пространства агломераций:

- разработка единых документов стратегического социально-экономического (стратегия, программа, мастер-план) и территориального планирования, комплексного зонирования территории агломерации, учитывающего интересы всех муниципалитетов-участников, бизнес-структур и населения;

- инициация и реализация совместных внутриагломерационных проектов в сфере экономики и инфраструктурного развития (в том числе в формате государственно-частного партнерства), позволяющих встроить все муниципальные образования агломерации в систему ее территориального разделения труда;

- содействие формированию территориальных кластеров, промышленных парков для зарождения инновационных видов деятельности со значительными позитивными эффектами не только для стейкхолдеров агломерации, но и всего региона;

- содействие формированию единого рынка агломерации (труда, жилья) за счет унификации законодательства, устранения административных барьеров.

Вклад представленного исследования в развитие науки видится в разработке методических подходов и инструментария оценки агломерационных процессов, выявлении их специфики в российских агломерациях «второго эшелона»; практическая значимость заключается в том, что результаты могут быть использованы в практике управления на региональном и муниципальном уровнях в процессе агломерационного строительства.

Перспективы развития исследования видятся в разработке и апробации на материалах данных агломераций методического инструментария оценки агломерационных эффектов (на мезо- и микроуровнях); именно их наличие является фактом, свидетельствующим о том, что протекающие в настоящее время процессы концентрации человеческих, производственных и иных ресурсов в ограниченном количестве центров действительно являются агломерированием, а не анклавизацией (сжатием) освоенного пространства, а данные центры имеют потенциал для генерации позитивных социально-экономических эффектов для всего региона.

Литература

- Волчкова И.В., Данилова М.Н., Подопригора Ю.В. [и др.]. (2014). Оценка интенсивности социально-экономических взаимодействий на территории агломерации в аспекте связанности социально-экономического пространства // *Вопросы управления*. № 4 (41). С. 182–195.
- Волчкова И.В., Минаев Н.В. (2014). *Теория и практика управления развитием агломераций: монография*. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 234 с.
- Волчкова И.В., Данилова М.Н., Подопригора Ю.В. [и др.]. (2016). Развитие агломерационных процессов в аспекте связанности социально-экономического пространства (по материалам Томской агломерации): монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 204 с.
- Ворошилов Н.В. (2019). Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // *Проблемы развития территории*. № 4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2
- Гринчель Б.М., Антонова А.А. (2012). Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5 (23). С. 79–90.
- Дмитриев М.Э., Чистяков П.А., Ромашина А.А. (2018). Роль пространственного фактора в ускорении экономического роста // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 31–47. DOI: 10.31857/S086904990001496-7
- Козлова О.А., Макарова М.Н. (2014). Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // *Современные проблемы науки и образования*. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513> (дата обращения 10.02.2024)
- Лаппо Г.М. (2012). *Города России. Взгляд географа*. М.: Новый хронограф. 504 с.
- Лола А.М. (2013). *Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать*. Москва. 292 с.
- Мельникова Л.В. (2017). Размеры городов, эффективность и экономический рост // *ЭКО*. Т. 47. № 7. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-7-5-19>
- Миргородская Е.О. (2017). Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология*. № 4 (41). С. 6–20.
- Полян П. (2014). *Территориальные структуры, урбанизация, расселение: теоретические подходы и методы изучения*. М.: Новый Хронограф. 785 с.
- Райсих, А.Э. (2020). Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 2. С. 54–96. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11139
- Растворцева С.Н. (2013). *Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии: монография*. М.: Экон-информ. 131 с.
- Сарымова А.А., Гусева М.С. (2022). Оценка влияния агломерационных процессов на социально-экономическое развитие муниципальных образований региона // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. № 5 (211). С. 28–38. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-5-211-28-38
- Dijkstra L., Poelman H., Veneri P. (2019). The EU-OECD definition of a functional urban area. *OECD Regional Development Working Papers*, 11. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/d58cb34d-en>
- Fang C., Yu D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.02.014
- Fang C., Yu D. (2020). *China's Urban Agglomerations*. Singapore: Springer Geography. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-1551-4>
- Prakash M., Teksoz K., Espey J. et al. (2017). Achieving a sustainable urban America. In: *The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017*. Available at: <http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf>
- Pütz T. (2016). Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland. *Informationen zur Raumentwicklung*, 5, 543–553.
- Rigatti D. (2009). Measuring conurbation. In: *Proceedings of the 7th International Space Syntax Symposium*. Stockholm. Available at: http://www.sss7.org/Proceedings/05%20Spatial%20Morphology%20and%20Urban%20Growth/093_Rigatti.pdf

- Strange W.C. (2009). Viewpoint: Agglomeration research in the age of disaggregation. *Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'économique*, 42(1), 1–27.
- Tripathi S. (2018). Determinants of employment situation in large agglomerations in India: A cross-sectional study. *Regional Science Inquiry*, X(2), 61–75.
- Uchida H., Nelson A. (2010). Agglomeration index: Towards a new measure of urban concentration. World Institute for Development Economics Research. *Working paper*, 29. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf>

Сведения об авторах

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V.

Agglomeration Processes in Russian Regions: Specifics and Challenges Related to the Intensification of Positive Effects

Abstract. Urban agglomerations currently play an important role in the spatial development of most countries, since they are key centers of economic growth, generation and diffusion of innovations. In theoretical and practical terms, as a rule, the greatest attention is paid to studying the largest and large urban agglomerations (under current legislation, in Russia these include agglomerations with a population of more than 1,000 and 500 thousand people, accordingly), while insufficient attention is paid to the real prerequisites and features of the development of other emerging/potential agglomerations (the so-called “second-tier” agglomerations). In this regard, the aim of the study is to identify features and challenges related to the intensification of agglomeration processes in Russia’s regions, taking into account the provision of positive effects. To achieve the goal, we use a wide range of general scientific (analysis, synthesis, systems) and applied economic and statistical methods (index, correlation analysis). Scientific significance of the study lies in the development of methodological approaches and tools for assessing agglomeration processes, determining their specifics in Russian agglomerations of the “second tier”. We reveal that the continuing concentration of a significant share of regional production, investment and population in the agglomerations under consideration is the key feature in their development. At the same time, in fact, agglomeration processes extend only to the core of the agglomeration and the territory closest to it; this is manifested in the convergence of their growth rates in key socio-economic indicators. These facts indicate a rather low development of the satellite zone of “second-tier” agglomerations and a weak transmission of positive effects to the periphery, as well as an excessive development of the core, which in the future may be a threat to the stable development of such agglomerations. In the final part of the work, we substantiate priority directions to increase the internal integration of urban agglomerations as open socio-economic systems that will ensure the generation of positive externalities and turn “second-tier” agglomerations into growth points at the macro and regional levels.

Key words: “second-tier” urban agglomerations, large city, satellite area, agglomeration processes, integration of space, strategic priorities of spatial development.

Information about the Authors

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for Research on Spatial Development of Socio-Economic Systems, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 13.02.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.6

УДК 330.322:330.342, ББК 65.263

© Елохова И.В., Плотников Р.В.

Подход к моделированию инвестиционной привлекательности отрасли в региональном аспекте

**Ирина Владимировна
ЕЛОХОВА**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация
e-mail: elohova.iv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6126-956X

**Рустам Владимирович
ПЛОТНИКОВ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
ООО «ОПР «Прикамье»
Пермь, Российская Федерация
e-mail: rusplotnikov120@mail.ru
ORCID: 0009-0005-0366-9804; ResearcherID: JNR-9927-2023

Аннотация. На сегодняшний день одной из ключевых проблем развития отечественной экономики остается вопрос привлечения инвестиций в стратегически значимые отрасли России. В период санкционного давления в отношении Российской Федерации развитие именно отраслей обрабатывающей промышленности становится ведущей задачей в обеспечении экономического роста страны. Целью исследования является разработка методики для расчета агрегированного факторного коэффициента инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах на основе эконометрического моделирования. Под инвестиционной привлекательностью комплекса отраслей обрабатывающей промышленности понимается совокупность значимых факторов, которые определяют приток инвестиций в комплекс отраслей обрабатывающей промышленности. В результате исследования выявлено, что на данный момент времени отсутствует единая общепринятая методика оценки инвестиционной привлекательности

Для цитирования: Елохова И.В., Плотников Р.В. (2024). Подход к моделированию инвестиционной привлекательности отрасли в региональном аспекте // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.6

For citation: Yelokhova I.V., Plotnikov R.V. (2024). An approach to modeling the investment attractiveness of the industry in the regional aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 110–125. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.6

отраслей обрабатывающей промышленности, отсутствует систематизация факторов, определяющих их инвестиционную привлекательность, нет исследований, посвященных выявлению статистически значимых факторов данного вида экономической деятельности. В связи с этим была разработана модель отбора значимых факторов инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах России. Согласно описываемой методике, итоговый агрегированный факторный коэффициент формируется на основе частных показателей, которые были объединены в группы факторов, что позволяет выделить наиболее важные факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность обрабатывающей промышленности в конкретном регионе, и определить стратегии для улучшения инвестиционной привлекательности. Анализ агрегированного факторного коэффициента поможет потенциальным инвесторам определить, в каких регионах комплекс отраслей обрабатывающей промышленности наиболее перспективен для инвестиций, а также какие меры необходимо принять для улучшения инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах с низким значением коэффициента. Результаты оценки показали, что наиболее значимыми являются производственные, трудовые, инновационные факторы инвестиционной привлекательности обрабатывающей промышленности. Авторский подход и полученные результаты могут использоваться государственными и частными инвесторами для принятия решения о целесообразности инвестиционных вложений в отрасль и органами власти при формировании инвестиционной политики с учетом региональной отраслевой специфики.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная привлекательность, экономические системы, регион, отрасль в регионе, предприятие отрасли в регионе, факторы, оценка.

Введение

В связи с быстроизменяющимися глобальными трендами в экономике актуализируется вопрос привлечения инвестиций в стратегически значимые отрасли в регионах с целью развития отечественного производства, обновления производственных фондов, перехода на выпуск инновационной продукции. Ввиду санкционного давления, ухода российской экономики от нефтегазовой зависимости и вследствие истощаемости природных ресурсов (нефти и газа) обрабатывающая промышленность является приоритетным направлением развития экономики Российской Федерации. Говоря о структурных изменениях российской экономики, отметим, что по данным государственной статистики 2022 года в структуре ВВП (по отраслям экономики) обрабатывающая промышленность в целом занимает первое место со значением 14,2%, второе место — добыча полезных ископаемых (14,0%)¹. Увеличение доли промышленности в ВВП происходит из-за необходимости проведения импортозамещения основных технологий, поэтому именно оценка инвестиционной привлекательности (далее —

ИП) на примере обрабатывающей промышленности (далее — ИПвэд(отраслей)) является основной целью исследования.

Несмотря на наличие множества теоретических подходов к оценке ИПвэд(отраслей), на практике их применение затрудняется необходимостью адаптации к специфике анализируемой отрасли или вида экономической деятельности. Также отметим, что ввиду неоднородности регионального развития в России необходимо оценивать отрасли в конкретном регионе. Продолжая разговор об оценке ИП видов экономической деятельности, важной представляется идея об иерархическом порядке факторов для каждого вида экономической деятельности, обладающего отличительными чертами. При этом стоит отметить, что для комплекса отраслей, формирующих конкретный вид экономической деятельности, набор факторов будет одинаковым.

Выделим ряд проблем оценки ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности. Во-первых, отсутствие единой методики оценки ИПвэд(отраслей). Во-вторых, проблема выбора подхода к оценке ИПвэд(отраслей). На сегодняшний день существует два подхода: с точки зрения привлекательности региона,

¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html

которая определяет ИП отрасли; с точки зрения приоритета привлекательности отраслей, определяющих уже ИП региона. На наш взгляд, инвестор, принимая решение об инвестиционном вложении, в первую очередь вкладывает средства в отрасль, а потом уже в регион, так как ИП региона отражает территориальную привлекательность для жизни. Об этом свидетельствуют и результаты оценки ИП региона, полученные «Эксперт РА» в 2023 году, которые показали, что наибольший вес среди блоков ИП региона – у инфраструктурных факторов (40%). Отметим, что ИПвэд(отраслей) исследуется как совокупность факторов. Одной из проблем оценки ИПвэд(отраслей) является отсутствие систематизации факторов, их статистического измерения, а также определение их значимости. Стоит заметить, что в исследованиях, посвященных показателям оценки ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, авторы выделяют разный набор показателей.

Так, рассмотрение факторов, влияющих на ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, на основе анализа существующих теоретических концепций выступает одной из основных задач данного исследования. Для повышения ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности необходимо выявление значимых факторов и определение степени их воздействия на приток инвестиций в вид экономической деятельности в регионе. Цель исследования заключается в разработке агрегированного факторного коэффициента ИП отрасли в регионе *на основе эконометрического моделирования*.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- 1) анализ методик оценки ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности;
- 2) систематизация факторов ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах;
- 3) разработка эконометрической модели отбора факторов ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности на приток инвестиций в ВЭД в регионе;
- 4) разработка алгоритма расчета авторского коэффициента инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности.

Научная новизна исследования состоит в создании модели для отбора значимых факторов ИП обрабатывающей промышленности и разработке на их основе методики расчета агрегированного факторного коэффициента ИПвэд(отраслей) с учетом региональной специфики.

Значимость исследования заключается в разработке методики расчета агрегированного факторного коэффициента ИПвэд(отраслей), позволяющего обоснованно ранжировать регионы по уровню ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности с учетом региональной специфики. Методический аспект ранжирования состоит в обосновании подхода и выбора наиболее значимых факторов влияния на приток инвестиций в вид экономической деятельности «Обрабатывающие производства» с учетом региональных особенностей.

Обзор литературы

В последние несколько лет особое внимание исследователей направлено на изучение ИП объектов уровней экономической системы. Направлением зарубежных исследований является изучение ИП стран. Например, Европейской комиссией разработан индекс ИП стран, который ранжирует страны по объему инвестиций². Следует отметить, что российская экономика представляет собой многоуровневую систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, поэтому ИП можно рассматривать как с точки зрения региона, так и отрасли, предприятия. Мы остановимся на ИПвэд(отраслей). На сегодняшний день разработано множество методик оценки инвестиционной привлекательности. Несмотря на то, что существующие подходы к оценке ИПвэд(отраслей) отражают инвестиционные возможности, однако они нуждаются в доработке, так как имеют недостатки. Главной проблемой оценки ИПвэд(отраслей) является выбор объекта оценки: ВЭД (отрасли) в стране, ВЭД (отрасли) в регионе, совокупность предприятий ВЭД (отрасли) в регионе. Также некоторые методики носят исключительно описательный характер, существуют проблемы

² European Commission. Available at: <https://composite-indicators.jrc.ec.europa.eu/explorer/explorer/indices/iai/investment-attractiveness-index> (accessed: November 8, 2023).

доступности и выбора показателей (необоснованность показателей), учет недостаточного либо избыточного количества данных. В таблице 1 представлен анализ методик ИП обрабатывающей промышленности и ИП отраслей, относящихся к данному ВЭД.

Таблица 1. Анализ методик оценки ИП обрабатывающей промышленности и ИП отраслей, относящихся к данному ВЭД

Автор	Итоговый показатель	Объект оценки	Преимущества	Недостатки
(Сафиуллин, Губайдуллина, 2020)	Интегральный (локализация и риск)	ВЭД в регионе	Расчет статистическими методами, сведение к единому показателю, наличие статистических данных, возможность ретроспективного анализа	Учет качественных показателей, недостаточное количество факторов (учет только отгрузки товаров), отсутствие сравнения регионов
(Милованова, Кузьменко, 2007)	Интегральный (экономическая составляющая и риск)	Отрасль в регионе	Расчет статистическими методами, сведение к единому показателю, наличие статистических данных, простота расчета, возможность ретроспективного анализа	Объективная оценка рисков составляющей; учет только экономического фактора
(Ковалева, 2014)	Интегральный показатель (инвестиционный потенциал и риск)	Все отрасли	Расчет статистическими методами, простота расчета, возможность применения методики для разных отраслей	Носит описательный характер, не представлены частные показатели, применим только к отрасли в целом по стране
(Калинина, Калинина, 2016)	Интегральный показатель (сумма факторов рейтингов)	ВЭД в регионах	Готовый показатель, возможность применения методики для расчета разных ВЭД, наглядность полученных результатов, позволяет выделить рейтинг региона	Показатели для каждого ВЭД одинаковые, учет недостаточного количества показателей, недоказанность выбора факторов
(Бословяк, 2012)	Интегральный показатель (частных показателей)	Отрасли по стране	Готовый показатель, возможность применения для различных отраслей, расчет в динамике	Субъективность, сложность расчета, учет недостаточного количества факторов (финансовые)
(Варавин и др., 2023)	Индекс	Отрасль в регионе	Готовый показатель, простота расчета, объективность	Отсутствие статистических данных для измерения экологического фактора, учет недостаточного количества показателей
(Фомина, 2015)	Анализ показателей	ВЭД по стране	Получение объективного результата оценки	Необходимость дополнительного расчета модели, формирующей агрегированный показатель
(Климова, Шаповалова, 2017)	Анализ показателей	Отрасль в регионе	Получение объективного результата оценки	Необходимость дополнительного расчета модели, формирующей агрегированный показатель
(Авезова и др., 2022)	Анализ показателем	Отрасль по стране	Получение объективного результата оценки	Необходимость дополнительного расчета модели, формирующей агрегированный показатель
(Абдикеев и др., 2019)	Инвестиционный потенциал через анализ показателей	ВЭД по стране	Получение объективного результата оценки	Необходимость дополнительного расчета модели, формирующей агрегированный показатель
(Ванюшкин, 2015)	Анализ показателей	ВЭД и отрасли в регионе	Получение объективного результата оценки	Необходимость дополнительного расчета модели, формирующей агрегированный показатель
(Веретенникова, Рыбина, 2011)	Объем инвестиций	Отрасли по стране	Получение объективного результата оценки	Необходимость учета дополнительных факторов, учет внешнего финансирования от США
Источник: составлено авторами.				

Ранее в наших исследованиях было определено, что для оценки ИП отраслей в регионе наилучшим будет факторный подход, учитывающий взаимосвязь и взаимообусловленность деятельности различных уровней экономической системы, что позволяет полноценно использовать подход для формирования системы управления ИП отраслей (Елохова, Плотников, 2023).

Продолжая разговор об ИПвэд(отрасли) в регионе, отметим, что на сегодняшний день существует два подхода к ее оценке: с точки зрения привлекательности региона, которая определяет ИПвэд(отрасли) (Бурлин, 2023; Веретенникова, Рыбина, 2011; Дьячкова, Жевтун, 2023; Свиридова и др., 2023; Фомина, 2015; Vinda et al., 2020); и с точки зрения приоритета привлекательности ВЭД (отрасли), определяющей уже ИП региона (Ванюшкин, 2015; Пахтусова, 2011; Петрушина 2023; Рубцова и др., 2023; Сафиуллин, Губайдуллина, 2020; Mustafakulov, 2017). Для второго подхода пока не разработана единая общепринятая методика оценки на основе эконометрического моделирования.

В настоящем исследовании предлагается рассматривать вид экономической деятельности «Обрабатывающие производства», основными отраслями которой являются машиностроение; нефтепереработка; пищевая промышленность; металлургия; химическая промышленность; деревообработка; изготовление материалов для строительства; целлюлозно-бумажная отрасль. Выделим особенности данного вида экономической деятельности:

- наибольший удельный вес инвестиций в основной капитал и стабильный рост инвестиций (Золотарева, Золотарев, 2022);
- ведущая роль в глобальной экономике (авторами проводится анализ экспорта и импорта лидирующих стран по ВВП) (Абдикеев и др., 2019);
- государственная поддержка (Фомина, 2015);
- рост конкурентоспособности при условии реализации инновационных факторов (Сафиуллин, Губайдуллина, 2020).

Анализ методик, предназначенных для оценки ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах, показал, что мнения ученых по данному вопросу разделились. Группа авторов (Булгакова, 2004; Левченко, 2023; Наролина, 2018 и др.) оценивает

инвестиционную привлекательность через интегральный показатель, сформированный инвестиционным потенциалом и инвестиционными рисками. Вторая группа (Абдикеев и др., 2019; Авезова и др., 2022; Климова, Шаповалов 2017; Фомина, 2015) – через анализ и прогнозирование показателей. Третья группа (Веретенникова, Рыбина, 2011; Воробьева, Ерохина 2023; Рубцова и др., 2023 и др.) авторов оценивает ИП через инвестиции в основной капитал.

Остановимся на точке зрения второй группы исследователей и отметим, что одной из проблем оценки ИПвэд(отрасли) является отсутствие систематизации факторов, их статистического измерения. В *таблице 2* представлена классификация факторов ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, их статистическое измерение, а также указаны авторы, выделяющие данные факторы.

Отметим, что показатели, характеризующие инфраструктурный и экологический факторы, рассматриваются на уровне региона. Политический фактор рассматривается на уровне страны. Трудовой и финансовый факторы рассматриваются на уровне вэд/отрасли в регионе. Ввиду отсутствия статистической информации на уровне вэд/отрасли ряд показателей производственного и экономического факторов представлены региональными показателями.

На основании выбранных показателей в исследовании предлагается комплексный подход к оценке ИП отрасли в регионе. В качестве зависимой переменной мы предлагаем использовать показатель инвестиционной активности в регионе по виду экономической деятельности – инвестиции в основной капитал (Золотарев, Золотарева, 2022; Коркин, 2023 и др.).

Методы исследования

В статье предлагается авторская методика расчета агрегированного коэффициента ИП отрасли в регионе (далее – коэффициент). Поставлена задача исследовать влияние факторов на приток инвестиций в отрасль с учетом региональной специфики и выявить значимые параметры, которые будут участвовать в расчете коэффициента. Для решения поставленной цели была разработана модель отбора факторов ИП отрасли в регионе. Для определения зависимости выбран показатель приток инвестиций по виду экономической деятельности «Обраба-

Таблица 2. Систематизация факторов инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, их статистическое измерение и использование в дальнейшем моделировании

Фактор, авторы	Показатели	Фактор используется в модели	Причина, по которой фактор не используется в модели
Производственный (Абдикеев и др., 2019; Калинина, Калинина, 2016; Климова, Шаповалов, 2019; Фомина, 2015 и др.)	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Отношение отгруженной продукции к произведенной (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Индекс производительности труда (отраслевой)		Отсутствие данных
	Индекс производства (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Коэффициент обновления основных фондов (региональный)	+	
	Степень износа основных фондов (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Доля предприятия в основных производственных фондах отрасли (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Индекс выпуска товаров (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
Экономический (Абдикеев и др., 2019; Калинина, Калинина, 2016; Климова, Шаповалова, 2019; Нгуен, 2012; Фомина, 2015; Чистов, Газукин, 2013; Silva et al., 2023 и др.)	Индексы физического объема валового регионального продукта в основных ценах (региональный)	+	
	Внешнеторговый оборот по отрасли (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Индекс цен (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Инвестиции в основной капитал (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Индекс предпринимательской уверенности (региональный)		Отсутствие данных
	Удельный вес продукции данной отрасли в ВВП страны (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Объем государственных инвестиций в основной капитал отрасли (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Объем льготного кредитования отрасли (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Затраты на технологические инновации (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Доля инновационной продукции в товарообороте (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Динамика развития отрасли (вэд/отрасль в регионе)		
	Емкость рынка (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Поступление налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности (вэд/отрасль в регионе)	+	
Трудовой (Абдикеев и др., 2019; Аvezова и др., 2022; Гайфуллина, Низамова, 2019; Калинина, Калинина, 2016; Фомина, 2015; Dorożyński et al., 2016; Kuna-Marszałek, 2017; Snieška, Zykiene, 2015; Windhyastiti et al., 2021 и др.)	Доля занятых в отрасли в общей численности занятых в экономике страны (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Среднесписочная численность занятых в отрасли (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Качество и доступность квалифицированной рабочей силы; высокопроизводительные рабочие места отрасли (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Индекс среднемесячной номинальной начисленной заработной платы (вэд/отрасль в регионе)	+	
	Количество создаваемых новых рабочих мест (вэд/отрасль в регионе)		Отсутствие данных
	Отношение задолженности по заработной плате к фонду оплаты труда (вэд/отрасль в регионе)		

Окончание таблицы 2

Фактор, авторы	Показатели	Фактор используется в модели	Причина, по которой фактор не используется в модели
Финансовый (Абдикеев и др., 2019; Аvezова и др., 2022; Бурлин, 2023; Гайфуллина, Низамова, 2019; Калинина, Калинина, 2016; Фомина, 2015; Mustafakulov, 2017 и др.)	Прибыль от продаж (взд/отрасль в регионе)		Является составляющей финансового результата
	Финансовый результат прибыльных организаций отрасли (взд/отрасль в регионе)	+	
	Рентабельность проданных товаров, работ, услуг (взд/отрасль в регионе)	+	
	Рентабельность активов (взд/отрасль в регионе)		Зависит от рентабельности продаж; необходимо брать в расчеты рентабельность продаж
	Дебиторская задолженность организаций (взд/отрасль в регионе)	+	
	Кредиторская задолженность организаций (взд/отрасль в регионе)	+	
	Ставка по кредитам и депозитам (региональный)		
Инфраструктурный (Калинина, Калинина, 2016; Фомина, 2015; Чистов, Газукин, 2013; Windhyastiti et al., 2020 и др.)	Удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения (региональный)	+	
	Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (региональный)	+	
	Численность учителей в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования (региональный)	+	
	Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения (региональный)	+	
	Число больничных коек, на конец года (региональный)	+	
	Объем инвестиций в создание новых и/или развитие существующих объектов инженерной инфраструктуры (региональный)		-
Экологический (Варавин и др., 2023; Кондратьева, 2020; Silva et al., 2023 и др.)	Выбросы в атмосферу загрязняющих вещества, отходящих от стационарных источников (региональный)	+	
	Величина зеленых капиталовложений (региональный)		Отсутствие данных
Политический (Нгуен, 2012; Пахтусова, 2011; Чистов, Газукин, 2013; Silva et al., 2023; Windhyastiti et al, 2020 и др.)	Стабильная политическая ситуация (страновой)		Отсутствие данных

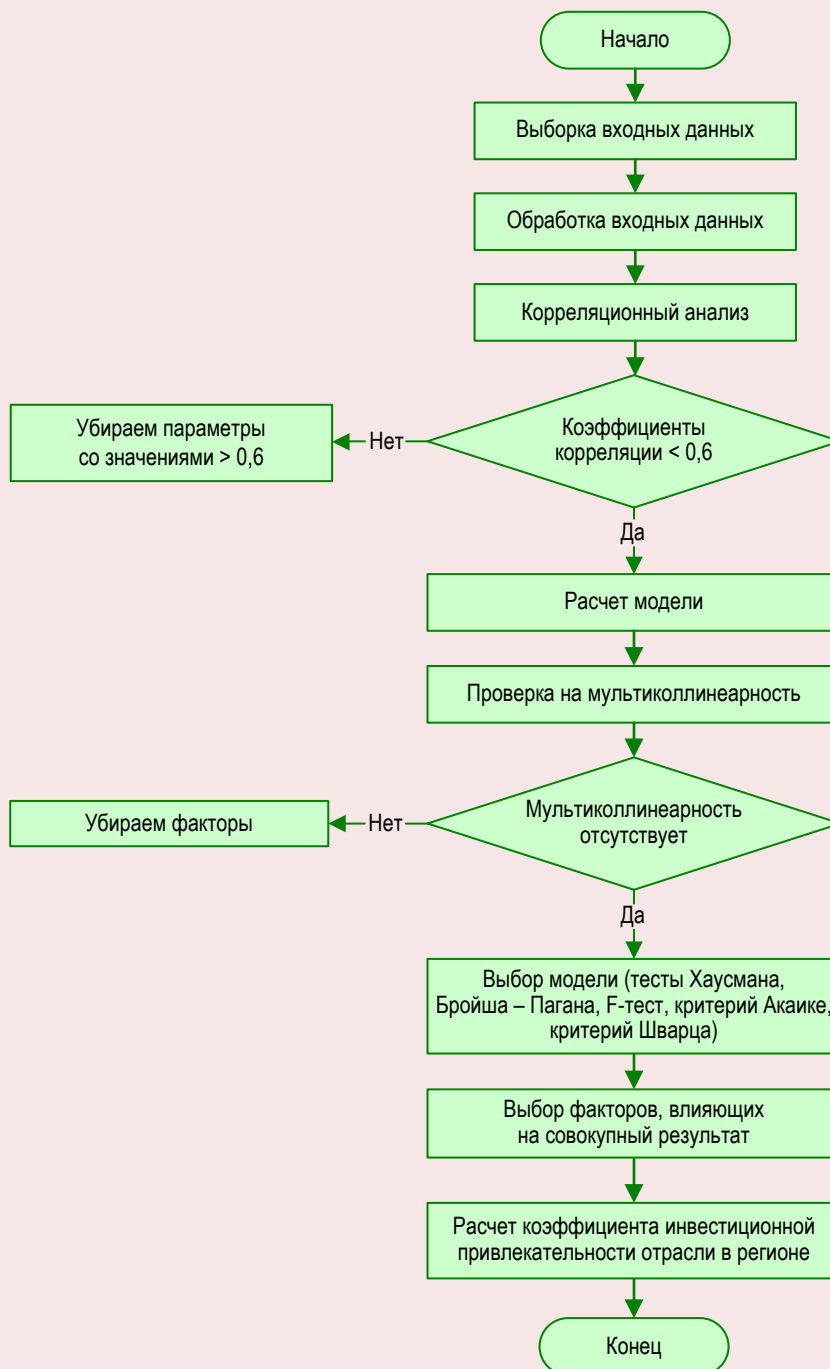
Источник: составлено авторами.

тывающие производства» в регионах России. Для этого мы рассмотрели фактические данные за период 2010–2021 г. Методика расчета коэффициента включает несколько этапов, каждый из которых позволяет оценить различ-

ные аспекты, влияющие на привлекательность отрасли для инвесторов.

На *рисунке* представлен алгоритм расчета коэффициента инвестиционной привлекательности отрасли в регионе.

Алгоритм расчета авторского агрегированного коэффициента инвестиционной привлекательности отрасли в регионе

Источник: составлено авторами.

Остановимся на подробном описании последовательности выполняемых шагов для достижения цели исследования.

Шаг 1. Выбор и обоснование показателей для эконометрической модели. На основе собранных статистических данных, которые ранее учитывались при оценке ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в работах других авторов, проводится корреляционный анализ. Отметим, что построение модели необходимо для выявления наиболее значимых показателей влияния на приток инвестиций в обрабатывающую промышленность в регионе, из которых впоследствии рассчитывается авторский индекс.

Шаг 2. Обработка входных данных. Показатели, выраженные в процентах, остаются без изменений, остальные – пересчитываются с целью повышения объективности расчетов.

Шаг 3. Оценка показателей на основе корреляционного анализа. На данном шаге была построена корреляционная матрица, проведена оценка зависимости между всеми показателями, а также между показателями и зависимой переменной. Далее были выбраны показатели для построения модели, удовлетворяющие всем условиям, а именно: значение коэффициента корреляции должно быть $< 0,6$. Оценка производилась для двух эконометрических моделей ввиду того, что для измерения финансового фактора выбраны показатели прибыль и рентабельность, которые изначально коррелируют между собой. Поэтому ставится задача кроме выбора лучшей модели выбрать лучший показатель для оценки финансового фактора. На протяжении всего исследования будут рассматриваться и анализироваться две итерации модели, впоследствии на основе лучшей модели первой и второй итерации будет выбрана одна из них.

Шаг 4. Проверка показателей на мультиколлинеарность.

Шаг 5. Расчет двух эконометрических моделей для проверки на правильность моделей (на основании теста Рамсея).

Шаг 6. Исключение незначимых переменных по их p -значению (уровню значимости).

Шаг 7. Проверка гипотезы о влиянии отраслевых факторов на ИП, построение новой модели (проверка правильности новой модели на основании теста Рамсея).

Шаг 8. Выбор лучшей модели первой и второй итерации на основании тестов (F-теста, теста Хаусмана, теста Бройша – Пагана). Производится выбор между моделью с фиксированными эффектами, моделью со случайными эффектами, моделью с фиксированными эффектами с добавлением фиктивных переменных, моделью со случайными эффектами с добавлением фиктивных переменных на основании F-теста, теста Хаусмана, теста Бройша – Пагана.

Шаг 9. Выбор между первой и второй итерацией модели. На основании критерия Шварца и критерия Акаике принимается решение о выборе лучшей модели. Лучшей признается модель, в которой значение данных критериев имеет наименьшее значение.

Шаг 10. Ранжирование показателей через их уровень значимости на основании выбранной модели.

Шаг 11. Расчет агрегированного коэффициента ИП отрасли в регионе на основании выбранной модели. Расчет коэффициента осуществляется путем нахождения суммы из соответствующих субиндексов с учетом весов. Вес показателя определяется исходя из уровня значимости показателя в выбранной модели.

Предложенная методика позволяет выделить значимые факторы ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах, на основе которых получается агрегированный факторный коэффициент.

Результаты исследования

На основании вышеизложенного была разработана модель отбора факторов ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности.

Информационной основой при выборе статистических показателей послужила информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по 83 регионам России за период 2010–2021 гг. Не участвовали в расчетах 6 регионов – Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область ввиду неполноты информации.

После выбора параметров для измерения факторов (см. табл. 2) проверим их на коллинеарность. Важнейшая задача при корреляци-

онном анализе – выявление связи между переменными. Для этого была построена корреляционная матрица. В результате корреляционного анализа для модели первой и второй итерации оставлены показатели, представленные в *таблице 3*. Отличие заключается в том, что для модели второй итерации исключен показатель X2 ввиду его корреляции с X7.

Таблица 3. Факторы ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности для построения модели

Фактор	Обозначение	Описание	Измерение	Корректировка
Производственный	C	Коэффициент обновления основных фондов (по регионам)	%	-
	V	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (по хозяйственным видам деятельности) (вэд в регионе)	Тыс. руб.	Тыс. руб. / кол. предприятий отрасли в регионе
Экономический	I	Затраты организаций на технологические инновации (вэд в регионе)	Тыс. руб.	Тыс. руб./ кол. предприятий отрасли в регионе
Трудовой	W1	Число высокопроизводительных рабочих мест(вэд в регионе) (вэд в регионе)	Мест	Чел. / кол. предприятий отрасли в регионе
	W2	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций (вэд в регионе)	Руб.	-
Финансовый	R	Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг (вэд в регионе)	%	-
	Pr	Финансовый результат прибыльных организаций (вэд в регионе)	Тыс. руб.	Тыс. руб. / кол. предприятий отрасли в регионе
Инфраструктурный	T	Удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения (по регионам)	%	-
	Ed	Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. Численность учителей в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения (по регионам)	Мест на 1000 детей Чел. Чел.	- Учителей на 10 тыс. чел.
	H	Число больничных коек, на конец года (по регионам)	Ед.	Коек на 10 тыс. чел.
Экологический	Eco	Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (по регионам)	Тыс. тонн	Тыс. тонн на 10 тыс. чел.

Источник: составлено авторами.

Далее рассчитываем модели множественной регрессии и проверяем правильность моделей на основании теста Рамсея с учетом выбранных показателей. Нулевая гипотеза (H0) свидетельствует о том, что спецификация модели является верной (p -значение $> 0,05$), гипотеза (H1) свидетельствует о том, что спецификация модели является неверной (p -значение $< 0,05$). В нашем случае спецификация моделей первой и второй итерации является неправильной, так как p -значения меньше 0,05 свидетельствует о том, что модель не подходит. Ввиду того, что для нас важно показать влияние факторов, связанных с производственной деятельностью, было принято решение исключить из модели инфраструктурный фактор.

Проведем заново оценку правильности моделей. Она показала, что спецификация моделей первой и второй итерации является правильной, так как тестовые значения больше 0,05. Таким образом, модель включает следующие факторы ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности: производственный, инновационный, трудовой, финансовый, экологический.

Далее в каждой итерации было оценено 4 модели: с фиксированными эффектами, с фиксированными временными эффектами, со случайными эффектами, со случайными и временными эффектами. Для выбора лучшей модели первой и второй итерации использовались тесты Хаусмана, Бройша – Пагана, F-тест.

Таким образом, была выбрана наилучшая модель первой и второй итерации. В первой и второй итерации лучшей оказалась модель с фиксированными эффектами. Остановимся подробнее на выбранных моделях и проведем их оценку (табл. 4).

При выборе наилучшей модели обратим внимание на критерий Шварца (SIC) и критерий Акаике (AIC). Для модели с рентабельностью критерий Шварца (SIC) равен (2052,96), критерий Акаике (AIC) равен (1631,27). Для модели финансовый результат критерий Шварца (SIC) (2053,23), критерий Акаике (AIC) равен (1632,20). Отметим, что данные критерии позволяют выбрать наилучшую модель, наилучшей будет модель с наименьшим значением критерия. В нашем случае модель с рентабельностью имеет меньше значения, чем модель с прибылью, что позволяет сделать выбор в пользу модели с рентабельностью.

Таблица 4. Подробная оценка наилучших моделей первой и второй итерации

Название переменной		Модель с фиксированными эффектами	
		Первая итерация	Вторая итерация
Фактор	Const	-8,54***	-10,19***
Региональные данные			
Производственный	C	0,02**	0,02**
Экологический	Ln(Eco)	-0,09	-0,15
Отраслевые данные			
Производственный	Ln(V)	0,32***	-
Трудовой	Ln(W1)	0,27***	0,41***
	Ln(W2)	0,57***	0,93***
Инновационный	Ln(I)	0,07**	0,07**
Финансовый	R	0,008*	-
	Ln(Pr)	-	0,03
Кол-во наблюдений	N	941	941
Кoeffициент детерминации	R ²	0,82	0,82
F-тест	p-расч.	p=0	p = 0
Тест Бройша – Пагана	p-расч.		
Тест Хаусмана	p-расч.		
Критерий Шварца	p-расч.	2052,96	2053,23
Критерий Акаике	p-расч.	1631,27	1632,20
Источник: составлено авторами.			

Так, была выбрана наилучшая модель (формула 1).

$$\ln(y_{it}) = \alpha_i + \beta * C_{it} + \gamma * \ln Eco_{it} + \delta * \ln V_{it} + \varepsilon * \ln W1_{it} + \epsilon * \ln W2_{it} + \zeta * \ln I_{it} + \eta R_{it} * + u_{it}, \quad (1)$$

где $i = \overline{1,83}$ – номер региона;

$t = \overline{2010,2021}$ – моменты времени;

u_{it} – случайная ошибка, все u_{it} независимые и одинаково распределенные;

$u_{it} \sim iid(0; \sigma_\varepsilon^2)$;

α_i – фиксированный эффект региона i ;

y – инвестиции в основной капитал по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства».

На основании полученных результатов моделирования можно сделать вывод, что при проведении мероприятий, направленных на повышение ИП обрабатывающей промышленности в регионах необходимо обращать внимание на коэффициент обновления основных фондов; выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по отрасли; число высокопроизводительных рабочих мест по отрасли; среднемесячную номинальную начисленную заработную плату на одного работника по отрасли; затраты организаций отрасли на технологические инновации; уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг предприятий отрасли.

Значимые факторы, выбранные на основе предложенной модели (формула 1), были использованы для расчета агрегированного коэффициента инвестиционной привлекательности отрасли. Отметим, что предлагаемый коэффициент подойдет для расчета коэффициента ИП отраслей, относящихся к виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства».

Агрегированный коэффициент ИП отрасли в регионе (IAI_{ir} – *index of investment attractiveness of the industry in the region*) рассчитывается путем нахождения суммы из соответствующих субиндексов с учетом весов (формула 2):

$$IAI_{ir} = \sum_{i=1}^n \alpha_i x_i, \quad (2)$$

где x_i – i -показатель, $i = \overline{1, n}$;

n – общее количество факторов;

α_i – вес i -фактора, причем $\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1, \alpha_i \in [0,1]$.

Развернутая формула выглядит следующим образом (формула 3):

$$IAI_{ir} = 0,14 * C_i + 0,05 * Eco_i + 0,19 * V_i + 0,19 * W1_i + 0,19 * W2_i + 0,14 * I_i + 0,1 * R_i. \quad (3)$$

В первую очередь показатели для расчета индекса для каждого региона приводятся к одной шкале с помощью нормирования. В рамках нормирования данных была проведена оценка асимметрии. Отметим, что для экологического фактора использовалась формула обратного нормирования.

Вес каждому показателю определяется в зависимости от веса значимости каждого фактора в модели (табл. 5).

Таблица 5. Определение веса факторов ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах

Фактор	Таксономическая единица	Показатель	Уровень значимости	Вес
Производственный	Регион	x2	(3%)**	0,14
Экологический	Регион	x9	-	0,05
Производственный	Отрасль	x10	(1%)***	0,19
Трудовой	Отрасль	x11	(1%)***	0,19
		x12	(1%)***	0,19
Инновационный	Отрасль	x13	(3%)**	0,14
Финансовый	Предприятие	x14	(5%)*	0,10
-	-	Сумма	-	1,00

Вес факторов определяется на основании р-значения (уровня значимости), представленного в таблице 2.
Источник: составлено авторами.

Таблица 6. Агрегированные коэффициенты инвестиционной привлекательности вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по субъектам Российской Федерации (первые и последние пять позиций в рейтинге), 2021 год

Рейтинг	Регион	Индекс IAlir
1	Мурманская область	0,80
2	Красноярский край	0,67
3	Омская область	0,65
4	Архангельская область	0,63
5	Пермский край	0,61
...
79	Чеченская Республика	0,24
80	Республика Тыва	0,20
81	Республика Калмыкия	0,19
82	Республика Алтай	0,18
83	Республика Ингушетия	0,17

Источник: составлено авторами.

Таким образом, нами представлен авторский подход к расчету агрегированного факторного коэффициента ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности в регионах.

В таблице 6 даны индексы инвестиционной привлекательности отрасли «Обрабатывающие производства», рассчитанные по субъектам Российской Федерации за 2021 год.

На основании проведенных расчетов в 2021 году наибольшее значение коэффициента ИП по ВЭД «Обрабатывающее производство» у Мурманской области, Красноярского края, Омской области, наименьшее – у регионов Северного Кавказа. Отметим, что агрегированный коэффициент ИП измеряется от 0 (min) до 1 (max). Следовательно, можем утверждать, что ИП обрабатывающей промышленности в Мурманской области имеет значение, приближенное к 1, что свидетельствует о высоком уровне ИП обрабатывающей промышленности в данном регионе. Это означает, что комплекс отраслей обрабатывающей промышленности имеет высокий уровень производственных, трудовых, инновационных, финансовых факторов при низкой экологической нагрузке и будет интересен для потенциальных инвесторов.

Предлагаемый подход к оценке ИП комплекса отраслей обрабатывающей промышленности может быть использован инвесторами, частными или государственными, которые, ориентируясь на данные коэффициенты, будут принимать обоснованные решения о целесо-

образности инвестиционных вложений в отрасли обрабатывающей промышленности конкретного региона. Данная оценка также может быть составной частью системы информационно-аналитического мониторинга экономического развития для обеспечения принятия управленческих решений на уровне региональной системы в целом.

Заключение

В заключение отметим, что для привлечения инвестиций в стратегически значимые сектора экономики России исследование ИПвэд(отраслей) представляет особый интерес. В настоящее время существует проблема отсутствия комплексного единого подхода оценки ИПвэд(отраслей), поэтому в рамках исследования была предложена методика расчета авторского коэффициента инвестиционной привлекательности комплекса отраслей обрабатывающей промышленности. Расчеты проведены на основании данных по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в регионах России. Так, предложенная методика может быть адаптирована для расчета коэффициента ИП отраслей, относящихся к данному виду деятельности, это позволяет расширить ее применение. Разработанный коэффициент ИП обрабатывающей промышленности дает возможность определить наиболее перспективные регионы для инвестиций в обрабатывающую промышленность. Методика позволит повысить нормативное обеспечение инвестици-

онной деятельности, ранжировать приоритеты при отборе инвестиционных проектов, определять механизмы поддержки инвестиционной деятельности обрабатывающей промышленности в регионе, разработать более обоснованный индустриальный паспорт региона. При использовании предложенной методики инвестор имеет возможность сузить круг объектов для инвестирования, сфокусировавшись на наиболее привлекательных регионах размещения предприятий обрабатывающей промышленности.

Важно отметить, что предложенный коэффициент является промежуточным результатом исследования и будет использован во взаимодействии с индустриальным профилем региона для ранжирования ИП отрасли в регионе.

Направлением дальнейших исследований является разработка программного продукта для расчета индекса инвестиционной привлекательности отрасли в регионе с визуализацией. Оценка ИП отраслей – это важная и актуальная задача гармоничного развития национальной экономики.

Литература

- Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. (2019). Инвестиционный потенциал обрабатывающей промышленности // *Финансы: теория и практика*. Т. 23. № 4 (112). С. 24–42. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-24-42
- Авезова М.М., Урунов А.А., Насимова Н.А. (2022). Инвестиционная привлекательность полюса развития региона: методология и анализ // *Управление*. Т. 10. № 1. С. 28–35. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-1-28-35
- Булгакова Л.Н. (2004). Методы оценки инвестиционной привлекательности предприятий и регионов // *Финансы и кредит*. № 15 (153). С. 57–62.
- Бурлин Е.Б. (2023). Оценка инвестиционной привлекательности корпорации // *Вестник евразийской науки*. Т. 15. № S1.
- Ванюшкин А.С. (2015). Анализ инвестиционной привлекательности отраслей экономики Крыма // *Общество: политика, экономика, право*. № 6. С. 21–29.
- Варавин Е.В., Козлова М.В., Куур О.В., Пестунова Г.Б. (2023). Оценка инвестиционной привлекательности отраслей региона в контексте «зеленого» развития // *Экономика региона*. № 19 (2). С. 494–510.
- Веретенникова О.Б., Рыбина Е.С. (2011). Инвестиционная привлекательность отрасли и подходы к ее оценке // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного ун-та*. № 4. С. 6.
- Воробьева В.Е., Ерохина Е.В. (2023). Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат Калужской области в условиях новой реальности // *Вектор экономики*. № 5 (83).
- Гайфуллина М.М., Низамова Г.З. (2021). Корреляционно-регрессионный анализ инвестиционной привлекательности нефтеперерабатывающей отрасли // *Управление*. Т. 9. № 3. С. 27–38. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-3-27-38
- Дьячкова О.М., Жевтун И.Ф. (2023). Особенности оценки инвестиционной привлекательности и формирования инвестиционного климата в регионе // *Вестник Академии знаний*. № 3 (56). С. 88–93.
- Елохова И.В., Плотников Р.В. (2023). Теоретические аспекты формирования и оценки инвестиционной привлекательности экономических систем // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. № 3. С. 199–212. DOI: 10.15593/2224-9354/2023.3.14
- Золотарева Е.Л., Золотарев А.А. (2022). Анализ тенденций инвестиционной активности в регионе // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. № 7. С. 226–231.
- Калинина А.Э., Калинина В.В. (2016). Разработка информационно-аналитической системы оценки инвестиционной привлекательности регионов РФ // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. № 2 (35). С. 7–17. DOI: 10.15688/jvolsu3.2016.2.1
- Климова Н.В., Шаповалова Г.И. (2017). Инвестиционная привлекательность пищевой промышленности Краснодарского края // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. № 127. С. 638–650. DOI: 10.21515/1990-4665-127-043

- Ковалева И.В. (2014). К вопросу методологии и методики оценки инвестиционной привлекательности отрасли // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 5 (115). С. 166–170.
- Кондратьева О.А. (2020). Влияние экологического фактора на инвестиционную привлекательность промышленного предприятия // Современное состояние экономических систем: экономика и управление: сборник научных трудов II Международной научной конференции, Тверь, 23–24 марта 2020 года / под общ. ред. Д.В. Розова, Г.Г. Скворцовой. С. 107–113.
- Коркин М.А. (2023). Инвестиционная привлекательность российской обрабатывающей промышленности в условиях санкций и ограничений // Вестник университета. № 3. С. 144–152. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-3-144-152
- Левченко Т.А. (2023). Инвестиционная привлекательность регионов Дальнего Востока России: оценка и обеспечение // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 12. № 1 (42). С. 63–66. DOI: 10.57145/27128482-2023-12-01-12
- Милованова Е.А., Кузьменко Т.В. (2007). Прогнозные оценки инвестиционной привлекательности отрасли // Экономический анализ: теория и практика. № 7 (88). С. 31–34.
- Наролина Ю.В. (2010). Влияние инвестиционных рисков на инвестиционную активность региона (на примере Воронежской области) // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. № 12 (92). С. 426–429.
- Нгуен Т.Т. (2012). Факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность поддерживающей отрасли промышленности во Вьетнаме // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2-1. С. 150–157.
- Пахтусова М.Ю. (2011). Инвестиционная привлекательность отрасли: основа инновационного развития региона // Экономика и управление. № 7 (69). С. 35–38.
- Петрушина В.В. (2023). Импортозамещение в условиях российской экономики // Наука и практика регионов. № 3 (32). С. 28–33.
- Рубцова С.Н., Пахомова Т.В., Слепцова Л.А. (2023). Необходимость оценки инвестиционной привлекательности сельскохозяйственных предприятий // Russian Economic Bulletin. Т. 6. № 2. С. 93–99.
- Сафиуллин А.Р., Губайдуллина А.И. (2020). Моделирование сценариев повышения инвестиционной привлекательности обрабатывающей промышленности республики Татарстан // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 13. № 4. С. 74–82. DOI: 10.18721/JE.13406
- Свиридова Н.Д., Козьякова С.С., Теслюченко О.Н. (2022). Формирование инвестиционной привлекательности под воздействием системы факторов // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. № 9 (63). С. 139–141.
- Фомина Н.Е. (2015). Анализ конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности национальной обрабатывающей промышленности // Транспортное дело России. № 2. С. 68–71.
- Чистов И.В., Газукин А.В. (2013). Инвестиционная привлекательность отраслей и предприятий промышленности: сущность и факторы, ее определяющие // Транспортное дело России. № 1. С. 134–137.
- Binda J., Prokopenko M., Ramskyi A., Shuplat O., Halan L., Mykhalenko D. (2020). Assessment of investment attractiveness of industrial enterprises. *International Journal of Management*, 11(2), 27–35.
- Dorożyński T., Kuna-Marszałek A. (2016). Investment attractiveness. The case of the visegrad group countries. *Comparative Economic Research*, 19(1), 119–140.
- Jantón-Drozdowska E., Majewska M. (2016). Investment attractiveness of Central and Eastern European Countries in the light of new locational advantages development. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, 11(1), 97–119.
- Mustafakulov S. (2017). Investment attractiveness of regions: Methodic aspects of the definition and classification of impacting factors. *European Scientific Journal*, 13(10), 433–449.
- Silva W.D.O., Fontana M.E., de Almeida B.M.J., Carmona Marques P., Vidal R. (2023). Analyzing the attractiveness of businesses to receive investments for a creative and innovative transition to a circular economy: The case of the textile and fashion industry. *Sustainability*, 15, 1–18.
- Snieška V., Zykiene I. (2015). City attractiveness for investment: Characteristics and underlying factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 213, 48–54. DOI: 10.1016/J.SBSPRO.2015.11.402
- Windhyastiti I., Hidayatullah S., Khourouh U. (2021). Investment attractiveness rating and factors affecting. *Growing Science*, 7, 161–166. DOI: 10.5267/j.ac.2020.10.001

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Елохова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29, корп. Б; e-mail: elohova.iv@gmail.com)

Рустам Владимирович Плотников – аспирант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29, корп. Б), учредитель, ООО «ОПР «Прикамье» (614058, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Пожарная, д. 18, офис 1; e-mail: rusplotnikov120@mail.ru)

Elokhova I.V., Plotnikov R.V.

An Approach to Modeling the Investment Attractiveness of the Industry in the Regional Aspect

Abstract. At present, attracting investments in Russia's strategically important sectors remains a critical issue in the development of the domestic economy. Under the current sanctions pressure against the Russian Federation, the development of manufacturing industries is becoming the leading task in ensuring nationwide economic growth. The aim of the study is to develop a methodology for calculating the aggregated factor coefficient of investment attractiveness for a complex of manufacturing industries in the regions, based on econometric modeling. The investment attractiveness of a complex of manufacturing industries is understood as a set of significant factors that determine the inflow of investments into a complex of manufacturing industries. As a result of the study, we revealed that at the moment there is no unified generally accepted methodology for assessing the investment attractiveness of manufacturing industries; factors determining their investment attractiveness are not systematized; there are no studies devoted to identifying statistically significant factors for this type of economic activity. In this regard, a model was developed for selecting significant factors promoting investment attractiveness of a complex of manufacturing industries in Russia's regions. According to the methodology, the final aggregated factor coefficient is formed on the basis of private indicators that were combined into groups of factors, which allows us to identify the most important factors affecting the investment attractiveness of the manufacturing industry in a particular region and identify strategies to improve their investment attractiveness. The analysis of the aggregated factor coefficient will help potential investors to determine in which regions the complex of manufacturing industries is most promising for investment, as well as what measures need to be taken to improve the investment attractiveness of the complex of manufacturing industries in regions with a low coefficient value. The evaluation results showed that the most significant factors are production, labor, and innovation factors promoting investment attractiveness of the manufacturing industry. Our approach and the results we obtained can be used by public and private investors to make a decision on the expediency of investments in the industry and by authorities when forming investment policy, taking into account regional industry specifics.

Key words: investments, investment attractiveness, economic systems, region, industry in the region, industry enterprise in the region, factors, assessment.

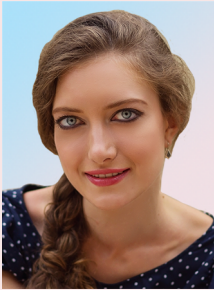
Information about the Authors

Irina V. Elokhova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Perm National Research Polytechnic University (29, building B, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: elohova.iv@gmail.com)

Rustam V. Plotnikov – postgraduate student, Perm National Research Polytechnic University (29, building B, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation), founder, OPR Prikamye LLC (18, Pozharnaya Street, office 1, Perm, 614058, Russian Federation; e-mail: rusplotnikov120@mail.ru)

Статья поступила 27.11.2023.

Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию

Мария Александровна

ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: marileen@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических аспектов реализации бюджетного потенциала на стадиях его формирования и использования. На основе исследования детерминант социально-экономического развития в постулатах различных экономических учений, а также современных условий функционирования российской экономики показано, что реализация бюджетного потенциала является важным фактором социально-экономического развития. Систематизация разносторонних взглядов на сущность, определение комплекса дискуссионных вопросов содержания и проблем реализации бюджетного потенциала регионов показала наличие ограниченности теоретико-методологической основы его формирования и использования. Экономическая категория «бюджетный потенциал региона» в данной работе рассматривается с позиции интеграции ресурсной, фискальной и институциональной характеристик, представляя собой совокупность не только созданных, но и безвозмездно / возмездно привлеченных бюджетных ресурсов, а также резервов, которые могут быть реализованы под воздействием внешних / внутренних ограничений и стимулов. Эта трактовка позволила специфицировать понятие «максимально достигнутый бюджетный потенциал региона» как реализованный потенциал, а «максимально достижимый бюджетный потенциал региона» как совокупность реализованного, резервного и скрытого потенциалов. В статье обоснованы базовые положения интегративного подхода. Материалы могут быть использованы в образовательной деятельности при

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А. (2024). Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 126–141. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.7

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2024). Realization of the regions' budget capacity: A new integrative approach to the research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 126–141. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.7

изучении дисциплин в области финансов, экономики и управления, а также могут быть полезны научным сотрудникам в качестве базы для дальнейших исследований и органам управления разного уровня для обоснования управленческих решений.

Ключевые слова: бюджетный потенциал, теория, методология, подход, социально-экономическое развитие, регион, бюджетная политика.

Благодарность

Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение в проблематику

Современная социально-экономическая ситуация в России в значительной мере определяется рядом внешних и внутренних обстоятельств, среди которых сохранение прежних и введение новых санкций, последствия распространения пандемии коронавируса, непредсказуемость колебаний курса рубля и цен на энергоносители, нестабильный уровень инфляции и т. д.

В этих условиях национальным приоритетом должна стать решительная трансформация сырьевой экономики, во многом зависимой от мировой конъюнктуры и результатов экспортно-импортной деятельности, в такую экономику, которая предусматривает импортозамещение, научно-технологическое и инновационное развитие, а также поддержание необходимого баланса между внутренней самодостаточностью и глобальной открытостью. Реализация данного приоритета возможна только с опорой на социально-экономическое развитие регионов как территориально специализированных подсистем национального хозяйства.

Внутренние и разносторонние возможности социально-экономического развития регионов имеются у бюджетного регулирования, значимость которого заметно повышается в периоды нестабильности. Более того, недостаточная эффективность бюджетной политики может стать существенным барьером комплексного развития всей социально-

экономической системы. Следует учесть, что в современных реалиях разного рода ограничений, в том числе финансовых, многократно возросла потребность не столько в количественном приращении существующих бюджетных ресурсов, как это свойственно традиционной, но устаревшей парадигме социально-экономического развития, сколько в наиболее полной реализации бюджетного потенциала регионов. Употребление данной категории способствует существенному продвижению в вопросе факторов обеспечения экономического и социального развития регионов. Очевидно, что это возможно только при разработке новых методологических подходов к формированию и оценке использования бюджетного потенциала региона, что стало целью данной работы. Исследование опиралось на общенаучные методы познания, а также компаративный, эволюционный, институциональный и прочие релевантные подходы.

Дискуссионные вопросы методологии исследования бюджетного потенциала региона

Научное сообщество и управленцы-практики активно обсуждают формы и методы реализации бюджетного потенциала, которые, в свою очередь, в числе прочих факторов зависимы от корректности и продуманности использования понятийного аппарата. В связи с этим исследование теоретических основ содержания бюджетного потенциала представляется актуальной и важной научной задачей.

Вместе с тем заметно сосредоточение исследовательского фокуса на налоговом потенциале (как части бюджетного потенциала) либо на финансовом или экономическом потенциалах региона (в т. ч. с упоминанием бюджетного потенциала как их составной компоненты), что требует дальнейшей разработки и обоснования теоретического и методологического содержания бюджетного потенциала региона.

Термин «бюджетный потенциал» («fiscal capacity» в англоязычной литературе) и способы определения его уровня стали весьма широко использоваться в научных и управленческих кругах с появлением в начале 90-х годов XX века так называемой политики прогрессивной финансовой консолидации (Martinez-Vazquez, Voth, 1997; Haffert, Mehrtens, 2013).

С учетом результатов ранее проведенных исследований (Печенская, 2018а) выделим ряд вызвавших оживленную научную дискуссию принципиальных вопросов методологии исследования бюджетного потенциала, в частности:

- Идентичны ли понятия «ресурсы», «возможности», «резервы», «потенциал», «бюджет», «бюджетный потенциал»?
- Как учитывать временной фактор при исследовании бюджетного потенциала в условиях цикличности бюджетного процесса?
- Для чего необходима реализация бюджетного потенциала?
- Какой потенциал анализировать: бюджетный или налоговый?
- Какой подход к изучению сущности бюджетного потенциала в наибольшей степени отвечает задаче стимулирования социально-экономического развития регионов?

Далее исследование будет построено путем последовательного научного поиска и обоснования ответов на данные вопросы.

Во-первых, при рассмотрении трактовок сущности бюджетного потенциала нами обнаружена достаточно частая подмена понятий «ресурс», «резервы», «возможности», «потенциал», а также «бюджет» и «бюджетный потенциал».

Ресурсы, являющиеся одной из важнейших экономических категорий, представляют

собой источники покрытия потребностей. Источниками бюджетных ресурсов служат созданные в результате хозяйственной деятельности доходы бюджета и привлеченные в бюджет на возмездной и безвозмездной основе средства. В данном исследовании под бюджетными ресурсами будут пониматься те, которые уже вовлечены в хозяйственный оборот. По классификации вовлеченности ресурсы могут быть как используемыми, так и потенциально возможными. В последнем случае речь идет уже о резервах роста бюджетных ресурсов. Д.э.н. Ф.Ф. Ханафеев отмечает два различных состояния резервов: состояние неиспользуемых возможностей или состояние развития (Ханафеев, 2008). Будем исходить из позиции выделения нереализованных и неочевидных резервов. При этом нереализованные резервы отличаются от неочевидных тем, что они уже известны и могут быть реализованы на данном этапе экономического развития вследствие применения необходимых стимулов и (или) ограничений.

Итак, бюджетный потенциал на промежуточном этапе исследования будет интерпретирован нами как совокупность бюджетных ресурсов (реализованный бюджетный потенциал) и резервов (нереализованный бюджетный потенциал).

По нашему мнению, категории «бюджет» и «бюджетный потенциал» не являются равнозначными. Интересное заключение сделано академиком РАН А.И. Татаркиным, который выделял в рамках потенциала и возможные, и уже вовлеченные в хозяйственный оборот ресурсы (Татаркин, 1997; Татаркин, Новикова, 2015). Академик Л.И. Абалкин трактовал потенциал как некую собирательную, обобщенную характеристику ресурсов (Абалкин, 1987).

Лингвистически дефиниция «бюджетный потенциал» предполагает вероятностный характер, тогда как бюджет — это вполне реальный результат реализации бюджетного потенциала, то есть реализованный бюджетный потенциал, когда результатом формирования становятся доходы бюджета, а результатом использования — расходы бюджета.

Во-вторых, бюджетный потенциал рассматривается в рамках отдельных стадий его реализации, чаще всего на стадии формирования.

Не требует доказательств тот факт, что бюджетный потенциал есть категория динамичная и с течением времени, развитием общества и экономики отдельные виды неочевидных резервов могут перейти в категорию известных, но нереализованных резервов, а нереализованные резервы – в бюджетные ресурсы. Поскольку бюджетный потенциал связан с временным параметром, многие исследователи рассматривают отдельные стадии реализации бюджетного потенциала. Вместе с тем в научных работах зачастую отсутствует взаимосвязанность стадий его формирования и использования. На это справедливо указывает д.э.н. И.В. Сугарова, говоря о том, что «бюджетный потенциал не следует рассматривать только с позиции формирования доходной части, важно учитывать и возможности рационального размещения доходов и распределения их таким образом, чтобы удовлетворить текущие потребности общества, обеспечить реализацию стратегических интересов государства, рост технологического, капитального и человеческого потенциала на перспективу» (Сугарова, 2016).

По нашему убеждению, бюджетный потенциал целесообразно исследовать как категорию, предполагающую цикличность ключевых стадий его реализации (стадия формирования и стадия использования). При этом повышение эффективности формирования и использования бюджетного потенциала ведет к его росту. Цикличность стадий не означает обнуление, но предполагает трансформацию стимулов и ограничений внешней и внутренней среды. Следовательно, реализация бюджетного потенциала – это не конечный результат государственного управления. Из этого вытекает третий дискуссионный вопрос.

В-третьих, среди ученых нет единого понимания того, в чем заключается конечный результат реализации бюджетного потенциала. По нашему мнению, не совсем точно говорить о реализации бюджетного потенциала как конечном результате, поскольку нужно знать, для чего требуются ресурсы и резервы. В ряде исследований в качестве такого результата рас-

сматривается расходное финансирование. На наш взгляд, реализация бюджетного потенциала региона способствует повышению качества общественных услуг, развитию человеческого капитала, росту инвестиций в национальное производство, стимулированию внедрения инноваций, повышению внутреннего потребительского спроса, развитию секторов экономики, что ведет к стимулированию социально-экономического развития региона. Из этого определяем, что конечный результат реализации бюджетного потенциала должен состоять в содействии социально-экономическому развитию региона для обеспечения достойного качества и уровня жизни населения.

В свою очередь, реализация бюджетного потенциала подвержена влиянию целого спектра факторов, исследование которых становится необходимой методологической задачей. Изучение экономической литературы позволило выделить ряд мнений относительно факторов реализации бюджетного потенциала. Все изученные в экономической литературе точки зрения небезосновательно указывают на то, что реализация бюджетного потенциала зависит от стимулирующего и ограничительного воздействия внешней и внутренней среды. На наш взгляд, это соответствует вероятностному характеру сущности бюджетного потенциала.

В результате обобщения внешних и внутренних, главных и второстепенных факторов, выделенных в отечественных и зарубежных исследованиях, можно представить триаду условий реализации бюджетного потенциала:

1) наличие и развитие ресурсной базы (природно-климатические условия, ресурсно-сырьевая база, структура экономики, демографические и исторические особенности и др.);

2) устойчивость и гибкость при конъюнктурном воздействии (уровень инфляции, курс валют и др.);

3) институциональная эффективность (нормативно-правовая основа, институты развития и др.).

В-четвертых, в научной литературе, а также в нормативно-правовых документах зачастую принимаются во внимание проблемы не бюджетного, а только налогового потенциала.

Соглашаясь с важностью глубоких исследований налогового потенциала, сделаем акцент на том, что, по нашему мнению, категория бюджетного потенциала позволяет расширить возможности государственного воздействия на социальное и экономическое развитие страны и ее регионов. Д.э.н., профессор Л.Н. Лыкова убедительно доказывает особую важность внимания не только к налоговому потенциалу регионов Российской Федерации по причине того, что далеко не все финансовые ресурсы полностью или частично становятся объектами налогообложения (Лыкова, 2008). В Бюджетном кодексе РФ установлены принципы полноты отражения доходов и сбалансированности бюджета, означающие соответствие расходов не только налоговым поступлениям, но и суммарному объему доходов¹. Таким образом, по нашей позиции, наиболее комплексной и адекватной с точки зрения решения задачи по стимулированию социально-экономического развития регионов является более объемная категория бюджетного потенциала, тогда как налоговый потенциал выступает одним из его компонентов.

В-пятых, до сих пор не сложилось единое мнение относительно сущности бюджетного потенциала.

Дефиниция «бюджетный потенциал» часто употребляется в современной бюджетной практике, вместе с тем российское законодательство не раскрывает ее сущность, затрагивая только индекс налогового потенциала². Отсутствие законодательно зафиксированной конструкции определения данного термина подтолкнуло многих исследователей по-своему определять его смысл и видеть с различных позиций (с позиции ресурсов, возможностей или результата бюджетных отношений).

Разнообразие характеристик сущности бюджетного потенциала создает неточности в понимании его природы и методов его реализации, а также ограничивает возможности проведения сравнительных исследований.

Изучение эволюции и современной интерпретации искомого термина способствовало нашему критическому осмыслению и систематизации существующих подходов (табл. 1).

Считаем, что каждый из этих подходов возможен, однако представляет собой узкую

Таблица 1. Систематизация подходов к определению термина «бюджетный потенциал»

Наименование подхода	Исследователи	Определение бюджетного потенциала
Ресурсный	М.В. Владыка, С.В. Зенченко, Ж.Г. Голодова, А.Н. Индугенко, О.С. Кириллова, Ж.А. Мингалева, Н.П. Паздникова, Л.Д. Сангинова, Ю.Н. Северина, А.В. Сидорович, Ph. Mehrtens, L. Haffert	Совокупность таких финансовых ресурсов, которые аккумулируются в течение определенного периода в том или ином бюджете для решения задач государства
Фискальный	В.А. Воробьева, Ю.А. Петров, S. Barro, L. Jameson Vох, J. Martinez-Vazquez	Возможность самой экономической системы, а также органов власти и самоуправления наращивать доходы бюджетов различных уровней
Институциональный	Ф.Ф. Ханафеев, Н.И. Яшина, С.Н. Яшин, Е.В. Поющева	Совокупность различного рода условий, способствующих формированию оптимального размера бюджетных доходов
Расходный	О.А. Гришанова, И.Н. Швецова, Т.А. Найденова	Сумма максимальных расходов бюджетов
Императивный	Н.А. Толкачева, Л.В. Афанасьева, Т.Ю. Ткачева	Результат бюджетно-налоговых отношений, формирующих комплексную систему экономических показателей
Источники: составлено автором на основе проведенного анализа; (Печенская, 2018а).		

¹ Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (статья 32. Принцип полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов; статья 33. Принцип сбалансированности бюджета).

² Например, в Бюджетном кодексе РФ, в Постановлении Правительства РФ от 22.11.2004 № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации».

трактовку бюджетного потенциала региона. В то же время исследование формирования и использования бюджетного потенциала должно осуществляться с позиции, которая, главным образом, увязывает его с задачей стимулирования социально-экономического развития регионов и интегрирует его фискальную, институциональную и ресурсную характеристики.

В результате исследования получен вывод о том, что бюджетный потенциал региона – это совокупность реализованных (созданных и привлеченных) бюджетных ресурсов и нереализованных и неочевидных резервов, формирующихся, использующихся и развивающихся под воздействием внешних и внутренних ограничений и стимулов. Исследованные дискуссионные вопросы и обоснованные авторские решения структурированы в *таблице 2*.

Таким образом, проведенный анализ продемонстрировал несовершенство методологической проработки сущности бюджетного потен-

циала, что доказывает необходимость создания принципиально нового теоретико-методологического подхода – интегративного, который отличается от имеющихся обоснованием структуры и стадий реализации бюджетного потенциала. Для этого прежде всего целесообразно исследовать вопрос эволюции концептуальных взглядов на роль бюджетного потенциала региона в социально-экономическом развитии.

Обоснование теоретико-методологического подхода к формированию и использованию бюджетного потенциала региона

Для углубленного изучения сущности бюджетного потенциала целесообразен выбор наиболее конструктивного исследовательского инструментария. Зарубежными и отечественными учеными убедительно доказано, что структурно-функциональный и системный подходы являются ведущими при анализе динамичности, нелинейности и структурной сложности экономических процессов.

Таблица 2. Обоснование авторской позиции в отношении ключевых дискуссионных вопросов содержания бюджетного потенциала

№ п/п	Дискуссионный вопрос	Обоснование принципиальной авторской позиции
1.	Идентичны ли понятия «ресурс», «возможности», «резервы», «потенциал», «бюджет» и «бюджетный потенциал»?	Бюджетный потенциал интерпретируется нами как совокупность реализованных бюджетных ресурсов и резервов (потенциальных возможностей). Бюджетный потенциал – вероятностная категория, бюджет – реальный результат реализации бюджетного потенциала.
2.	Как учитывать временной фактор при исследовании бюджетного потенциала в условиях цикличности бюджетного процесса?	Бюджетный потенциал следует рассматривать как категорию, предполагающую цикличность ключевых стадий его реализации: стадии формирования и стадии использования. При этом повышение эффективности формирования и использования бюджетного потенциала ведет к его росту.
3.	Для чего необходима реализация бюджетного потенциала региона?	Для стимулирования социально-экономического развития региона как благоприятного условия обеспечения достойного качества и уровня жизни населения и личностного развития человека.
4.	Какой потенциал региона анализировать: бюджетный или налоговый?	Бюджетный потенциал шире налогового потенциала, что расширяет возможности стимулирования социально-экономического развития регионов.
5.	Какой подход к изучению сущности бюджетного потенциала в наибольшей степени отвечает задаче стимулирования социально-экономического развития региона?	Необходим комплексный (интегративный) подход к исследованию, который будет увязывать бюджетный потенциал с задачей стимулирования социально-экономического развития региона и в комплексе учитывать ресурсную, институциональную и фискальную составляющие его сущности.
Источники: составлено автором на основе проведенного анализа; (Печенская, 2018а).		

Бюджетный потенциал, как и финансовый, есть комплексная категория, состоящая из упорядоченной совокупности взаимосвязанных компонентов. В связи с этим раскрытие сущности бюджетного потенциала возможно при детальном понимании его структуры.

Исследование экономической литературы позволило выявить неоднозначность понимания структуры бюджетного потенциала региона. В одних работах он складывался из налоговых и неналоговых поступлений (например, Найденова, Швецова, 2013), другие эксперты добавляли безвозмездные поступления (например, Боровикова, 2008). Также были исследования, включающие в структуру бюджетного потенциала региона институциональный аспект. Так, Р. Maior отмечает, что при предоставлении публичных услуг населению необходимо учитывать весь потенциал территории, то есть распределенные средства, собственный капитал и систему регулирования (Maior, 2009).

На наш взгляд, обозначенные позиции являются недостаточно полными, так как, во-первых, они исключают возмездно привлеченный бюджетный потенциал, во-вторых, учитывают только вовлеченные в хозяйственный оборот безвозмездные поступления, не затрагивая резервы их роста. По нашему убеждению, при комплексном исследовании структуры бюджетного потенциала следует придерживаться структуры бюджетной системы, а также систематизировать в единую классификацию виды бюджетного потенциала, выделенные в многочисленных научных источниках (Ильин и др., 2018; Печенская, 2015; Печенская-Полищук, 2022; Ткачева, 2014; Юткина, 2011; Friederich et al., 2004; Garmann, 2015; Haffert, Mehrtens, 2013; Martinez-Vazquez, Voeh, 1997; Slack, 2009).

Нами выявлено девять ключевых признаков бюджетного потенциала, указанных в экономической литературе: 1) способ формирования (собственный и перераспределяемый бюджетные потенциалы); 2) временной признак (стратегический, тактический, ретроспективный); 3) величина приращения (ресурсный, достигнутый, приращенный); 4) стадия развития (формирующийся, использующийся, воспроизводственный); 5) степень воплощения (возмож-

ный, реальный); 6) влияние на бюджетную систему (доходный, расходный, регулирующий, институциональный); 7) степень полезного использования (базовый, скрытый, излишний, холостой); 8) территориальный признак (региональный, местный); 9) зависимость от воспроизводственных возможностей (текущий, накопленный)³.

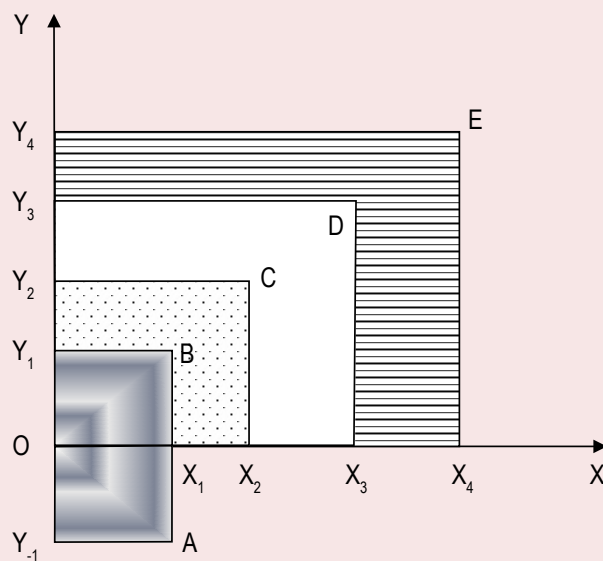
Вместе с тем систематизация показала, что в существующих видах упускается максимально возможный уровень бюджетного потенциала, достигаемый при учете всех бюджетных ресурсов и резервов в целях обеспечения социально-экономического развития регионов. При этом под максимально достижимым бюджетным потенциалом будем понимать совокупность трех компонентов – реализованного, резервного и скрытого бюджетных потенциалов. Реализованный бюджетный потенциал состоит из созданных в результате хозяйственной деятельности и привлеченных на безвозмездной и возмездной основе бюджетных ресурсов. Резервный бюджетный потенциал означает нерезализованные резервы роста бюджетного потенциала. Скрытый бюджетный потенциал соответствует неочевидным резервам роста бюджетного потенциала.

Согласно классификациям, имеющимся в научной литературе, бюджетный потенциал является обеспечивающим видом социально-экономического потенциала и занимает ведущее место в его структуре (Балацкий и др., 2006; Виноградова, Ломовцева, 2013; Голодова, 2009; Голодова, 2010; Зенченко, 2008; Коломниец, Новикова, 2000; Лыкова, 2008; Менькова, 2008; Мингалева, Паздникова, 2007; Репченко, Фокина, 2007; Сабитова, 2003; Ткачева, 2014; Шалмуев, 2006). Поэтому считаем, что базисом формирования бюджетного потенциала служит социально-экономический потенциал, а надстройкой – последующее бюджетно-налоговое регулирование.

Для обоснования авторской позиции в отношении последовательного и многослойного формирования максимально достижимого уровня бюджетного потенциала потребуется графическая визуализация (*рис. 1*).

³ Более подробно см. (Печенская, 2018b).

Рис. 1. Графическое представление последовательности формирования подкомпонентов бюджетного потенциала региона

Источник: разработано автором.

Можно графически представить с некоторой долей условности⁴ формирование бюджетного потенциала региона в зависимости от суммы ресурсов (созданных и привлеченных) и резервов *i*-го региона (ось ординат Y) и комплекса различных возможностей внешнего и внутреннего характера (ось абсцисс X) (Печенская, 2018b).

Экономическое обоснование графического сопоставления заключается в следующем: под действием внешних и внутренних ограничений и стимулов X *i*-го региона формируются бюджетные ресурсы и резервы Y.

Результат экономической деятельности региона и резервы его роста приводят к формированию налогового потенциала — фигура $Y_{-1}Y_1BA$. С учетом модели бюджетного федерализма, существования закрепленных налогов, остающихся в распоряжении субфедеральных

органов управления, и регулирующих налогов, которые распределяются по бюджетным уровням, налоговый потенциал делится нами на налоговый потенциал региона OY_1BX_1 и условно названный налоговый потенциал федерации. Фигура $Y_{-1}OX_1A$ характеризует весь объем налогового и неналогового потенциала федерации.

При этом сложносоставная фигура $Y_{-1}Y_2CX_2X_1A$ графически обозначает весь объем хозяйственного (созданного) бюджетного потенциала (налоговый потенциал и неналоговый потенциал), т. е. сформированного непосредственно от хозяйственной деятельности *i*-го региона.

Фигура OY_2CX_2 характеризует собственный бюджетный потенциал, включая в себя налоговый и неналоговый потенциал *i*-го региона.

С учетом привлеченных на безвозмездной и возмездной основе бюджетных потенциалов в фигуре OY_4EX_4 уровень бюджетного потенциала *i*-го региона становится наиболее максимальным согласно предложенному интегративному подходу (максимально достижимый бюджетный потенциал).

⁴ Условность заключается в том, что фигуры представляют собой условное обозначение подкомпонентов бюджетного потенциала, не отражая реальную величину их пропорций, однако выражая суть последовательной логики многослойности формирования бюджетного потенциала по принципу «матрешки».

Таблица 3. Авторское дополнение видов бюджетного потенциала

Вид		Характеристика
<i>Признак 10. По степени реализации (компоненты бюджетного потенциала в рамках предложенного интегративного подхода)</i>		
Реализованный бюджетный потенциал		Созданные в результате хозяйственной деятельности региона и привлеченные в регион безвозмездные и возмездные бюджетные ресурсы
Резервный бюджетный потенциал		Тождествен нереализованным резервам роста бюджетного потенциала
Скрытый бюджетный потенциал		Соответствует неочевидным резервам роста бюджетного потенциала
<i>Признак 11. В зависимости от сферы формирования (базовые подкомпоненты бюджетного потенциала в рамках предложенного интегративного подхода)</i>		
Налоговая сфера	Налоговый потенциал	Совокупность фактического и возможного результатов хозяйственной деятельности субъектов экономических отношений региона, выраженных в форме налоговых ресурсов и резервов
	Налоговый потенциал федерации	Совокупность фактического и возможного результатов хозяйственной деятельности субъектов экономических отношений региона, выраженных в форме налоговых ресурсов и резервов, установленных к зачислению в бюджет вышестоящего уровня, согласно действующей модели бюджетного федерализма
	Налоговый потенциал региона	Совокупность фактического и возможного результатов хозяйственной деятельности субъектов экономических отношений региона, выраженных в форме налоговых ресурсов и резервов, установленных к зачислению в бюджет текущего уровня; разность между налоговым потенциалом и налоговым потенциалом федерации
Неналоговая сфера	Неналоговый потенциал	Совокупность поступлений и резервов роста неналоговых доходов, полученных на территории
	Неналоговый потенциал федерации	Совокупность поступлений и резервов роста неналоговых доходов, зачисляемых в бюджет вышестоящего уровня
	Неналоговый потенциал региона	Совокупность поступлений и резервов роста неналоговых доходов, зачисляемых в бюджет текущего уровня; разность между неналоговым потенциалом и неналоговым потенциалом федерации
Сфера привлечения	Привлеченный на безвозмездной основе бюджетный потенциал	Объем безвозмездных поступлений, который уже привлечен и может быть привлечен из бюджета вышестоящего уровня
	Привлеченный на возмездной основе бюджетный потенциал	Объем заемных ресурсов, который привлечен и может быть привлечен на принципах срочности, платности, возвратности
<i>Признак 12. По мере агрегирования базовых подкомпонентов (агрегированные подкомпоненты бюджетного потенциала в рамках предложенного интегративного подхода)</i>		
Собственный бюджетный потенциал региона		Совокупность используемого налогового и неналогового потенциалов
Привлеченный бюджетный потенциал региона		Совокупность привлеченных на безвозмездной и возмездной основе бюджетных потенциалов
Максимально достигнутый бюджетный потенциал региона		Совокупность реализованного собственного бюджетного потенциала и привлеченного бюджетного потенциала
Максимально достижимый бюджетный потенциал региона		Совокупность резервного и скрытого собственного бюджетного потенциала и привлеченного бюджетного потенциала
Источник: разработано автором.		

Следовательно, целесообразно дополнить классификацию видов бюджетного потенциала еще тремя признаками (табл. 3).

Признак 10 – по степени реализации (реализованный, резервный, скрытый бюджетный потенциал) – компоненты бюджетного потенциала.

Признак 11 – в зависимости от сферы формирования (налоговая, неналоговая сферы и сфера привлечения) – базовые подкомпоненты бюджетного потенциала.

Признак 12 – по мере агрегирования базовых подкомпонентов – собственный, привлеченный, максимально достижимый, максимально достигнутый бюджетные потенциалы.

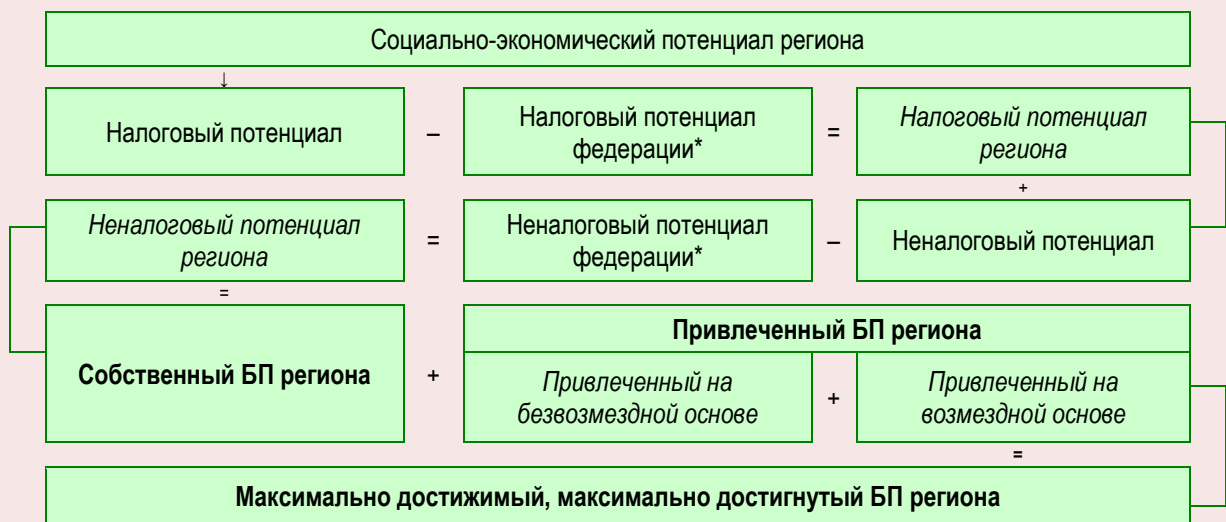
Признаки, которыми была дополнена классификация видов бюджетного потенциала, позволили нам детально раскрыть его структуру. При этом последовательность формирования максимально достижимого бюджетного потенциала региона отражена с помощью концептуальной модели (рис. 2).

Данная модель справедлива для каждого компонента бюджетного потенциала (реализованного, резервного, скрытого) региона, так как резервы могут быть в любом из выявленных подкомпонентов.

Итак, нами выявлено, что достигнутый уровень бюджетного потенциала региона означает полученный на конкретный период времени результат соединения созданных посредством осуществления в регионе экономической деятельности и привлеченных в регион бюджетных ресурсов, реализации резервов (потенциальных возможностей) с учетом синергетического эффекта в результате взаимодействия компонентов и подкомпонентов под действием стимулов и ограничений внешней и внутренней среды.

Данные рассуждения положены в основу принципиально нового интегративного подхода. Авторское понимание реализации бюджетного потенциала региона с учетом стадий формирования и использования, согласно разработанному интегративному подходу, схематично представлено на рисунке 3.

Рис. 2. Концептуальная модель формирования максимально достижимого, максимально достигнутого бюджетного потенциала (БП) региона из его подкомпонентов

* Налоговый / неналоговый потенциал федерации – та часть налогового / неналогового потенциала, которая зачисляется в бюджет вышестоящего уровня, согласно действующей модели бюджетного федерализма.

Курсивом выделены базовые подкомпоненты. Полужирным начертанием – агрегированные подкомпоненты.

Источник: разработано автором.

Рис. 3. Концептуальные положения реализации бюджетного потенциала (БП) по предложенному интегративному подходу

Положение 1: Условия реализации	Стимулы и ограничения внешней и внутренней среды					
	Наличие и развитие ресурсной базы		Устойчивость и гибкость при конъюнктурном воздействии		Институциональная эффективность	
Положение 2: Структура БП	Компоненты	Реализованный БП (созданные и привлеченные бюджетные ресурсы)	Нереализованный БП			
			Резервный БП (нереализованные бюджетные резервы*)		Скрытый БП (неочевидные бюджетные резервы**)	
Положение 3: Стадии реализации БП	Подкомпоненты	Базовые		Агрегированные		
		Налоговый потенциал Неналоговый потенциал Безвозмездно привлеченный БП Возмездно привлеченный БП		} Собственный БП } Привлеченный БП		} Максимально достижимый, максимально достигнутый БП
Положение 4: Результат реализации БП	Формирование			Использование БП		
	собственного БП		привлеченного БП			
Положение 4: Результат реализации БП	Повышение эффективности					
	формирования БП			использования БП		
	↓					
	Стимулирование реализации БП					
	↓					
	Экономическое и социальное развитие региона, в т. ч.					
Рост качества общественных услуг	Развитие человеческого капитала	Рост инвестиций в национальное производство	Стимулирование внедрения инноваций	Повышение внутреннего потребительского спроса	Развитие секторов экономики	

* Нереализованные бюджетные резервы – уже известны и могут быть реализованы на данном этапе экономического развития вследствие применения необходимых стимулов и (или) ограничений.

** Неочевидные бюджетные резервы – неизвестны или не могут быть реализованы на данном этапе экономического развития.

По этой причине в работе будет уделено внимание реализованному БП, а также реализации резервного БП.

Источник: разработано автором.

Реализованный бюджетный потенциал региона вполне поддается математическому расчету, то есть может быть количественно измерен. Тогда как для резервного бюджетного потенциала возможно определение только уровня, что требует оценочного методического инструментария, учитывающего абсолютные и относительные, количественные и качественные характеристики структуры бюджетного потенциала, а также синергетический эффект в результате взаимодействия компонентов и подкомпонентов.

Количественный пример последовательно формирования максимально достигнутого уровня бюджетного потенциала региона можно привести в части вовлеченных в хозяйственный оборот бюджетных ресурсов (табл. 4).

Предложенный авторский подход не противоречит существующей теории и методологии, а

развивает их путем усиления внимания к структуре бюджетного потенциала, условиям и стадиям его реализации в контексте обеспечения социально-экономического развития региона.

Таким образом, с опорой на проведенную систематизацию значимых зарубежных и отечественных научных трудов и результаты собственных исследований нами обоснованы четыре ключевых концептуальных положения, раскрывающих предложенный интегративный подход к формированию и использованию бюджетного потенциала региона.

Первое положение интегративного подхода – «Условия реализации бюджетного потенциала». Триада ключевых условий развития состоит в следующем: 1) наличие и развитие ресурсной базы (природно-климатические условия, ресурсно-сырьевая база, структура экономики, демографические особенности и др.);

Таблица 4. Последовательность формирования максимально достигнутого бюджетного потенциала региона в части созданных и привлеченных бюджетных ресурсов

Территория	Налоговый потенциал	Налоговый потенциал региона						Неналоговый потенциал региона	Собственный бюджетный потенциал региона	Привлеченный безвозмездно бюджетный потенциал региона	Привлеченный возмездно бюджетный потенциал региона	Максимально достигнутый бюджетный потенциал региона
		Сумма	Доля в налоговом потенциале	в том числе								
				по федеральным налогам	по региональным налогам	по местным налогам	По специальным налоговым режимам					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Источник данных / формула расчета	ФНС	ФК	Графа 3 / гр. 2	ФНС				ФК	Гр. 3 + гр. 9	ФК	МФ	Гр. 10 + гр. 11 + гр. 12
Единицы измерения	Млрд руб.		%	В % от гр. 2				Млрд руб.				
Российская Федерация	20737,8	7180,1	34,6	90,4	5,3	1,3	3,0	742,2	7922,3	4102,7	2496,0	14521,0
СЗФО	2492,9	884,8	35,5	90,5	5,5	0,9	3,1	68,8	953,6	363,9	282,9	1600,4
Вологодская область	77,2	45,6	59,1	76,2	16,3	2,6	5,0	4,9	50,5	36,3	15,7	102,5
Условные обозначения: ФНС – по данным Федеральной налоговой службы, ФК – по данным Федерального казначейства РФ, МФ – по данным Минфина России. Источник: расчеты автора по отчетности Федерального казначейства РФ, Минфина России, ФНС России за 2020 год.												

2) устойчивость и гибкость при конъюнктурном воздействии (уровень инфляции, курс валют и др.); 3) институты реализации и развития, деятельность которых направлена на эффективное управление природно-ресурсной и социально-экономической базой территории в условиях динамичности внешней среды (нормативно-правовая основа, инструменты, механизмы и др.).

Второе положение – «Структура бюджетного потенциала»:

– с целью учета всех бюджетных ресурсов и резервов при стимулировании социально-экономического развития регионов введена дефиниция «максимально достижимый бюджетный потенциал», которая представляет собой совокупность реализованного, резервного и скрытого бюджетных потенциалов;

– реализованный бюджетный потенциал состоит из созданных в результате хозяйственной деятельности и привлеченных на безвозмездной и возмездной основе бюджетных ресурсов; резервный бюджетный потенциал тождествен нереализованным резервам роста бюджетного потенциала; скрытый бюджетный потенциал соответствует неочевидным резервам бюджетного потенциала;

– каждый компонент бюджетного потенциала состоит из базовых подкомпонентов: налоговый потенциал, неналоговый потенциал, привлеченный на безвозмездной основе бюджетный потенциал, привлеченный на возмездной основе бюджетный потенциал.

Третье положение – «Стадии реализации бюджетного потенциала»:

– реализация бюджетного потенциала циклична и динамична; с течением времени, развитием общества и экономики отдельные виды неочевидных резервов могут перейти в категорию известных, но нереализованных резервов, а нереализованные резервы – в бюджетные ресурсы;

– стадия формирования бюджетного потенциала предполагает мобилизацию бюджетных ресурсов и максимальную реализацию их резервов;

– наиболее полной категорией является «максимально достижимый бюджетный потенциал»; для реализованного бюджетного потен-

циала применен термин «максимально достигнутый бюджетный потенциал» как совокупность доходов бюджета, расходов бюджета, а также источников финансирования дефицита бюджета;

– стадия использования характеризуется выбором приоритетов и осуществлением бюджетного финансирования социально-экономического развития; следовательно, использование резервного и скрытого бюджетного потенциала невозможно, поэтому используется только реализованный бюджетный потенциал.

Четвертое положение – «Результат реализации бюджетного потенциала»:

– повышение эффективности формирования и использования бюджетного потенциала ведет к его наиболее полной реализации;

– реализация бюджетного потенциала способствует стимулированию социально-экономического развития регионов посредством повышения качества общественных услуг и развития человеческого капитала, роста инвестиций в национальное производство, стимулирования внедрения инноваций, повышения внутреннего потребительского спроса, развития секторов экономики и роста доходности деятельности.

Обоснованные положения интегративного подхода к формированию и использованию бюджетного потенциала региона позволили:

1) актуализировать роль бюджетного потенциала в качестве важного фактора стимулирования социально-экономического развития региона в современных условиях и на современном этапе хозяйствования;

2) выделить компоненты, базовые и агрегированные подкомпоненты бюджетного потенциала региона;

3) раскрыть условия реализации бюджетного потенциала региона;

4) доказать взаимосвязанность и цикличность стадий формирования и использования бюджетного потенциала региона, повышение эффективности которых ведет к наиболее полной его реализации;

5) расширить классификацию видов бюджетного потенциала региона по трем признакам: степень реализации; сфера формирования; мера агрегирования базовых подкомпонентов;

б) отразить интеграцию различных характеристик сущности бюджетного потенциала региона:

- ресурсную как совокупность созданных и привлеченных бюджетных ресурсов;
- фискальную как способность достижения максимального уровня для стимулирования социально-экономического развития регионов;
- институциональную как совокупность условий развития.

Заключение

В ходе проведенного исследования получены следующие научные результаты.

Показаны важнейшее место и значимая роль бюджетного потенциала в обеспечении социально-экономического развития регионов в условиях динамичности внешней и внутренней среды.

Создан принципиально новый интегративный теоретико-методологический подход к формированию и использованию (реализации) бюджетного потенциала, обосновывающий и раскрывающий его структуру, условия и стадии реализации. Согласно интегративному подходу,

бюджетный потенциал – совокупность не только созданных, но и безвозмездно / возмездно привлеченных бюджетных ресурсов, а также резервов, которые могут быть реализованы под воздействием внешних / внутренних ограничений и стимулов. Авторский интегративный подход наиболее полно разрешает выявленные дискуссионные вопросы методологии формирования и использования бюджетного потенциала региона. Применение предложенного подхода в практике государственного управления позволяет в новом ракурсе взглянуть на возможности и направления реализации бюджетной политики государства в условиях растущих негативных внешних воздействий и масштабных долгосрочных национальных целей. Достижение этого представляется затруднительным без пересмотра системы государственного управления экономическими процессами.

Введены в научный оборот термины «максимально достижимый бюджетный потенциал», «максимально достигнутый бюджетный потенциал», обоснована концептуальная модель их формирования.

Литература

- Абалкин Л.И. (1987). Новый тип экономического мышления. М.: Экономика. 192 с.
- Балацкий О.Ф., Лапин Е.В., Акуленко В.Л. (2006). Экономический потенциал административных и производственных систем / под общ. ред. О.Ф. Балацкого. Сумы: Университетская книга. 972 с.
- Боровикова Е.В. (2008). Финансовый потенциал как комплексный показатель эффективности финансово-бюджетной политики // Экономический анализ: теория и практика. № 18. С. 25–28.
- Виноградова К.О., Ломовцева О.А. (2013). Сущность и структура потенциала развития региона // Современные проблемы науки и образования. № 3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9620>
- Голодова Ж.Г. (2009). Оценка бюджетно-налогового потенциала региона в условиях реформирования системы межбюджетных отношений // Финансы и кредит. № 5. С. 33–40.
- Голодова Ж.Г. (2010). Финансовый потенциал региона: сущность и элементы управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 4. С. 13–21.
- Зенченко С.В. (2008). Бюджетный потенциал региона и методические подходы к его оценке // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (14). С. 186–198.
- Ильин В.А. [и др.]. (2018). Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий. Вологда: ВолНЦ РАН. 386 с.
- Коломниец А.Л., Новикова А.И. (2000). О соотношении финансового и налогового потенциалов в региональном разрезе // Налоговый вестник. № 3. С. 4–7.
- Лыкова Л.Н. (2008). Финансовый потенциал субъектов Федерации // Федерализм. № 3 (51). С. 41–59.
- Менькова К.М. (2008). Теоретические и методологические подходы к оценке финансового потенциала муниципальных образований в условиях реформирования территориальной организации местного самоуправления // Финансы и кредит. № 14. С. 32–39.
- Мингалева Ж.А., Паздникова Н.П. (2007). Развитие методов управления бюджетным потенциалом региона // Экономика региона. № 2. С. 263–267.

- Найденова Т.А., Швецова И.Н. (2013). Оценка бюджетного потенциала северных территорий // *Финансы и кредит*. № 40 (568). С. 40–51.
- Печенская М.А. (2015). *Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности*. Вологда: ИСЭРТ РАН. 164 с.;
- Печенская М.А. (2018a). Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 5. С. 61–73.
- Печенская М.А. (2018b). Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории: факторы, принципы, структурные элементы // *Проблемы развития территории*. № 6 (98). С. 149–161.
- Печенская-Полищук М.А. (2022). *Формирование бюджетного потенциала региона: теория и практика*. Вологда: ВолНЦ РАН. 209 с.
- Репченко М.А., Фокина О.М. (2007). Оценка инвестиционной привлекательности региона с учетом инновационного и бюджетно-финансового потенциала региона // *Инновации*. № 7. С. 64–67.
- Сабитова Н.М. (2003). О понятии финансового потенциала региона и методологии его оценки // *Финансы*. № 2. С. 63–68.
- Сугарова И.В. (2016). *Управление финансами и выбор приоритетов бюджетной политики в обеспечении оптимизационных решений*. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. 207 с.
- Татаркин А.И. (1997). *Социально-экономический потенциал региона. Проблемы оценки, использования и управления*. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 380 с.
- Татаркин А.И., Новикова К.А. (2015). Инновационный потенциал территории в поведенческих оценках населения // *Экономика региона*. № 3. С. 279–294.
- Ткачева Т.Ю. (2014). Региональные особенности формирования бюджетного потенциала в современной бюджетно-налоговой политике // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. № 2. С. 67–74.
- Ханафеев Ф.Ф. (2008). *Аналитическое обеспечение управления налоговым потенциалом региона: теория и методология*. М.: Проспект. 232 с.
- Шалмуев А.А. (2006). Основные составляющие потенциалов регионального развития // *Экономическое возрождение России*. № 4. С. 57–61.
- Юткина Т.Ф. (2011). Методология налогообложения // *Налоги и финансовое право*. № 5. С. 158–165.
- Garmann S. (2015). Elected or appointed? How the nomination scheme of the city manager influences the effects of government fragmentation. *Journal of Urban Economics*, 86, 26–42.
- Friederich P., Kaltschütz A., Nam C.W. (2004). Recent Development of Municipal Finance in Selected European Countries. In: *Oporto: The 44th Congress of the European Regional Science Association (ERSA)*. Available at: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa04/PDF/288.pdf>
- Haffert L., Mehrstens Ph. (2013). From austerity to expansion? Consolidation, budget surpluses, and the decline of fiscal capacity. In: *MPIfG Discussion Paper, 13/16, Köln, December*.
- Maior P. (2009). Is fiscal federalism different in the European Union? In: *Paper for the Second Conference on the Political Economy of International Organizations. January 29–31, 2009*. Geneva: University of Geneva. Graduate Institute of International studies.
- Martinez-Vazquez J., Boex J. (1997). *Fiscal Capacity: An Overview of Concepts and Measurement Issues and Their Applicability in the Russian Federation*. Georgia State University.
- Slack E. (2009). *Guide of Municipal Finance*. Nairobi: UN-HABITAT.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская-Полищук — кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром финансовых исследований, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Pechenskaya-Polishchuk M.A.

Realization of the Regions' Budget Capacity: A New Integrative Approach to the Research

Abstract. The paper investigates theoretical aspects related to the implementation of budget capacity at the stages of its formation and use. Having studied the determinants of socio-economic development contained in various economic doctrines, and taking into consideration the modern context of the functioning of the Russian economy, we show that the realization of budget capacity is an important factor in socio-economic development. The systematization of diverse views on the essence, definition of a set of controversial issues regarding the content and problems of implementing the regions' budget capacity shows that the theoretical and methodological basis for its formation and use is limited. The paper considers the economic category "region's budget capacity" from the perspective of integrating resource, fiscal and institutional characteristics, representing a set of not only created, but also attracted gratuitous / non-gratuitous budget resources, as well as reserves that can be realized under the influence of external / internal constraints and incentives. This interpretation makes it possible to specify the concept of "maximum achieved budget capacity of the region" as a capacity that has been implemented, and "the maximum achievable budget capacity of the region" as a set of implemented, reserve and hidden capacities. The article substantiates basic provisions of the integrative approach. The materials can be used in educational activities in studying disciplines in the field of finance, economics and management; they can also be useful to researchers as a basis for further research, and to management bodies of different levels to substantiate management decisions.

Key words: budget capacity, theory, methodology, approach, socio-economic development, region, budget policy.

Information about the Author

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of the Center for Financial Research, Leading Researcher Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Статья поступила 16.03.2023.

Потенциал налогового воздействия на экономическое неравенство граждан в России

**Андрей Александрович
ПУГАЧЕВ**

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ярославль, Российская Федерация

e-mail: andrxim@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7989-6353

Аннотация. В России возможности сглаживания неравенства с помощью налогов не реализованы, несмотря на стабильно высокое неравенство, остроту его восприятия гражданами и внимание к проблеме на высшем государственном уровне. Цель исследования — определение возможностей сглаживания экономического неравенства граждан в России с помощью налоговых инструментов. Гипотеза исследования состоит в том, что комплекс инструментов подоходного, косвенного и имущественного налогообложения граждан в России имеет существенный нереализованный потенциал сглаживания экономического неравенства. Для тестирования гипотезы с помощью корреляционно-регрессионного анализа и декомпозиции налоговых инструментов по направлениям (подоходное, имущественное и косвенное) исследованы зависимости показателей неравенства от налоговых инструментов его сглаживания. На основе данных Росстата, Федеральной налоговой службы, Всемирного банка, ОЭСР, Credit Suisse и World Inequality Database сформирован Data Set, включающий 2,6 тыс. показателей. Расчеты проведены с использованием пакета «Анализ данных» в MS Excel. Для оценки востребованности налоговых вычетов по НДФЛ использованы данные социологического опроса. Установлено, что действующие налоговые инструменты не способствуют сглаживанию неравенства россиян, а иногда, наоборот, приводят к его росту. Целесообразным для сглаживания неравенства в рамках подоходного налогообложения представляется усиление прогрессии НДФЛ и введение необлагаемого минимума в увязке с МРОТ, наращивание доли социальных налоговых вычетов. В области

Для цитирования: Пугачев А.А. (2024). Потенциал налогового воздействия на экономическое неравенство граждан в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 142–158. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.8

For citation: Pugachev A.A. (2024). The potential of tax impact on the economic inequality of citizens in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 142–158. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.8

имущественных налогов — повышение налоговой нагрузки для владельцев дорогостоящих или многих объектов имущества, обеспечение адресности налоговых льгот. В части косвенных налогов — понижение НДС по товарам и услугам, составляющим основную долю расходов на потребление наименее обеспеченных граждан, например по ЖКХ, и повышение НДС по статьям, формирующим основу потребления богатых, например возвращение ставки 20% по отдыху, гостиницам, кафе и ресторанам. Потенциал налогового администрирования в сглаживании неравенства определен возможностями обеспечения полноты налогообложения текущих доходов, капитала и потребления наиболее обеспеченных граждан.

Ключевые слова: экономическое неравенство, неравенство доходов, неравенство богатства, неравенство потребления, сглаживание, НДС, налоговые вычеты, НДС, имущественные налоги.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00365, <https://rscf.ru/project/23-28-00365/>.

Введение

Преодоление неравенства граждан является одной из целей развития человечества до 2030 года, закрепленных Генеральной Ассамблеей ООН¹. Всемирный экономический форум фиксирует, что в странах ОЭСР неравенство находится на максимальном уровне за последние полвека².

В России неравенство граждан находится на стабильно высоком уровне фактически с периода рыночных реформ: коэффициент Джини — в пределах 0,36–0,42 с 1990-х гг., как по оценке Росстата, так и Всемирного банка. По данным отечественных социологических исследований, до 70% граждан страдают от доходного неравенства, до 50% — от неравенства в доступе к медицине, до 40% — к рабочим местам, до 36% — неравенства жилищных условий, до 26% — возможностей развития детей (Мареева, 2018, с. 105; Мареева и др., 2022, с. 54). «Неравенство проявляется в самых разных сферах жизни и выходит далеко за пределы материального благосостояния» (Ильин, 2017, с. 20). Вместе с тем неравенство доходов граждан является определяющим.

Социологические исследования подтверждают, что в России неравенство воспринимается весьма остро, как и оцениваются усилия государства по его сглаживанию: 68% россиян

убеждены, что «государство должно быть ведущим актором в борьбе с неравенством», а 48% граждан считают, что государство не справляется с задачей сокращения неравенства (Белехова, 2023, с. 175).

Несмотря на серьезное внимание к проблеме, внутри нее остается много дискуссионных вопросов. Если мы говорим об экономическом неравенстве граждан, то подразумеваем неравенство доходов, неравенство накопленного капитала или неравенство в потреблении? Неравенство доходов — это неравенство текущих доходов или пожизненных, располагаемых или рыночных, индивидуальных или домохозяйств? (Капелюшников, 2017, с. 119). Важнейший вопрос — об измерении неравенства. «Экономическое неравенство — это не физический объект, к которому можно подойти с линейкой, померять длину, ширину и высоту и перемножить, чтобы получить величину объема. Никакая оценка масштабов неравенства не может считаться „объективным фактом“». (Капелюшников, 2019, с. 95).

Основная причина неравенства граждан в России «лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения» (Шевяков, 2011, с. 72). На эмпирических данных о неравенстве доходов граждан до и после налогообложения в период действия плоской шкалы НДФЛ доказано, что «действующая на сегодняшний день в России система распределительных отношений не только не способствует снижению социально-экономического неравенства, но и усиливает

¹ Цели в области устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 11.12.2023).

² The Global Risks Report 2020 // Всемирный экономический форум. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения 01.12.2023).

существующие в обществе диспропорции»: коэффициент фондов по доходам после налогообложения выше на 0,4–1,3 (Костылева, 2011, с. 72). «Справедливой может считаться только такая налоговая система, при которой после уплаты налогов достигается сокращение неравенства в экономическом положении плательщиков» (Пансков, 2020, с. 28). Справедливость налоговой политики необходимо оценивать по ее способности уменьшать степень неравенства в распределении доходов и богатства (Шмелев, 2017, с. 120; Wilkinson, Hageman, 2023).

Одним из дискуссионных вопросов является также определение периметра возможностей применения налоговых инструментов сглаживания неравенства. При его стабильно высоком уровне и внимании к проблеме на высшем уровне в России не реализованы возможности налоговых инструментов. Каков их потенциал?

Под экономическим неравенством граждан понимаем неравенство благосостояния граждан в широком смысле, которое в зависимости от налоговых инструментов воздействия классифицируется на неравенство по текущим доходам, неравенство накопленного капитала (неравенство богатства или монетарное неравенство) и неравенство потребления. Соответственно, выделим инструменты подоходного, имущественного и косвенного налогообложения (Pugachev, 2023, с. 23).

Подоходное налогообложение является ключевым инструментом сглаживания неравенства доходов граждан. В России «существующая социально-экономическая дифференциация населения обусловлена недостатками системы налогообложения доходов физических лиц» (Пинская, 2015, с. 90). НДФЛ не способствует сглаживанию социального неравенства в России, при этом существуют модели подоходного налогообложения, направленные на нивелирование дифференциации уровня доходов различных слоев населения при максимизации фискального эффекта НДФЛ (Гончаренко и др., 2019). «Налоговая реформа не принесла с собой решения проблемы» неравенства, поскольку в действующем дизайне НДФЛ в т. ч. «отсутствует необлагаемый минимум личных доходов как инструмент социальной защиты населения» (Громов, 2021, с. 3–4). Система налоговых вычетов приводит к скрытой регрессии по НДФЛ, поскольку имущественные и

социальные налоговые вычеты малодоступны для лиц с низкими доходами (Мельникова, Тихонова, 2018, с. 1105). Ключевым аргументом сторонников снижения прогрессивности подоходного налогообложения является уклонение от налогов при повышении ставок. Однако на примере повышения предельной ставки подоходного налога в США в 2013 году установлено, что поведенческая реакция уклонения от налогообложения наиболее обеспеченных налогоплательщиков является краткосрочной: в 2015 году доля самых высоких доходов в США вновь стала расти (Saez, 2017, p. 114).

Механизмы имущественного налогообложения в области сглаживания неравенства призваны также способствовать обеспечению контроля соответствия доходов и накопленного капитала (контроля перехода прав собственности на дорогостоящее имущество), а также наследования и дарения. Контрольный потенциал имущественного налогообложения для сглаживания неравенства существенен в современных российских условиях (Малис, 2023, с. 20). В России «в отношении наиболее богатых граждан целесообразно ввести повышенные ставки налога на имущество по дорогостоящему имуществу, как это сделано в странах ОЭСР» (Вылкова, 2022, с. 123–124). Вместе с тем для стран Европейского союза не установлено существенного воздействия имущественных налогов на сглаживание неравенства, как, впрочем, и негативного их влияния на экономический рост (Dianov et al., 2022, p. 16).

Косвенное налогообложение, исходя из различий структуры потребления богатых и бедных, может быть направлено на сокращение неравенства посредством дифференциации налоговых ставок. Целесообразно установление пониженных ставок для товаров повседневного спроса и первой необходимости (товары Гиффена, которые составляют существенную долю в потребительской корзине граждан с низким уровнем дохода) и повышенных ставок для дорогостоящих благ (товары Веблена) (Майбуров, 2023, с. 112). Относительно влияния косвенных налогов на неравенство граждан у исследователей не сложилось однозначной позиции. Например, для стран Латинской Америки в 1990–2010 гг. обосновано, что увеличение доли прямых налогов по сравнению с косвенными способствовало сокращению нера-

венства (Martorano et al., 2018). С другой стороны, в странах ОЭСР косвенные налоги оказали существенное влияние на сокращение неравенства (в период с 1978 по 2012 год) (Ciminelli et al., 2017). Вопрос воздействия косвенных налогов на неравенство остается дискуссионным, поскольку есть исследования, свидетельствующие, что косвенное налогообложение оказывает несущественное влияние на неравенство, а сглаживание неравенства не может оправдать снижение ставок (Blasco et al., 2020).

Цель исследования состоит в определении возможностей сглаживания экономического неравенства граждан в России с помощью налоговых инструментов.

Гипотеза исследования: комплекс инструментов подоходного, косвенного и имущественного налогообложения граждан в России имеет существенный нереализованный потенциал сглаживающего воздействия на экономическое неравенство граждан. Применение налоговых инструментов наряду с иными государственными механизмами сглаживания неравенства способно обеспечить эффективное воздействие на экономическое неравенство россиян.

Научная новизна исследования состоит в обосновании наличия нереализованного потенциала и возможностей сглаживания экономического неравенства граждан в России за счет комплексного воздействия инструментов подоходного, имущественного и косвенного налогообложения на неравенство доходов, богатства и потребления соответственно.

Теоретическая значимость определяется углублением научных представлений о потенциале комплексного применения инструментов подоходного, имущественного и косвенного налогообложения в сглаживании неравенства граждан. Результаты исследования могут служить отправной точкой для конкретизации параметров перспективных налоговых инструментов сглаживания неравенства россиян: дифференциации налоговых ставок, установления налоговых вычетов и льгот, развития налогового администрирования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов для разработки комплекса налоговых мер по сглаживанию экономического неравенства граждан в России.

Методы и информационная база исследования

Для тестирования гипотезы применен корреляционно-регрессионный анализ зависимостей показателей неравенства граждан от:

- среднедушевых денежных доходов, среднемесячной заработной платы и социальных выплат для оценки модифицированной кривой С. Кузнеца (Kuznets, 1955) в рамках определения детерминантов неравенства в России – подоходного налогообложения и социальных трансфертов;

- социальных налоговых вычетов по НДФЛ;

- доли НДС в ВВП и налоговых доходах бюджета, доли облагаемых по ставке НДС 10% товаров в общем объеме НДС для оценки влияния косвенных налогов на неравенство;

- доли отдельных налогов в ВВП по странам ОЭСР (в силу доступности статистических данных за период с 1965 г.) для оценки влияния структуры налогового бремени на неравенство.

Также проведен структурный и динамический анализ объемов налоговых вычетов по НДФЛ для оценки их востребованности налогоплательщиками, налоговых доходов бюджетов по имущественным налогам физических лиц для оценки их фискальной значимости и потенциала в сглаживании неравенства.

Расчет средней эффективной налоговой ставки НДС для наименее и наиболее обеспеченных граждан проведен на основе данных Росстата о структуре потребления первой и десятой децильной групп по статьям расходов.

Расчеты осуществлены с использованием пакета «Анализ данных» в MS Excel.

Информационную базу исследования составили данные о неравенстве Росстата, Всемирного банка, ОЭСР, Credit Suisse и World Inequality Database, налоговые данные ОЭСР, Федеральной налоговой службы РФ (отчеты 1-НМ, 1-ДДК, 5-НДФЛ, 5-ТН, 5-МН) и данные социологического опроса. Опрос проведен автором в 2022 году сплошным анкетированием 1063 респондентов из 45 субъектов РФ. Анкетирование проведено опосредованно с использованием Google Forms. Среди респондентов 70% женщин и 30% мужчин, 89% горожан и 11% сельчан, 19% со средним и 81% с высшим образованием.

Выборка репрезентативна относительно задачи исследования по оценке востребованности налоговых вычетов по НДФЛ респондентами различных доходных групп, поскольку по диапазону уровня среднемесячного личного дохода выборка респондентов подчиняется нормальному распределению и соответствует данным Росстата по распределению доходов населения (рис. 1).

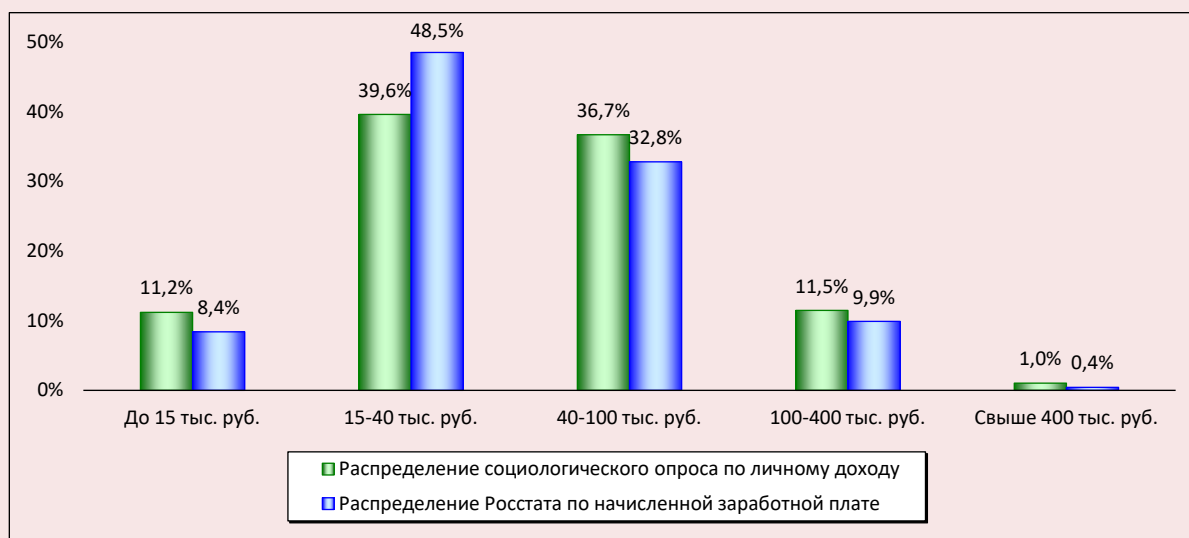
11% опрошенных имеют доходы до 15 тыс. руб., то есть ниже МРОТ и прожиточного минимума в 2021 году, 40% — от 15 до 40 тыс. руб., то есть ниже уровня среднедушевых денежных доходов населения (40,04 тыс. руб. / мес. за 2021 год³), 37% — от 40 до 100 тыс. руб., то есть выше среднего, 11% — от 100 до 400 тыс. руб., 1% опрошенных (11 чел.) ответили, что имеют доходы свыше 400 тыс. руб. / мес., потенциальный доход этих граждан подпадает под повышенную ставку НДФЛ 15%.

НДФЛ и налоговые вычеты в сглаживании неравенства доходов граждан

В рамках тестирования модифицированной кривой С. Кузнеця для России на данных Росстата с 1998 по 2021 год по неравенству и доходам граждан установлено, что НДФЛ не оказывает существенного влияния на неравенство граждан; если происходит его сокращение, то только за счет государственных социальных трансфертов (табл. 1).

В отличие от реальных денежных доходов населения заработная плата включает НДФЛ и исключает необлагаемые доходы, социальные пособия. Для исключения фактора инфляции проведен переход к реальным показателям с использованием индекса потребительских цен (ИПЦ). В качестве результирующего показателя использован коэффициент Джини по доходам — по данным Росстата.

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню среднемесячного личного дохода

Примечание. Росстатом данные по начисленной заработной плате приведены по следующим диапазонам: до 16,65 тыс. руб., от 16,65 до 45 тыс. руб., от 45 до 100 тыс. руб., от 100 до 400 тыс. руб. и свыше 400 тыс. руб.

Источник: расчеты автора по результатам социологического опроса и данным Росстата (Неравенство и бедность // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 11.02.2024)).

³ Средний и модальный уровень денежных доходов населения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_bed_1-2-6.html (дата обращения 09.02.2024).

Таблица 1. Результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости уровня неравенства от показателей доходов граждан России в 1998–2021 гг.

Показатель	Коэффициент корреляции r	Коэффициент детерминации R^2
Реальные среднедушевые денежные доходы	0,846	0,716
Среднемесячная реальная начисленная заработная плата	0,774	0,599
Реальные среднедушевые денежные доходы без учета социальных выплат	0,881	0,776

Примечание: уровень значимости α по F-критерию Фишера 0,0001.
Источник: расчеты автора.

Фактор заработной платы показал наименее тесную связь с уровнем неравенства из трех исследуемых показателей доходов, то есть неравенство доходов определяется не только заработной платой, включающей НДФЛ, но и другими доходами. Зависимость по показателю денежных доходов населения оказалась более тесной, то есть доходы населения в целом после налогообложения в большей степени, чем только заработная плата, определяют неравенство. При исключении из денежных доходов населения социальных выплат связь стала наиболее тесной. R^2 составил 0,776, то есть изменение реальных среднедушевых денежных доходов без учета социальных выплат на 77,6% объясняет дисперсию уровня неравенства по доходам (по коэффициенту Джини Росстата). Социальные

трансферты, в отличие от подоходного налогообложения, определяют зависимость между уровнем неравенства по доходам и самими доходами, что происходит за счет появления дополнительных денежных доходов у наименее обеспеченных слоев населения.

Современная зависимость неравенства от доходов граждан в России находится на восходящей ветви кривой С. Кузнеца, то есть неравенство повышается с ростом благосостояния.

Для сглаживания неравенства граждан в рамках НДФЛ предусмотрены налоговые вычеты. Стандартные и социальные вычеты по НДФЛ призваны способствовать сокращению неравенства граждан, однако их доля в структуре вычетов и абсолютные объемы несущественны (табл. 2).

Таблица 2. Структура налоговых вычетов по НДФЛ в 2021 году

Вычеты	Предоставленные вычеты		Кол-во налогоплательщиков	
	млрд руб.	доля, %	тыс.	доля, %
Инвестиционные	218,8	3,8	459,9	1,7
Социальные, в т. ч.	218,7	3,8	3 939,2	14,5
по расходам на обучение	42,5	0,7	956,1	3,5
по расходам на лечение	128,2	2,3	2 049,9	7,6
Имущественные, в т. ч.	4 929,5	86,5	7 216,2	26,7
по доходам от продажи	2 463,0	43,2	1 153,4	4,3
по расходам, в т. ч.	2 466,5	43,3	6 062,8	22,4
на приобретение	2 086,6	36,6	4 552,7	16,8
по процентам по кредитам и займам	379,9	6,7	1 510,1	5,6
Стандартные	329,9	5,8	15 461,3	57,1
Профессиональные	2 857,6	-	178,9	-
Вычеты в сумме расходов (убытков), связанных с получением дохода от операций с ценными бумагами	36 070,8	-	5 723,2	-
Общая сумма, без учета профессиональных вычетов и вычетов по ценным бумагам	5 696,9	100	27 076,6	100
Общая сумма вычетов	44 625,3	-	32 978,7	-

Допущение: данные по количеству налогоплательщиков рассчитаны путем агрегации по отдельным видам вычетов (при игнорировании возможности получения разных видов вычетов одним налогоплательщиком) для иллюстрации востребованности различных вычетов налогоплательщиками.
Источник: расчеты автора по данным налоговой отчетности ФНС 1-ДДК и 5-НДФЛ.

В 2021 году социальные вычеты составили 3,8%, а стандартные — 5,8% в общей структуре налоговых вычетов по НДФЛ за исключением вычетов по операциям с ценными бумагами и профессиональных вычетов. При невысоких объемах социальные и стандартные вычеты являются доступными для налогоплательщиков (например, стандартный вычет на детей). Так, стандартными вычетами пользуются более 15 млн налогоплательщиков, то есть практически каждый четвертый, а социальными — около 4 млн.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа установлено, что социальные вычеты по НДФЛ не оказывают влияния на благосостояние граждан, но могут вносить вклад в сглаживание неравенства. За период с 2009 по 2021 год исследованы взаимосвязи между объемом социальных налоговых вычетов и уровнем неравенства и благосостояния граждан. Показателем-фактором стала доля социальных налоговых вычетов, возмещенных налогоплательщикам из бюджета, в объеме поступлений НДФЛ в бюджет, а результирующими показателями — коэффициент Джини и квинтильный коэффициент фондов, отражающие уровень неравенства доходов, и показатели благосостояния — доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума, реальные располагаемые денежные доходы. Выявлена обратная связь между показателями неравенства и долей социальных налоговых вычетов: уровень неравенства граждан снижается с ростом доли социальных вычетов в сумме поступлений НДФЛ. Коэффициент детерминации R^2 составил 0,562 и 0,702 для коэффициента Джини и квинтильного коэффициента фондов соответственно при уровне значимости α по критерию Фишера 0,01. Статистически значимой связи с показателями благосостояния не установлено.

Основную долю вычетов (без учета профессиональных и по операциям с ценными бумагами) — 86,5% — формируют имущественные. По доходам от продажи имущества и расходам на его приобретение они распределились практически поровну. Имущественные вычеты при этом вряд ли доступны для граждан нижних децилей по доходам, поскольку для них не ха-

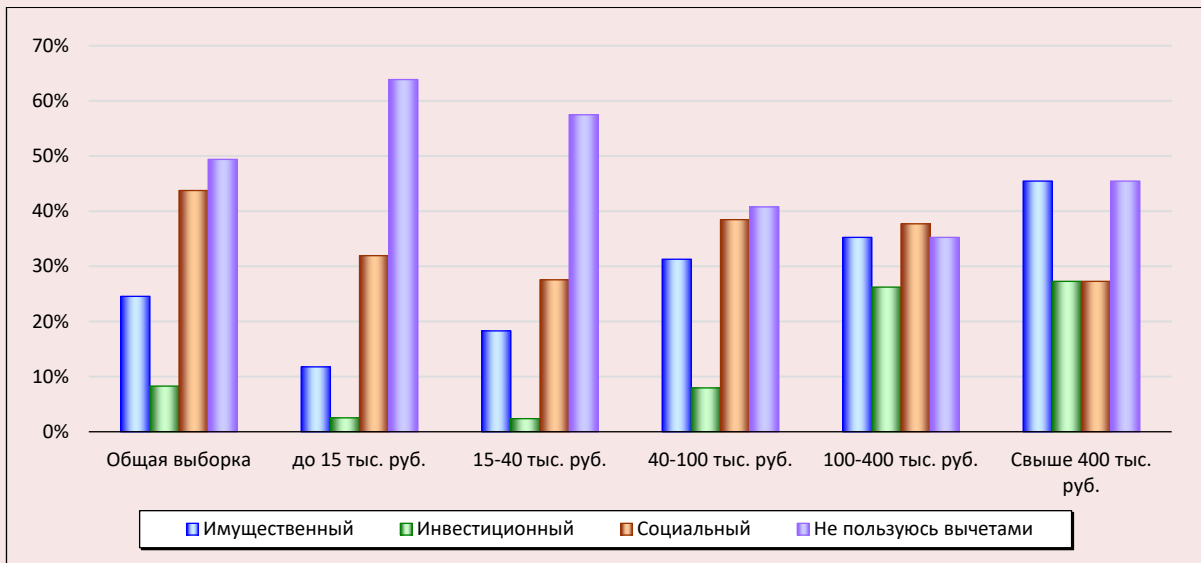
рактерно совершение сделок с недвижимостью. Имущественными вычетами в основном пользуются граждане со средним и высоким уровнем дохода, имеющие средства для сделок с недвижимостью, реальную возможность улучшения жилищных условий. Это подтверждает и тот факт, что налогоплательщиков, заявивших вычет по расходам на проценты, то есть использующих кредит для приобретения жилья, в три раза меньше, чем налогоплательщиков, которые заявили вычет в связи с приобретением недвижимости в целом, тем более что вычет по процентам можно заявлять в течение всего срока действия ипотечного кредита, то есть до 30 лет, а также с учетом временного лага, обусловленного возможностью получения вычета по процентам после вычета по приобретению жилья. Поскольку это многолетняя устойчивая тенденция (2020 год — 3,1 раза, 2019 — 3,4, 2018 — 3,8), можно сделать вывод, что большинство налогоплательщиков, заявивших вычет в последние годы, приобрели жилье за счет собственных средств без привлечения кредита. В противном случае, с учетом накопленного числа налогоплательщиков, заявивших вычет по процентам в предшествующие годы и продолжающих его получать, их число должно превышать число налогоплательщиков, заявивших вычет по приобретению жилья.

Инвестиционные вычеты также недоступны для граждан с низким уровнем благосостояния в силу отсутствия средств для осуществления инвестиций. Профессиональные вычеты и вычеты по операциям с ценными бумагами стоят особняком с позиций сглаживания неравенства, поскольку априори имеют иные цели.

Использование основного объема налоговых вычетов по НДФЛ гражданами со средними и высокими доходами снижает для них среднюю эффективную ставку, что может приводить к регрессивному характеру подоходного налогообложения, когда налогоплательщики с высокими доходами с учетом вычетов платят НДФЛ по меньшей фактической ставке, чем налогоплательщики с низкими доходами.

Тезис о не востребованности наименее обеспеченными гражданами инвестиционных и имущественных вычетов по НДФЛ подтверждается также результатами социологического опроса (рис. 2).

Рис. 2. Востребованность налоговых вычетов по НДФЛ по доходным группам респондентов

Источник: расчеты автора по результатам социологического опроса.

С ростом дохода респондентов растет востребованность имущественных и инвестиционных вычетов по НДФЛ, а социальные вычеты более равномерно распределены по доходным группам респондентов.

В целом сложившийся перевес имущественных вычетов по НДФЛ в ущерб социальным и стандартным вычетам не позволяет реализовать их потенциал в снижении неравенства и бедности.

Введение с 2021 года в России прогрессивной шкалы НДФЛ со ставкой 15% для доходов свыше 5 млн руб. в год в целом не способно существенно повлиять на сглаживание неравенства, поскольку для этого необходимы, во-первых, существенно более высокая ставка прогрессии для «срезания шпилья сверхдоходов», во-вторых, необлагаемый минимум, увязанный с уровнем МРОТ, для повышения располагаемых доходов наименее обеспеченных граждан, который сейчас отсутствует. И.А. Майбуров в 2015 году, задолго до введения прогрессии, предполагал, что «реформа подоходного налогообложения может не оправдать ожидания малоимущих слоев населения и расслоение российского общества по доходам не уменьшится, так как предлагается использование слишком мягкой шкалы прогрессии»

(Майбуров, 2015, с. 174). Тем не менее введение прогрессивной шкалы становится первым необходимым, но недостаточным шагом на пути обеспечения сглаживания неравенства россиян с помощью НДФЛ.

Подоходный налог в других странах является существенным инструментом сглаживания неравенства граждан. Например, в США при фиксируемом росте неравенства доходов с 1980 по 2014 год доля располагаемых доходов после уплаты налогов, полученная богатейшими 10% граждан, выросла с 30 до 40%, в то время как до налогообложения — с 35 до 47%, то есть еще более существенно (Piketty et al., 2018). Отметим, что при критике результатов исследований команды Т. Piketty специалистами Министерства финансов США и Комитета по налогообложению Конгресса США установлено, что налоги в США еще больше снижают уровень неравенства граждан (Auten, Splinter, 2023). В странах ОЭСР подоходный налог также оказывает сглаживающее воздействие на неравенство доходов (Guillaud et al., 2017).

Возможности сглаживания неравенства богатства граждан с помощью имущественных налогов

Росстат не оценивает неравенство богатства в России (Пугачев, 2023, с. 155), тем не менее мы можем судить о нем по данным Credit Suisse

и World Inequality Database, которые свидетельствуют о чрезмерно высоком неравенстве в распределении богатства.

По данным World Inequality Database, у 1% богатейших россиян сконцентрирована половина богатства, их доля с 1995 по 2021 год возросла в 2,2 раза, с 21,5 до 47,6%. Напротив, доля богатства 50% наименее обеспеченных граждан снизилась с 8,5 до 3,1%, т. е. в 2,7 раза⁴. Credit Suisse оценивает концентрацию богатства в России еще выше: у 1%, 5% и 10% богатейших граждан России она достигает 58, 77 и 83% соответственно. Коэффициент Джини по богатству составил 0,88 в 2021 году⁵.

Сглаживанию столь высокого неравенства в распределении богатства призваны способствовать инструменты имущественного налогообложения. Однако в России таких специализированных инструментов, имплементированных в систему сглаживания неравенства, немного:

- повышающий коэффициент транспортного налога физических лиц для дорогостоящих автомобилей (с 2022 года – коэффициент 3 для автомобилей стоимостью от 10 млн руб.);

- уменьшение налоговой базы на кадастровую стоимость 20 м² для квартир и 50 м² для домов по налогу на имущество физических лиц;

- налоговые льготы социального характера.

Повышающий коэффициент транспортного налога для дорогостоящих автомобилей⁶ введен в 2014 году. С 2022 года применяется только коэффициент 3 для автомобилей стоимостью

от 10 млн руб. не старше 10 лет и от 15 млн руб. от 10 до 20 лет. В настоящее время в России это единственный среди имущественных налогов, напрямую способствующий сглаживанию неравенства граждан. Однако число таких дорогостоящих автомобилей невелико – 12,78 тыс. в 2022 году, что составляет 0,027% от общего числа автомобилей, подпадающих под налогообложение (табл. 3). Налоговые поступления «налога на роскошь» в 2022 году составили 1,26% в общей сумме, или 2,13 млрд руб. При несущественности позитивным для российской практики является сам факт такого налога и его динамика – по отношению к 2020 году в 2022 году налоговые поступления и число автомобилей, подпадающих под повышенный коэффициент, выросли более чем в два раза.

Уменьшение налоговой базы по налогу на имущество на кадастровую стоимость 20 м² для квартир и 50 м² для домов и налоговые льготы для отдельных категорий налогоплательщиков по налогу на имущество, транспортному и земельному налогам лишь условно можно считать способствующими сглаживанию неравенства. Для небольших объектов недвижимости за счет исключения части площади эффективная налоговая ставка будет ниже, чем для больших объектов. Это действительно способствует сглаживанию неравенства. Однако здесь не учитывается кадастровая стоимость недвижимости, что в результате приводит к большей сумме налога для недорогих, но просторных квартир по сравнению с элитной недвижимостью.

Таблица 3. Поступления в бюджет транспортного налога физических лиц с применением повышающего коэффициента для дорогостоящих автомобилей

Показатель	2020	2022
Всего автомобилей, подпадающих под налогообложение, тыс. шт., в т. ч.	41 594,7	47 091,66
с применением повышающего коэффициента 3, тыс. шт.	6,3	12,78
Доля, %	0,015	0,027
Сумма транспортного налога граждан к уплате, млрд руб.	158,37	167,24
с применением повышающего коэффициента 3, млрд руб.	0,95	2,13
Доля, %	0,6	1,26

Источник: расчеты автора по данным налоговой отчетности ФНС 5-ТН.

⁴ Russian Federation. *World Inequality Database*. Available at: <https://wid.world/country/russian-federation/> (accessed: January 8, 2024).

⁵ Global Wealth Report 2022. *Credit Suisse*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (accessed: January 8, 2024).

⁶ Так называемый «налог на роскошь».

Налоговые льготы для отдельных категорий граждан также призваны способствовать повышению благосостояния низкообеспеченных граждан, допустим, пенсионеров, однако отсутствие адресности налоговых льгот может привести к обратному эффекту, если, например, пенсионер богат. Складывается ситуация, когда льготы распределены равномерно между налогоплательщиками различного уровня благосостояния или смещены в сторону более обеспеченных владельцев имущества, которого у бедных нет. Обращают на себя внимание также обилие налоговых льгот и их высокая распространенность (табл. 4). В 2022 году льготами в целом пользовались 38,5% налогоплательщиков, а сумма налога, не уплаченная в связи с применением льгот, достигла 76,5 млрд руб., или 22%. Так, по земельному налогу каждый второй налогоплательщик получает льготу, а по налогу на имущество сумма, не уплаченная в связи с предоставлением льгот, составила 36,6% от суммы налога.

Для обеспечения сглаживания монетарного неравенства с помощью имущественных налогов необходимо, с одной стороны, обеспечить повышение налоговой нагрузки для владельцев дорогостоящих или нескольких объектов имущества, с другой стороны, обеспечить адресность налоговых льгот, когда учитывается не только категория налогоплательщика, но и его фактическая платежеспособность, по аналогии с тем, как сегодня это реализовано, например, для социальных пособий на детей от 3 до 7 лет с введением критериев нуждаемости, которые учитывают не только доход (среднедушевой до-

ход члена семьи должен быть ниже прожиточного минимума), но и имущество и сбережения (отсутствие более одного объекта недвижимости или транспорта).

Интересен в связи с этим опыт других государств. Например, в Белоруссии до 2022 года для граждан, владеющих более чем одним объектом недвижимости, устанавливалась двукратная ставка налога на имущество. В Великобритании, США, Германии, Австрии, Китае применяются прогрессивные ставки имущественных налогов, что способствует перераспределению налогового бремени с наименее обеспеченных на более состоятельных граждан.

В большинстве развитых стран действуют налоги на наследство и дарение, на капитал, они также способствуют сокращению неравенства богатства, тем более что полученное безвозмездно по наследству или в дар имущество является нетрудовым доходом. В России налог на наследство и дарение действовал до 2005 года. Он был прогрессивным: ставка зависела от стоимости имущества и от степени родства наследников. Сегодня отдельный элемент этого налога включен в НДФЛ со стоимости подаренного объекта недвижимого имущества (пп. 7 п. 2.2 ст. 210 Налогового кодекса РФ). Однако его фискальная значимость минимальна: в 2022 году НДФЛ от дарения составил 3,9 млрд руб.⁷, или 0,07% в общей сумме НДФЛ. В связи с этим представляется целесообразным возвращение налога на наследство и дарение с прогрессивными ставками и системой вычетов для недорогого и единственного имущества, полученного от близких родственников.

Таблица 4. Налоговые льготы по имущественным налогам граждан в 2022 году

Показатель	Транспортный налог	Земельный налог	Налог на имущество	Сумма
Кол-во налогоплательщиков, тыс. чел.	33 701,3	38 842,6	86 267,7	158 811,6
в т. ч. применяющих налоговые льготы	9 540,7	19 010,1	32 548,7	61 099,5
Доля применяющих льготы, %	28,31	48,94	37,73	38,47
Сумма налога к уплате, млрд руб.	169,25	51,00	128,04	348,29
Сумма, не поступившая в бюджет в связи с применением льгот, млрд руб.	16,72	12,86	46,90	76,48
Доля льгот, %	9,88	25,22	36,63	21,96

Источник: расчеты автора по данным налоговой отчетности ФНС 5-ТН, 5-МН.

⁷ Рассчитано по данным формы 5-НДФЛ ФНС РФ при допущении, что для граждан РФ применена ставка 13%.

Таблица 5. Фискальная значимость имущественных налогов граждан и уровень неравенства в распределении богатства в различных странах

Страна	Доля имущественных налогов граждан в общих налоговых доходах, %					К-т Джини по богатству, 2022
	2010	2015	2019	2020	2021	
Канада	9,18	8,80	8,32	8,59	7,92	0,726
Великобритания	5,55	5,53	5,75	6,26	5,91	0,706
Швейцария	4,63	4,88	5,24	5,56	5,49	0,772
Франция	5,75	6,13	5,42	5,31	5,07	0,702
Норвегия	1,62	1,56	1,70	1,83	1,46	0,769
Япония	0,94	1,20	1,31	1,31	1,47	0,649
Германия	0,98	1,03	0,95	1,13	1,11	0,788
Россия	1,14	1,28	1,15	1,32	1,00	0,88
Турция	1,00	1,08	1,08	1,04	0,96	н/д
Польша	1,07	1,16	0,96	0,97	0,90	н/д
Латвия	0,06	0,42	0,54	0,54	0,53	н/д

Источник: расчеты автора по данным ОЭСР и Credit Suisse (Tax Revenue Buoyancy in OECD Countries. Revenue Statistics 2023 // OECD.Stat. URL: <https://doi.org/10.1787/9d0453d5-en> (дата обращения 10.01.2024); Global Wealth Report 2022 // Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения 08.01.2024)).

Имущественные налоги в России обладают серьезным потенциалом в сглаживании монетарного неравенства граждан, учитывая, что налоговая нагрузка по имущественным налогам физических лиц ниже относительно развитых стран. Так, в России удельный вес имущественных налогов граждан в общей сумме налоговых доходов консолидированного бюджета составляет около 1%, в то время как в развитых странах ОЭСР он может достигать 5–8% (табл. 5).

В России при низком уровне имущественных налогов в общих налоговых доходах бюджета уровень неравенства богатства выше: в России коэффициент Джини по накопленному капиталу составил в 2021 году 0,88 (достигая 0,9), в то время как в странах ОЭСР – 0,65–0,79.

Косвенные налоги и неравенство потребления россиян

Экономика потребления предопределяет наиболее яркое проявление на бытовательском уровне неравенства потребления граждан, что актуализирует необходимость активизации инструментов косвенного налогообложения в целях воздействия на неравенство. Возможность сглаживания неравенства потребления с помощью НДС обусловлена различием структуры потребления наименее и наиболее обеспеченных граждан. Росстат фиксирует объем и структуру потребления граждан по децильным группам, которая на примере 2022 года представлена в таблице 6.

Таблица 6. Структура расходов на конечное потребление первой и десятой децильных групп населения России в 2022 году, %

Статья расходов	Первая группа	Десятая группа	Отношение десятой группы к первой, раз
Домашнее питание	51,7	20,4	0,39
Одежда и обувь	7,5	6,3	0,83
ЖКХ	13,0	9,6	0,74
Бытовая техника	0,3	1,0	3,08
Транспорт	5,7	26,9	4,76
Связь	5,3	3,0	0,57
Здравоохранение	2,8	3,8	1,34
Образование	1,1	1,3	1,20
Отдых	1,9	6,8	3,60
Гостиницы, кафе, рестораны	0,7	4,4	6,62
Финансовые и страховые услуги	0,4	1,8	4,26

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Неравенство и бедность // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 12.01.2024)).

Основная доля затрат наименее обеспеченных граждан уходит на домашнее питание и услуги ЖКХ – 65%, в то время как наиболее обеспеченные по этим статьям расходуют 30%. Наиболее существенное превышение структуры затрат десятой децильной группы над первой сложилось по транспорту, отдыху, гостиницам, кафе, ресторанам и финансовым и страховым услугам. Общий объем расходов на конечное потребление в 2022 году составил для первой децильной группы 7985 руб., а для десятой – 63 400 руб., соотношение – 7,94 раза. Калорийность суточного рациона для десятой группы составила в среднем 2937 Ккал, а для первой – 1972 Ккал, т. е. в 1,5 раза меньше.

Соотношение структуры затрат наиболее и наименее обеспеченных граждан может служить индикатором применения дифференцированных ставок НДС в целях сглаживания неравенства потребления. В России в настоящее время установлена пониженная ставка НДС 10% по продуктам питания, что способствует снижению налоговой нагрузки на наименее обеспеченных граждан. В то же время в рамках антикризисных мер налоговой поддержки бизнеса в 2022 году ставка НДС была установлена 0% для гостиниц, кафе, ресторанов и туризма, которые формируют более существенную долю в расходах наиболее обеспеченных граждан при низкой доле в расходах бедных. Соответственно, это понижает налоговую нагрузку для наиболее богатых.

Для сопоставления средней эффективной ставки НДС для первой и десятой децильных групп проведен ее расчет как средневзвешенной по доле в структуре затрат по данным

таблицы 6. Принято допущение, что по статьям затрат в целом применяются следующие ставки НДС: здравоохранение, отдых, гостиницы, кафе, рестораны, финансовые страховые услуги – 0%, домашнее питание – 10%, все остальные статьи – 20%. В результате для первой децильной группы средняя эффективная ставка составила 13,21%, а для десятой – 14,0% (на 0,79 п. п. выше).

Для сокращения уровня неравенства целесообразным представляется понижение ставки НДС по ЖКХ до 10%, по аналогии с продуктами питания, и возвращение ставки до 20% по отдыху, гостиницам, кафе и ресторанам. При таком варианте средние эффективные ставки НДС для первой и десятой децильных групп составят 12,45% (-0,76 п. п.) и 15,82% (+1,82 п. п.), а разница ставок вырастет с 0,79 до 3,37 п. п., т. е. в 4,3 раза.

Дифференциация ставок НДС помимо обеспечения сглаживания неравенства потребления логично встраивается в концепцию контроля сопоставимости расходов и уровня доходов налогоплательщика.

Для оценки влияния на неравенство граждан в России косвенного налогообложения в рамках корреляционно-регрессионного анализа в качестве результирующих показателей выбраны коэффициент Джини и децильный коэффициент фондов по расходам на потребление, а показателей-факторов – доля НДС в ВВП и налоговых доходах консолидированного бюджета, а также доля НДС, уплаченного по ставке 10%, в общем объеме НДС. Анализ проведен по данным Росстата и ФНС РФ за 1992–2021 гг. (табл. 7).

Таблица 7. Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния косвенного налогообложения на неравенство граждан в России

Результат	Фактор – доля НДС	Период	Коэффициент корреляции r	Коэффициент детерминации R^2
Коэффициент Джини	В общих налоговых доходах консолидированного бюджета	1992–2021	-0,855	0,731
		1995–2021	-0,893	0,797
	В ВВП	2010–2021	-0,613	0,3757
Децильный коэффициент фондов по расходам на потребление	Уплаченного по ставке 10%, в общем объеме НДС	2012–2021	-0,1129	0,0011

Примечание: уровень значимости α по F-критерию Фишера 0,01.
Источник: расчеты автора по данным Росстата и налоговой отчетности ФНС 1-НМ.

Связь между НДС и показателями неравенства – обратная: чем выше доля НДС, тем ниже неравенство. Связь между коэффициентом Джини и долей НДС в ВВП и в общей сумме налоговых доходов сильная, в то время как между долей НДС по ставке 10% в общей сумме НДС и показателями неравенства – слабая. Соответственно, расширение периода исследования становится причиной повышения тесноты связи, так как для факторов доли НДС в ВВП и в общей сумме налоговых доходов бюджета включен период 1990-х гг., когда в России действовал прогрессивный подоходный налог, а доля НДС в налоговых доходах была ниже, чем сейчас. В совокупности это свидетельствует, что НДС в России существенного влияния на неравенство не оказывает, а более высокий R^2 в отдельные годы при более низком уровне неравенства является следствием иных факторов.

Оценка влияния структуры налогового бремени на неравенство граждан

Оценка проведена с помощью корреляционно-регрессионного анализа влияния структуры налогового бремени по отдельным налогам на неравенство граждан. В качестве показателя неравенства выбран коэффициент Джини. Для декомпозиции структуры налогового бремени по отдельным налогам рассчитаны их доли в ВВП. Расчеты проведены по странам ОЭСР для 2000 и 2020 гг. на основе данных ОЭСР и Всемирного банка (табл. 8).

Самая тесная из анализируемых связей с уровнем неравенства характерна для доли всех налогов в ВВП, и поскольку этот показатель учитывает не структуру, а тяжесть налогового бремени, то решающее влияние на неравенство оказывает уровень налогового бремени,

а не его структура. В странах ОЭСР динамика доли налогов в ВВП на 58–74% объясняет изменение уровня неравенства. Доля подоходного налога в ВВП стран ОЭСР стабильно имеет заметную связь с коэффициентом Джини, $R^2 = 0,33$. В 2020 году по сравнению с 2000 годом в странах ОЭСР сократилось влияние на неравенство косвенных налогов. Это произошло на фоне снижения доли косвенных налогов в общих налоговых доходах с 32,6 до 30,6%. Динамика доли налога в структуре налогового бремени совпадает с изменением влияния этого налога на уровень неравенства.

Сглаживанию неравенства в странах ОЭСР в 2020 году относительно 2000 года способствовало наращивание доли подоходного налога при сокращении косвенных за счет прогрессии подоходного налога и того, что налогообложение потребления более существенно воздействует на бедных граждан, ключевая часть дохода которых расходуется на текущее потребление.

Развитие налогового администрирования для сглаживания неравенства граждан

Налоговое администрирование имеет потенциал в сглаживании неравенства, прежде всего за счет обеспечения полноты налогообложения текущих доходов, капитала и потребления наиболее обеспеченных граждан. Сегодня направлениями развития налогового администрирования, способствующими сглаживанию неравенства граждан, могут быть перспективные направления развития технологий в части:

- администрирования цифровых активов и доходов от цифровых активов, сделок с цифровыми активами, товарами и услугами;

Таблица 8. Результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости уровня неравенства (по коэффициенту Джини) от структуры налогового бремени в странах ОЭСР

Доли налогов в ВВП	Период	Коэффициент корреляции r	Коэффициент детерминации R^2
Подоходного	2000	-0,573	0,329
	2020	-0,569	0,324
Прямых	2000	-0,595	0,354
Косвенных	2000	-0,530	0,283
Всех налогов	2000	-0,862	0,743
	2020	-0,765	0,585

Примечание: уровень значимости α по F-критерию Фишера 0,01. Приведены данные только по заметным и тесным связям.

Источник: расчеты автора по данным Всемирного банка и ОЭСР (Income share held by highest 10% // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.DST.10TH.10?end=2021&start=2000&view=chart> (дата обращения 14.01.2024); Revenue Statistics // OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=Rev&lang=en> (дата обращения 14.01.2024)).

- полноты налогообложения инвестиционных доходов граждан;
- парсинга сайтов объявлений о сдаче в аренду недвижимости и развития информационного обмена ФНС РФ с платформами объявлений;
- идентификации незарегистрированных объектов имущества с помощью сервисов геопространственной аналитики.

Дискуссия

В рамках исследования подтверждена гипотеза о том, что комплекс инструментов подоходного, косвенного и имущественного налогообложения граждан в России имеет существенный нереализованный потенциал сглаживающего воздействия на экономическое неравенство граждан. С помощью декомпозиции налоговых инструментов по направлениям – подоходного, имущественного и косвенного налогообложения – и применения корреляционно-регрессионного анализа удалось доказать, что по каждому из направлений не применяется действенных для сглаживания неравенства мер, в то же время существует потенциал сокращения неравенства. В этом результаты исследования соотносятся с полученными ранее другими исследователями выводами о возможности преодоления неравенства за счет совершенствования распределительных и перераспределительных инструментов (Шевяков, 2011, с. 72), о том, что действующая на сегодняшний день в России система распределительных отношений не способствует снижению неравенства, а иногда даже усиливает сложившиеся диспропорции (Костылева, 2011, с. 72), что «мягкая» прогрессия по НДФЛ не окажет существенного влияния на неравенство (Майбуров, 2015, с. 174).

Полученные результаты не претендуют на полноту оценки всех налоговых инструментов, которые могли бы способствовать сглаживанию экономического неравенства граждан. Представленные инструменты могут быть дополнены, тем более в связи с трансформацией неравенства с течением времени. Интерес представляет, например, исследование влияния акцизов на неравенство граждан, однако сегодня нет статистики по потреблению подакцизных товаров в разрезе доходных групп.

Перспективы для продолжения исследования открывает конкретизация параметров пер-

спективных налоговых инструментов сглаживания неравенства граждан в России: дифференциации налоговых ставок НДФЛ, НДС, имущественных налогов, установления необлагаемого НДФЛ налогового минимума и налоговых вычетов, а также налоговых льгот по имущественным налогам, развития налогового администрирования. Полученные результаты могут стать отправной точкой для оценки влияния указанных инструментов как на уровень неравенства граждан, так и на бюджетную обеспеченность.

Заключение

Результаты исследования вносят вклад в углубление научных представлений о потенциале комплексного применения инструментов подоходного, имущественного и косвенного налогообложения для сглаживания неравенства граждан. Для России сегодня этот потенциал существенен, он не реализован.

НДФЛ не обеспечивает снижение неравенства. Введение прогрессивной ставки НДФЛ 15% – первый необходимый, но недостаточный шаг к сглаживанию неравенства. Следует усилить прогрессию и ввести необлагаемый минимум. Сложившийся перевес имущественных налоговых вычетов по НДФЛ (86,5% в общем объеме вычетов) в ущерб социальным и стандартным не позволяет реализовать их потенциал. Социальные вычеты способны вносить вклад в сглаживание неравенств: не только за счет увеличения лимитов, но и, например, диверсификации лимитов вычетов в зависимости от доходов налогоплательщика. Использование основного объема налоговых вычетов гражданами со средними и высокими доходами может приводить к регрессивному характеру подоходного налогообложения.

Имущественные налоги обладают существенным потенциалом в сглаживании монетарного неравенства россиян, учитывая, что налоговая нагрузка по ним ниже, относительно развитых стран, в 5–8 раз. Перспективы имеет повышение налоговой нагрузки для владельцев дорогостоящих или нескольких объектов имущества, предметов «роскоши» и обеспечение адресности налоговых льгот, когда учитывается не только категория налогоплательщика, но и его достаток.

Возможность сглаживания неравенства потребления с помощью НДС обусловлена различием структуры потребления наименее и наиболее обеспеченных граждан. Целесообразно установление пониженных ставок НДС по товарам и услугам, формирующим основную долю расходов на потребление наименее обеспеченных граждан, например по услугам ЖКХ, и повышение ставки НДС по расходам, составляющим основу потребления наиболее обеспеченных граждан при низком удельном весе в структуре потребления бедных, например воз-

вращение ставки 20% по отдыху, гостиницам, кафе и ресторанам. При таком варианте средние эффективные ставки НДС для первой децильной группы снижаются, а для десятой — растут.

Решающее влияние на неравенство оказывает уровень налогового бремени, а не его структура. Комплекс инструментов подоходного, косвенного и имущественного налогообложения граждан имеет существенный нереализованный потенциал сглаживания экономического неравенства россиян.

Литература

- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Вылкова Е.С. (2022). Совершенствование налогообложения имущества физических лиц в Российской Федерации как инструмент уменьшения социального неравенства // Экономика. Налоги. Право. № 15 (3) С. 118–126. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-118-126
- Гончаренко Л.И. [и др.]. (2019). Влияние подоходного налогообложения на социальное неравенство в России. М.: Кнорус. 224 с.
- Громов В.В. (2021). Необлагаемый минимум в дизайне НДФЛ: опыт и перспективы // Налоги. № 2. С. 3–8. DOI: 10.18572/1999-4796-2021-2-3-8
- Ильин В.А. (2017). «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
- Капелюшников Р.И. (2017). Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-4-117-139
- Капелюшников Р.И. (2019). Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. № 4. С. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-91-106
- Костылева Л.В. (2011). Налогообложение как механизм регулирования неравенства населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (15). С. 66–77.
- Майбуров И.А. (2015). К 100-летию подоходного налога в России: теоретический анализ основных этапов реформы // Journal of Tax Reform. Т. 1. № 2-3. С. 161–176. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.2.010
- Майбуров И.А. (2023). Налоговая политика и цели устойчивого развития. Мировой опыт сопряжения. М.: Юнити-Дана. 256 с.
- Малис Н.И. (2023). Новые задачи налоговой политики направлены на сбалансированность бюджетов всех уровней // Финансы. № 7. С. 15–20.
- Мареева С.В. (2018). Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. Т. 9. № 3. С. 101–120. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. (2022). Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 39–60. DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982
- Мельникова Н.П., Тихонова А.В. (2018). Имущественные налоговые вычеты и справедливость налогообложения доходов физических лиц // Международный бухгалтерский учет. Т. 21. № 9. С. 1100–1112. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.21.9.1100>
- Пансков В.Г. (2020). О новой ставке НДФЛ // Финансы. № 8. С. 25–29.
- Пинская М.Р. (2015). Подходы к пониманию налоговой справедливости // Journal of Tax Reform. Т. 1. № 1. С. 90–99. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.1.006

- Пугачев А.А. (2023). Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 141–158. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7
- Шевяков А.Ю. (2011). Мифы и реалии социальной политики. М.: М-Студио. 76 с.
- Шмелев Ю.Д. (2017). О критериях оценки эффективности и справедливости налоговой политики государства // Экономика. Налоги. Право. № 2. С. 113–120.
- Auten G., Splinter D. (2023). Income inequality in the United States: Using tax data to measure long-term trends. *Journal of Political Economy*, 11, 44. Available at <https://doi/epdf/10.1086/728741>
- Blasco J., Guillaud E., Zemmour M. (2020). Consumption taxes and income inequality an international perspective with microsimulation. *Luxembourg Income Study Working Papers Series*, 785, 1–35.
- Ciminelli G., Ernst E., Giuliodori M., Meriola R. (2017). The composition effects of tax-based consolidations on income inequality. *European Journal of Political Economy*, 57(C), 107–124.
- Guillaud E., Olckers M., Zemmour M. (2017). Four levers of redistribution: The impact of tax and transfer systems on inequality reduction. *Luxembourg Income Study Working Papers Series*, 695, 1–38. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02735326/document>
- Dianov S., Koroleva L., Pokrovskaia N. et al. (2022). The influence of taxation on income inequality: Analysis of the practice in the EU countries. *Sustainability*, 14(15), 9066. DOI: 10.3390/su14159066
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, 45(1), 1–28.
- Martorano B. (2018). Taxation and inequality in developing countries: Lessons from the recent experience of Latin America. *Journal of International Development*, 30(2), 256–273. Available at: <https://doi.org/10.1002/jid.3350>
- Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018). Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, 133(2), 586–587.
- Pugachev A.A. (2023). The impact of indirect taxation on inequality in Russia. *Journal of Tax Reform*, 9(1), 19–33. Available at: <https://doi.org/10.15826/jtr.2023.9.1.126>
- Saez E. (2017). Taxing the rich more: Preliminary evidence from the 2013 tax increase. *Tax Policy and the Economy*, 31(1), 71–120. DOI: 10.1086/691084
- Wilkinson B.R., Hageman A.M. (2023). The role of political elites in income tax system design and tax fairness. *The British Accounting Review*, 55(3), 101172. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.bar.2022.101172>

Сведения об авторе

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Комсомольская, д. 3; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

The Potential of Tax Impact on the Economic Inequality of Citizens in Russia

Abstract. In Russia, the possibilities of smoothing inequality through taxes have not been implemented, despite the consistently high inequality, its acute perception by citizens and attention to the problem at the highest level of government. The aim of the study is to determine the possibilities for smoothing the economic inequality of citizens in Russia with the help of tax instruments. The hypothesis of the study is that the set of instruments of income, indirect and property taxation of citizens in Russia has a significant unrealized potential for smoothing economic inequality. To test the hypothesis, we use correlation and regression analysis and decomposition of tax instruments according to areas (income, property and indirect) and explore the dependence of inequality indicators on tax tools used for smoothing inequality. Based on the data from Rosstat, Federal Tax Service, World Bank, OECD, Credit Suisse and the World Inequality Database, a Data Set was formed which includes 2.6 thousand indicators. The calculations were performed using the Data Analysis Toolpak in MS Excel. The relevance of personal income tax

deductions was assessed by using sociological survey data. It was established that the current tax instruments do not help to smooth inequality in Russia, and sometimes, on the contrary, lead to its growth. It seems advisable to smooth inequality within the framework of income taxation by increasing the progression of personal income tax and introducing a tax-free minimum in conjunction with the minimum wage, increasing the share of social tax deductions. In the field of property taxes, it is advisable to increase the tax burden for owners of expensive or many objects of property, and provide the targeting of tax benefits. In terms of indirect taxes, it is expedient to reduce VAT on goods and services that make up the bulk of consumption expenses of the least well-off citizens, for example, housing and communal services, and to increase VAT on items that form the basis of consumption of the rich, for example, the return of the 20% rate on recreation, hotels, cafes and restaurants. The potential of tax administration in smoothing inequality is determined by the possibilities of ensuring the completeness of taxation of current income, capital and consumption of the most affluent citizens.

Key words: economic inequality, income inequality, wealth inequality, consumption inequality, smoothing, personal income tax, tax deductions, VAT, property taxes.

Information about the Author

Andrei A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University (3, Komsomolskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Статья поступила 25.01.2024.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.9

УДК 332, ББК 65.9

© Иванов С.Л., Теребова С.В.

Проблемы развития инновационного предпринимательства в регионе и пути их решения

Семен Леонидович
ИВАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: slivanov2020@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4647-5824

Светлана Викторовна
ТЕРЕБОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: svetlana-ter@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2044-9521

Аннотация. Предпринимательский сектор в условиях рыночной экономики становится важнейшей движущей силой инновационного развития. Это связано с тем, что в условиях конкурентной борьбы для обеспечения максимального прироста прибыли предприниматель вынужден производить более сложную, инновационную продукцию. Таким образом, предпринимательство является «акселератором» инновационной активности. В связи с этим в последнее время особое внимание стало уделяться деятельности инновационного предпринимательства. Результаты исследований позволили заключить, что на данный момент существует ряд проблем, которые препятствуют развитию инновационных организаций. Соответственно, наличие таких проблем сдерживает развитие экономики в инновационном направлении. Особенно актуально идентифицировать данные проблемы в настоящее время, когда инновационная деятельность стала входить в перечень основных приоритетов государства. Цель работы заключается в выявлении проблем развития инновационного предпринимательства на региональном уровне,

Для цитирования: Иванов С.Л., Теребова С.В. (2024). Проблемы развития инновационного предпринимательства в регионе и пути их решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 159–177. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.9

For citation: Ivanov S.L., Terobova S.V. (2024). Innovative entrepreneurship development in the region: Challenges and ways to address them. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 159–177. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.9

а также определении направлений их решения. Методология исследования предполагает использование различных научных приемов: от общенаучных до специальных. Особое внимание было уделено методам экономической социологии (экспертному опросу). Научная новизна исследования состоит в разработке инструментария, позволяющего выявить проблемы развития инновационных организаций на региональном уровне. Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе выявленных проблем были предложены направления их решения, которые могут быть взяты на вооружение представителями органов региональной власти в целях совершенствования проводимой в регионе инновационной политики.

Ключевые слова: регион, инновационное предпринимательство, проблемы развития, анкета, инструментарий, мониторинг.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01841 «Креативные практики как ресурс развития малых территорий», <https://rscf.ru/project/23-28-01841/>.

Введение

Новшества и инновации имеют особое значение для экономического развития стран и регионов, их использование в производственных, управленческих и бытовых процессах во многом определяет уровень и качество экономического развития.

В условиях рыночной экономики важнейшей движущей силой инновационного развития становится предпринимательский сектор. Как отмечает доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник МГУ В.П. Клавдиенко, предпринимательство является «ядром инновационной экономики». Основываясь на трудах В.Г. Зинова, Н.Г. Кураковой и А.В. Озорнина, автор приходит к выводу о том, что предпринимательский сектор «в странах-лидерах инновационного развития покрывает 60–65% внутренних затрат на НИОКР и инновации, доля государственных расходов на эти цели вдвое меньше» (Клавдиенко, 2022).

Трансформация идей в технологически новые продукты, услуги или процессы в большинстве стран мира с развитой и развивающейся рыночной экономикой производится преимущественно субъектами инновационного предпринимательства, поэтому и в России оно начало приобретать особую популярность.

В то же время следует подчеркнуть, что развитие инновационного предпринимательства в РФ и ее отдельных регионах в последнее время замедляется. По данным Росстата, в 2022 году значение основного показателя, характеризующего его результативность (доля инновацион-

ных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции), составило всего 5,1%. Это почти на 20 п. п. ниже минимального значения целевого показателя, запланированного в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года¹.

Более того, целевые показатели, отраженные в Указе Президента № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года², пока не достигнуты.

Вероятнее всего, такая ситуация обусловлена наличием проблем, которые сдерживают развитие субъектов инновационного предпринимательства в отдельных российских регионах (Никулина, Козлова, 2013; Трефилова, 2017; Тютюкина и др., 2017 и др.). Идентификация и решение этих проблем помогут повысить уровень инновационного развития как в целом по стране, так и в рамках отдельных региональных социально-экономических систем.

Задачи, связанные с выявлением проблем и перспектив развития инновационного пред-

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 года № 2227-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс консорциум». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902317973> (дата обращения 21.09.2023).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения 15.08.2023).

принимательства, в РФ имеют особую актуальность. Однако на данный момент нет сведений о проблемах развития инновационного предпринимательства в отдельных российских регионах. Более того, отсутствует общепринятый подход, который позволил бы их идентифицировать. Следовательно, вопрос о том, как и с помощью чего наиболее целесообразно их выявлять, носит дискуссионный характер. Это и составляет основу *научной проблемы* в рамках настоящего исследования.

Объектом исследования выступает инновационное предпринимательство в российских регионах. Предмет исследования — проблемы развития инновационного предпринимательства.

Цель данной работы заключается в выявлении проблем развития инновационного предпринимательства на региональном уровне, а также определении направлений их решения.

Научная новизна исследования связана с разработкой инструментария, позволяющего выявить проблемы, с которыми сталкиваются руководители инновационных организаций в регионе. Отличительной особенностью данного инструментария является то, что он, с одной стороны, учитывает региональную специфику инновационной деятельности предприятий (например, оценку результативности мер региональной поддержки, характеристику региональных условий, сдерживающих развитие инновационно-предпринимательской деятельности, и пр.), с другой стороны, содержит вопросы, позволяющие оценить специфику деятельности субъектов инновационного предпринимательства в условиях санкционного давления, а также в условиях цифровизации, что имеет особую актуальность в настоящее время.

Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе выявленных проблем развития инновационного предпринимательства на региональном уровне были предложены направления их решения, которые могут иметь практическую пользу для представителей органов региональной власти в целях совершенствования проводимой в регионе инновационной политики.

Обзор литературы

В настоящее время компании функционируют под избыточным влиянием со стороны других организаций, производящих схожую либо аналогичную продукцию, а также со сто-

роны клиентов, ожидающих от потребляемого продукта полезных свойств, характеристик и пр., которые в текущий момент ему не присущи. Следовательно, предприятиям необходимо постоянно осуществлять поиск путей совершенствования имеющихся или производства новых продуктов. Говоря иначе, предприятия должны постоянно внедрять инновации (Blindenbach-Driessen, Ende, 2014; Bogers, Lhuillery, 2011; Gerguri, Ramadani, 2010; Prange, Schlegelmilch, 2016; Ravšelj, Aristovnik, 2019). По мнению исследователей (Garcia, Calgtone, 2002), инновации необходимы фирмам в основном для повышения конкурентоспособности. Например, при помощи инноваций можно производить тот же самый продукт, но в большем количестве либо с наименьшими затратами.

Однако, для того чтобы компании могли применять инновации, необходимо наладить производство инноваций в рамках страны / региона. В связи с этим широкое распространение получило инновационное предпринимательство, которое в условиях рыночной экономики выступает ключевым субъектом хозяйственной системы, занимающимся созданием новшеств и производством на их основе инноваций. Обзор исследований (Brenner, 2020; Grudu, 2019; Guzman et al., 2020; Mayhew et al., 2012; Tang, Koveos, 2004; Ualzahanova et al., 2020; Бабкин, Чистякова, 2014; Гетман и др., 2011; Кадакова, 2014; Меньшов, 2005; Палкина, Палкин, 2016; Стародубцева, Попушина, 2016) позволил выделить две группы критериев для идентификации инновационного предпринимательства: общие (свойственные инновационному предпринимательству как таковому) и специфические (подчеркивающие его инновационную специфику). К первой группе критериев следует отнести размер, форму собственности, юридический статус инновационно-предпринимательской фирмы, а также соответствующий ее деятельности налоговый режим. Кроме того, предпринимательскую деятельность отличают такие характеристики, как рискованный характер, а также получение прибыли на систематической основе от осуществления определенных видов экономической деятельности. Вторая группа критериев — специфические. Ключевыми из них являются разработка инновационных решений, производство инновационной продукции.

По форме собственности предприятия, относящиеся к категории инновационного предпринимательства, преимущественно являются частными. Однако встречаются ситуации, когда инновационные организации могут относиться к смешанной форме собственности. Чаще всего это малые инновационные компании, созданные на базе вузов, НИИ, научных центров и пр. В этом случае вуз выступает в качестве соучредителя. Кроме того, стоит обратить внимание, что предпринимательство – это не только юридический статус, но и функция, выполняемая юридическим или физическим лицом, основная цель которой состоит в получении прибыли. Таким образом, к субъектам предпринимательства могут быть отнесены государственные учреждения и организации. По размеру инновационно-предпринимательские фирмы могут относиться к категории малого, среднего и крупного бизнеса.

Таким образом, инновационное предпринимательство – это самостоятельная, сопряженная с определенным уровнем риска деятельность, осуществляемая хозяйствующими субъектами, официально зарегистрированными в органах налогового учета (вне зависимости от формы организации юридического лица, формы собственности, а также «размерности» предприятия), на систематической основе и направленная на получение прибыли за счет разработки новшеств (инновационных решений), производства инновационной продукции, ее последующей реализации на рынке, а также выполнения инновационных работ и оказания услуг (Иванов, 2021).

Как отмечают исследователи (Cuervo-Cazurra, Un, 2007; Gerguri, Ramadani, 2010; Janssen, Abbasiharofteh, 2022; Ravšelj, Aristovnik, 2019; Ravšelj, Aristovnik, 2020), инновационно-предпринимательские фирмы, осуществляющие свою деятельность в области «R&D» (Research and Development), вносят существенный вклад в развитие региональной экономики, поскольку именно за счет инноваций появляется возможность осваивать новые сектора рынка, создавать высокотехнологичные рабочие места, повышать уровень занятости населения, производить продукцию с требуемыми качествами, соответствующими запросу потребителя. Подобного мнения придерживаются исследователи (Бикметов, 2018; Малинина, Лазарев, 2021; Севрюкова, Бычкова, 2020; Филип-

пова, Красильникова, 2017), дополняя данный тезис тем, что деятельность инновационного предпринимательства является важнейшим условием конкурентоспособности экономики региона.

Однако следует отметить, что условия для развития инновационного предпринимательства между отдельными территориями зачастую сильно дифференцированы. Более того, хозяйствующие субъекты, осуществляющие инновационную деятельность, нередко сталкиваются с проблемами, которые препятствуют их развитию (Трефилова, 2017; Тютюкина и др., 2017).

В настоящее время ученые-экономисты активно ведут изыскания в рамках исследовательской области, связанной с идентификацией проблем, оказывающих негативное воздействие на деятельность инновационного предпринимательства. Причем работы, в рамках которых выявляются такие проблемы в экономически развитых странах мира (например, в США, странах Европейского союза), проводятся уже на протяжении длительного временного периода (Dunning, Narula, 1995; Koschatzky, Sternberg, 2000), а в странах с развивающейся экономикой (например, в Бразилии), где переход на путь инновационного развития стал осуществляться относительно недавно, подобные исследования только начали набирать популярность (Rocha et al., 2022).

С переходом отечественной экономики на путь инновационного развития особое внимание стало уделяться российским инновационным организациям. Определение проблем и перспектив, связанных с их деятельностью, является предметом исследования во многих работах, посвященных тематике инновационного развития. Причем основной массив таких работ пришелся на период после 2010 года, т. е. именно в рассматриваемый период произошло осознание особой важности инноваций в обеспечении конкурентоспособности экономики страны на государственном уровне (Буркина, 2020; Гретченко, Манахов, 2011).

В исследовании (Никулина, Козлов, 2013) освещены основные проблемы, с которыми сталкиваются компании в процессе реализации инновационного развития, предложены пути решения данных проблем, а также обращено внимание на необходимость разработки новых источников финансирования инновационной деятельности и оптимизации процесса

оказания государственной поддержки предприятиям, осуществляющим внедрение на рынок инновационной продукции.

В работах (Гребенникова, Горлопан, 2016; Трефилова, 2017) исследуется проблема развития инноваций в компаниях в современных условиях рынка. Как отмечают авторы, в России идёт явное отставание в формировании инновационного кластера в отличие от ведущих мировых держав. Такое положение заставляет российские компании быть зависимыми от импорта технологий и товаров. Среди проблем, тормозящих развитие инноваций в РФ, авторы отмечают безрезультативность научных исследований вследствие недостаточного финансирования, «утечку» лучших научных кадров, непривлекательность профессии ученого, разрыв между образованием и наукой.

Пути решения обозначенных проблем, по мнению (Гребенникова, Горлопан, 2016), состоят в модернизации системы финансирования прикладных и фундаментальных разработок и исследований, создании нормативно-правовой базы, а также мер по стимулированию спроса на научные изобретения, формировании системы показателей мониторинга и развития инновационной активности.

Стоит отметить, что Росстат осуществляет статистическое наблюдение факторов, препятствующих инновационной активности организаций. Проведенное в рамках исследования (Тютюкина и др., 2017) ранжирование этих факторов позволило авторам выделить ключевые проблемы развития инновационных организаций в России, к числу которых следует отнести недостаточность собственных денежных средств; высокую стоимость нововведений; недостаток финансовой поддержки со стороны государства; недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность; нехватку квалифицированных кадров.

Однако проблемы, идентифицируемые специалистами Росстата, представлены по России в целом (отсутствует учет региональной специфики). Более того, сведения о факторах, препятствующих инновационной активности, предоставляются российскими организациями в Росстат раз в два года (Тютюкина и др., 2017), а именно — в следующем году за годом, оканчивающимся на нечетную цифру, включая данные

за последние два года (например, в 2022 г. — за 2018–2020 гг.; в 2020 г. — за 2016–2018 гг. и т. д.). Таким образом, отсутствует возможность осуществить оценку текущего положения инновационных компаний.

Следовательно, ученые озадачены созданием методов и механизмов оперативного поиска информации о проблемах, сдерживающих развитие инновационных организаций в стране и регионе. В качестве примера можно привести работу (Ребязина и др., 2011), в которой представлены результаты апробации комплексного метода анализа инновационной деятельности компаний на основе методологии «Инновационный радар». Исследование включало два основных этапа: на качественном этапе проведено 15 глубинных интервью, на количественном — экспертный опрос 120 российских инновационно-активных предприятий. По итогам анализа сформулированы выводы о воздействии отдельных характеристик инновационной деятельности отечественных фирм на их результативность.

Специалистами Российского союза промышленников и предпринимателей в 2021 году был проведен опрос, посвященный инновационной деятельности российских предприятий³. В опросе приняли участие в основном промышленные компании (63,8%). Две трети респондентов представляют крупный бизнес, 21,8% — субъекты малого бизнеса, 11,5% участников опроса отнесли себя к среднему бизнесу.

Как отмечают респонденты, главными факторами, влияющими на инновационную активность предприятий, являются финансовые и экономические: вариант «высокие затраты на внедрение инноваций» набрал средний ранг 7,2 балла (из 9 возможных), а ответ «экономические риски» ровно 7 баллов. Третье место разделили сложности получения заемных средств для инвестиций в инновационные проекты и избыточность государственного регулирования и требований стандартов (в обоих случаях 5,4 балла). Другие факторы уже не так сильно определяют, какой будет инновационная деятельность компаний.

³ Инновационная деятельность компаний: результаты опроса РСПП // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity-analytics/innovatsionnaya-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-oprosa-rspp/> (дата обращения 25.08.2023).

Также было указано, что именно ограничивает экспортную деятельность компаний. На первое место респонденты поставили политические факторы — доля варианта составила 35,9%, причём в случае компаний-экспортёров она достигла уже 53,3%, и это отличие статистически значимо.

Стоит отметить, что помимо опросов для выявления проблем и перспектив деятельности инновационных организаций нередко используются глубинные интервью. 2 сентября 2020 г. директор Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Л.М. Гохберг дал интервью «Российской газете», в котором стороны обсудили проблемы инновационного развития российских компаний и факторы, их детерминирующие⁴.

Л.М. Гохберг отметил, что в последние годы государство уделяло особое внимание вопросам инновационного развития: при номинальном наличии многочисленных стратегий и мер поддержки, значительных многолетних расходах инновационная политика не дает значимых результатов. Кроме того, заметна стагнация основных для сферы инноваций индикаторов, в частности уровня инновационной активности.

По мнению Л.М. Гохберга, для решения существующих проблем важно «улучшать» среду для инноваций, стимулировать конкуренцию, вовлекать в инновационную деятельность широкий спектр компаний, прежде всего субъектов малого и среднего предпринимательства.

Сбор объективных данных о рынке инноваций в Российской Федерации в части деятельности инновационных субъектов МСП был проведен специалистами Высшей школы экономики (Д.С. Медовниковым, Т.К. Оганесян, С.Д. Розмирович)⁵. В ходе исследования осуществлено анкетирование 125 представителей российских компаний из категории малого и среднего бизнеса. Также проведено 15 интервью с экспертами — руководителями компаний.

⁴ Результаты инновационной деятельности в России оказались ниже ожидания // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/30/rezultaty-innovacionnoj-deyatelnosti-v-rossii-okazalis-nizhe-ozhidaniia.html> (дата обращения 27.08.2023).

⁵ Использование мер государственной поддержки субъектами малого и среднего предпринимательства, осуществляющими деятельность в сфере инноваций и высоких технологий // НИУ ВШЭ. URL: <https://innopraktika.ru/napravleniya-deyatelnosti/proekty-razvitiya/issledovanie-msp/> (дата обращения 30.08.2023).

В опросе приняли участие компании более чем из 30 субъектов РФ, относящихся к следующим федеральным округам: Центральному, Приволжскому, Северо-Западному, Сибирскому, Уральскому, Северо-Кавказскому, Дальневосточному.

Респондентам было предложено оценить, какие факторы ограничивали развитие компаний в предыдущие три года. Больше всего голосов (50%) набрал вариант ответа, связанный с недостатком средств на проведение НИОКР и разработку новых продуктов. На втором месте (36%) оказался ответ о трудностях с привлечением средств для реализации инвестиционных проектов в виде либо инвестиций, либо инвестиционных кредитов, на третьем месте — ответ, связанный с нехваткой квалифицированных кадров (34%).

Респондентам был задан вопрос, как часто их предприятие обращалось за последние три года в банки и пользовалось инструментами кредитования. Установлено, что порядка 40% руководителей имели опыт получения заемных денежных средств. Причем только половина из них пользуются кредитами регулярно. Большая часть организаций (примерно 60%) не использовала кредиты.

Отмечен низкий уровень активности компаний в отношении привлечения инвестиций: порядка 30% респондентов на данный момент не считают это необходимым. Примерно столько же (29%) желают привлечь инвестиции, но у них это не получается. Лишь немногим более 20% компаний за последние три года удалось это реализовать.

Руководители компаний отметили, что чаще всего в качестве форм государственной поддержки использовали федеральные гранты (более 70%). Последующие позиции заняли формы нефинансовой поддержки: проведение выставок и деловых миссий (47%), бесплатных образовательных программ (39%).

Более чем для 50% респондентов государственная поддержка рассматривается как фактор, оказавший положительное воздействие на развитие деятельности предприятия.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что деятельность инновационного предпринимательства в России является предметом исследования многих ученых и специалистов. Причем особую популярность она стала набирать в последнее десятилетие, когда

важность инноваций как фактора социально-экономического развития стала рассматриваться на государственном уровне.

Существуют разные методы идентификации проблем развития инновационного предпринимательства, однако наиболее распространенными являются социологические методы (экспертный опрос, интервьюирование и пр.). Как правило, выбор в пользу данных методов обусловлен «ограниченностью» статистических данных, позволяющих судить о проблемах развития инновационного предпринимательства и их масштабах. Также важно подчеркнуть, что социологические методы исследования используют еще и потому, что они позволяют дать не только количественную, но и качественную оценку изучаемым проблемам. С их помощью можно оценить как масштаб проблемы, так и ее специфику. Более того, они позволяют сформировать «развернутые» рекомендации представителей инновационного предпринимательства (экспертов, а также руководителей и ведущих специалистов инновационных фирм) по решению тех или иных проблем, которые впоследствии необходимо учитывать органам региональной власти в процессе принятия управленческих решений.

Важно подчеркнуть, что при проведении социологических опросов субъектов инновационного предпринимательства некоторые ученые (например, специалисты НИУ ВШЭ) включают в выборочную совокупность только малые и средние инновационные компании. В то же время есть примеры, когда круг опрошенных не ограничивается субъектами инновационных МСП (как в случае опроса, проводимого специалистами РСПП).

Полагаем, что наиболее целесообразно исключить из анализа крупный инновационный бизнес, поскольку фактор «размера» компании в значительной степени обуславливает предпосылки ее инновационной активности. Как отмечено в исследовании (Теребова, Борисов, 2019), небольшие инновационные фирмы за счет гибкой структуры управления могут оперативно реагировать на колебания в конкурентной среде, а также обеспечивать достаточную мобильность в области коммерциализации новшеств.

Более того, необходимо учитывать и «качественные» отличия инноваций, производимых малыми, средними и крупными предприятиями. Товары, работы и услуги, производимые малы-

ми и средними инновационными компаниями, имеют большую степень инновационности, чем те, которые производятся крупными инновационно активными организациями: 4/5 продукции инновационных МСП связано с обновлением производства, тогда как технологические инновации, выпускаемые промышленными «гигантами», нацелены, в первую очередь, на осуществление собственного процесса производства. Более того, зарубежная статистика свидетельствует, что малые инновационные предприятия производят примерно в 2,5 раза больше инноваций (в расчете на одного занятого), чем крупные компании (Теребова, Борисов, 2019).

Социологические исследования, связанные с выявлением проблем развития инновационного предпринимательства в РФ, проводятся научно-исследовательскими центрами (например, НИУ «Высшая школа экономики»), общественными организациями (Российский союз промышленников и предпринимателей) и пр. Также присутствует ряд авторских работ, где опубликованы результаты проведенных социологических исследований (Ребязина и др., 2011), представляющие научную и практическую значимость. Однако большинство таких исследований проводится не регулярно (эпизодически), что не позволяет судить о тех проблемах, которые актуальны в настоящий момент времени. Более того, они не учитывают региональную специфику деятельности инновационного предпринимательства (например, оценку результативности мер региональной поддержки, характеристику региональных условий, сдерживающих развитие инновационно-предпринимательской деятельности, и пр.).

Методология исследования

При подготовке исследования использовались различные научные методы (метод анализа документов и результатов деятельности, метод сравнения и пр.). Особое внимание хотелось бы обратить на применяемый метод экономической социологии — анкетирование. С его помощью был произведен экспертный опрос для выявления барьеров, препятствующих развитию инновационного предпринимательства в регионе.

Следует подчеркнуть, что ряд вопросов, включенных в состав авторской анкеты, по содержанию и структуре соответствует вопросам, представленным в других социологических исследованиях, проводимых ведущими отечественными научными и научно-образова-

тельными учреждениями, в частности в исследовании специалистов Высшей школы экономики⁶. Данное решение обусловлено тем, чтобы появилась возможность провести сравнительный анализ ситуации в регионе и по стране в целом, выявить региональную специфику проблем развития инновационного предпринимательства.

Характеристика опроса

В экспертном опросе приняли участие руководители инновационных предприятий Вологодской области, относящихся к категории малого и среднего предпринимательства. Основным видом деятельности большинства предприятий соответствует ОКВЭД «Обработывающие производства», «Деятельность профессиональная, научная, техническая», «Деятельность в области информации и связи». Генеральная совокупность составляет 35 компаний, относящихся к категории малых инновационных⁷. Анкеты были разосланы на все предприятия. Участие в экспертном опросе приняли руководители 11 предприятий (ООО «Александра плюс», ООО «Бакормаш», ООО «ВБК», ООО «Кронлес», ООО «Логасофт», ООО «Мезон», ООО «Модуль-Ф», ООО «Октава плюс», ООО «Оптимер», ООО «Ротор», ООО «ПИИ «Севзапроект»).

Критерием отнесения предприятия к категории «инновационного» послужило наличие в общем объеме отгруженной продукции инновационной продукции.

Анкета содержит 52 вопроса, включенных в разные тематические группы: общая характеристика организаций и специфика производимых инноваций; оценка результативности деятельности инновационного предпринимательства; факторы, сдерживающие инновационную деятельность; факторы, способствующие активизации инновационной деятельности; деятельность инновационного предпринимательства в условиях санкций и пр.

⁶ Использование мер государственной поддержки субъектами малого и среднего предпринимательства, осуществляющими деятельность в сфере инноваций и высоких технологий // НИУ ВШЭ. URL: <https://innopraktika.ru/napravleniya-deyatelnosti/proekty-razvitiya/issledovaniemsp/> (дата обращения 30.08.2023).

⁷ Наука и инновации Вологодской области в 2018–2022 годах // Росстат. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/folder/55314/document/217517> (дата обращения 01.09.2023).

Социологическое исследование проводилось в период с 1 февраля по 1 апреля 2023 года по месту пребывания респондентов. В качестве респондентов выступили руководители инновационных предприятий региона, а также руководители и ведущие специалисты структурных подразделений, ответственных за инновационную деятельность на предприятиях.

Инструментарий опроса (база данных) зарегистрирован (авторское свидетельство о государственной регистрации Федеральной службы интеллектуальной собственности № 2023622390 от 13 июля 2023 г.).

Результаты и дискуссия

Современное состояние инновационного предпринимательства в регионе. Особенности и проблемы региональной поддержки субъектов рассматриваемого типа предпринимательства. Результаты проведенного нами экспертного опроса свидетельствуют, что компании при реализации новых проектов в первую очередь нацелены на расширение ассортимента продукции (54,5%), выход на новые рынки и формирование конкурентных преимуществ (45,5%), снижение издержек производства и повышение качества продукции (36,4%).

Важным в отношении обследуемых компаний является вопрос, связанный с их обеспеченностью инновационными решениями (новшествами), которые выступают основой для производства инновационной продукции. Как отмечают 45,5% опрошенных руководителей, «мы сами производим инновационные решения». Такое же число респондентов (45,5%) ответили, что приобретают инновационные решения у других отечественных инновационных компаний. Порядка 18% предприятий закупают инновационные решения у других отечественных вузов и НИИ. Еще 18,2% опрошенных ориентированы в решении этого вопроса на зарубежные инновационные компании (территориальная принадлежность данных компаний не уточнялась). Следует обратить внимание, что наиболее распространенными видами объектов интеллектуальной собственности, которые имеются в распоряжении у компаний, являются патенты на изобретения (45,5%). Менее распространены полезные модели, программы для ЭВМ и товарные знаки (27,3%), промышленные образцы и ноу-хау (9,1%).

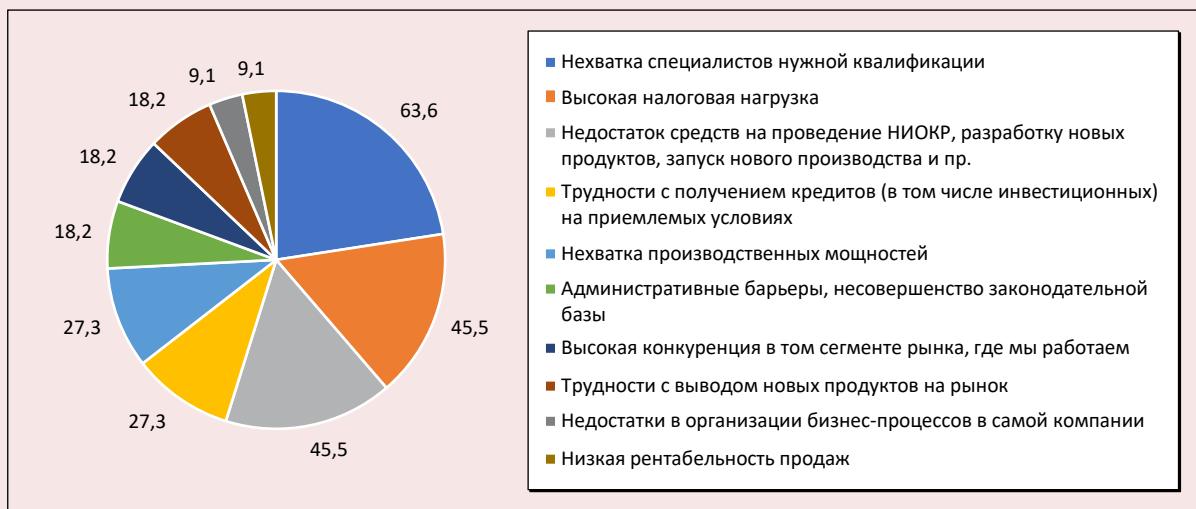
В рамках опроса были выявлены факторы, сдерживающие, по мнению респондентов, деятельность инновационных фирм на территории Вологодской области (рис. 1).

Наиболее существенными факторами, сдерживающими деятельность инновационного предпринимательства на региональном уровне, являются нехватка специалистов нужной квалификации, высокая налоговая нагрузка, являются нехватка специалистов нужной квалификации, высокая налоговая нагрузка, недостаток средств на проведение НИОКР, разработку новых продуктов, запуск нового производства и пр., а также трудности с получением кредитов на приемлемых условиях.

Балльная оценка степени оснащенности инновационных субъектов МСП региона ресурсами, необходимыми для выпуска новой продукции и внедрения новых технологий, показала, что большей части опрошенных недостает квалифицированных кадров (рис. 2).

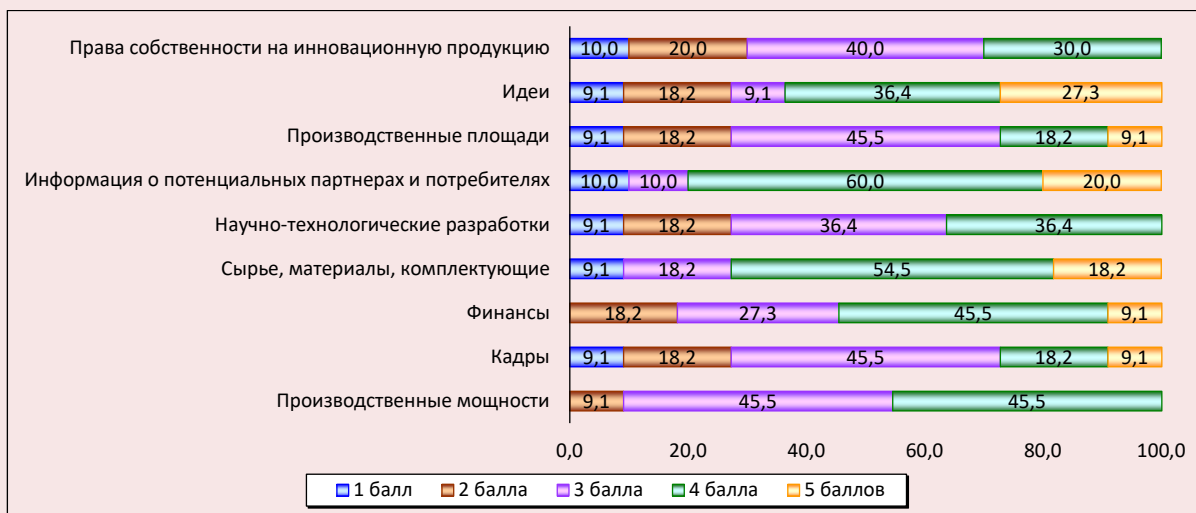
Балльная оценка степени оснащенности инновационных субъектов МСП региона ресурсами, необходимыми для выпуска новой продукции и внедрения новых технологий, показала, что большей части опрошенных недостает квалифицированных кадров (рис. 2).

Рис. 1. Факторы, сдерживающие деятельность инновационных фирм в регионе, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

Рис. 2. Оценка степени оснащенности инновационных субъектов МСП региона ресурсами, необходимыми для выпуска новой продукции и внедрения новых технологий, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

В то же время субъекты малого инновационного предпринимательства не испытывают серьезных проблем с обеспеченностью сырьем, комплектующими, материалами, а также наличием информации о потенциальных партнерах и потребителях. Более того, идей для развития инновационной деятельности у предприятий региона достаточно.

Важным инструментом финансовой поддержки инновационных МСП выступают кредиты и займы. В ходе опроса было установлено, что только 18,2% инновационных предприятий Вологодской области пользуются кредитами на постоянной основе, 36,4% – время от времени.

Среди трудностей, которые возникают при получении кредитов, следует отметить высокие процентные ставки (50%), расценивание банками инновационных проектов как рискованных (25%). Четверть ответивших на данный вопрос респондентов к числу таких трудностей относят значительную кредитную нагрузку (наличие других непогашенных кредитов). В то же время 25% опрошенных не испытывают трудностей с получением кредитов.

Необходимо отметить, что Фондом ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства Вологодской области предоставляются займы объемом до пяти млн руб. на срок до 36 месяцев⁸. Величина процента по займу варьируется от 1 до 16% годовых в зависимости

от категории займа. Данный вид финансовой поддержки позволяет брать заемные денежные средства на более выгодных условиях. Однако ограничение суммы займа в пять млн руб. не позволяет развивать инновационное производство. По мнению половины опрошенных руководителей инновационных МСП региона (50%), давших ответ на соответствующий вопрос в анкете, оптимальная сумма заемных денежных средств должна варьироваться в пределах от 20 до 50 млн руб.

Особым образом характеризуется ситуация, связанная с инвестициями. Только порядка 22% малых и средних инновационных предприятий региона смогли за последние три года привлечь средства инвесторов и воспользоваться ими. Следует также отметить, что степень информированности о потенциальных инвесторах является невысокой: порядка 73% опрошенных оценили ее не более чем на 3 балла из 5 возможных.

Среди инновационных малых и средних предприятий региона распространены формы государственной поддержки, реализуемые Департаментом экономического развития Вологодской области (порядка 64% руководителей инновационных компаний региона пользуются ими на регулярной основе). Отчасти это обусловлено их «безвозмездным» характером. В то же время результативность данных мер оценивается сравнительно невысоко (табл. 1).

Таблица 1. Оценка результативности региональных мер поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства в регионе, %*

Мера поддержки	Балл				
	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Федеральные гранты	14,3	–	–	14,3	71,4
Региональные гранты	28,6	28,6	14,3	–	28,6
Субсидии из федерального бюджета	57,1	–	–	28,6	14,3
Субсидии из регионального бюджета	57,1	–	14,3	–	28,6

* Балльная оценка производилась от числа руководителей инновационных предприятий, воспользовавшихся конкретной мерой поддержки.
Источник: составлено авторами по результатам опроса.

⁷ Микрокредитная компания Вологодской области «Фонд ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства» // Мой бизнес 35 (Национальный проект по поддержке малого и среднего бизнеса). URL: <https://mb35.ru/st/fond-resursnoy-podderzhki/> (дата обращения 30.08.2023).

Можно отметить, что меры финансовой поддержки, реализуемые на региональном уровне, эксперты оценили ниже, чем аналогичные меры, которые реализуются на федеральном уровне. Особенно низкая оценка была дана результативности региональных грантов. Порядка 45% опрошенных отмечают, что суммы региональных грантов низкие, их недостаточно, чтобы развивать инновационную деятельность на высоком уровне: 100% руководителей инновационного МСП региона, ответивших на соответствующий вопрос, считают, что минимальный размер регионального гранта должен составлять 5 млн рублей. В то же время размер гранта Вологодской области для финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ физических лиц и организаций, за исключением федеральных государственных учреждений, составляет 500 тыс. рублей⁹.

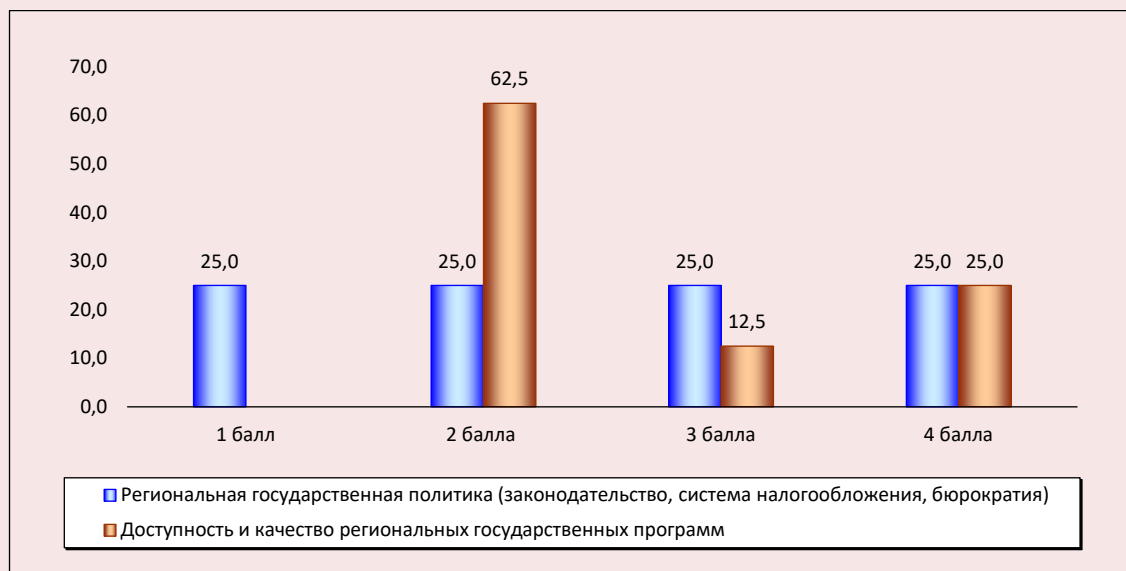
Результаты проведенного мониторинга также позволили установить, что сроки реализации

региональных грантов недостаточны для развития инновационной деятельности компаний. Оптимальным, с позиции 45,5% предпринимателей, является предоставление гранта на срок от трех лет и более. Примерно 82% опрошенных также отметили, что стать обладателем регионального гранта – сложная задача, так как, с одной стороны, количество вакантных мест для получателей грантов весьма мало, с другой стороны, существенно ограничены критерии для отбора грантополучателей (в том числе по видам экономической деятельности).

Эффективность мер административной поддержки в решении важных для инновационных компаний вопросов остается на низком уровне (рис. 3).

Доступности и качеству региональных государственных программ, а также эффективности региональной государственной политики в отношении развития инновационного предпринимательства эксперты дали невысокую оценку (по пятибалльной шкале).

Рис. 3. Оценка результативности административно-правовых мер поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства в регионе, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

⁹ Областные научные гранты // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://volgda-oblast.ru/biznesu/nauka_i_innovacii/oblastnye_nauchnye_granty/ (дата обращения 17.09.2023).

Отдельно в рамках исследования хотелось бы затронуть вопрос, связанный с осуществлением внешнеэкономической деятельности инновационных компаний региона в условиях экономической рецессии. Как отмечают 40% руководителей компаний, осуществляющих (либо осуществлявших ранее) экспорт инновационной продукции, за последние несколько лет заметно сократились экспортные поставки в страны Северной Америки, Евросоюза и пр. В то же время порядка 20% опрошенных отмечают, что расширились возможности экспорта в «дружественные» страны (например, Аргентину, Беларусь, Бразилию, Иран и др.).

Деятельность малого и среднего инновационного предпринимательства в условиях цифровизации экономики региона. Инновационная деятельность в современных условиях активно развивается в направлении создания и внедрения в хозяйственную практику цифровых технологий, продуктов и услуг. Развитие инновационной деятельности на фоне цифровизации экономики становится фактором экономического роста, средством укрепления конкуренто-

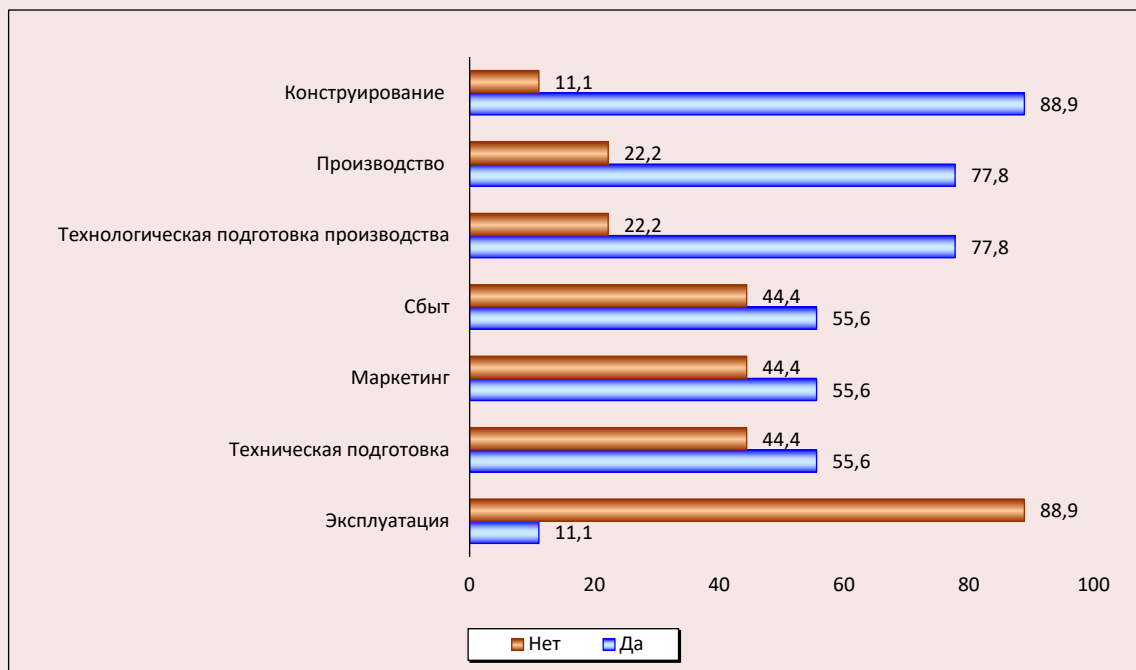
способности предприятий как внутри страны, на региональном уровне, так и в глобальных масштабах (Янченко, 2023).

Опрос позволил установить, что большая часть малых и средних инновационных предприятий Вологодской области имеет высокий уровень цифровой «зрелости»: порядка 45,5% руководителей инновационных предприятий региона отметили, что им уже удалось реализовать несколько проектов с использованием цифровых технологий. Более того, 36,4% малых и средних инновационных компаний в регионе занимаются разработкой таких технологий.

Наиболее распространенными направлениями, которые осваивают субъекты инновационного предпринимательства в регионе, являются новые производственные технологии: в частности, их разработкой заняты 45,5% региональных инновационных предприятий.

Также следует отметить, что цифровые технологии активно применяются практически на всех этапах жизненного цикла продукции (рис. 4).

Рис. 4. Активность использования цифровых технологий на различных этапах жизненного цикла продукции предприятия, %

Источник: составлено авторами по результатам мониторинга.

Наконец, респондентам был задан вопрос о том, какие шаги предпринимает компания, для того чтобы более активно применять цифровые технологии. Опрошенные ответили, что регулярно проводят обучение и повышение квалификации соответствующих сотрудников, а также изучают передовой опыт других организаций (66,7%). Реже компании прибегают к найму новых сотрудников, имеющих опыт внедрения или использования цифровых технологий (22,2%).

Рассмотрим инструменты государственной поддержки инновационного предпринимательства в условиях цифровизации, реализуемые на территории Вологодской области.

В 2022 году, исходя из предложений бизнес-сообщества, были снижены налоговые ставки по упрощенной системе налогообложения для сферы информационно-коммуникационных технологий по ОКВЭД (общероссийский классификатор видов экономической деятельности): 62.01, 62.02, 62.02.1, 62.02.4, 62.03.13, 62.09, 63.11.1 и установлены в размере¹⁰:

- при объекте налогообложения «доходы» – 1%,
- при объекте налогообложения «доходы минус расходы» – 5%.

Институты развития Вологодской области продолжают оказывать и другие региональные меры поддержки ИТ-компаний по следующим направлениям: консультации и обучающие мероприятия, продвижение товаров и услуг, сертификация и необходимые разрешения на производимую продукцию, субсидии, гранты, льготные займы и обеспечение по договорам займа, содействие экспортной деятельности. По данным на 1 июля 2023 года, информационно-консультационной поддержкой, в том числе по вопросам экспорта и интеллектуальной собственности, воспользовались 12 компаний и индивидуальных предпринимателей ИТ-сферы¹¹.

Одной из таких компаний стала ООО «ТЕЛЕМЕДХАБ», которая реализует одноименный проект, предназначенный для уда-

ленного мониторинга пациентов. Специальное приложение автоматизирует функцию сбора данных с медицинских и немедицинских приборов, измеряющих текущее состояние здоровья человека¹².

Начальник Департамента цифрового развития Вологодской области И.В. Просвирякова отметила: «В настоящее время осуществляется масштабная поддержка ИТ-отрасли. Предоставляемые льготы и направления поддержки очень разнообразны. Для того чтобы ИТ-компаниям было быстро и просто найти полезную информацию, мы размещаем ее на самых популярных площадках. Создание тематических чатов позволяет ИТ-компаниям оперативно знакомиться с новостями, выражать свое мнение по проблематике, задавать вопросы и общаться с коллегами на актуальные темы»¹³.

В то же время, согласно результатам проведенного опроса, субъекты инновационного ИТ-предпринимательства оценивают региональные меры поддержки невысоко, в частности, результативность мер административной поддержки – не более чем на 3 балла из 5 возможных. Более того, 50% от общего числа опрошенных субъектов инновационного ИТ-предпринимательства оценили результативность финансовых инструментов региональной поддержки (в отношении региональных грантов) не выше чем на 2 балла из 5.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют: несмотря на приоритетность развития инновационного предпринимательства как на территории Вологодской области (что отмечено в положениях Стратегии социально-экономического развития региона), так и в России в целом, инновационные предприятия региона на данный момент сталкиваются с большим количеством барьеров, сдерживающих их деловую активность. Более того, меры государственной поддержки со стороны органов региональной власти, которые являются важнейшим инструментом для преодоления этих барьеров, нельзя назвать эффективными.

¹⁰ Вологодские ИТ-компании могут воспользоваться региональными мерами поддержки. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/vologodskie_it_kompanii_mogut_vospolzovatsya_regionalnymi_merami_podderzhki/ (дата обращения: 28.09.2023)

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Департамент цифрового развития запустил электронные ресурсы с мерами поддержки ИТ-компаний. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/departament_tsifrovo_go_razvitiya_zapustil_elektronnye_resursy_s_merami_podderzhki_it_kompaniy/ (дата обращения 28.09.2023).

Этот вывод подтверждается данными официальной статистики. Согласно наблюдениям Вологдастата, уровень инновационной активности организаций Вологодской области за последние три года сократился (с 12,2% в 2020 году до 9,3% в 2022 году). В частности, значения данного показателя для Вологодской области в 2022 году оказались меньше, чем по Северо-Западному федеральному округу и РФ в целом (на 1,3 и 1,7 п. п. соответственно). Более того, за аналогичный период в Вологодской области существенно сократился удельный вес инновационных товаров, работ и услуг (относительно общего объема произведенной инновационной продукции) с 1,9% в 2020 году до 0,7% в 2022 году. Следует подчеркнуть, что показатель в 0,7% является одним из самых низких среди регионов СЗФО, уступая только показателю Псковской области (0,4%). В среднем по СЗФО удельный вес инновационной продукции составил 5,7%, в целом по РФ – 5,1%.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно заключить, что для субъектов малого и среднего инновационного предпринимательства, ведущих свою деятельность на территории Вологодской области, характерны различные проблемы, связанные с недостатком квалифицированных кадров, способных заниматься производством инновационной продукции, невысоким объемом финансирования инновационно-предпринимательской деятельности на региональном уровне, высокой налоговой нагрузкой, несовершенством законодательства, регулирующего деятельность инновационного предпринимательства в регионе, а также сокращением объемов внешнеэкономической деятельности с постоянными контрагентами.

Причины сложившейся ситуации кроются не только в несовершенстве инструментов государственной поддержки (финансово-экономических, административно-правовых, информационных и организационных), но и в региональной специфике развития инновационной деятельности, обусловленной, в том числе, моноструктурной специализацией хозяйственной деятельности. В частности, такой тип специализации предполагает монополистическую или олигополистическую модель поведения крупного инновационного

предпринимательства в отношении производимых в регионе инноваций. Подобной позиции придерживается ряд экспертов, в том числе научный консультант ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» доктор химических наук Б.Д. Свиридов, а также исполнительный директор Вологодского городского отделения Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области кандидат экономических наук К.А. Задумкин (Иванов, 2023).

Более того, некоторые проблемы отчасти обусловлены внешнеэкономической обстановкой. До 2022 года, когда в отношении РФ и ее отдельных регионов было введено рекордное количество санкций различной направленности, ключевыми внешнеэкономическими партнерами Вологодской области выступали, кроме Республики Беларусь, страны Европейского союза (в особенности Финляндия и Польша)¹⁴. Новые геополитические условия вынудили «разорвать» устоявшиеся связи с постоянными зарубежными партнерами, что, по мнению ряда руководителей инновационных компаний региона, привело к снижению инновационной активности предприятий.

В то же время существуют проблемы системного характера, связанные, в том числе, с низким уровнем подготовки специалистов в области инновационной деятельности.

Анализ специфики исследуемых проблем позволил выработать пути их решения (табл. 2).

Предложенные меры могут быть адресованы специалистам управления науки и промышленности Департамента экономического развития Вологодской области, Департамента цифрового развития Вологодской области, Департамента образования Вологодской области, менеджерам регионального центра «Мой бизнес», сотрудникам Вологодской торгово-промышленной палаты, исполнительной дирекции городских отделений Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области, а также депутатам Законодательного собрания Вологодской области.

¹⁴ Объемы внешнеторгового оборота Вологодской области с Республикой Беларусь увеличились с начала 2021 года на 40,5% // Безформата. URL: <https://gryazovets.bezformata.com/listnews/vologodskoy-oblasti-s-respublikoy-belarus/100474512/> (дата обращения 17.10.2023).

Таблица 2. Региональные проблемы развития малого инновационного предпринимательства и пути их решения

Проблема	Способы решения
Недостаток квалифицированных кадров, способных заниматься производством инновационной продукции	<ol style="list-style-type: none"> 1. На платформе учебных заведений региона создавать направления по подготовке специалистов требуемой квалификации*. 2. Привлекать «инновационные» кадры из других стран (в первую очередь «дружественных») и регионов*.
Низкий уровень финансирования инновационно-предпринимательской деятельности на региональном уровне	<ol style="list-style-type: none"> 1. Региональные власти должны осуществлять запрос на увеличение объемов федеральных средств, выделяемых на развитие инновационной деятельности в регионе**. 2. Рационально распределять имеющиеся финансовые ресурсы между субъектами инновационного предпринимательства***. 3. Расширять перечень инструментов государственной финансовой поддержки. 3. Стимулировать развитие венчурных фондов, бизнес-ангельства. 4. Создавать условия для привлечения в регион инвесторов, повышать инновационно-инвестиционный потенциал региона.
Высокая налоговая нагрузка	<ol style="list-style-type: none"> 1. Расширить список критериев, согласно которым субъекты инновационного предпринимательства могли бы воспользоваться инструментами налогового стимулирования (например, помимо «новых» инновационных компаний, работающих на рынке менее двух лет, налоговые льготы должны распространяться на компании, которые в данный период испытывают финансовые трудности). 2. Убрать «привязку» инновационной компании к конкретной системе налогообложения.
Несовершенство законодательства, регулирующего деятельность инновационного предпринимательства в регионе	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разработать системный нормативно-правовой документ, который был бы посвящен деятельности малого и среднего инновационного предпринимательства на региональном уровне и учитывал бы его специфику. 2. Конкретизировать механизм реализации целей и задач, связанных с развитием инновационного предпринимательства, обозначенных в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. 3. Минимизировать количество административных барьеров при ведении инновационного бизнеса на уровне региона.
Сокращение объемов внешнеэкономической деятельности с постоянными контрагентами	Развивать внешнеэкономическое сотрудничество с контрагентами из «дружественных» стран.
<p>* Важно подчеркнуть, что крупный инновационный бизнес способен обеспечить приток специалистов путем создания собственных учебных заведений, а также выделения целевых направлений на обучение. Однако у малого инновационного бизнеса такой возможности, как правило, нет. Поэтому в данном случае особо важна роль государства, которое будет содействовать в профильной ориентации региональных вузов и ссузов, а также в создании условий для инновационных специалистов, готовых работать на региональные инновационные фирмы.</p> <p>** Для реализации данной задачи необходимо повышать заинтересованность субъектов инновационного предпринимательства региона в участии во всех инициативах, реализуемых органами региональной власти по поддержке инновационного предпринимательства. Несмотря на то, что меры региональной поддержки являются наиболее распространенными, часть из них, например субсидия на реализацию инновационных проектов малых инновационных предприятий, остаются невостребованными. А это, в свою очередь, является препятствием при осуществлении запроса на повышение объемов финансирования федеральным властям.</p> <p>*** В данном случае необходимо сформировать «механизм обратной связи» между представителями органов региональной власти и субъектами инновационного предпринимательства, чтобы было представление о том, кто в первую очередь нуждается в финансовой помощи, какой объем финансовой поддержки требуется и пр. Более того, необходимо уделять особое внимание оценке «жизнеспособности» инновационных проектов, а также возможности решения на их основе проблем регионального развития.</p> <p>Источник: составлено авторами.</p>	

Реализация предложенных направлений позволит решить важные для региона проблемы развития инновационного предпринимательства. В то же время это потребует существенных финансовых вложений. Следовательно, органам региональной власти необходимо осуществлять запрос на повышение объемов финансирования в отношении мер поддержки субъектов инновационного предпринимательства с учетом установленных пороговых значений показателей, характеризующих их количественные параметры (в частности, суммы региональных научных грантов для субъектов рассматриваемого типа предпринимательства не должны быть ниже 5 млн рублей).

При оценке затрат из регионального бюджета на привлечение инновационных кадров в регион важно проанализировать показатели среднего уровня оплаты труда специалистов схожей квалификации в других регионах, в том числе более экономически развитых.

Однако ряд мероприятий не потребует серьезных финансовых затрат, например нормотворчество (разработка соответствующих нормативно-правовых актов, инвестиционных пас-

портов отдельных муниципальных образований). Однако здесь особую роль будет иметь взаимодействие властей региона и научных организаций, расположенных на его территории, сотрудники которых могли бы оказать консультационную поддержку.

Социально-экономическими эффектами реализации предложенных мероприятий станут повышение конкурентоспособности региона на всероссийском и международном рынках (ввиду роста объемов производства инновационной продукции), наращивание потенциала региона в области импортозамещения (в том числе в отношении программных средств) и, соответственно, решение ряда социальных задач за счет внедрения соответствующих новшеств (благоустройство городской среды, экологизация производства и пр.).

Полагаем, что реализация предложенных мер позволит решить проблемы развития инновационного предпринимательства на региональном уровне. В свою очередь, это должно положительно отразиться на количественных и качественных показателях инновационной деятельности в регионе.

Литература

- Бабкин А.А., Чистякова О.В. (2014). Развитие инновационного предпринимательства в России: понятие, динамика, проблемы, направления развития // *Экономическое возрождение России*. № 4 (42). С. 157–170.
- Бикметов Р.Ш. (2018). Стратегия преобразования российских «постсоветских» градообразующих предприятий в инновационные организации // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. № 3 (25). С. 81–87.
- Буркина Т.А. (2020). Научно-производственная кооперация в инновационной сфере // *Вестник евразийской науки*. Т. 12. № 6. С. 1–9.
- Гетман Б.М., Ненахова О.А., Чистова В.А. (2011). Коммерциализация инновационной деятельности и сущность инновационного предпринимательства // *Вестник Донского государственного технического университета*. Т. 11. № 5 (56). С. 758–767.
- Гребенникова В.А., Горлопан М.А. (2016). Развитие инновационной деятельности компаний в условиях финансовой нестабильности // *Juvenis Scientia*. № 3. С. 44–46.
- Гретченко А.А., Манахов С.В. (2011). Инновации в России: история, современность и перспективы // *Креативная экономика*. № 3 (51). С. 76–83.
- Иванов С.Л. (2021). Анализ сущности и состояния инновационного предпринимательства в условиях современной российской экономики // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. № 4 (32). С. 77–91.
- Иванов С.Л. (2022). Анализ экономико-правовых методов управления инновационным предпринимательством в регионе (на примере Вологодской области) // *Вопросы региональной экономики*. № 4. С. 29–36.
- Иванов С.Л. (2023). Направления развития инновационной деятельности в регионах с моноотраслевой структурой экономики // *Проблемы рыночной экономики*. № 1. С. 88–101. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-1-88-101>

- Кадакоева Г.В. (2014). Инновационное предпринимательство: сущность, типология и возможности развития в условиях Российских реалий // Вопросы инновационной экономики. № 2. С. 3–12.
- Клавдиенко В.П. (2022). Государственная поддержка исследований и инноваций в предпринимательском секторе: зарубежный опыт // Общество и экономика. № 9. С. 38–48.
- Малинина Т.Б., Лазарева Е.Н. (2021). Инновации как фактор укрепления конкурентоспособности региона // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. Т. 16. № 4. С. 1519–1523.
- Меньшов В.П. (2005). Стадии и модели инновационных процессов на промышленных предприятиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. № 1. С. 308–311.
- Никулина О.В., Козлов К.В. (2013). Актуальные проблемы инновационного развития компаний в современной России // Экономика и предпринимательство. № 2 (31). С. 173–178.
- Палкина М.В., Палкин А.Ю. (2016). Инновационное предпринимательство: понятие, сущность и специфика // Вестник ВСГУТУ. № 1 (58). С. 89–96.
- Ребязина В.А., Куш С.П., Красников А.В., Смирнова М.М. (2011). Инновационная деятельность российских компаний: результаты эмпирического исследования // Российский журнал менеджмента. Т. 9. № 3. С. 29–54.
- Севрюкова С.В., Бычкова К.О. (2020). Анализ инновационных показателей развития организаций регионального уровня // Актуальные вопросы современной экономики. № 1. С. 236–241.
- Стародубцева О.А., Попухина А.И. (2016). Проблемы и перспективы развития малого инновационного бизнеса в России // Научные исследования и разработки молодых ученых. № 9-2. С. 240–242.
- Теребова С.В., Борисов В.Н. (2019). Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научно-образовательном секторе России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 3. С. 55–76. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.4
- Трефилова И.Н. (2017). Тенденции и проблемы развития инновационной активности компаний в России: от инновационных бизнес-моделей к деловым экосистемам // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3 (105). С. 16–21.
- Тютюкина Е.Б., Абдикеев Н.М., Оболенская Л.В. (2017). Факторы, препятствующие инновационной активности российского предпринимательства: региональный аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 8. С. 3–13.
- Филиппова И.А., Красильникова Е.Э. (2017). Инновационно-импортозамещающий кластер в реалиях современной экономики России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 7 (352). С. 1283–1305.
- Янченко Е.В. (2023). Инновационная деятельность предприятий в условиях цифровизации экономики // Информатизация в цифровой экономике. Т. 4. № 3. С. 225–242. DOI: 10.18334/ide.4.3.118
- Blindenbach-Driessen F., Ende J. (2014). The locus of innovation: The effect of a separate innovation unit on exploration, exploitation, and ambidexterity in manufacturing and service firms. *Journal of Product Innovation Management*, 31(5), 1089–1105. DOI: 10.1111/jpim.12146
- Bogers M., Lhuillery S. (2011). A functional perspective on learning and innovation: Investigating the organization of absorptive capacity. *Industry and Innovation*, 18(6), 581–610. DOI: 10.1080/13662716.2011.591972
- Brenner T. (2020). The ETH innovation & entrepreneurship lab: Supporting young entrepreneurs. *CHIMIA*, 74(10), 768–770.
- Cuervo-Cazurra A., Un C.A. (2007). Regional economic integration and R&D investment. *Research Policy*, 36(2), 227–246. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2006.11.003>
- Dunning J.H., Narula R. (1995). The R&D activities of foreign firms in the United States. *International Studies of Management & Organization*, 25(1-2), 39–73. Available at: <https://doi.org/10.1080/00208825.1995.11656651>
- Garcia R., Calantone R. (2002). A critical look at technological innovation typology and innovativeness terminology: A literature review. *Journal of Product Innovation Management*, 19(2), 110–132. DOI: 10.1111/1540-5885.1920110
- Gerguri S., Ramadani V. (2010). The impact of innovation into the economic growth. *MPRA Paper*, 22270, 1–23.
- Grudu R. (2019). The role of innovative entrepreneurship in the economic development of EU member countries. *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation*, 15(1). DOI: 10.7341/20191512. Available at: <https://doi.org/10.7341/20191512>

jemi.edu.pl/vol-15-issue-1-2019/the-role-of-innovative-entrepreneurship-in-the-economic-development-of-eu-member-countries

- Guzman J., Joohyun Oh J., Sen A. (2020). What motivates innovative entrepreneurs? Evidence from a global field experiment. *Management Science*, 66(10), 4808–4819.
- Janssen M.J., Abbasiharofteh M. (2022). Boundary spanning R&D collaboration: Key enabling technologies and missions as alleviators of proximity effects? *Technological Forecasting and Social Change*, 180, 121689(1-14). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121689>
- Koschatzky K., Sternberg R. (2000). R&D cooperation in innovation systems – some lessons from the European regional innovation survey (ERIS). *European Planning Studies*, 8(4), 487–501.
- Mayhew J., Simonoff J.S., Baumol W.J., Wiesenfeld B.M., Klein M.W. (2012). Exploring innovative entrepreneurship and its ties to higher educational experiences. *Research in Higher Education*, 53, 831–859.
- Prange C., Schlegelmilch B.B. (2016). Towards a balanced view of innovations. *Management Decision*, 54(2), 441–454. DOI:10.1108/md-05-2015-0198
- Ravšelj D., Aristovnik A. (2019). The impact of R&D accounting treatment on firm's market value: Evidence from Germany. *The Social Sciences*, 14(6), 247–254.
- Ravšelj D., Aristovnik A. (2020). The impact of public R&D subsidies and tax incentives on business R&D expenditures. *International Journal of Economics and Business Administration*, 8(1), 160–179.
- Rocha C.F., Quandt C.O., Deschamps F., Philbin S. (2022). R&D collaboration strategies for industry 4.0 implementation: A case study in Brazil. *Journal of Engineering and Technology Management*, 63, 101675(1-14). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2022.101675>
- Tang L., Koveos P.E. (2004). Venture entrepreneurship, innovation entrepreneurship, and economic growth. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 9(2), 161–171.
- Ualzhanova A., Zakirova D., Tolymbek A., Hernandez G. de Velazco J.J., Chumacerio Hernandez A.C. (2020). Innovative-entrepreneurial universities in the post-modern world concept: Possibilities of implementation. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 8(1), 194–202.

Сведения об авторах

Семен Леонидович Иванов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Светлана Викторовна Теребова – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Ivanov S.L., Terebova S.V.

Innovative Entrepreneurship Development in the Region: Challenges and Ways to Address Them

Abstract. The entrepreneurship sector in a market economy is becoming a major driving force of innovative development. This is due to the fact that in a competitive environment, in order to maximize profit growth, an entrepreneur is forced to produce a more complex and innovative product. Thus, entrepreneurship is an “accelerator” of innovation activity. In this regard, special attention has recently been paid to the activities of innovative entrepreneurship. Research findings allowed us to conclude that at the moment there are a number of issues that hinder the development of innovative organizations. Accordingly, the presence of such challenges impedes innovative economic development. It is especially important to identify these problems at the present time, when innovation has become one of the main national priorities. The aim of the work is to identify problems in innovative entrepreneurship development at the regional level and find ways to solve them. The research methodology involves using various scientific

techniques: from general scientific to narrow ones. Special attention is paid to economic sociology methods (expert survey). Scientific novelty of the research consists in the development of tools that help to identify problems in the development of innovative organizations at the regional level. Practical significance lies in the fact that on the basis of the challenges identified, we propose directions to address them, which can be adopted by representatives of regional authorities in order to improve the innovation policy pursued in the region.

Key words: region, innovative entrepreneurship, development issues, questionnaire, tools, monitoring.

Information about the Authors

Semen L. Ivanov – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Svetlana V. Terebova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Статья поступила 30.06.2023.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10

УДК 314.012:330.1, ББК 60.7

© Ростовская Т.К., Ситковский А.М.

Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

**Арсений Михайлович
СИТКОВСКИЙ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: omnistat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8725-6580

Аннотация. В статье предпринята попытка разграничить множество смежных и созвучных фундаментальных демографических терминов, в том числе: демографическое развитие, демографическая политика, инструменты демографического развития (политики), механизм демографического развития (политики), демографический потенциал, демографическая устойчивость; а также акцентировать внимание на синтезе нового понятия – ресурсы демографического развития. С этой целью произведён обзор актуальных исследований отечественных и зарубежных авторов в области народонаселения, представлены их определения перечисленных терминов, выявлены общие и противоречивые черты понятий. Предпринята попытка критического осмысления и обобщения разрозненных подходов с целью систематизации и унификации терминологического аппарата исследований в области народонаселения. В ходе анализа авторами была обнаружена сущность, незримо присутствующая в терминологическом аппарате демогра-

Для цитирования: Ростовская Т.К., Ситковский А.М. (2024). Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 178–200. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10

For citation: Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. (2024). Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 178–200. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10

фического развития и демографической политики, но чётко не определенная. Для того чтобы ввести соответствующий термин, произведено сравнение толкований понятий «средство», «ресурс» и «потенциал». В результате наиболее точным термином для этого явления выбран «ресурс демографического развития». По итогу исследования и систематизации разрозненных подходов и уточнения значения отдельных составляющих предложено определение понятия «ресурс демографического развития» — совокупность имеющихся в распоряжении материальных и нематериальных средств, которые могут быть использованы для управления демографическими и миграционными процессами. Выявленное понятие, присвоенный ему термин и авторское определение должны лечь в основу исследований по новому научному направлению. В дальнейшем необходимо типологизировать ресурсы демографического развития, выявить и рассчитать их объёмы в России, оценить их достаточность, определить инструменты воздействия на отдельные ресурсы, рассмотреть необходимые и достаточные объёмы ресурсов, а также спроектировать механизм достижения и поддержания их необходимых объёмов на примере России.

Ключевые слова: демографическая теория, демографическая терминология, демографическое развитие, демографическая политика, ресурс демографического развития, демографические ресурсы, инструменты демографического развития, инструменты демографической политики, средства демографического развития, демографический потенциал, демографическая устойчивость.

Введение

Понятийный и терминологический аппарат любой науки — это основа осуществления научно-исследовательской деятельности. При этом именно в нем зачастую наблюдается путаница. Как указывает Л.Л. Рыбаковский, даже в трактовании «понятия» и «термина» есть различия¹. Обращаясь к теории методологии научного исследования, обратим внимание на логическую последовательность: явление — понятие — определение — термин. В первую очередь мы говорим о сущности, которая незримо присутствует и упоминается исследователями-демографами, но не артикулирована чётко, что будет продемонстрировано далее в статье. Данному явлению необходимо присвоить соответствующее понятие, поскольку оно объективно существует, а без должного осмысления не может стать объектом научного исследования. После осмысления объективного явления в качестве понятия ему необходимо дать определение и присвоить термин для применения исследователями в едином ключе и достижения должной научной строгости. В данной статье рассматриваются «ресурсы демографического развития» именно как инструментальное (прикладное, научное) понятие и термин.

Демографические процессы в широком смысле олицетворяют саму жизнь. В философском смысле демографическое развитие — это не только и не столько цель государственного управления, сколько вопрос сохранения самой жизни. Безусловно, целью существования любого государства является приумножение населения и его благосостояния. В современном мире демографическое развитие страны принято отождествлять с ее развитием в целом, так как демографические процессы отражают характер всей совокупности социо-эколого-экономических процессов государства. В российской управленческой практике сложилось чёткое представление о демографических процессах как об управляемых или, по крайней мере, направляемых государством. Попытки управления демографическими процессами в России в соответствии со сложившейся управленческой практикой выражаются в формировании комплекса соответствующих нормативных правовых актов.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 2 июля 2021 г. Указом Президента РФ², приоритетным национальным интересом страны (первым из

¹ Рыбаковский Л.Л. (2023). Миграция населения: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт. 480 с. URL: <https://urait.ru/bcode/515628/p.1> (дата обращения 25.09.2023).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения 22.07.2023).

перечисленных) названы «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Обеспечение стабильного демографического развития страны является предметом реализации не только Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, но и целого ряда стратегических документов. В Указе Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» среди наиболее значимых с точки зрения научно-технологического развития Российской Федерации больших вызовов указаны «демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения, что в совокупности приводит к новым социальным и медицинским проблемам»³. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁴, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁵, национальный проект «Демография»⁶ и ряд других государственных инициатив подчеркивают сложность и комплексность решаемых в данной сфере задач.

Методика исследования

Представленная статья является первой в цикле исследований, посвящённых вопросу определения и измерения ресурса демографического развития, который, в соответствии с авторским видением, выступает основой (источником) демографического развития. Понимание, определение и измерение ресурса

демографического развития положит начало исследованию возможностей управления им и его наращивания, что, в конечном счёте, должно привести к ситуации управления демографическим развитием.

Однако в попытках сформировать определение ресурса демографического развития при изучении источников литературы авторами было обнаружено существенное затруднение, которое стало проблемой данного исследования. Проблема состоит в разрозненности определений для одних и тех же понятий по тематике управления демографическими процессами.

Цель исследования заключается в критическом осмыслении и обобщении разрозненных подходов для систематизации и унификации терминологического аппарата в сфере управления демографическими процессами. В соответствии с целью произведён обзор литературы, для того чтобы наиболее полно представить многообразие применения терминов данной категории, а также синтезировать на их основе наиболее конкретные и непротиворечащие друг другу определения.

В выборку вошли понятия, которые авторы сочли существенными (фундаментальными) с точки зрения исследования управления демографическими процессами, которые в той или иной мере апеллируют к вопросу детерминант (ресурсов, источников, средств) демографического развития, вследствие чего являются синонимичными и отчасти взаимозаменяемыми.

В качестве базы для обзора использованы все источники литературы, к которым у авторов был доступ и в которых встречаются исследуемые понятия (демографическое развитие, демографическая политика, их инструменты, демографическая устойчивость, демографический потенциал, демографический ресурс и ресурс демографического развития) именно с точки зрения упоминания в тексте работы или в самом определении детерминант (ресурсов, источников, средств) демографического развития.

База для обзора сформирована именно исходя из цели исследования, а не в связи с предпочтениями авторов. В итоге она представлена в основном трудами наиболее известных исследователей-демографов современной России, поскольку изучаемая тематика является узкоспециализированной и редко встречается

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016. № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения 22.07.2023).

⁴ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4db4c33/> (дата обращения 22.07.2023).

⁵ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344> (дата обращения 22.07.2023).

⁶ Паспорт национального проекта «Демография». URL: <http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaehKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf> (дата обращения 22.07.2023).

в трудах неспециалистов. Кроме того, в статье представлен сравнительный анализ определенных понятий «ресурс», «средство» и «потенциал» из всех современных словарей, к которым у авторов был доступ и в которых содержались определения для данных понятий.

Исследование включало поиск необходимых, относящихся к тематике исследований определений и трактований понятий, вследствие чего было проанализировано множество источников, не вошедших в результаты исследования как не соответствующие предъявляемым авторами критериям.

Демографическая политика и её ресурсы

Перечисленные во введении документы в совокупности составляют содержание государственной демографической политики. Она, как и любая другая государственная политика, есть механизм достижения поставленных целей, необходимых для развития государства и общества. В данном случае мы говорим о достижении государственных целей в области демографии как отрасли знания или народонаселения как объекта политики. Классическое определение «демографической политики» гласит, что это «система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего, государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение в демографическом развитии страны (региона) поставленных целей» (Демография для практических..., 2014).

В представленном выше определении выделяются компоненты демографической политики: «идеи» и «средства». К сожалению, в последующих исследованиях авторов монографии предложенные компоненты не раскрываются. Очевидно, что для формирования качественной демографической политики необходимо осознавать не только её суть, но и содержание отдельных её компонентов. Обзор источников литературы показал отсутствие ответа на вопрос о том, что же является «средствами» демографической политики. По нашему мнению, вместо «концептуально объединенных средств» также можно использовать более ёмкую дефиницию «ресурс», к подробному толкованию которой мы перейдём далее в статье и которая во многом близка дефиниции «средства».

В труде «Практическая демография» под редакцией Л.Л. Рыбаковского указывается: «Комплекс мер демографической политики формируется по трем направлениям: повышению рождаемости и укреплению института семьи; улучшению здоровья и росту продолжительности жизни; обеспечению необходимого миграционного прироста и совершенствованию привлечения и использования трудовых мигрантов» (Практическая демография..., 2005). Из текста следует, что, по мнению авторов указанной монографии, ресурсы демографического развития также подразделены по направлениям. Первое направление включает денежные пособия, отпуска по беременности и родам, налоговые льготы, кредиты на приобретение и субсидирование арендного жилья, прочие меры (в т. ч. отсрочка от военной службы); ресурсы для второго направления — это меры по регулированию потребления алкоголя, по сокращению бедности и совершенствованию системы здравоохранения; для третьего направления — только нормативные правовые акты, регулирующие качество и интенсивность межгосударственных миграционных потоков.

О.Л. Рыбаковский и О.А. Таюнова отмечают: «Цели и системы мер демографической политики определяются господствующими идеологическими концепциями, особенностями сложившейся социальной системы, типом государственного управления, уровнем экономического развития и ресурсными возможностями, качеством жизни, культурными и религиозными нормами и традициями, стадией демографического перехода, предысторией тенденций, мер, а также катаклизмов в изучаемой территории» (Рыбаковский, Таюнова, 2019а). Здесь обращаем внимание на словосочетание «ресурсные возможности» демографической политики, которые также не раскрываются в тексте в дальнейшем. В работе авторы выделяют компоненты демографической политики: политика в области воспроизводства населения, миграционная политика, а также элементы идеологии, пропаганды и правового администрирования. Соответственно, в различных исследованиях так или иначе указывается на необходимость наличия «ресурсов» или «средств» демографической политики, но не определено, какой смысл вкладывается в данные дефиниции.

В англоязычной литературе реже используется словосочетание «demographic policy» («демографическая политика»), чаще применяется «population policy», что можно перевести как «политика в области народонаселения», но и как «демографическая политика». Рассмотрим несколько классических англоязычных определений. В соответствии с определением Эдвина Драйвера демографическая политика определяется как мера, формулируемая рядом социальных институтов, включая правительство, которая может влиять на размер, распределение или состав человеческой популяции (Driver, 1972). Согласно другому определению, это преднамеренная попытка национального правительства повлиять на демографические переменные, такие как рождаемость, смертность и миграция (Organski, Organski, 1961). По определению французского демографа Жана Буржуа-Пиша демографическая политика — это набор согласованных законов, направленных на достижение определенной демографической цели (Biurgeois-Richat, 1973). Таким образом, в англоязычной практике демографическая политика — это инструмент достижения поставленных управленческих целей с подчёркнутой ролью актора (национального правительства и т. п.). Ресурсом демографической политики, согласно данным определениям, являются нормативные правовые акты, управленческие воздействия.

В нашем понимании целью демографической политики в широком смысле всегда выступает достижение «демографической стабильности». Под демографической стабильностью понимаем «формирование таких качественных и количественных характеристик матримониальных, репродуктивных, самосохранительных и миграционных параметров, которые приводят к устойчивому состоянию и развитию демографических процессов, обеспечивающих естественное воспроизводство населения на уровне, отвечающем национальным интересам страны» (Ростовская, Золотарева, 2022). Ключевой составляющей демографической политики на национальном уровне является наличие ресурсной базы, которая включает в себя различные ресурсы демографического развития.

Демографическая стабильность — приоритет государственной политики, поскольку рост или, по крайней мере, сохранение численности населения являются залогом национальной безопасности, сохранения территориальной целостности и суверенитета, а также повышения статуса государства на международной арене. В экономическом смысле рост численности населения для развивающейся экономики — это ресурс интенсификации экономического роста. Достижение демографической стабильности выступает ответом на существующие демографические угрозы, такие как депопуляция, старение населения, демографическая экспансия и прочие. Однако в данный момент не существует чётко выявленных механизмов достижения демографической стабильности в России, как и в подавляющем большинстве развитых стран.

Демографическое развитие

Правительством РФ в 2001 году была утверждена «Концепция демографического развития РФ на период до 2015 года»⁷, а в 2007 году Указом Президента РФ — «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года»⁸. Таким образом, хотя новый документ не исключал действие предшественника, в нормативной правовой лексике понятие «демографическое развитие» было заменено на «демографическую политику», во многом тождественное, т. к. демографическое развитие — всегда цель демографической политики.

Существуют и иные трактовки такой смены понятий. Так, Л.Л. Рыбаковский и Н.И. Кожевникова указывают, что «развитие» относится к понятию «стратегия», а «политика» — к понятию «концепция», несмотря на то, что оба приведённых документа именуются концепциями. «Под развитием понимается либо усложнение объектов, либо увеличение их масштабов, либо то и другое одновременно». Целью демографического развития (на примере СССР), по мне-

⁷ О Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года: Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2001 года № 1270-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901797442?section=text> (дата обращения 22.07.2023).

⁸ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 22.07.2023).

нию авторов является «обеспечение устойчивой восходящей демографической динамики и осуществление неуклонного повышения в населении страны доли Сибири и Дальнего Востока» (Рыбаковский, Кожевникова, 2020).

В другой работе Л.Л. Рыбаковский и Г.Р. Хасаев дают развёрнутое определение понятия «развитие», в т. ч. с использованием толкований из словарей, разграничивают дефиниции «демографическое развитие» и «демографическая политика», «демографическая динамика» и «демографическая статика» (Рыбаковский, Хасаев, 2015). Предложено авторское толкование демографического развития, которое «состоит в обеспечении, прежде всего за счет воспроизводственной компоненты, восходящей динамики населения, необходимой для устойчивого повышения уровня заселенности страны, особенно её азиатской части, прироста трудовых, образовательных и воинских контингентов, обеспечивающих неуклонное наращивание социально-экономической и оборонной мощи государства». Важной деталью в понимании «развития» и «динамики» является определение направления движения, которое разными исследователями понимается по-разному. Мы солидарны с авторами вышеупомянутого источника, в котором сказано: «Динамику можно характеризовать как восходящую, когда увеличиваются масштабы явления, или как нисходящую, когда они уменьшаются, а также статическое. В отличие от динамики, развитие имеет лишь однонаправленный вектор, он нацелен в сторону увеличения масштабности явления» (Рыбаковский, Хасаев, 2015).

Одна из наиболее актуальных работ в области демографического развития опубликована С.В. Рязанцевым и Л.Л. Рыбаковским в «Вестнике РАН» (Рязанцев, Рыбаковский, 2021). Авторы не дают определения «демографическому развитию», но из текста публикации следует, что под ним понимается вся совокупность происходящих демографических процессов и тенденций определённой территории и в определённый период времени. Той же точки зрения придерживается авторский коллектив другой монографии: «Демографическое развитие России с позиции национальной безопасности — ключевая сфера государственного управления, которую Президент РФ определил как приоритетную» (Демографическое развитие..., 2022).

Существует множество иных трактовок демографического развития. Приведём некоторые из них. Например, И.Е. Калабихина пишет, что «демографическое развитие — это процесс эволюционных количественных изменений (воспроизводство населения) и революционных качественных изменений (движение по стадиям демографических переходов)» (Калабихина, 2009). А.А. Куклин, А.В. Черепанова и В.А. Черешнев под эффективным социально-демографическим развитием региона понимают «такое развитие социально-демографической системы, при котором в регионе обеспечивается оптимальность процессов воспроизводства населения за счет эффективного использования ограниченных социально-экономических ресурсов» (Черешнев и др., 2010). В.С. Стешенко полагает, что это «процесс сохранения меры народонаселения как достигнутого результата исторического прогресса» (Стешенко, 2013). В диссертации Ю.А. Прохорова под руководством В.А. Ионцева содержится следующее авторское определение: «Демографическое развитие — это как позитивные, так и негашёные изменения в количественных (численный и половозрастной состав населения, соотношение рожденных и умерших и ряд других показателей) и качественных (степень распространения вредных привычек, уровень социализации, отношение к образованию и культурным ценностям) характеристиках населения той или иной страны»⁹. Обобщая вышеизложенное, отметим: хотя понятие «демографическое развитие» имеет множество трактовок, они сходятся в том, что «развитие» — это процесс изменения, движения, относящийся к изменению численности населения.

В англоязычных источниках не обнаруживаем понятие «демографическое развитие», которое можно было бы перевести как «demographic development». Немногочисленные встречающиеся источники при ближайшем рассмотрении оказываются англоязычными публикациями русскоговорящих авторов (см. например, Ryazantsev, Rybakovskii, 2021; Manshin, Moiseeva, 2022). Исходя из приведённых русскоязычных

⁹ Прохорова Ю.А. (2015). Международная миграция населения в концепциях демографического перехода: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва. 28 с. URL: <https://new-dissert.ru/avtoreferats/01007980715.pdf> (дата обращения 04.10.2023).

определений делаем вывод, что наиболее близкими англоязычными терминами к «демографическому развитию» являются «population change» («изменение населения») или «population growth» («прирост населения»). «Population change» – это разница в численности населения между двумя моментами времени (Baker et al., 2017). В соответствии с другим определением термин «population growth» означает, как меняется численность населения с течением времени (Snider, Brimlow, 2013), т. е. то же самое, что и в предыдущем случае. Ещё более близким по смыслу термином выступает «population growth models» («модели прироста населения»), который также отождествляется с «demographic development», поскольку предполагает конкретизацию детерминант и акторов роста численности населения (Vagupal et al., 2019).

Если мы вернёмся к определению демографического развития за авторством Л.Л. Рыбаковского и Г.Р. Хасаева (Рыбаковский, Хасаев, 2015), то оно наиболее близко по смыслу к англоязычному определению «population growth». Ключевое отличие состоит в роли демографа. В отечественном понимании прослеживается субъектность исследователя, предполагается его влияние и управление демографическими процессами. В англоязычной практике наблюдаем некоторую отрешённость исследователя, который констатирует, но никак не управляет демографическим развитием (приростом населения). Кроме того, демографическое развитие в отечественной практике предполагает исследование не только количественных, но и качественных изменений популяции. В англоязычной практике этого не обнаруживаем.

Таким образом, под демографическим развитием мы понимаем процесс увеличения численности населения, нормализации его половозрастного состава, сокращения территориальных диспропорций в расселении народонаселения, укрепление института семьи и традиционных семейных духовно-нравственных ценностей, соответствие демографической динамики целям и задачам развития государства и общества. В качестве обозначения обратной ситуации во избежание дальнейших разночтений предлагаем научному сообществу использовать термин «демографическая деградация», который пока не имеет должного научного

осмысления, но зачастую встречается в научно-исследовательских публикациях (см., например, Баканов, 2017).

Инструменты демографического развития и демографической политики

Поскольку целью демографической политики России в широком смысле всегда является демографическое развитие, то в рамках статьи нами исследуются ресурсы, средства, инструменты, механизмы как демографической политики, так и демографического развития. В исследованных источниках на предмет «ресурсов» демографического развития, в т. ч. указанных ранее в статье, очевидно, присутствует некоторая терминологическая нестрогость. Под тем, что в указанных выше работах понимается под «средствами», иные авторы понимают «инструменты» демографической политики. Остановимся на инструментах подробнее, чтобы разграничить данные понятия.

Исчерпывающее определение инструментов в контексте государственной политики приводит О.Н. Басов: «Это устойчивое преднамеренное действие или последовательность действий (тактики, стратегии) актора, направленное на внешнюю среду (будь то социальная система или другие акторы) для её изменения запланированным данным актором образом» (Басов, 2020). Опираясь на данное определение, а также изложенное ранее в статье, заключим, что демографическая политика (развитие) достигает своей цели (демографической стабильности), применяя инструменты демографической политики к ресурсам (средствам) демографической политики. Применение инструментов к средствам является механизмом реализации демографической политики (механизмом демографического развития). Таким образом, понятие «инструменты» и «средства» (ресурсы) во многом синонимичны, но при более детальном рассмотрении становится видно, что инструменты используют средства (ресурсы).

Инструменты демографической политики подробно проанализированы в статье И.И. Матвиенко (Матвиенко, 2021). Автор выделяет три основных направления: инструменты стимулирования рождаемости; инструменты стимулирования здоровья граждан, нацеленные на укрепление здоровья и снижение смертности;

инструменты сбалансированности миграционных процессов. Подход схож с тем, что был описан ранее в статье под редакцией Л.Л. Рыбаковского, в котором перечисленное именовалось не «инструментами», а «комплексом мер». Далее И.И. Матвиенко выделяет пять групп инструментов демографической политики: 1) финансово-экономические, 2) организационные, 3) хозяйственные, 4) информационно-мотивационные, 5) нормативно-правовые. На наш взгляд, автор называет «группы инструментов», которые также могут быть осмыслены как «группы ресурсов демографической политики», что в очередной раз подтверждает сложность соотношения и диалектичность исследуемых дефиниций. Например, финансово-экономическим инструментом может быть пособие по беременности и родам, а финансово-экономическим — денежные средства федерального бюджета, направленные на выплату данного пособия.

Авторский коллектив РАНХиГС в работе, посвященной демографической политике и её инструментам (Хасанова и др., 2019), не даёт определения инструментов, но из содержания публикации следует, что под ними понимаются меры государственной поддержки отдельных категорий граждан (для улучшения рождаемости), совершенствование системы здравоохранения (для сокращения смертности) и инструменты привлечения трудовых мигрантов. Вновь прослеживается преемственность теоретико-методологического подхода Л.Л. Рыбаковского. Отметим также, что в работе довольно широко трактуется ресурс, который понимается не как источник достижения целей демографической политики, а как её результат: «качественный человеческий ресурс», «трудовая миграция — как ресурс», «ресурсы здравоохранения», «трудовые ресурсы». Таким образом, прослеживается диалектика ресурсов демографического развития, которые могут быть как ресурсом демографической политики, так и её результатом, т. е. ресурсом государства в достижении целей своего существования и развития.

В национальном демографическом докладе «Демографическое самочувствие регионов России» под редакцией д-ра социол. наук Т.К. Ростовской и д-ра экон. наук А.А. Шабунной (Демографическое самочувствие..., 2022) первый раздел посвящён инструментам регули-

рования демографического развития. В работе также не даётся определения инструментов демографического развития, но из содержания раздела следует, что авторы трактуют это понятие довольно широко и их можно охарактеризовать как любые мероприятия и усилия, направленные на демографическое развитие страны, включая развитие демографии как науки, методов сбора и анализа демографической информации, совершенствование подготовки кадров в области демографии и т. д. Здесь следует сказать, что перечисленное в работе скорее относится к инструментам реализации демографической политики либо к ресурсам демографического развития, однако, как уже продемонстрировано в статье, данные дефиниции крайне близки и их разграничение может быть весьма дискуссионным.

Следует также указать на диалектику понимания инструментов демографической политики, так как сама демографическая политика (или демографическое развитие) трактуется множеством авторов как инструмент. Например, А.Д. Гатин называет демографическую политику «инструментом формирования трудового потенциала региона» (Гатин, 2019). В статье Н.П. Неклюдовой высказывается и обосновывается тезис о том, что демографическое проектирование (как элемент демографической политики) является инструментом социально-экономического развития региона (Неклюдова, 2021). Н.В. Миронова рассматривает демографическую политику как инструмент обеспечения экономической безопасности России (Миронова, 2019).

Демографический потенциал

Ещё одним смежным фундаментальным демографическим понятием является понятие «демографический потенциал». Ранее в исследовании уже приводились определения потенциала. Было продемонстрировано, что «потенциал» и «ресурс» — крайне близкие по смыслу дефиниции, однако потенциал предполагает какой-либо субъект, в отношении которого он измеряется, также потенциал — это возможные средства, а не только имеющиеся в наличии. Однако не можем обойти стороной факт существования множества исследований в области демографического потенциала, вследствие чего необходимо разобрать данный термин более подробно.

Считается, что впервые понятие «демографический потенциал» ввел английский демограф Р. Фишер в 1920-х гг.¹⁰ Он рассматривал рождение человека как получение им жизни «в кредит», а последующее рождение собственных детей – как «выплату долга». Начало изучения жизненного потенциала связано с работой Л. Херша, миграционного потенциала – с трудами Дж. Стюарта, Дж. Зипфа, С. Стауфера и У. Изарда.

О.Л. Рыбаковский и О.А. Таюнова отмечают, что демографический потенциал – искусственное, инструментальное понятие, нужное для целей управления и прогнозирования. Их авторское определение гласит: «В узком смысле это потенциал воспроизводства населения, включающий лишь потенциалы изменений рождаемости и смертности. В широком смысле – это потенциал общего движения населения – потенциал воспроизводства населения и миграционный потенциал» (Рыбаковский, Таюнова, 2019b). В работе также приведена эволюция определения «демографический потенциал» и перечислены наиболее известные авторы и их трактовки, а также смежные понятия: «человеческий потенциал», «жизненный потенциал», «миграционный потенциал» и другие. В публикации отмечено, что авторы многих работ определяют демографический потенциал исходя из целей исследования, так или иначе сужая общее понятие до конкретных рамок объекта изучения.

В наиболее актуальной публикации О.Л. Рыбаковского за 2023 год, посвящённой глубокому анализу термина «демографический потенциал», находим следующие определения: «Демографический потенциал – обобщающий термин, включающий ресурсы и/или текущие и перспективные возможности и/или дополнительные резервы развития демографических процессов, протекающих на той или иной территории, а также (в случае с миграцией населения) и за её пределами, – в миграционно связанных с ней регионах. Демографические ресурсы – численность и демографические структуры населения территории. Демографи-

ческие возможности – уровни интенсивности демографических процессов территории и их демографические последствия, такие как изменения демографических структур. Демографические резервы – это перспективные возможные отклонения уровней интенсивности демографических процессов территории и их предполагаемых демографических последствий от «перспективных инертно» тенденций – под воздействием мер демографической политики, внешних и внутренних факторов» (Рыбаковский, 2023).

Известный уральский демограф А.И. Кузьмин в работе, посвящённой подходам к оценке демографического потенциала территории, под демографическим потенциалом понимает скрытые возможности, заложенные в структуре населения по различным демографическим признакам: «Демографический потенциал как синтетическая категория представляет собой не просто численность или массу населения страны или макрорегиона, а определённую систему оценки потенциалов его жизнеспособности, брачности, рождаемости, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры и территориальной подвижности населения (включая маятниковую миграцию)» (Кузьмин, 2016). В работе А.И. Кузьмина произведён анализ исследований, посвящённых изучению демографического потенциала, который позволил выявить два методологических подхода: с позиции количественных оценок и с позиции потенциала качества населения. Среди исследователей, использующих количественные оценки, было выделено 9 групп авторов, приверженцев следующих концепций: потенциал роста населения, описательная демография, потенциал оптимизации семейно-брачной структуры, потенциал жизнеспособности населения, потенциал живучести населения, потенциалы рождаемости (общей, брачной и внебрачной), гипотетический минимум естественной рождаемости, потенциал брачности населения, потенциал депопуляции. Среди исследователей, использующих качественные, – 6 групп: концепция демографического оптимума, концепция саморегуляции демографических процессов (гомеостаза), аксиологический подход, валеологический подход (социально-педагогический подход), гендерный подход, человеческий капитал (культурный капитал).

¹⁰ Эдиев Д.М. (2008). Теория и приложения демографических потенциалов: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук: 05.13.18. Москва: Вычисл. центр РАН. 36 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004057691.pdf (дата обращения 12.10.2023).

В научной литературе встречается множество трактовок понятия «демографический потенциал», во многом противоречащих друг другу, однако можно выделить и преемственность некоторых подходов. Например, коллектив авторов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики произвёл анализ подходов к определению демографического потенциала и пришёл к выводам, схожим с выводами А.И. Кузьмина. В работе не даётся определение демографического потенциала, но указывается, что «при оценке демографического потенциала территории предлагается рассматривать следующие характеристики: количественные — численность населения, половозрастная структура населения, естественное и механическое движение населения, продолжительность жизни, качественные — здоровье населения, образование, брачность и разводимость, этнокультурный и религиозный состав населения, демографические установки» (Смиреникова и др., 2018). Напротив, О.И. Евсеенко в диссертации понимает под демографическим потенциалом «численность части населения, характеризующейся высокой средней продолжительностью предстоящей жизни и потенциальной способностью к воспроизводству (дети)»¹¹. Коллектив авторов УрФУ отождествляет термины «человеческий капитал» и «демографический потенциал» и даёт следующее определение: «совокупность знаний, навыков и мотиваций человека, имеющих экономическую ценность» (Бедретдинова, Семененко, 2012). В исследовании коллектива Приамурского государственного университета под демографическим потенциалом региона понимается «взаимосвязь динамики численности населения территории, как в целом, так и в отдельных составляющих его социально-демографических групп, с уровнем воспроизводства (замещения) поколений» (Луценко и др., 2017).

В англоязычной литературе не используется термин «демографический потенциал» («demo-

graphic potential»). Наиболее близким по содержанию англоязычным термином выступает «demographic dividend» («демографический дивиденд»). Данный термин ввёл в научный обиход Эндрю Мэйсон, его определение гласит, что демографический дивиденд — это потенциал экономического роста, который может возникнуть в результате изменений в возрастной структуре населения, в основном когда доля населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) больше, чем доля населения нетрудоспособного возраста (14 лет и моложе, 65 лет и старше) (Mason, 1997). Данную терминологию активно использует UNFPA (Фонд ООН в области народонаселения)¹². В дальнейших исследованиях экономического эффекта изменения структуры населения был выделен «второй демографический дивиденд», который предполагает увеличение накоплений в экономике страны (пенсионном фонде и т. п.), связанное со старением населения и увеличением доли социальных иждивенцев (Acemoglu, 2013). Э. Мэйсон и Р. Ли пришли к выводу, что второй демографический дивиденд больше влияет на экономику, чем первый (Mason, Lee, 2004). Следовательно, отечественный термин «демографический потенциал» наиболее соответствует термину «первый демографический дивиденд» в англоязычной литературе. Основное отличие состоит в том, что в русскоязычной научной среде в понятие «демографический потенциал» вкладывается весь спектр ожидаемых демографических эффектов, преимущественно социальных и экономических, тогда как в англоязычной литературе принято рассматривать именно экономический эффект изменения структуры населения.

Таким образом, понятие «демографический потенциал» имеет настолько большое количество трактовок, что современные исследования на данную тему в большинстве случаев посвящены обзорам подходов и попыткам систематизации разнонаправленных дефиниций. Несмотря на обширный список источников литературы, демографическому потенциалу по-прежнему требуется фундаментальное осмысление и описание.

¹¹ Евсеенко О.И. (2002). Методологические основы оценки демографического потенциала региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / С.-Петербург. гос. инженер.-эконом. ун-т. Санкт-Петербург. 19 с. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/metodologicheskie-osnovy-ocenki-demograficheskogo-potenciala-regiona.html> (дата обращения 29.09.2023).

¹² Demographic dividend. UNFPA, 2024. URL: <https://www.unfpa.org/demographic-dividend#0> (дата обращения 10.02.2024).

Демографическая устойчивость

В зарубежной литературе не встречаем таких терминов, как «демографическое развитие» или «демографические ресурсы». Однако присутствует схожая по смыслу концепция «демографической устойчивости», которая также нашла отражения в трудах отечественных исследователей. Данная концепция продвигается ООН в рамках методологии устойчивого развития и как один из её компонентов — «устойчивое демографическое развитие» либо же просто «демографическая устойчивость» (англ. «demographic resilience»). Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) объявил 2022–2032 гг. десятилетием демографической устойчивости. В рамках данной инициативы выделены ключевые направления, актуальные на среднесрочную перспективу: демографическое старение населения; оживление сельских районов; поддержка рождаемости; достижение гендерного равенства и проведение семейной политики; поддержка устремлений молодых людей; финансирование социальной политики (Демографическое благополучие..., 2022).

В одном из стратегических документов ЮНФПА содержится следующая формулировка: «Демографическая устойчивость — это цель, которая включает в себя способность предсказывать демографические сдвиги, понимать их последствия и разрабатывать политические меры, основанные на фактических данных с учетом прав человека. Это означает переход от узких подходов, ориентированных только на численность населения, к комплексной демографической и социальной политике, направленной на обеспечение процветания и благополучия для всех»¹³. Из содержания программы следует, что демографическая устойчивость — это цель государственной демографической политики, ситуация увеличения численности населения в странах, столкнувшихся с депопуляцией. В данном контексте демографическая устойчивость носит не столько научно-методический характер, сколько политико-управленческий.

¹³ Программа демографической устойчивости для стран Европы и центральной Азии // United Nations Population Fund (ЮНФПА). Стамбул. 2022. 8 с. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/104_demographic_resilience_brochure_russian_r2.pdf#:~:text=Демографическая%20устойчивость%20-%20это%20цель%20С,процветания%20и%20благополучия%20для%20всех (дата обращения 13.10.2023).

Методология демографической устойчивости встречается не только в программных документах, в которых она зародилась как концепция, но зачастую и в научных публикациях. Приведём некоторые авторские определения. В публикации О.М. Роя изложено схожее по смыслу, но более конкретное и научнообразное определение: «Демографическая устойчивость территории является свойством локальных мест расселения, характеризующимся стабильными значениями динамики демографических показателей, отображающих высокую адаптируемость населения к условиям своего проживания» (Рой, 2018). По мнению Н.Н. Киселёвой, «демографическая устойчивость — это такое развитие демографических процессов и структур, которое позволяет территориям наиболее полно и эффективно выполнять свои внутренние и внешние функции в конкретных пространственно-временных условиях» (Киселева, 2008).

Демографическая устойчивость зародилась в рамках концепции устойчивого развития, которое также именуют устойчивым социолого-экономическим развитием. Если выделять три компонента устойчивого развития, то демографическая устойчивость будет отнесена к устойчивому социальному развитию как важнейший, но не единственный её компонент (Лазарева и др., 2017). В некоторых исследованиях указывается, что показатели демографической устойчивости включают не только количественные, но и качественные характеристики населения, такие как уровни образования, занятости, преступности и т. д. (см., например, Гайфуллин, 2016). Другие исследователи смещают акцент в сторону показателей системы здравоохранения, таких как инвалидизация, смертность от внешних причин, заболеваемость социально значимыми диагнозами, младенческая смертность и т. д. (см., например, Руднева, Соколов, 2023).

В англоязычной литературе, где зародился термин «демографическая устойчивость», он также активно используется в научных исследованиях. В статье коллектива, представляющего шесть ведущих мировых университетов в области демографии, содержится следующее определение: демографическая устойчивость — это присущая населению способность сопротивляться и восстанавливаться после потрясений (Capdevila et al., 2020). Другой международный коллектив отмечает,

что демографическая устойчивость отражает способность страны (или региона) обеспечивать количественное и качественное воспроизводство демографических структур в конкретных исторических, социально-экономических, правовых и природных условиях (Nikolaïets et al., 2023). Кроме того, демографическая устойчивость рассматривается как способность поддерживать долгосрочную тенденцию к увеличению численности населения (Colantoni et al., 2020).

Таким образом, несмотря на широкое использование концепции демографической устойчивости в научных исследованиях, она не имеет научной строгости и единообразного определения. Демографическая устойчивость – это некое желаемое состояние социально-экономической системы, которое трактуется различными авторами в зависимости от отрасли знания, применяемых методов и желаемого управленческого результата. Демографическую устойчивость нельзя охарактеризовать как состоявшуюся теоретико-методологическую концепцию, поскольку она зародилась и используется скорее как общественно-политический термин.

Определив и разграничив дефиниции «ресурс», «демографический ресурс», «демографический потенциал», «демографическое развитие», а также во многом синонимичные понятия «средства», «инструменты» и «потенциал», перейдем непосредственно к ресурсам демографического развития.

«Ресурс», «средство» и «потенциал»: содержание и разграничение понятий

С целью более корректного использования отдельных дефиниций требуется их более детальное рассмотрение. Сам термин «ресурс» встречается в различных энциклопедических изданиях, включается в понятийный аппарат многих областей знаний и трактуется по-разному, а также весьма синонимичен термину «средство». Кроме того, как в демографической, так и иной научной литературе широко используется термин «потенциал». Нас интересует этимология и современное значение дефиниции «ресурс», так как именно она предложена нами к более широкому использованию. Общепринятые и специализированные подходы к толкованию дефиниций «ресурсы», «средства» и «потенциал» изложены в *таблице*.

Обзор толкований дефиниций «ресурсы», «средства» и «потенциал» в энциклопедических изданиях и словарях

№	Определение			Источник
	ресурс	средства	потенциал	
1.	Средства, имеющиеся в наличии, но к которым обращаются лишь при необходимости	1. Реальные условия, возможности. 2. Духовные или физические качества человека, необходимые для чего-либо; способности. 3. Деньги, капитал.	Источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области	Современный толковый словарь (1997). Москва: Большая советская энциклопедия. С. 6110.
2.	1. Средство, к которому обращаются в нужном случае. 2. Запас или источник средств	1. Прием, способ действий для достижения чего-нибудь. 2. Предмет, приспособление (или совокупность их), необходимое для осуществления какой-нибудь деятельности.	Совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-нибудь	Ушаков Д.Н. (2014). Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. Москва: Дом Славянский книги. 960 с.
3.	1. Запасы, источники чего-нибудь. 2. Средство, к которому обращаются в необходимом случае (книжн.)	1. Прием, способ действия для достижения чего-нибудь. 2. Орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности.	Степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (2000). Толковый словарь русского языка / 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник. 940 с.

Окончание таблицы

№	Определение			Источник
	ресурс	средства	потенциал	
4.	Возможность, к которой можно прибегнуть при необходимости	1. Прием, способ действия для осуществления, достижения чего-либо. 2. То, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо.	Совокупность всех имеющихся возможностей, средств в какой-либо области, сфере.	Ефремова Т.Ф. (2005). Современный толковый словарь русского языка. Москва: АСТ. Т. 2. 1168 с.
5.	(От франц. ressource – вспомогательное средство) – денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов (например, природные ресурсы, экономические ресурсы)	–	Источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определённой цели, возможности отдельного лица, общества, государства в определённой области	Большой энциклопедический словарь (2002) / гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея». 1628 с.
6.	Денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов	1. Совокупность денег, кредитов, капиталов; орудия для осуществления какой-либо деятельности 2. Способы действия для достижения чего-либо.	Совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области	Большой экономический словарь (2002) / под ред. А.Н. Азриляна, 5-е изд. доп. и перераб. Москва: Институт новой экономики. 469 с.
7.	1. Средство, к которому можно обратиться в затруднительных обстоятельствах, выход, возможность. 2. Имеющиеся в наличии запасы, средства, которые используются при необходимости	1. Прием, способ действия для достижения чего-либо. 2. То, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо.	Совокупность всех средств, запасов, источников, которые могут быть использованы в случае необходимости с какой-либо целью.	Словарь русского языка (1999): в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 3. П–Р. 750 с. Словарь русского языка (1999): в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 4. С–Я. 797 с.
8.	Совокупность средств и источников их получения, возможных и доступных для использования при решении определенных и непредвиденных задач в режиме обычных, оптимальных и экстремальных условий относительно времени использования. Ресурсы включают запасы и резервы	–	–	Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь (2001) / под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. Москва: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика». 240. URL: https://www.urickiy.ru/files/docs/komchs/8.pdf (дата обращения 29.09.2023).
Источник: составлено авторами.				

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что ресурс (в широком смысле) — это что-либо, что может быть использовано для достижения определенной цели, для удовлетворения определенных потребностей. Кроме того, в толкованиях прослеживается, что ресурс — это всегда запас каких-либо природных, экономических и т. п. объектов, средств. Соответственно, когда мы говорим о ресурсах, то подразумеваем то, что уже есть в наличии, а не то, что можно создать или позаимствовать. В самом широком философском смысле ресурс — это любая сущность или явление, обладающие определенными возможностями (материальными, энергетическими или иными) и одновременно доступные для целенаправленного использования человеком. В более узком, государственно-управленческом смысле ресурс — это внутренние материальные и духовные резервы всех сторон и компонентов государства, основные источники для создания социально-экономического блага и обеспечения развития.

Близкой, но не идентичной по смыслу выступает дефиниция «средство», поскольку толкование «ресурса» в подавляющем большинстве случаев происходит с использованием понятия «средства», из чего делаем вывод, что оно используется как синоним. Исходя из исследования приведенных толкований, обобщенно можно заключить, что «ресурс» — это всегда «средство», но такое, которое имеется в наличии (запасе) и к которому прибегают в случае необходимости в достижении какой-либо цели. Исходя из этого, авторы предлагают использовать именно дефиницию «ресурс» в отношении демографического развития, поскольку полагают, что у современной России есть в наличии и запасе средства для демографического развития, а также потому, что существует объективная необходимость в достижении демографической стабильности (цель), которая пока не достигнута.

Кроме того, термин «потенциал», исходя из представленных определений, является практически идентичным термину «ресурс», но с небольшим отличием. Потенциал — это совокупность всех средств для достижения поставленной цели, в отличие от ресурса — не только имеющихся в наличии, запасе. Кроме того, по мнению Т.Н. Батовой и В.А. Крыловой,

принципиальным отличием между терминами «ресурсы» и «потенциал» является то, что ресурсы существуют независимо от субъектов деятельности, а потенциал от них неотделим (Батова, Крылова, 2016). Иными словами, демографический потенциал не может существовать сам по себе, он должен быть привязан к чему-либо: «демографический потенциал России», «демографический потенциал рождаемости», «демографический потенциал молодых семей» и т. д. Таким образом, «ресурс демографического развития» в отличие от «потенциала демографического развития», с одной стороны, является более широким термином, поскольку не привязан к субъекту управления, с другой стороны — более узким, поскольку предполагает только те средства, которые имеются в наличии.

Отметим также, что авторы настоящей статьи сознательно не приводят толкования дефиниции «ресурс», не относящиеся к тематике исследования. Помимо названных определений, под ресурсом понимается жизненная энергия человека («сотрудник в ресурсе», «исчерпал свой ресурс» и т. п.), в основном в исследованиях в области лидерства и психологии. Кроме того, под ресурсом зачастую понимается средство производства («материальные ресурсы», «денежные ресурсы», «ресурсы производства» и т. д.), данная трактовка характерна для экономических словарей и источников, связанных с бизнесом и промышленностью. Также под ресурсом в экологии понимается как возможность планеты поглощать экологический урон («ресурсы Земли»), так и источники энергии и других благ («возобновляемые ресурсы», «водные ресурсы» и т. п.). В англоязычной терминологии и связанной с ней IT-терминологии ресурс — это источник данных («электронный ресурс», «интернет-ресурс» и т. п.).

Ресурс демографического развития

Существующие подходы к определению дефиниции «ресурс демографического развития»

В научном сообществе нет единого мнения о том, что следует понимать под термином «ресурсы демографического развития». Например, о ресурсах демографического развития пишут Т.М. Смирнова и В.Н. Крутько (Смирнова, Крутько, 2011), демонстрируя взаимосвязь доли экономики, направленной на

человекоориентированные цели, и улучшения динамики демографических показателей. Таким образом, не давая определения, под ресурсами демографического развития России авторы понимают экономические ресурсы, которые могли бы быть направлены на совершенствование государственных систем здравоохранения и образования.

Новаторский теоретико-философский подход к определению ресурсов демографического развития предложил в своей статье А.Д. Шоркин (Шоркин, 2011). По его мнению, ресурсы демографического развития нужно понимать значительно шире, исследуя человека как часть ноосферы (по В.И. Вернадскому: «состояние биосферы», в котором инкорпорированы ведомые разумом человека его преобразующая и познавательная активность). На взгляд автора, ресурсы демографического развития включают в себя три компонента: материальные ресурсы (органические и неорганические вещества, их поля, а также разные виды энергии), темпоральные ресурсы (количество затраченного для достижения цели времени), символические ресурсы (уважение и доверие, красота и отвага, честность, ласка, похвала, любовь и т. д.).

Другой коллектив авторов (Калачикова и др., 2021) также не даёт определения ресурсов демографического развития, но очевидно понимает под ними совокупность демографических показателей, которые имеют опережающие темпы развития. В частности, авторы выделяют, что ресурсом демографического развития Беларуси является то, что средняя ожидаемая продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни в республике больше, чем в России. Кроме того, в ресурс демографического развития авторы включают «укрепление общественного здоровья, снижение предотвратимой смертности».

В одной из своих работ С.В. Рязанцев перечисляет ресурсы демографического развития, к которым, по всей видимости, относит меры государственного регулирования демографических и миграционных процессов, в частности создание баз данных по семьям, обращающимся в центры социальной помощи семье и детям; улучшение здоровья населения, увеличение продолжительности активной и здоровой

жизни, снижение смертности, прежде всего от внешних причин; стимулирование мобильности трудовых ресурсов, привлечение мигрантов необходимых категорий, привлечение образовательных мигрантов (Рязанцев, 2020).

В англоязычной литературе под демографическим ресурсом обычно понимают источники данных о народонаселении (см., например, Romazkin, Filippov, 2022), что обусловлено разницей в толковании слова «ресурс» (в России – «электронный ресурс» и т. п.), однако есть и исключения. Морис Гестхейзен и др. полагают, что степень образованности детей обусловлена наличием трёх типов ресурсов у их родителей: социально-экономических, культурных и социально-демографических. Под последними они понимают отсутствие социально-демографических отклонений в семье: нормальный контакт и достаточное взаимодействие между родителями и детьми; более одного ребёнка в семье, но не слишком много; полная семья (два родителя); своевременное рождение (не слишком юный возраст матери) (Gesthuizen et al., 2005).

Ознакомление с англоязычной литературой по теме демографического развития («demographic development») дало понять, что вопрос ресурсов либо источников, а также компонентов демографического развития не рассматривается. Прослеживается фундаментальная разница в понимании демографических процессов, как тех, которыми можно управлять – со стороны русскоязычного исследовательского сообщества, и тех, которые мы можем лишь наблюдать – со стороны англоязычного исследовательского сообщества. Вследствие этого не ставится вопрос о существовании демографических ресурсов или ресурсов демографического развития.

Обобщая немногие выявленные подходы к определению ресурсов демографического развития, приходим к выводу, что данное понятие практически не встречается в литературе, упоминается вскользь и в контексте исследований по недемографическим смежным направлениям. Очевидно, что авторы, использовавшие данную дефиницию, не вкладывали в неё особого смысла, не раскрывали её содержания. Мы полагаем, что это существенное методологическое упущение должно быть восполнено.

Авторский подход к определению дефиниции «ресурс демографического развития»

Авторы настоящей статьи преследуют практико-ориентированную цель: преодоление терминологической нестрогости в узкоспециализированных демографических дефинициях, восполнение терминологического упущения в развитии методологии управления демографическими процессами в части определения и конкретизации компонентов демографического развития. Множество исследователей, изучающих данную проблематику, предполагают наличие некоторых «ресурсов» или «средств» демографического развития (политики), но не раскрывают их содержания, что продемонстрировано в настоящей статье. Это порождает ситуацию, в которой в разных исследованиях и разными авторами под одними и теми же терминами подразумеваются разные их содержания. Обзор литературы позволяет заключить, что само существование «ресурсов демографического развития» предполагается различными авторами, однако их содержание остаётся неясным.

Как продемонстрировано ранее в таблице, «ресурсы» и «средства» являются синонимичными понятиями и часто используются в толковании друг друга. Оба термина означают некий источник, материальный или нематериальный, который может быть использован для создания или развития чего-либо. Основное отличие ресурса от средства заключается в том, что ресурс — это средство, которое имеется в наличии, запасе и которым можно воспользоваться при необходимости. Соответственно, средство — чуть более широкое понятие, поскольку включает в себя как накопленные ресурсы, так и потенциальные источники и возможности, т. е. всё, что может быть использовано для достижения поставленной цели. В данной статье мы говорим о демографическом развитии и предполагаем развитие именно России. Под средствами демографического развития предлагаем научному сообществу понимать более широкий круг детерминант демографического развития, включая нетрадиционные, этически-спорные, футуристические и т. д., то есть все имеющиеся ресурсы, а также виртуальные, теоретические, концептуальные и т. д.

Обобщая перечень вышеприведенных определений понятий «ресурсы», «средства», «демографическая политика», «демографическое развитие», «инструменты демографического развития (политики)», «демографический ресурс» и «ресурс демографического развития», следует отметить, что исследуемые категории имеют универсальный, многоаспектный и междисциплинарный характер, что позволяет авторам определиться с универсальной терминологией и предложить следующую формулировку понятия «ресурсы демографического развития» как объективного явления: **ресурсы демографического развития представляют собой совокупность имеющихся в распоряжении у акторов демографической политики материальных и нематериальных средств, которые могут быть использованы для управления демографическими и миграционными процессами с целью достижения демографической стабильности.** Дополняя универсальное понятие, чтобы сделать его инструментальным, отметим, что **ресурсы демографического развития** являются компонентом демографической политики и в совокупности с инструментами демографической политики образуют механизм демографического развития. Ресурсы демографического развития классифицируются в соответствии с детерминантами демографического поведения. Данное определение, на наш взгляд, очень точно соответствует нашему авторскому представлению о ресурсах демографического развития в контексте демографической стабильности как приоритета демографической политики Российской Федерации и может быть использовано в практике формирования государственной демографической политики, при формировании документов стратегического планирования.

Суммируем всё вышеизложенное для обоснования авторского видения и определения «ресурсов демографического развития». Во-первых, следует отметить и подчеркнуть, что в современной демографической науке исследователи могут придерживаться одной из двух противоречащих друг другу концепций. Первая состоит в убеждении, что демографические процессы — есть процессы управляемые. Приверженцы данной концепции, пускай неосознанно, ищут и выделяют детерминанты демографического поведения, а также инструменты

воздействия на эти детерминанты, с целью корректировки итогового демографического результата. Вторая концепция состоит в убеждении, что демографические процессы — результат всей совокупности сложных, порой непостижимых детерминант, вследствие чего демографические процессы не являются управляемыми. Приверженцы данной концепции убеждены, что демограф-исследователь — не управленец, а скорее математик-статистик, выявляющий математически верные закономерности и делающий выводы и прогнозы касательно безальтернативной демографической ситуации, которая должна наступить. При этом исследователи редко осознают свою приверженность первой или второй концепции и указывают это в тексте. Приверженцами первой концепции выступают, как правило, российские традиционно мыслящие исследователи-демографы, базирующиеся в старейших и наиболее авторитетных отечественных исследовательских институтах (системы РАН, МГУ, РАНХиГС и т. д.). Приверженцами второй выступают исследователи зарубежных стран (ВОЗ, Всемирный банк, ООН и т. д.), а также западно-ориентированные отечественные научные школы (ВШЭ, Сколково и т. д.). Авторы настоящего исследования являются приверженцами первой концепции, что само по себе определяет возможность поставленной исследовательской задачи — определения «ресурса демографического развития».

Предлагаемое определение ресурсов демографического развития, на взгляд авторов, носит общенаучный и универсальный характер. Соответственно, оно не имеет территориальной привязки и может быть использовано по отношению к любой стране. Однако, исходя из вышеизложенного, вынуждены отметить, что предлагаемое определение, как и весь научно-исследовательский подход, в большей степени релевантно для российской и постсоветской действительности. Для отечественной научно-исследовательской практики данное определение встраивается в общепринятые подходы, дополняет их, вносит необходимую научную строгость. При использовании его в отношении других стран необходимо транслировать всё понимание демографических процессов как управляемых, применять непринятые за рубежом понятия и инструменты, и только в таком случае это будет иметь смысл.

Во-вторых и следует из первого, вопрос определения детерминант демографического поведения тесно связан и взаимозависим с вопросом формирования демографической политики. Закономерным следствием определения детерминант и инструментов воздействия выступает их применение, что, в своей совокупности, является демографической политикой. Как было продемонстрировано в настоящей статье, большинство авторов при толковании демографической политики используют в определении, помимо прочих её компонент, «средства» или «ресурсы», которыми нужно обладать, чтобы иметь возможность осуществлять политику. Исследования демографической политики на сегодняшний день сосредоточены в основном на её инструментах, а также статистически значимых результатах. Соответственно, изучение и раскрытие ресурсов демографического развития — важная компонента исследований в области демографической политики.

Целью демографической политики, в соответствии с терминологией, устоявшейся в отечественной демографической литературе, всегда является демографическое развитие. Как продемонстрировано нами, а также намного более подробно Л.Л. Рыбаковским, «демографическое развитие» и «демографическая политика» — настолько близкие дефиниции, что в ряде случаев подменяют друг друга как синонимичные. Мы не ставим своей целью определить наиболее правильную или подходящую, а констатируем выявленную сложившуюся практику применения данных дефиниций. В таком случае, говоря о «ресурсах демографического развития», мы подразумеваем, что данное определение будет синонимично или полностью повторять оно для «ресурсов демографической политики». Демографическое развитие также понимается авторами по-разному: в соответствии с представленными выше концепциями, приверженцы первой, как правило, понимают под ним целенаправленные действия по приведению демографической ситуации к желаемой, приверженцы второй — подразумевают изменение демографической ситуации с течением времени. Безусловно, в рамках настоящей статьи мы говорим о демографическом развитии как о цели демографической политики, процессе положительных изменений в демографической ситуации.

В-третьих, для понимания ресурсов демографического развития как одного из компонентов демографического развития (политики) важно также определить другой его компонент — инструменты демографического развития. Поскольку данная тематика мало представлена в трудах исследователей-демографов, то обзор литературы показывает, что «инструменты» и «ресурсы» практически не разграничиваются и сливаются. На наш взгляд, инструменты демографического развития применяются к ресурсам демографического развития, что в совокупности представляет собой механизм демографического развития. Инструменты развития — это действия или последовательность действий, направленных на достижение цели. «Ресурс» и «инструмент» бывает сложно разграничить. Например, нормативный правовой акт в сфере стимулирования рождаемости — это ресурс или инструмент? На наш взгляд, это инструмент, а непосредственно денежные средства, выделенные для реализации мер стимулирования рождаемости, — это ресурс. Однако может быть и более сложный пример — люди. Поскольку население фертильного возраста воспроизводит новое население, то это инструмент, но, как показано ранее в статье, само по себе население, по мнению многих авторов, это ресурс. В данном случае прослеживается диалектика понятий.

В контексте исследования ресурсов демографического развития пришлось столкнуться с дефиницией «демографический ресурс». Разные авторы трактуют данную дефиницию по-своему. Толкования определяются отраслью знания, в рамках которой подготовлено исследование, использующее данную терминологию. Выделяются наиболее распространённые группы толкований демографического ресурса, которые понимают под ним «человеческий ресурс», «трудовой ресурс» и «мигрантов». В первом случае исследователи подразумевают само население как ресурс достижения определённых общественно значимых целей. Мерилом демографического ресурса в таком случае выступает общее количество населения. Во втором случае, поскольку речь идёт о достижении целей в области производства или экономики в целом, под демографическим ресурсом понимаются работники (трудоспособные) для конкретного объекта исследования (пред-

приятие, регион, государство). Исследователи-демографы и экономисты, придерживающиеся концепции необратимости и ненужности преодоления «второго демографического перехода», под демографическим ресурсом понимают мигрантов или только трудящихся мигрантов как источник населения, трудовых ресурсов и даже решения проблемы естественной убыли. На наш взгляд, всё перечисленное относится к понятию «демографический ресурс», с точки зрения демографической науки — это его элементы, с точки зрения достижения определённой исследователем цели — может быть население в любом своём проявлении и разрезе.

Следовательно, ресурс демографического развития — это ресурс достижения определённой цели: в широком смысле — достижения демографического развития (демографической стабильности). Демографический ресурс — это один из видов ресурсов в некоторой классификации ресурсов для достижения определённой исследователем цели. Разница между дефинициями проявляется в том, что «ресурс демографического развития» конкретен и может быть определён единообразно в соответствии с обозначенной целью — демографическим развитием. «Демографический ресурс», в свою очередь, может трактоваться многогранно, в зависимости от целей исследователя, отрасли знания и преобладающих теоретико-методологических концепций. На первый взгляд «демографический ресурс» и «ресурс демографического развития» созвучные, близкие дефиниции. Однако при ближайшем рассмотрении видно, что их содержание различно, они не являются синонимичными и не способны заменять друг друга. Если под демографическими ресурсами мы понимаем население в разных его проявлениях, то под ресурсами демографического развития — множество материальных и нематериальных средств достижения демографического развития, в том числе и население, но не всё и только как один из множества компонентов.

Заключение

В статье произведена попытка определения и разграничения перечня демографических терминов, относящихся к управлению демографическими процессами. Представлено авторское видение определения понятия «ресурсы демографического развития» и дано соответствующее обоснование. Ответ на вопрос о том, что

такое ресурс демографического развития, неизбежно влечёт за собой последующие: что входит в ресурс демографического развития, каким объёмом ресурса демографического развития обладает Российская Федерация, сколько его нужно, можно ли его наращивать и нужно ли, как его грамотно использовать и с помощью каких инструментов и т. д. Данные направления лягут в основу дальнейших исследований.

Развитие методологии и конкретизация понятий компонентов демографической политики способствуют повышению её качества, результативности. Конкретизация и институализация механизма демографической политики определяют возможность реального управления демографическими процессами и преодоления демографических проблем современной России.

Литература

- Баканов С.А. (2017). Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica*. № 5 (1). С. 74–85. DOI: 10.15826/qr.2017.1.211. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47077/1/qr_1_2017_05.pdf (дата обращения 29.09.2023).
- Басов О.Н. (2020). Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. № 1. С. 48–60. DOI: 10.35775/PSI.2022.77.1.030. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalnyu-podhod-k-analizu-politicheskikh-protsessov-v-kontekste-razvitiya-metodov-politicheskoy-nauki> (дата обращения 29.09.2023).
- Батова Т.Н., Крылова В.А. (2016). Маркетинговый потенциал предприятия: монография. Москва: Издательский дом Академии Естествознания. 234 с. URL: https://monographies.ru/docs/2016/09/file_57cd4655edfea.pdf (дата обращения 29.09.2023).
- Бедретдинова Е.О., Семененко В.В. (2012). Человеческий потенциал России: демографический аспект // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. № 7. С. 43–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-rossii-demograficheskii-aspekt> (дата обращения 29.09.2023).
- Гайфуллин А.Ю. (2016). Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // *Известия Уфимского научного центра РАН*. № 1. С. 104–109. URL: http://journal.ufaras.ru/wp-content/uploads/2021/12/izvestiya_1_2016_1-120.pdf (дата обращения 29.09.2023).
- Гатин А.Д. (2019). Демографическая политика как инструмент накопления трудового потенциала региона // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 1. С. 54–57. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10300. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-politika-kak-instrument-nakopleniya-trudovogo-potentsiala-regiona> (дата обращения 01.08.2023).
- Демографическое благополучие России (2022): национальный демографический доклад / отв. ред. С.В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. Москва: Перспектива. 108 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022. URL: <https://cloud.idrras.ru/wp-content/uploads/2022/11/ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ-БЛАГОПОЛУЧИЕ-РОССИИ-2022-ДОКЛАД.pdf> (дата обращения 29.09.2023).
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности (2022): монография / отв. ред. Т.К. Ростовская. Москва: Проспект. 264 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Demograf_razvitie_Rossii_monograf_2022.pdf (дата обращения 29.09.2023).
- Демографическое самочувствие регионов России (2022): национальный демографический доклад / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Москва: Перспектива. 220 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/demdoklad_demograf_samochuvstvie_regionov_2022.pdf (дата обращения 29.09.2023).
- Демография для практических работников (2014) / под ред. Л.Л. Рыбаковского. Москва: Экон-информ. 254 с.
- Калабихина И.Е. (2009). «Гендерный переход» и демографическое развитие // *Российский экономический интернет-журнал*. № 2. С. 540–554. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (дата обращения 29.09.2023).
- Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г. (2021). Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия // *Проблемы развития территории*. № 1. С. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-rossii-i-belarusi-v-xxi-veke-v-kontekste-vnedreniya-kontseptsii-aktivnogo-dolgoletiya> (дата обращения 29.09.2023).

- Киселева Н.Н. (2008). Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология, исследования, модели, управление. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 288 с.
- Кузьмин А.И. (2016). Основные подходы к оценке демографического потенциала территории // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 07–08 декабря 2016 года. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. С. 183–187. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47257/1/kuz-978-5-7444-3666-72.pdf> (дата обращения 04.10.2023).
- Лазарева В.В., Зинченко М.В., Власова Н.Ю. (2017). Демографический аспект устойчивого развития приграничных регионов // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (204). С. 23–28. DOI: 10.12737/article_59007c2fe62b16.92223984. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskiy-aspekt-ustoychivogo-razvitiya-prigranichnyh-regionov> (дата обращения 04.10.2023).
- Луценко Е.Л., Говако А.В., Голик А.С. (2017). Демографический потенциал территории как фактор сдерживания экономического развития // Наука Красноярья. № 6 (3). С. 68–82. DOI: 10.12731/2070-7568-2017-3-68-82. URL: <http://journal-s.org/index.php/nk/article/view/10142/pdf> (дата обращения 04.10.2023).
- Матвиенко И.И. (2021). Федеральные инструменты демографической политики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (66). С. 1–17. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-266-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-instrumenty-demograficheskoy-politiki> (дата обращения 31.07.2023).
- Миринова В.Н. (2019). Влияние демографической политики на обеспечение экономической безопасности России // Экономика. Налоги. Право. № 2. С. 31–39. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-31-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-demograficheskoy-politikina-obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения 01.08.2023).
- Неклюдова Н.П. (2021). Демографическое проектирование как инструмент социально-экономического развития региона // Human Progress. № 4. С. 1–8. DOI: 10.34709/IM.174.8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-proektirovanie-kak-instrument-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения 01.08.2023).
- Практическая демография (2005) / под ред. Л.Л. Рыбаковского. Москва: ЦСП. 280 с. URL: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2021/01/Практическая-демография-2005.pdf> (дата обращения 10.10.2023).
- Рой О.М. (2018). Демографическая устойчивость территории: методология оценки // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума, Екатеринбург, 08–09 июня 2018 года. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. С. 38–51. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/68266/1/978-5-94646-613-4_2018-1-03.pdf (дата обращения 04.10.2023).
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2022). Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. № 3 (76). С. 6–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-stabilnost-kak-prioritet-demograficheskoy-politiki-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 31.07.2023).
- Руднева О.С., Соколов А.А. (2023). Готовность регионов России к пандемии Covid-19 на основе демографической устойчивости и развития системы здравоохранения // Народонаселение. № 1. С. 160–171. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-regionov-rossii-k-pandemii-covid-19-na-osnove-demograficheskoy-ustoychivosti-i-razvitiya-sistemy-zdravoohraneniya> (дата обращения 04.10.2023).
- Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. (2020). Стратегия демографического развития России: её детерминанты и многовековой вектор // Уровень жизни населения регионов России. № 16 (4). С. 9–20. DOI: 10.19181/lspgr.2020.16.4.1. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vcugjournal/article/view/7624/7669> (дата обращения 10.10.2023).
- Рыбаковский Л.Л., Хасаев Г.Р. (2015). Стратегия демографического развития России, понятие и содержание // Народонаселение. № 2 (68). С. 52–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-demograficheskogo-razvitiya-rossii-ponyatie-i-soderzhanie> (дата обращения 02.08.2023).
- Рыбаковский О.Л. (2023). Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // Уровень жизни населения регионов России. № 19 (3). С. 319–326. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326 URL: https://inecon.org/docs/2023/02_319-326_Rybakovskii%20O.L.pdf (дата обращения 10.10.2023).

- Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019а). Демографическая политика: определение, структура, цели // Наука. Культура. Общество. № 1. С. 100–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-politika-opredelenie-struktura-tseli> (дата обращения 31.07.2023).
- Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019b). Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. № 2. С. 17–25. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskij-potentsial-iz-istorii-ponyatiya> (дата обращения 29.09.2023).
- Рязанцев С.В. (2020). Вторая волна депопуляции в России и активизация демографической политики // Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция, Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 года. Том 1. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр». С. 65–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44511526> (дата обращения 10.10.2023).
- Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. (2021). Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник РАН. № 91 (9). С. 810–820. DOI: 10.31857/S0869587321090085. URL: https://sciencejournals.ru/issues/vestnik/2021/vol_91/iss_9/Vestnik2109008Ryazantsev/Vestnik2109008Ryazantsev.pdf (дата обращения 10.10.2023).
- Смиренникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В. (2018). Обзор современных методических подходов к оценке демографического потенциала // Фундаментальные исследования. № 11-2. С. 307–313. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42342> (дата обращения 29.09.2023).
- Смирнова Т.М., Крутько В.Н. (2011). Человеческий потенциал России как критический ресурс и приоритетный объект модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. № 6-2. С. 280–287. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-rossii-kak-kriticheskiy-resurs-i-prioritetnyy-obekt-modernizatsii> (дата обращения 12.10.2023).
- Стешенко В.С. (2013). О содержании понятий «демографическое развитие» и «человеческое развитие» тождества и различия // Демография и социальная экономика. № 1. С. 5–16. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/nauka04.php> (дата обращения 29.09.2023).
- Хасанова Р.Р., Малева Т.М., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя. Эффекты, инструменты, новые цели. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 56 с. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-01/21-01-2018-Proaktivnaya-demograficheskaya-politika.pdf> (дата обращения 12.10.2023).
- Черешнев В.А., Куклин А.А., Черепанова А.В. (2010). Теоретико-методический подход к прогнозированию социально-демографического развития региона // Экономика региона. № 2. С. 38–46. DOI: 10.17059/2010-2-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskij-podhod-k-prognozirovaniyu-sotsialno-demograficheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения 02.08.2023).
- Шоркин А.Д. (2011). Общество в ноосферном ракурсе Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского // Социология. Педагогика. Психология. № 24 (63). С. 287–309. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-v-noosfernom-rakurse> (дата обращения 12.10.2023).
- Acemoglu D. (2013). When does labor scarcity encourage innovation? *Journal of Political Economy*, 118(6), 1037–1078. Available at: <https://economics.mit.edu/sites/default/files/publications/when%20does%20labor%20scarcity%20encourage%20innovation.pdf> (accessed: February 2, 2023).
- Baker J., Swanson D.A., Tayman J., Tedrow L.M. (2017). Basic demographic concepts. In: *Cohort Change Ratios and Their Applications*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-53745-0_2 (accessed: February 2, 2023).
- Barupal T. et al. (2019). Population. In: Vonk J., Shackelford T. (Eds.). *Encyclopedia of Animal Cognition and Behavior*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-47829-6_1577-1 (accessed: February 2, 2023).
- Bourgeois-Pichat J. (1973). *Main Trends in Demography*. London: Allen and Unwin. Available at: <https://archive.org/details/maintrendsindemo0000bour> (accessed: February 2, 2023).
- Capdevila P., Stott I., Beger M., Salguero-Gómez R. (2020). Towards a comparative framework of demographic resilience. *Trends in Ecology & Evolution*, 35(9). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001> (accessed: February 2, 2023).
- Colantoni A., Halbac-Cotoara-Zamfir R., Halbac-Cotoara-Zamfir C. et al. (2020). Demographic resilience in local systems: An empirical approach with census data. *Systems*, 8, 34. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001> (accessed: February 2, 2023).
- Driver E.D. (1972). *Essays on Population Policy*. Lexington: Lexington Books. Available at: <https://archive.org/details/essaysonpopulati0000driv> (accessed: February 2, 2023).

- Gesthuizen M., Graaf P.M.D., Kraaykamp G. (2005). The changing family background of the low-educated in the Netherlands: Socio-economic, cultural, and socio-demographic resources. *European Sociological Review*, 21(5), 441–452. DOI: 10.1093/esr/jci031. Available at: https://www.researchgate.net/publication/30483640_The_Changing_Family_Background_of_the_Low-Educated_in_the_Netherlands_Socio-Economic_Cultural_and_Socio-Demographic_Resources (accessed: October 12, 2023).
- Manshin R.V., Moiseeva E.M. (2022). The role of migration in the contemporary demographic development of Russia. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (Eds.). *Geo-Economy of the Future*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_65 (accessed: February 2, 2023).
- Mason A. (1997). Population and the Asian Economic Miracle. *Asia-Pacific Population & Policy*, 1-4. Available at: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstreams/59356ac7-395f-495d-b2e9-f72a9cf67012/download> (accessed: February 2, 2023).
- Mason A., Lee R. (2004). Reform and support systems for the elderly in developing countries: Capturing the second demographic dividend. *Genus*, 2, 11–35. Available at: <http://dx.doi.org/10.2307/29789308> (accessed: February 2, 2023).
- Nikolaiets K., Shkuropadska D., Lebedeva L. (2023). Ensuring the demographic resilience of the EU countries. *Foreign Trade: Economics, Finance, Law*, 6, 21–41. Available at: [https://doi.org/10.31617/3.2023\(131\)02](https://doi.org/10.31617/3.2023(131)02) (accessed: February 2, 2023).
- Organski K.F., Organski A.F.K. (1961). *Population and World Power*. New York: Knopf. Available at: <https://archive.org/details/populationworldp0000orga/page/n7/mode/2up> (accessed: February 2, 2023).
- Pomazkin D.V., Filippov V.A. (2022). Demographic resource for data analysis and visualization. *Population and Economics*, 6(3), 117–124. DOI: 10.3897/popecon.6.e81027. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365493624_Demographic_resource_for_data_analysis_and_visualization (accessed: October 12, 2023).
- Ryazantsev S.V., Rybakovskii L.L. (2021). Demographic development of Russia in the 20th–21st centuries: Historical and geopolitical dimensions. *Her. Russ. Acad. Sci.* 91, 516–524. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1019331621050075> (accessed: February 2, 2023).
- Snider S.B., Brimlow J.N. (2013) An introduction to population growth. *Nature Education Knowledge*, 4(4), 3. Available at: <https://www.nature.com/scitable/knowledge/library/an-introduction-to-population-growth-84225544/> (accessed: February 2, 2023).

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); профессор кафедры экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Арсений Михайлович Ситковский – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: omnistat@yandex.ru)

Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M.

Demographic Development Resources: On the Unification of Concepts in Demographic Research

Abstract. The article attempts to distinguish a variety of related and consonant fundamental demographic terms, including: demographic development, demographic policy, demographic development (policy) tools, demographic development (policy) mechanism, demographic potential, demographic resilience. We also focus on the synthesis of a new concept – demographic development resources. To this end, we make an overview of current demographic research by Russian and foreign authors, consider their

definitions of the above terms, and identify common and contradictory features of the concepts. We make an attempt to critically comprehend and generalize disparate approaches in order to systematize and unify the terminological framework of demographic research. During the analysis, we discover an entity that is invisibly present in the terminological framework of demographic development and demographic policy, but is not clearly defined. In order to introduce the appropriate term, we compare the interpretations of the terms “source”, “resource” and “potential”. As a result, we choose “demographic development resource” as the most accurate term for this phenomenon. Having systematized disparate approaches and clarified the meaning of individual components, we propose a definition for the term “demographic development resource” – it is a set of available tangible and intangible assets that can be used to manage demographic and migration processes. The identified concept, its term and the definition we propose should form the basis for research in a new scientific direction. In the future, it is necessary to typologize demographic development resources, identify and calculate their amount in Russia, assess their sufficiency, find the tools to influence individual resources, investigate the necessary and sufficient amounts of resources, as well as design a mechanism for achieving and maintaining their required amount, using the example of Russia.

Key words: demographic theory, demographic terminology, demographic development, demographic policy, demographic development resource, demographic resources, demographic development tools, demographic policy tools, demographic development sources, demographic potential, demographic resilience.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); professor at an economics department section, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Arseniy M. Sitkovskiy – Junior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: omnistat@yandex.ru)

Статья поступила 11.01.2024.

«Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы

**Валентин Геннадьевич
НЕМИРОВСКИЙ**

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: valnemirov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4076-465X; ResearcherID: G-3689-2015

Аннотация. В условиях социокультурной травмированности российского общества формируются специфические социальные типы личности, что актуализирует вопросы их изучения. Цель работы – анализ особенностей социального типа личности «человек избегающий». Методологической основой исследования выступают теории общества травмы (Дж. Александер, П. Штомпка, Ж.Т. Тощенко) и антропосоциокультурный подход (антропосоциокультурный эволюционизм; Н.И. Лапин). Использовались общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, индукция, формализация, идеализация, типологизация, обобщение, анализ научной литературы, вторичный анализ данных. Полученные результаты и новизна исследования состоят в следующем: впервые продемонстрирован эвристический потенциал использования теории общества травмы Ж.Т. Тощенко и антропосоциокультурного подхода Н.И. Лапина для разработки концепции социального типа личности «человек избегающий» в обществе травмы; показана возможность использования одного из важнейших защитных механизмов личности – избегания человеком пережитых им травмирующих ситуаций – как основания для выделения специфического социального типа личности «человек избегающий»; выделены его особенности, формирующиеся под влиянием общества травмы: высокая тревожность, отсутствие чёткого образа желаемого будущего, ценностные ориентации на материальное благополучие, карьеру, семью, здоровье, гедонизм, склонность к асоциальному поведению. Именно наличие посттравматической мотивации, лежащей в основе манифестируемых респондентом ценностных ориентаций,

Для цитирования: Немировский В.Г. (2024). «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 201–214. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11

For citation: Nemirovsky V.G. (2024). The “avoidant individual” as a social personality type in the Russian trauma society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 201–214. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11

выступает критерием отнесения личности к данному социальному типу. Результаты исследования могут быть использованы для развития социологических теорий личности, социологии культуры, социологии управления, социологии социальных изменений. Практическое значение имеет изучение распределения данного типа личности в различных социальных группах, странах и регионах страны. Одним из важных направлений будущих исследований выступает анализ влияния представителей данного типа личности на социальные процессы, происходящие в российском обществе.

Ключевые слова: антропосоциокультурный подход, теория общества травмы, Россия как общество травмы, социальный тип личности, «человек избегающий», «человек самореализующийся».

Введение

Актуальность исследования определяется важностью научного осмысления влияния интенсивной социокультурной турбулентности, происходящей как в России, так и вне её, на людей, живущих в нашей стране. Социокультурные и психологические последствия эпидемии COVID-19, проведения специальной военной операции и внешних экономических санкций носят мощный травматогенный характер. Перед отечественной социологией стоит целый комплекс задач по изучению последствий глубоких, подчас катастрофических, социальных изменений, с которыми Россия столкнулась не только в последние три с половиной десятилетия, но и на протяжении всего периода XX–XXI вв. Их результаты многообразны и далеко не всегда позитивно сказываются на ценностных ориентациях и других внутренних феноменах, лежащих в основе социальных типов личности россиян.

В социальных типах личности, которые формируются в том или ином обществе, концентрированно выражаются его основные черты, достоинства и недостатки, проявляются тенденции общественного развития, как положительные, так и негативные. Без учёта их представленности в различных социальных группах невозможно эффективное осуществление государственного управления на всех уровнях.

Актуализация этих вопросов также связана с возрастанием общественной потребности в человеческом измерении процессов, изучаемых социологией (Тощенко, 2012, с. 25). «Особую значимость среди новых явлений общественного сознания на современном этапе развития российского общества приобрела его травмированность, выражающаяся в расколе,

раздвоении, противоречивости конфликтности развития...» (Тощенко, 2015, с. 37).

Новая трактовка современной России как общества травмы требует обращения к анализу последствий такого состояния в человеческом аспекте, с социологических позиций — это, в частности, подробный анализ существующих социальных типов личности, ибо далеко не все из них исследованы достаточно подробно. При этом в изучении типов личности, которые обусловлены спецификой России, присущими ей как обществу травмы, на наш взгляд, существуют некоторые «белые пятна». В последнее десятилетие в актуальной социологической повестке весьма редко встречается анализ социальных типов личности современного российского общества, тем более в свете концепции общества травмы.

Под социальными типами личности в данной статье мы понимаем такие её типы, которые имманентны всему обществу травмы, независимо от социальной принадлежности индивида (разумеется, их распространённость в различных социальных слоях и группах неодинакова, однако изучение этого вопроса требует проведения специальных эмпирических исследований и выходит за рамки нашей статьи). Отсюда вытекает цель нашего исследования — проанализировать особенности социального типа личности «человек избегающий» в российском обществе травмы.

Проблема исследования: противоречие между результатами многочисленных исследований, согласно которым у людей, живущих в обществе травмы, действуют личностные защитные механизмы, влияющие на их ценностные ориентации и социальное поведение, с одной стороны, и отсутствием социологической интер-

претации этой информации в контексте формирования специфического социального типа личности.

Предмет исследования – особенности социального типа личности «человек избегающий» в российском обществе травмы. *Объект исследования* – социальные типы личности, формирующиеся в современной России в контексте её принадлежности к обществам травмы.

Методология исследования

Методологической основой работы выступают теории общества травмы (Дж. Александер, П. Штомпка, Ж.Т. Тощенко) и антропосоциокультурный подход (антропосоциокультурный эволюционизм; Н.И. Лапин).

Концепт «общество травмы» в последние десятилетия стал уже привычным в среде социологов: «Собственно теории травмы, применяемые к анализу социетальных и социальных реалий, появились в конце XX – начале XXI в., что их авторы связали с нелинейным развитием социума» (Кравченко, 2020, с. 61). К числу этих учёных следует отнести Дж. Александера и П. Штомпку, на работы которых (как и ряда других зарубежных и отечественных социологов) опирается макросоциологический подход Ж.Т. Тощенко, согласно которому происходящие в мире изменения становятся всё сложнее описывать с помощью категорий «эволюция» и «революция»; автор вводит понятие «общество травмы», подробно описывая его отличительные особенности (Тощенко, 2020). В соответствии с его новаторским тезисом «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путем, обусловленным социальной травмой в ее развитии» (Тощенко, 2020, с. 11).

В контексте цели нашего исследования важным представляется сформулированное Ж.Т. Тощенко положение, в соответствии с которым «в обществах травмы велико влияние эгоистических и групповых интересов» (Тощенко, 2020, с. 55). Логичен его вывод: «Травму России нанесли те группы, которые по недоразумению называют элитой» (Тощенко, 2020, с. 60).

В настоящей статье мы опираемся на антропосоциокультурный подход (антропосоциокультурный эволюционизм), созданный Н.И. Лапиным (Лапин, 2018). Учёный использует понятие «общество травмы» применительно к России, анализируя факторы, порождаю-

щие травмы как у населения страны в целом, так и у жителей различных регионов (Лапин, 2021a).

Следует отметить, что в отличие от Ж.Т. Тощенко Н.И. Лапин рассматривает «процесс травмирования» российского общества в более широком временном диапазоне, начиная от истоков российской государственности. Согласно его суждению, основной источник травмы «...– это государство. Следовательно, мы имеем общество, травмируемое его государством»¹.

В одном из своих последних докладов Н.И. Лапин отмечает: «Синтезирующий характер идентификации индивида с множеством других членов данного общества означает его идентификацию, или выбор стратегии взаимодействия с **обществом**, в котором он существует и с членами которого взаимодействует. Это – **базовое взаимодействие** людей. Смыслы этих обобщенных взаимодействий предлагаю характеризовать как **гражданско-общественную культуру** массовых взаимодействий населения с обществом как целым, которая влияет на различные виды деятельности людей. Имеются разные типы этой культуры, со своими своеобразиями в каждой цивилизации, общественно-стране» (Лапин, 2021b, с. 5–6).

Вводя понятие «гражданско-общественной культуры», Н.И. Лапин характеризует далее её как «...**рутинную, симбиозно-травмогенную**» (выделено Н.И. Лапиным – В.Н.), определяя в качестве источника культурных травм (Лапин, 2021b, с. 5).

Учёный делает вывод: «Результатами такой культуры стали многие социокультурные травмы населения, общества, государства, которые создавали и продолжают создавать опасные риски для существования России и угрозы для успешных ее ответов на новые большие вызовы» (Лапин, 2021b, с. 6).

Таким образом, приведённые выше труды видных российских учёных ориентируют нас на анализ современного российского общества как «общества травмы», которому присущи серьёзные конфликты и противоречия; одним из их основных источников выступает «рутинная

¹ Общество травмы: между эволюцией и революцией. Материалы ученых записок (2020). Вып. 8 / руководитель научно-издательского проекта М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. 64 с. С. 25.

симбиозно-травмогенная» культура, связанная с характером идентификации людей, взаимодействия между социальными группами и индивидами.

Подчеркнём, что анализ социальных типов личности невозможен без обращения к междисциплинарному подходу. Как справедливо отмечает С.А. Кравченко, в настоящее время «...возникает иной тип междисциплинарности, предполагающей возможность суммировать и использовать результаты отдельно взятых монодисциплин; его можно назвать результирующей междисциплинарностью» (Кравченко, 2020b, с. 19). Соответственно, широко используется такой метод, как вторичный анализ данных социологических и психологических исследований.

Обзор литературы

Разработка и изучение различных социальных типологий (в т. ч. и личности) является одним из важных направлений современной социологии. Например, данная тема детально рассмотрена в монографии известных российских авторов (Типологический анализ..., 2023). В наиболее широком смысле социальным типом личности можно назвать устойчивую совокупность признаков, характеризующих её как представителя определённой социальной общности в конкретную эпоху (Немировский, Невирко, 2008).

Исследованию социальных типов личности, которые существуют в современной России, посвящено немало публикаций. Однако присутствует тенденция к «повторению пройденного». Например, в социологической литературе продолжается начатое в 90-х годах обсуждение соотношения среди населения страны групп с ориентациями, которые порождены ещё советской эпохой, с одной стороны, и «рыночно-демократическими» чертами личности — с другой, а также их роли в общественной жизни.

Существуют разнообразные, ставшие классическими, типологии личности, основанные на философских, социологических, психологических, социально-антропологических теориях (А. Адлер, Р. Дарендорф, А. Кардинер, А. Маслоу, Р.К. Мертон, Дж. Мид, Э.Д. Рисмен, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Шпрангер, К.Г. Юнг и др.). Многие из используемых в социологии типологий личности носят комбинированный, междисциплинарный характер.

Рассматривая отечественную традицию исследований этого вопроса, нельзя не упомянуть известную работу Г.Л. Смирнова, которая стала своего рода нормативным ориентиром для авторов, изучавших социалистическую действительность в 1970-е — 1980-е годы (Смирнов, 1971). Впоследствии значимый вклад в понимание сущности социального типа личности, сформировавшейся в социалистическом обществе, внёс Ю.А. Левада, исследования которого не потеряли своей актуальности до настоящего времени (Левада, 1995).

В современной российской социологической литературе практически общепризнано, что существующая в обществе социальная типология личности в первую очередь отражает его социальную сущность: «Социально-характерологические черты личности ... обусловлены системой общественных отношений, особенностями культуры, положением индивидов в социальной структуре общества»².

Вместе с тем некоторые научные публикации на эту тему страдают умозрительностью. Например, Г.И. Колесникова, опираясь на концепцию цивилизационных типов личности П. Сорокина, логично выделяет три социальных типа: восточный (созерцательный), западный (рациональный), российский (эмоциональный), указывая, что «...в современном российском обществе одновременно сосуществуют два социальных подтипа личности: ориентированный на традиционные ценности и с доминантой к ценностям западным» (Колесникова, 2018, с. 45). При этом данная типология, на наш взгляд, не учитывает всю сложность палитры социальных типов современного российского общества, игнорируя происходящие в нём противоречивые процессы, в т. ч. его социокультурную «травмированность».

Другим примером является известная модель, автор которой, выделяя семь социальных типов личности, полагает, что «...для простоты можно ограничиться четырьмя типами: гармоничный деятель, эгодеятель, служитель и игрок». В эту синтетическую типологию включён также критерий «осознанности»: «Основные социальные типы личности способны эволюционировать в зависимости от осознанности

² Ядов В.А. (2014). Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов и др. М. С. 454—455.

собственной деятельности и нравственного выбора» (Смирнов, 2011, с. 117). Обладая определённой научной логичностью, авторские построения слабо связаны как с действительностью, в котором мы живём, так и с практикой социологических исследований, ибо их эмпирическая интерпретация крайне затруднительна, если вообще возможна.

Опираясь на теорию общества травмы, разработанную Ж.Т. Тошенко, Ю.Г. Волков анализирует объективные процессы и события в жизни российского общества, послужившие факторами формирования социокультурных травм. По его мнению, наиболее масштабные из них носят зачастую геополитический характер (Волков, 2022). Автор высказывает справедливый тезис: «Социальные и культурные травмы препятствуют и формированию креативного типа личности...», «... Сформировать такую личность под гнетом травматичных представлений и образов, вне здоровых горизонтальных социальных связей, атмосферы взаимного доверия, в ситуации острого социального и имущественного неравенства просто невозможно» (Волков, 2022, с. 21).

Однако в отечественной социологической литературе в целом отсутствует анализ специфических особенностей социального типа личности, характерного для общества травмы.

При этом в российской психологической науке опубликован ряд исследований, посвящённых развитию личности в травмирующей ситуации. Так, в статье А.И. Красилов анализируется индивидуально-общественная форма психологической травмы (Красило, 2021). Представители этой науки активно рассматривают влияние травматического опыта пандемии COVID-19 на психоэмоциональное состояние и другие психологические особенности людей (Исаева, Сутаева, 2021; Нестик, Журавлёв, 2021) и др. Целый ряд публикаций посвящён травматизации личности в процессе военных конфликтов (Бойко, Новикова, 2019), их влиянию на психологическое состояние общества (Нестик, 2023). Хотя в них не идёт речь о социальных типах личности, полученные данные целесообразно учитывать при анализе социально-психологических механизмов формирования типа личности «человек избегающий».

Вместе с тем нельзя не учитывать, что существует широкий круг англоязычных публикаций, в которых анализируется влияние разного рода социокультурных травм (в т. ч. исторических, психологических) с позиций социологии и смежных научных дисциплин на те или иные личностные конструкты.

На наш взгляд, ключевым для понимания специфики социальных типов личности в обществах травмы выступает понятие «комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (комплексное ПТСР)»; согласно определению, сформулированному авторами статьи, опубликованной авторитетным научным журналом «The Lancet», это «тяжелое психическое расстройство, возникающее в ответ на травмирующие жизненные события. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство характеризуется тремя основными кластерами посттравматических симптомов, а также хроническими и распространенными нарушениями регуляции эмоций, идентичности и взаимоотношений» (Maercker et al., 2022).

Так, на основании метаанализа и данных 19 исследований (5971 человек) была установлена связь всех черт темперамента с симптомами посттравматического стрессового расстройства независимо от пола людей, типа исследования, типа травмы, показателя темперамента и времени, прошедшего после травмы (Cunjak-Cieciuga, Zawadzki, 2021).

В последние годы опубликованы результаты междисциплинарных эмпирических исследований, которые посвящены анализу изменений, возникающих в личности под влиянием различных видов социокультурных травм, например межпоколенческой культурной травмы, связанной с геноцидом армян (Mangassarian, 2016). Изучаются также посттравматический стресс, готовность к прощению и смысл жизни «у жителей регионов, переживающих продолжающееся насилие (Ближний Восток), насилие в недавнем прошлом (Африка), насилие и бедствия в далеком прошлом (Кавказ) и недавние стихийные бедствия (Карибский бассейн) (Tummala-Narra, 2022) и др. Характерно, что в некоторых междисциплинарных исследованиях травма рассматривается как коллективное заболевание и первопричина затяжных социальных конфликтов (см., например, Rinker, Lawler,

2018 и др.). По мнению А.М. Subica и В.Г. Link, «после культурной травмы пострадавшие группы оказываются в социально невыгодном положении и подвергаются всепроникающему стрессу, стигматизации и ограничению ресурсов, что закрепляет неравенство в отношении здоровья». Соответственно, культурная травма может представлять собой неизученную фундаментальную причину социального неравенства в отношении здоровья (Subica, Link, 2022).

В последние годы нередко делается акцент на путях преодоления последствий социокультурных травм для человека. Например, Т. Glebova, С. Knudson-Martin проанализировали проблему влияния социокультурной травмы на личность человека в контексте несправедливости, связанной с тоталитаризмом, войной и сопутствующими лишениями, рассмотрев в данном контексте практические способы преодоления таких травм (Glebova, Knudson-Martin, 2023).

Рассматриваются также результаты социокультурных травм в современной России и некоторых других постсоветских странах. В частности, Е.В. Miskova на основе автоэтнографической методологии изучала последствия исторических и культурных травм, пережитых за последнее столетие несколькими поколениями семей в России. К подобным событиям автор относит «войны, репрессии и радикальные социально-экономические и политические изменения, произошедшие за последние три десятилетия после распада Советского Союза». В статье показаны способы преодоления старых травм и внутренних конфликтов в контексте вызванных ими текущих социальных проблем, таких «как низкое институциональное и межличностное доверие, гендерное и поколенческое неравенство, а также коллективные эмоциональные процессы отрицания, потери и вины» (Miskova, 2023, p. 31).

Опираясь на результаты опросов, проведённых «в октябре и ноябре 2014 г., до начала студенческих протестов и Евромайдана в Украине» (Długosz et al., 2020, p. 18) по репрезентативным выборкам в постсоветских странах, относящихся к «обществам травмы»: России (N = 992), Беларуси (N = 1034), Молдове (N = 970) и Украине (N = 1000), польский исследователь установил, что адаптации людей к изменениям в постсоветских обществах способствует мо-

лодой возраст. Молодое поколение имело более высокий уровень счастья, лучше оценивало свое материальное положение, свое положение в социальной иерархии и перспективы на будущее. Наиболее высокий уровень удовлетворенности демократией отмечен в Беларуси и России. «Россияне и белорусы, а затем молдаване расположились на высоких позициях в континууме адаптации к социальным изменениям, а украинцам удалось адаптироваться к системе в самой низкой степени» (Długosz et al., 2020, p. 9). Кыргызстан, включённый в последние десятилетия в сложные переходные процессы, также является «обществом травмы», что «отражается на особенностях массового сознания и личности» (Сорочайкина, 2020, с. 116).

В целом исследования различных авторов показывают, что в обществе травмы, существующем в разных странах мира (и российский социум не является исключением), складываются существенно искажённые типы личности.

Результаты исследования

Логично возникает вопрос о специфике социальных типов личности, формирующихся в обществе травмы. Традиционно одним из основных критериев социальной типологизации личности выступают ее ценностные ориентации. Следует согласиться с мнением, согласно которому «социальный тип личности зависит от того, каков сам социум, и в особенности — каковы его приоритетные ценности» (Волков, 2021, с. 18). При этом именно они в социологии являются важными индикаторами последствия травмированности общества (разумеется, можно говорить также о потребностях, разного рода эмоциональных феноменах, как, впрочем, и о самом социальном поведении человека).

В социологических исследованиях обычно определяется ценность, к реализации которой стремится респондент. Думается, что представление о том, что мотивация социального поведения может быть основана только на стремлении к реализации тех или иных ценностей, является несколько упрощённым. Оно не учитывает существование значительного спектра поведенческих мотиваций, основанных не на *стремлении* к реализации социальной ценности, а опирающихся на *избегание* возможного повторения каких-либо негативных травмирующих человека событий и их последствий. Череда социокультурных травм и катастроф:

война в Афганистане, развал Советского Союза, боевые действия в «горячих точках» на границах страны, две Чеченские войны, война в Грузии (2008 г.), боевые действия на Донбассе, пандемия COVID-19, СВО породили в стране интенсивную социокультурную турбулентность. Широкое распространение получили состояния аномии, эксклюзии, стресса, фрустрации, депривации и связанная с ними *посттравматическая мотивация*, в наиболее общем виде основанная на стремлении человека избежать повторения травмирующей ситуации и её последствий.

Соответственно, в обществе травмы можно выделить два вида социальной мотивации, которые лежат в основе соответствующих типов личности: а) направленную на самореализацию и б) посттравматическую, вытекающую из желания избежать повторения травмирующей ситуации.

Первый из них включает ориентации на любые ценности, которые рассматриваются человеком как способ самореализации. Это могут быть, например, творчество, профессиональная деятельность, семья и т. п. Логично определить такой тип как «человек самореализующийся».

При этом общество травмы массово порождает социальный тип личности, в основе поведения которого лежит стремление под действием механизма психологической защиты *избежать* повторения пережитых разнообразных социокультурных, психологических травм, любого негативного жизненного опыта (и его последствий), полученного не только в период социализации, но и в любой последующий период жизни человека³. Соответственно, это «человек избегающий». О принадлежности к нему могут свидетельствовать, например, ориентации на ценности «власть», «безопасность» или «свобода», «богатство», которые в той или иной мере отражают испытываемый

³ Существуют и другие психологические защитные механизмы, однако именно избегание, на наш взгляд, может выступать основанием для выделения специфического социального типа личности в обществе травмы. Иные защитные механизмы личности (например, сублимация, вытеснение и др.) гораздо менее значимы для формирования общественно значимых ценностных ориентаций человека, детерминируя его поведение, главным образом, на межличностном уровне. Подробное обоснование этого факта выходит за рамки данной статьи.

человеком дефицит ощущения безопасности. Так, в основе ориентации на богатство часто лежит стремление *избежать* повторения негативных переживаний, порождённых уже испытанными (или увиденными) когда-либо нищетой или бедностью. Стремление человека к власти в большинстве случаев выражается в реализации травмированного чувства безопасности. Если в процессе социализации (чаще на ранних стадиях) человек утрачивал контроль над собственной жизнью, в дальнейшем он пытается обрести максимум власти над окружающими людьми любыми способами. Соответственно, её достижение выступает средством избегания негативных переживаний, которые проявляются в таких хорошо регистрируемых социологическими методами феноменах, как тревожность, разного рода социальные страхи и риски. Компаративный анализ данных, полученных в России в целом и нескольких её регионах по методике, разработанной под руководством Н.И. Лапина, показал, что любые социальные страхи выступают мощным фактором социокультурных деформаций таких важных характеристик жизненного мира человека, как локус контроля, степень пессимизма/оптимизма и удовлетворённость жизнью (Немировский и др., 2018). Одним из важных показателей травмированности российского общества является состояние тревожности, о чём свидетельствуют различные опросы жителей страны⁴. Сказанное относится и к депрессивным состояниям. Опрос, проведенный Институтом психологии РАН совместно с ВЦИОМ в сентябре 2023 года, показал, что **клинический** (выделено мною – В.Н.)

⁴ В результате еженедельных замеров общественного мнения в течение последнего года (декабрь 2022 – декабрь 2023 г.) на вопрос «Какое настроение, по Вашему мнению, преобладает сегодня среди Ваших родных, друзей, коллег, знакомых – спокойное или тревожное?», значительная доля респондентов (от 39 до 47%) выбрали вариант ответа «тревожное» (Факторы формирования общественного мнения. Настроение окружающих. Опрос «ФОМнибус» 8–10 декабря. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d49no2023.pdf> (дата обращения 21.12.2023)). Также, согласно исследованию аналитического центра НАФИ, большинство жителей России (70%) в той или иной степени испытывают тревогу (ForbesLife. 16.03.2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/459195-70-rossian-ispytyvaut-trevogu-iz-zaslzivsejsa-social-no-ekonomiceskoj-situacii> (дата обращения 21.12.2023)).

уровень симптоматики депрессии на основе самоотчетов присутствует у 32%, тревоги — у 18% респондентов⁵. При этом существует социальная дифференциация в проявлении этих состояний, что, по нашему мнению, прямо свидетельствует о принадлежности носителей социального типа «человек избегающий» к конкретным общественным группам: «В целом мониторинговые исследования Института психологии РАН в 2020–2023 годах ... показывают, что в условиях кризисов наиболее подвержены тревожно-депрессивным состояниям представители молодежи в возрасте 18–24 лет, женщины, респонденты с низким уровнем доходов, люди с высшим образованием и работники частного сектора»⁶. Именно наличие посттравматической мотивации (или её отсутствие), лежащей в основе манифестируемых респондентом ценностных ориентаций, выступает критерием отнесения личности к тому или иному социальному типу.

Обсуждение

Рассмотрим подробнее особенности социальных типов личности «человек избегающий» и «человек самореализующийся». Для этого обратимся к социально-психологическим характеристикам ценностных типов, которые были получены с помощью широкого спектра известных методик: тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО), самоактуализационный тест (САТ), опросник уровня субъективного контроля (УСК), опросник самоотношения (ОСО), 16-факторный личностный опросник (16PF), миннесотский многоаспектный личностный опросник (ММРП) и др. (Яницкий, 2020). Данным автором были использованы различные случайные и неслучайные выборки; в целом число респондентов составило около 10 000 человек.

С помощью кластерного анализа выделены три психологических типа, которые представляют собой различные системы ценностных ориентаций: «адаптирующийся» тип (ориентации: здоровье, материальная обеспеченность,

«свобода от», развлечения) — 29% респондентов, «социализирующийся» тип (соответственно, семья, карьера, общественное признание) — 46% и «индивидуализирующийся» тип (самореализация, творчество, «свобода для», терпимость) — 25%. При этом для представителей «адаптирующегося» типа характерны высокая тревожность и фрустрационная напряженность; «социализирующемуся» присущи конформность, зависимость и экстернальность; «индивидуализирующийся» тип имеет такие особенности, как высокая осмысленность жизни, интернальность и позитивная Я-концепция (Яницкий, 2020, с. 197).

Судя по приведённым психологическим особенностям, образующим ценностные ориентации, социальный тип личности «человек избегающий» манифестируется через «адаптирующийся» и «социализирующийся» типы ценностных ориентаций, «человек самореализующийся» — «индивидуализирующийся». Отметим, что в нашем обществе не столь много людей, избежавших социокультурной (психологической) травматизации как в процессе ранней социализации, так и в своей последующей жизни. Поэтому при эмпирическом анализе доля представителей типа «человек избегающий» в большинстве случаев всегда будет больше, чем доля носителей типа «человек реализующийся»; не случайно данный социальный тип описывается характеристиками двух указанных выше ценностных кластеров (в совокупности составляющих 75% респондентов).

Основываясь на приведённых в цитируемой работе данных (а также ряде предшествующих публикаций М.С. Яницкого и его коллег), где используется опросник временной перспективы (ЗТРП) и методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ), можно сделать вывод, что носители социального типа «человек избегающий» склонны, часто неосознанно, отвергать своё прошлое и настоящее, а зачастую и будущее. Напротив, социальный тип «человек самореализующийся», как правило, высоко оценивает свое прошлое. Между тем осмысленность «прошлого является наиболее важным для благоприятного переживания последствий перенесенного стресса...» (Яницкий, 2020), под перманентным воздействием которого находится «человек избегающий».

⁵ Нестик Т. (2023). Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения 21.12.2023).

⁶ Там же.

На основе эмпирических исследований было выявлено, что «адаптирующийся» тип в перспективе ориентирован на высокий доход, карьеру и создание семьи; «социализирующийся» — на высокий доход, карьеру и образование; «индивидуализирующийся» — на образование, самосовершенствование и творчество (Яницкий, 2020).

К психологическим особенностям регуляции социального поведения представителей адаптирующегося ценностного типа относятся мотивация, основанная на страхе, следование нормам, чтобы избежать наказания. Антисоциальное поведение не является неприемлемым и может реализоваться, если риск разоблачения оценивается как невысокий. Для представителей «социализирующегося» типа базовым механизмом социального контроля является стыд, следование принятым в группе нормам, чтобы избежать осуждения со стороны значимых других. Если в качестве референтной выступает асоциальная или антисоциальная группа, то высока вероятность девиантного и делинквентного поведения. Напротив, «индивидуализирующийся» тип обладает внутренней регуляцией поведения, интернализированностью социальных норм. Основным механизмом регуляции поведения выступает вина, следование принятым нормам и правилам (Яницкий, 2020, с. 199).

К важным особенностям поведения в экономической сфере у «адаптирующегося» типа относится приоритет материального благополучия. Типично ощущение нехватки денег, приемлемы незаконные способы обогащения. Деньги и собственность воспринимаются как источник благосостояния и удовольствий. У представителей «социализирующегося» типа материальное благополучие ассоциируется с высоким социальным статусом. Характерна подверженность рекламе. Типична ориентация на приобретение дорогих и престижных вещей. В отличие от двух предшествующих, для представителей «индивидуализирующегося» типа материальная обеспеченность носит инструментальный характер, выступая средством, прежде всего получения образования и саморазвития. Деньги ассоциируются со свободой и с возможностью самореализации (Яницкий, 2020).

Согласно результатам опроса, проведённого ВЦИОМ в декабре 2022 года по выборке, репрезентирующей население РФ в возрасте от 14 до 35 лет, в массовом сознании молодёжи с большим отрывом доминируют две ориентации: «высокий уровень благополучия» (58%) и «жить спокойно, работая и заботясь о семье» (54%)⁷.

Как видим, на основе своих жизненных ориентиров большинство представителей современной российской молодёжи могут быть отнесены к типу «человек избегающий».

Дети-сироты, проживающие в различных государственных учреждениях, относятся к одной из социальных групп, находящихся в состоянии социокультурной и психологической травмированности, стойкой фрустрации и эксклюзии. По сути, это своеобразная «микромодель» общества травмы. Логично полагать, что среди них преобладает социальный тип личности «человек избегающий».

Психологическое исследование, проведённое среди этой категории подростков (использовались методики М. Рокича «Терминальные и инструментальные ценности», а также метод ассоциаций), показало, что в целом высокозначимыми ценностями у них являются «любовь, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь, наличие хороших и верных друзей, удовольствия» (Яковлева, 2021). Причём наиболее высокий ранг они присвоили терминальной ценности «материально обеспеченная жизнь» — 96%.

Только у 12% сирот есть осмысленные цели, имеющие временную перспективу. На фоне низкого общего показателя осмысленности жизни это может означать прожектерство, при котором цели не подкреплены готовностью нести ответственность за их реализацию. У 36% сирот цели ограничены актуальным настоящим, иными словами, они живут заботами сегодняшнего дня (Яковлева, 2021, с. 123).

Эти данные чётко коррелируют с результатами исследований, проведённых среди населения России по репрезентативной

⁷ Ценности молодежи // ВЦИОМ НОВОСТИ. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 21.12.2023).

выборке ($n = 700$), согласно которым половина «населения не имеет явной цели и воплощаемого образа собственного будущего» (Карачаровский, Шкаратан, 2019, с. 8). У тех же, кто сформулировал свои жизненные цели, «доминирует вопрос улучшения жилищных условий, связанный с задачами преумножения недвижимого имущества» (Карачаровский, Шкаратан, 2019, с. 9). Между тем в психологическом плане ориентация на ценность «жилище» во многом является манифестацией внутренней тревожности человека и его неудовлетворённой потребности в безопасности.

Отсюда логично вытекает вывод, что в российском обществе травмы преобладает социальный тип личности «человек избегающий». Одной из его характеристик является склонность к страданию, высокая тревожность. В исследовании А.А. Мироновой и А.Н. Татарко использовались данные Шестой волны Всемирного обзора ценностей (World Value Survey). Были отобраны три группы стран (всего 15) на основе индекса восприятия коррупции: с низким, средним и высоким уровнем коррупции (в числе последних — Россия). Анализ проводился с использованием моделирования структурными уравнениями. Выявлено, что уровень страдания, измеренный через показатели тревожности (макро- и микротревоги), имеет существенную взаимосвязь с приемлемостью коррупции (Миронова, Татарко, 2021). Соответственно, одним из последствий широкой распространённости этого социального типа личности в современной России является малоэффективная борьба с коррупцией.

С целью эффективного анализа социальных типов личности, существующих в современной России, целесообразно расширить спектр используемых сегодня для этого теоретико-методологических оснований. Так, анализ состояния антиномичности общественного сознания постсоветской России, сосуществование в нём практически по всем направлениям двух взаимоисключающих друг друга позиций, которые в одинаковой мере (или примерно в одинаковой пропорции) претендуют на истинность (Тощенко, 2015, с. 17, 39), требует применения соответствующих подходов. Ю.М. Пасовец показала возможности использования двухчленной политомии как эффективного методического инструмента социологического исследова-

ния (Пасовец, 2023). К сожалению, она обошла вниманием применение китайского принципа «инь-ян», что было бы логично, поскольку выражает, в том числе, использование политомии. Данный принцип позволяет использовать альтернативные дискурсы для различных интерпретаций значения социальных явлений и процессов⁸.

Очевидно, было бы логично опираться на методологический подход инь-ян также потому, что он, по мнению D. Chimenson et al., позволяет более адекватно отразить глубокие сложности русской культуры. С учетом материалов представительных кросс-культурных исследований авторы обосновано доказывают, что «существующие исследования российской культуры с использованием доминирующей многомерной теории культуры (например, Хофстеде) не в состоянии уловить динамику культурных ценностей, проявляющихся в российском бизнесе и обществе» (Chimenson et al., 2022). Данные выводы прямо корреспондируют с важным методологическим тезисом, сформулированным Ж.Т. Тощенко: «Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки» (Тощенко, 2015, с. 50).

Нельзя не обратить внимание, что в современной зарубежной социологии и смежных дисциплинах присутствует обращение к изучению и использованию китайской научной методологии, в частности принципа инь-ян. Например, D.A. Palmer поднимает вопрос о практически полном отсутствии Китая в исследованиях в качестве источника материалов для построения теоретических концепций и моделей в господствующей социологии и антропологии (Palmer, 2022). Как известно, существует конфуцианская социология, которая, по мнению L. Young-chan, может стать связующим звеном между восточноазиатской социологией, основанной на восточных идеях, и мировой социологией, которую в настоящее время возглавляет западная социология (Young-chan, 2010).

⁸ В своё время нами был разработан методологический подход в рамках постнеклассической социологии с использованием концепции «инь-ян», неоднократно реализованный в различных исследованиях (см., например, Немировский, 2006, с. 13–14, и др.).

Можно назвать целый ряд исследований в сфере анализа социальных и культурных ценностей, использующих данный подход. Так, Т. Fang, «опираясь на традиционную китайскую философию инь-ян, концептуализирует культуру как обладающую изначально парадоксальными ценностными ориентациями, что позволяет ей охватывать противоположные черты любого данного культурного измерения» (Fang, 2012, p. 25). К. Kyong-Dong для интерпретации значения центральных теоретических принципов социальных изменений, модернизации и развития также использует классическую восточноазиатскую диалектику инь-ян, которая, по его мнению, является одним из наиболее влиятельных направлений мысли как в конфуцианстве, так и в даосизме (Kyong-Dong, 2017). Достаточно популярен тезис, в соответствии с которым концепция инь-ян может быть рассмотрена как способ социологического объяснения, позволяющего объединить восточные и западные исследовательские подходы (Redding, 2017).

Безусловно, использование данной модели в настоящее время не является мейнстримом в современной западной социологии, однако отвергать перспективность его применения вряд ли целесообразно. Наметившийся в России геополитический «поворот на Восток» требует более внимательного отношения и к концептуальным подходам соседних стран, реализуемым в социологической науке. В целом можно констатировать, что теория общества травмы, как и концепция антропосоциокультурного (антропосоциетального) подхода, обладает глубоким, пока не раскрытым эвристическим потенциалом (во многом связанным с возможностью междисциплинарного анализа), в т. ч. в сфере изучения формируемых им социальных типов личности.

Заключение

Перспективные направления исследований

Итак, на основании проведённого анализа можно выдвинуть теоретическое положение, согласно которому социальный тип личности выражает базовую стратегию взаимодействия человека с обществом, понятие которой предложил Н.И. Лапин. Для современной России как общества травмы характерно динамичное

сосуществование двух основных типов личности: «человек избегающий» и «человек самореализующийся». К различным проявлениям типа «человек избегающий» относятся, по нашему мнению, выделенные Ж.Т. Тощенко семь фантомных типов личности на основе таких индикаторов, «как власть, капитал и слава с учетом социально-психологических особенностей личности», характерных для элитных групп общества травмы (Тощенко, 2015, с. 10–11). Судя по данным эмпирических исследований, тип личности «человек избегающий» количественно преобладает среди населения страны.

Логично предположить, что представители данного типа в силу своего стремления к средствам преодоления (вытеснения) негативных переживаний чаще будут иметь более высокий социальный и экономический статус по сравнению с теми индивидами, кто относится к типу «человек самореализующийся».

Отметим, что указанные типы не являются единственными в палитре личностных типов современного российского общества, а дополняют уже существующие типологии, которые выделяются по иным основаниям. Соотношение типов личности «человек самореализующийся» и «человек избегающий» может служить одним из эмпирических показателей степени травмированности общества. Соответственно, *области применения* результатов настоящих исследований представляют собой в теоретическом плане развитие социологических теорий личности, социологии культуры, социологии управления, социологии социальных изменений. Прикладное значение авторских разработок выражается в возможности применения данной типологии в качестве средства оценки последствий травматических изменений в различные периоды времени как в одной стране, так и в разных странах мира. Немалый практический интерес имеет также дальнейшее изучение распределения подобных типов личности в различных социальных группах и классах в России.

Представляется, что указанные научные результаты могут быть положены в основу концепции «социальной типологии личности в обществе травмы».

Литература

- Бойко О.В., Новикова Н.В. (2019). Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта // Вестник Вятского государственного университета. № 4. С. 94–104. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.060
- Волков Ю.Г. (2022). Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0
- Волков Ю.Г. (2021). Российское общество в XXI веке: личностное измерение социального развития. М.: Русайнс, 104 с.
- Исаева Э.Г.И., Сутаева А.Р. (2021). Влияние пандемии на выбор стратегии поведения личности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 36. № 4. С. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2021-36-4-107-113>
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. (2019). Разные цели одного общества // Социологические исследования. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0
- Ковалёва А.И. (2023). Социальные и личностные последствия кардинальных изменений в российском обществе // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 120–132. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.8
- Колесникова Г.И. (2018). Социальный тип личности: особенности трансформации в современной России // Психология и педагогика служебной деятельности. № 4. С. 42–48.
- Кравченко С.А. (2020а). Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. № 4. С. 60–69. DOI: 10.31857/S013216250009131-7
- Кравченко С.А. (2020б). Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. № 3. С. 16–26. DOI: 10.31857/S013216250008794-6
- Красило А.И. (2021). Анализ индивидуально-общественной формы психологической травмы // Клиническая и специальная психология. Т. 10. № 3. С. 283–298. DOI: 10.17759/cpse.2021100314. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2021_n3/Krasilo (дата обращения 22.12.2023).
- Лапин Н.И. (2018). Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017
- Лапин Н.И. (2021а). Сложность становления новой России: антропосоциокультурный подход. М.: Весь мир. 362 с.
- Лапин Н.И. (2021б). Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (Тезисы о сложности ответов на простые вопросы). URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2021/podrobnee_11_02.pdf (дата обращения 22.12.2023).
- Левада Ю.А. (1995). Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 14–18.
- Миронова А.А., Татарко А.Н. (2021). Психологические причины коррупции: роль тревоги // Экономическая социология. Т. 22. № 1. С. 11–34. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-1-11-34
- Немировский В.Г., Булатова Т.А., Немировская А.В. (2018). Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян // Вестник Института социологии. Т. 9. № 1 (24). С. 95–114. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.499. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_24/Nemirovskiy_i_dr.pdf (дата обращения 22.12.2023).
- Немировский В.Г. (2006). Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. № 2. С. 13–19.
- Немировский В.Г., Неви́рко Д.Д. (2008). Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам. Москва: Изд-во ЛКИ. 304 с.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л. (2021). Предисловие: Психология человека и общества в условиях пандемии // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. С. 5–16. DOI: 10.38098/fund_21_0442_01
- Нестик Т.А. (2023). Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. Т. 14. № 4. С. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401
- Пасовец Ю. М. (2023). Дихотомия и двухчленная политомия в современной социологии // Социологические исследования. № 5. С. 47–58. DOI: 10.31857/S013216250023051-9
- Смирнов Г.Л. (1971). Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат. 376 с.

- Смирнов П.И. (2011). Основные социальные типы личности: концепция выявления // Ученые записки СПбГИПСР. Вып. 2. Т. 16. С. 111–118.
- Сорочайкина Е.В. (2020). Личность в условиях социально-экономического кризиса. Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. № 10. С. 115–118. DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура. (2023) / отв. ред. Г.Г. Татарова и др.; ФНИСЦ РАН. М. 358 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023
- Тощенко Ж.Т. (2012). Еще раз об объекте и предмете как ключевой проблеме теоретической социологии // Социология. Журнал Белорусского государственного университета. № 3. С. 19–30.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Весь Мир. 352 с.
- Яковлева Н.Ф. (2021). Эмпирическое исследование терминальных и инструментальных ценностей детей-сирот / Педагогическая наука и современное образование. РГПУ им. Герцена. СПб. С. 121–124.
- Яницкий М.С. (2020). Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
- Chimenson D. et al. (2022). The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*, 31(3), 101944. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2021.101944>
- Cyniak-Cieciura M., Zawadzki B. (2021). The relationship between temperament traits and post-traumatic stress disorder symptoms and its moderators: Meta-analysis and meta-regression. *Trauma, Violence, & Abuse*, 22(4), 702–716. Available at: <https://doi.org/10.1177/1524838019876702>
- Glebova T., Knudson-Martin C. (2023). *Sociocultural trauma and intergenerational relational ethics*. In: *Sociocultural Trauma and Well-Being in Eastern European Family Therapy*. Cham: Springer International Publishing. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-29995-7_7
- Długosz P. et al. (2020). Adaptacja pokoleń społeczeństw postsowieckich do radykalnych zmian społecznych. *Nowa Polityka Wschodnia*, (25)2, 9–35. Available at: <https://doi.org/10.15804/npw20202501>
- Fang T., Yin Yang (2012). A new perspective on culture. *Management and Organization Review*, 8(1), 25–50. DOI: 10.1111/j.1740-8784.2011.00221.x
- Kyong-Dong K. (2017). The Yin-Yang dialectic and principles of social change: Culturally independent alternative sociological ideas. In: *Alternative Discourses on Modernization and Development*. Palgrave Macmillan, Singapore. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-10-3467-1_2
- Maercker A., Cloitre M., Bachem R., Schlumpf Y. R., Khoury B., Hitchcock C., Bohus M. (2022). Complex post-traumatic stress disorder. *The Lancet*, 400(10345), 60–72. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(22\)00821-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)00821-2)
- Mangassarian S.L. (2016). Years of trauma: The Armenian Genocide and intergenerational cultural trauma. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 25(4), 371–381. DOI: 10.1080/10926771.2015.1121191
- Miskova E.V. (2023). Collective trauma and retraumatization in Russia: A view from the inside. In: Glebova T., Knudson-Martin C. (Eds.). *Sociocultural Trauma and Well-Being in Eastern European Family Therapy*. AFTA Springer Briefs in Family Therapy. Springer, Cham. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-29995-7_3
- Palmer D.A. (2022). Granet, Mauss and China in the history of social theory. *Mauss International*, 2(1), 360–387. Available at: <https://www.cairn-int.info/journal-mauss-international-2022-1-page-360.htm> (accessed: December 22, 23).
- Redding G. (2017). Components and process in social science explanation: Is there a role for Yin-Yang balancing. *Cross Cultural & Strategic Management*, 24(1), 152–166. DOI: 10.1108/CCSM-11-2016-0195
- Rinker J., Lawler J. (2018). Trauma as a collective disease and root cause of protracted social conflict. *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, 24(2), 150–164. Available at: <https://doi.org/10.1037/pac0000311>
- Subica A., Link B. (2022). Cultural trauma as a fundamental cause of health disparities. *Social Science & Medicine*, 292, 114574. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114574>
- Tummala-Narra P. (2022). Integrating sociocultural trauma and context in conceptualizations of attachment. *Psychoanalytic Dialogues*, 32(2), 153–160. Available at: <https://doi.org/10.1080/10481885.2022.2033551>
- Young-Chan L. (2010). Postmodernity of Confucian sociology. *Journal of Confucian Philosophy and Culture*, 14, 23–49.

Сведения об авторе

Валентин Геннадьевич Немировский – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: valnemirov@mail.ru)

Nemirovsky V.G.

The “Avoidant Individual” as a Social Personality Type in the Russian Trauma Society

Abstract. In the context of socio-cultural traumatization of Russian society, specific social personality types are formed, which require the attention of researchers. The aim of the work is to analyze the “avoidant individual” as a social personality type. The methodological basis of the work includes the theories of trauma society (J. Alexander, P. Sztopka, Zh.T. Toshchenko) and the anthroposociocultural approach (anthroposociocultural evolutionism; N.I. Lapin). We used general scientific methods: analysis, synthesis, generalization, induction, formalization, idealization, typologization, generalization, analysis of scientific literature, secondary data analysis. The results obtained and the novelty of the study are as follows: we were the first to demonstrate the heuristic potential of using Zh.T. Toshchenko’s theory of trauma society and N.I. Lapin’s anthroposociocultural approach to develop a concept of the “avoiding individual” as a social personality type in a trauma society; we showed the possibility of using a crucial protective mechanism – avoidance of traumatic situations experienced by an individual – as a basis for identifying a specific social personality type “avoidant individual”; we defined its features that are formed under the influence of trauma society: high anxiety, lack of a clear image of the desired future, value orientations on material well-being, career, family, health, hedonism, a tendency toward antisocial behavior. It is the presence of post-traumatic motivation, which underlies the value orientations manifested by the respondent, that acts as a criterion for classifying a person as belonging to this social type. The findings of the research can be used for the development of sociological theories of personality, sociology of culture, sociology of management, sociology of social change. It is of practical importance to study the distribution of this type of personality in various social groups, strata and regions of the country. One of the important areas of future research is to analyze the influence of representatives of this type of personality on the social processes taking place in Russian society.

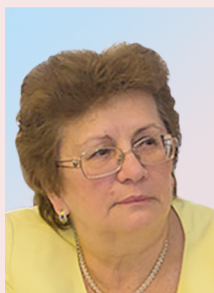
Key words: anthroposociocultural approach, theory of trauma society, Russia as a trauma society, social personality type, “avoiding individual”, “self-fulfilling individual”.

Information about the Author

Valentin G. Nemirovsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: valnemirov@mail.ru)

Статья поступила 12.01.2024.

Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов

**Татьяна Николаевна
ЮДИНА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Галина Ивановна
ОСАДЧАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: osadchaya111@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2597-9724; ResearcherID: G-2163-2017

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что феномен реинтеграции мигрантов, возвращающихся из России в Кыргызстан, недостаточно изучен. Мало исследованы проблемы, с которыми мигранты сталкиваются при повторном включении в общество страны происхождения, такие аспекты реинтеграции, как экономическое и социальное положение, социально-психологическое самочувствие мигрантов, уровень реинтеграции. Целью исследования стала социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов. Научная новизна состоит в конкретизации понятия «реинтеграция» как многоаспектного процесса, позволяющего мигрантам восстановить экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для поддержания жизни, и понятия «устойчи-

Для цитирования: Юдина Т.Н., Осадчая Г.И. (2024). Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 215–227. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.12

For citation: Yudina T.N., Osadchaya G.I. (2024). Sociological assessment of the success of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 215–227. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.12

вая реинтеграция» как достижения возвратившимися определенного уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности и психосоциального благополучия; в разработке эмпирических показателей устойчивой реинтеграции, таких как способность вернувшегося мигранта обеспечивать себя и свою семью, участвовать в экономической деятельности, наличие жилья, выстраивание прочных социальных отношений и вовлеченность в местное сообщество, психологическое благополучие, возможность пользоваться базовыми услугами, отсутствие миграционных планов после возвращения. Дана социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов, опирающаяся на результаты анкетного опроса 515 возвратных мигрантов, фокусированного интервью 37 возвратных мигрантов в Кыргызстане в октябре – ноябре 2022 года. Выявлено, что реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстан носит достаточно устойчивый характер во всех сферах: экономической, социальной и социально-психологической. Вместе с тем у возвратившихся есть определённые проблемы, что отразилось в недостаточно высоком уровне оправдания ожиданий от возвращения и в возможных намерениях снова мигрировать в Россию или другие страны.

Ключевые слова: возвратная миграция, добровольное возвращение, реинтеграция, устойчивая реинтеграция, показатели.

Введение

Возвратная миграция становится все более значимой для Кыргызстана, являясь определенным ресурсом развития государства и общества. Начиная с конца февраля 2022 года фиксируется отток трудовых мигрантов из России в Кыргызстан¹. Добровольное возвращение² и реинтеграция имеют множество аспектов, важных для оказания эффективной помощи мигрантам, реализации программ добровольного возвращения и реинтеграции. В связи с этим проблеме реинтеграции мигрантов, возвращающихся на национальные рынки труда, в последнее время уделяется все больше внимания³. Стало очевидным наличие проблем, с которыми сталкиваются возвращающиеся мигранты (Казмеркевич, 2017; Susan, 2012). Однако достоверная информация и знания о реинтеграции возвратившихся до сих пор весьма ограничены, фрагментарны и порой противоречивы. В рамках статьи рассмотрим процессы устойчивости реинтеграции возвратившихся в Кыргызстан

мигрантов, так как именно Кыргызстан является одним из основных поставщиков трудовых мигрантов для России.

В Кыргызстане растет осознание необходимости сделать реинтеграцию устойчивой и приносящей пользу возвратившимся и их семьям, а также стране происхождения в целом⁴. Устойчивая реинтеграция достигается при отсутствии повторной эмиграции. Кроме того, понимание многомерного и многоуровневого характера процесса реинтеграции, сопровождающего возвратную миграцию, необходимо для разработки программ и оказания успешной помощи возвратившимся.

В связи с невозможностью статистического изучения реинтеграции вернувшихся в Кыргызстан, с отсутствием официальных данных по уровню устойчивости реинтеграции многие аспекты данной темы остаются малоизученными, что требует дополнительного внимания со стороны исследователей.

Целью нашей работы стала социологическая оценка устойчивости реинтеграции мигрантов, возвращающихся из России в Кыргызстан. Задачи исследования: уточнение понятий

¹ В России фиксируется отток трудовых мигрантов // Ведомости. 28 марта 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915601-ottok-trudovih-migrantov> (дата обращения 10.05.2023).

² Понятие «добровольное возвращение» используется по отношению к тем, кто возвращается в страну происхождения по собственной воле и за свой счет.

³ Отчет МОМ. Картирование кыргызских диаспор, соотечественников и мигрантов за рубежом (2022). URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-RU_0.pdf

⁴ Оценка отношения местных властей к возвратной миграции и их готовность к реинтеграции возвращающихся мигрантов (2021). ПРООН в Кыргызской Республике, МОМ в Кыргызской Республике. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/IOM-UNDP%2520seed-funding_Ru_27_10_21_2%2520%25281%2529.pdf

«реинтеграция» и «устойчивая реинтеграция»; разработка эмпирических показателей устойчивой реинтеграции; выявление особенностей реинтеграции возвратных мигрантов, социологическая оценка экономического и социального положения возвратившихся мигрантов и их социально-психологического самочувствия; выявление проблем, с которыми возвратные мигранты сталкиваются при реинтеграции.

Результаты исследования могут быть использованы при создании политических, институциональных, экономических и социальных условий для программ устойчивой реинтеграции в Республике Кыргызстан с учетом динамики возвратной миграции, склонностей населения к возвращению на родину.

Теоретические аспекты исследования

Одним из первых попытку научно объяснить многообразие факторов, формирующих модели реинтеграции мигрантов в стране происхождения, предпринял Ж.-П. Кассарино (Cassarino, 2004). Продолжая анализ моделей интеграции мигрантов в другой работе, он утверждал, что модели реинтеграции связаны со следующими моментами: во-первых, с отношением к проблемам реинтеграции вернувшихся граждан в стране происхождения (реинтеграционной обстановкой); во-вторых, длительностью и видом миграционного опыта; условиями и причинами, мотивирующими возвращение как в стране происхождения, так и в принимающей стране. т. е. «обстоятельствами как до, так и после возвращения» (Cassarino, 2008, p. 97). Также он отметил, что готовность к возвращению обеспечивает ответ на различные формы реинтеграции, которые зависят от того, как ресурсы, если они вообще есть, могут быть мобилизованы до и после возвращения (Cassarino, 2008).

Ранее Р. Кинг обосновал, что продолжительность миграционного опыта за границей должна быть оптимальной, для того чтобы мигранты имели возможность инвестировать свой человеческий и финансовый капитал, приобретенный за границей, при возвращении (King, 1986). Несколько позднее С. Дагман предложил также учитывать факторы или условия (благоприятные или нет) в принимающих странах и странах происхождения, которые побуждают к возвращению, т. е. условия до и после возвращения (Dustmann, 2001).

Вопросы успешности или неудачи реинтеграции возвратившихся мигрантов начал обосновывать Ф. Черасе (Cerase, 1974). Он предложил типологию возвратившихся, которую можно рассматривать как попытку показать, что ситуационные или контекстуальные факторы в странах происхождения необходимо принимать во внимание в качестве предварительного условия для определения, является ли реинтеграция успешной или неудачной. То есть успех или неудачу реадaptации он предлагал анализировать путем сопоставления «реальной» экономики и общества на родине с ожиданиями возвращающегося, показывая, насколько сложны связи между этими ожиданиями и социальным и экономическим контекстом в стране исхода.

Нет сомнений, что выводы А. Черасе имели решающее значение для формирования подходов к анализу проблем реинтеграции при возвратной миграции в дальнейшем. Несколько лет спустя Дж. Гмельч (Gmelch, 1980) развил типологию А. Черасе, подчеркнув необходимость соотносить намерения мигрантов вернуться с мотивами возвращения и успешностью реинтеграции.

Следует назвать еще один важный фактор, влияющий на процесс реинтеграции возвратных мигрантов. Как отмечала Р. Роджерс (Rogers, 1984), реинтеграция существенно зависит от мотивации возвращения. Данную точку зрения поддержал большой круг исследователей. Их научные работы касаются мотивов возвращения учебных мигрантов (Glaser, Habers, 1974), трудовых мигрантов (Kubat, 1984, высококвалифицированных мигрантов (Lowell, 2001; Cervantes, Guellec, 2002); репатриантов-предпринимателей (Cassarino, 2000), а также беженцев и лиц, ищущих убежища (Al-Ali et al., 2001; Ammassari, Black, 2001).

Дальнейшее развитие вопросы реинтеграции получили в работе К. Кушминдер (Kuschminder, 2017), в которой стратегии реинтеграции связываются со следующими параметрами: культурная ориентация мигранта по отношению к принимающей и родной стране; включенность в социальные сети; самоидентификация и чувство принадлежности к стране происхождения, а также доступ к правам, институтам и трудовым ресурсам на рынке в стране происхождения. В работе показано, что

процесс реинтеграции является многомерным и интерсекциональным, по-разному воспринимается мужчинами и женщинами, зависит от социального и профессионального статуса возвращающихся, а также связан со структурным и культурным контекстом возвращения.

Следовательно, в современной литературе, посвященной проблемам реинтеграции, есть разные подходы к определению этого понятия⁵. В российском и кыргызском научном сегменте анализ репатриации возвратных мигрантов стал проводиться только в последнее время и, как правило, на эмпирическом уровне. К таким работам можно отнести исследования С.В. Рязанцева (Рязанцев, Гневашева, 2021), Л.Ф. Деловаровой (Деловарова, 2020), С.Ю. Сивоплясова, С.М. Войнова, Е.Е. Письменной (Сивоплясова и др., 2022), Г.И. Осадчей (Осадчая и др., 2023) и ряда других авторов.

Мы будем исходить из того, что реинтеграция представляет собой «многоаспектный процесс, позволяющий отдельным лицам восстанавливать экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для поддержания жизни, средств к существованию и достоинства и достижения включения в гражданскую жизнь»⁶. Поэтому необходим комплексный подход к анализу, который охватывает три аспекта реинтеграции: 1) экономический аспект, который рассматривает реинтеграцию как способ возвращения репатриантов к экономической жизни и обеспечению устойчивых источников средств к существованию; 2) социальный, т. е. с позиций доступа возвращающихся мигрантов к государственным услугам и инфраструктуре в странах происхождения, включая доступ к здравоохранению, образованию, жилью, правосудию и системам социальной защиты; 3) психосоциальный, включающий реинтегра-

цию возвращающихся мигрантов в сети личной поддержки (друзья, родственники, соседи) и организации гражданского общества (ассоциации, группы самопомощи, другие структуры, гражданскую жизнь в целом), а также возвращение к «ценностям, образу жизни, языку, моральным принципам и традициям общества страны происхождения»⁷. Заметим, что Международная организация по миграции (ИОМ) в комплексный подход к реинтеграции включает потребности мигрантов не только на индивидуальном уровне, но и на уровне местных сообществ и в рамках общих структур государств. Кроме этого, между аспектами нет жестких границ, они могут пересекаться, так как взаимосвязаны по своей природе. Также они могут влиять друг на друга, иногда на разных уровнях.

Кроме этого, комплексный подход к реинтеграции должен охватывать такие важные вопросы, как поощрение прав мигрантов, гендерное равенство, партнерские отношения и сотрудничество, а также улучшать сбор данных, мониторинг и оценку реинтеграции. Такой подход, как правило, входит в сферу ответственности множества различных заинтересованных сторон: национальные и местные органы власти в принимающих странах и странах происхождения, международные неправительственные организации (МНПО), неправительственные организации (НПО), общественные организации (ОГО) и другие организации гражданского общества, которые играют различную роль в мероприятиях по реинтеграции⁸.

В рамках исследования мы акцентировали внимание только на индивидуальном уровне реинтеграции мигрантов, возвратившихся из России в Кыргызстан, то есть насколько реинтеграция дала возможность вернувшимся мигрантам возобновить и оживить экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для жизнеобеспечения, обеспечения средств к существованию и интеграции в общественную жизнь.

⁵ Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии (2020): учебное пособие / Международная организация по миграции (ИОМ) – Агентство ООН по миграции. Алматы. 242 с. С. 142; Handbook on Migration Terminology. Russian-English. IOM (2011). International Migration Law. Glossary on Migration. P. 82.

⁶ IOM. International Migration Law 34 (2019). In: *Glossary on Migration*. Available at: <https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration>

⁷ *Reintegration Handbook. Practical Guidance on the Design, Implementation and Monitoring of Reintegration Assistance*. (2019). International Organization for Migration (IOM).

⁸ Там же.

Понятия «возвращение» и «реинтеграция» тесно взаимосвязаны с понятием «устойчивость». Хотя единого подхода к категории «устойчивая реинтеграция» в настоящее время нет, в рамках комплексного подхода МОМ определяет устойчивую реинтеграцию следующим образом: «Реинтеграцию можно считать устойчивой, когда возвращенцы достигли уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности в своих общинах и психосоциального благополучия, которые позволяют им справляться с факторами (повторной) миграции. Достигнув устойчивой реинтеграции, возвращенцы могут принимать дальнейшие решения о миграции как вопрос выбора, а не как необходимость»⁹. Заметим, что данный подход не устанавливает прямую зависимость между успешной реинтеграцией и дальнейшей миграцией после возвращения. Последующий миграционный акт может состояться независимо от того, будет ли реинтеграция успешной, частично успешной или неуспешной. С другой стороны, возвратившиеся мигранты будут заинтересованы в реинтеграции, если посчитают, что повторная миграция или опора на члена семьи за границей будет лучшим вариантом для их дальнейшего физического или социально-экономического выживания и благополучия¹⁰.

Таким образом, возвратившиеся мигранты должны в полной мере участвовать в экономической и социальной жизни, и наличие чувства психосоциального благополучия после возвращения имеет решающее значение для их устойчивой реинтеграции. Следовательно, устойчивость реинтеграции зависит не только от возвращающегося человека, но и от местного сообщества и структурной ситуации, характеризующей среду возвращения.

Эмпирическими показателями устойчивой реинтеграции, на наш взгляд, могут выступить способность обеспечивать себя и свою семью; участие в экономической деятельности с извлечением из нее определенной выгоды; нали-

чие жилья; прочные социальные отношения и вовлеченность в местное сообщество; положительное влияние возвращения на семью и других субъектов; психологическое благополучие (чувство безопасности, позитивное отношение к образу жизни); возможность пользоваться базовыми услугами (образование, здравоохранение и др.); отсутствие миграционных планов после возвращения).

Методология и методы исследования

Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов опирается на результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан», проведенного Институтом демографического исследования ФНИСЦ РАН и Кыргызско-Российским Славянским университетом (Кыргызская Республика, г. Бишкек). Руководитель проекта — Г.И. Осадчая. Методическая стратегия исследования включала количественный и качественные опросы: 515 возвратных мигрантов (анкетный опрос; целевой отбор по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России), 37 возвратных мигрантов (фокусированное интервью; метод «снежного кома» по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России;) в Кыргызстане в октябре — ноябре 2022 года.

Цель анкетного опроса заключалась в выявлении особенностей реинтеграции возвратных мигрантов из России в кыргызстанское общество, в том числе в оценке их экономического и социального положения; социально-психологического самочувствия, а также установлении проблем, с которыми возвратные мигранты сталкиваются при реинтеграции. Целевой установкой фокусированных интервью стала концентрация внимания на проблемах реинтеграции, с которыми респонденты столкнулись после возвращения в Кыргызстан.

Отбор респондентов в Кыргызстане для анкетного опроса осуществлялся по неслучайной выборке с использованием метода целевого отбора по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России; опрошено 515 возвратных трудовых мигрантов, которые работали в России, в том числе мужчин — 59,2%, женщин — 40,8%, граждан Кыргызстана — 72,4%, России — 26,6%. По возрасту: 14–25 лет — 44,1%, 26–45 лет — 50,1%. Отбор респонден-

⁹ IOM. *Towards an Integrated Approach to Reintegration in the Context of Return* (2017). International Organization for Migration (IOM). Geneva. Available at: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/our_work/DMM/AVRR/Towards-an-Integrated-Approach-to-Reintegration.pdf

¹⁰ *Reintegration Handbook. Practical Guidance on the Design, Implementation and Monitoring of Reintegration Assistance*. (2019). International Organization for Migration (IOM).

тов для фокусированного интервью проводился методом «снежного кома» по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России. Интервью дали 37 возвратных трудовых мигрантов-кыргызстанцев, которые работали в России: из них 22 мужчины, 15 женщин, 36 граждан Кыргызстана, 1 гражданин России.

Данные, полученные в ходе количественного опроса, были проанализированы с помощью математико-статистических методов (статистический пакет SPSS 22.0): частотного анализа, анализа таблиц сопряженности.

Результаты опроса показали, что мигранты, вернувшиеся в Кыргызстан, обустроились в Бишкеке (78,6%), в Оше (11,3%) и других населенных пунктах (10,1%).

Основные результаты исследования

Оценка экономического положения мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан

Вопрос трудоустройства является базовым основанием для устойчивой реинтеграции вернувшихся на родину мигрантов. Экономический аспект реинтеграции – это повторное включение мигранта в экономическую систему Кыргызстана, дающее ему возможность зарабатывать себе и семье на жизнь¹¹, участвовать в экономической деятельности с выгодой для себя.

Количественное исследование показало, что 82,7% вернувшихся мигрантов работают в различных секторах экономики Кыргызстана, что на 8,1% меньше, чем работало в России. Можно предположить, что этот показатель объединяет лиц, еще не успевших найти работу, и тех, которые приехали в Кыргызстан в гости как российские граждане и как студенты.

В долевого отношении распределение работающих в России и в Кыргызстане по секторам экономики существенным образом не изменилось. Однако среди вернувшихся меньше доля работающих в такси и в сфере услуг (табл. 1).

Более половины опрошенных (53,3%) отметили, что их работа в Кыргызстане «хорошо» и в «основном хорошо» оплачивается. Так считают 53,5% мужчин и 53,0% женщин. При этом 64,2% вернувшихся респондентов ответили, что их работа в Кыргызстане сейчас соответствует их знаниям, способностям и возможностям, однако женщины более пессимистичны при ответе на этот вопрос (59,7% женщин против 67,4% мужчин).

Достаточно высокая доля респондентов, положительно оценивающих уровень оплаты своей работы и соответствие работы знаниям, способностям, связана с высокой оценкой уровня удовлетворенности работой в целом

Таблица 1. В каком секторе экономики Вы работали в России и работаете сейчас в Кыргызстане?, % от числа опрошенных

Сектор экономики	В России	В Кыргызстане	Разница
1. Промышленность	5,8	7,2	+1,4
2. Строительство	8,9	6,8	-2,1
3. Транспорт, такси	11,3	6,8	-4,5
4. Сельское хозяйство	3,3	3,5	+0,2
5. Торговля	19,6	19,8	+0,2
6. Образование, наука	4,1	7,4	+3,3
7. Здравоохранение	4,1	3,1	-1,0
8. Сфера услуг	22,7	18,6	-4,1
9. Сфера информационных технологий (ИТ)	5,2	6,2	+1,0
10. Сфера ЖКХ	1,7	0,6	-1,1
11. Доставка, курьерская служба	4,1	2,7	-1,4
12. Не работал	8,0	16,1	+8,1
Другое	1,2	1,2	0

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан», проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН и Кыргызско-Российским Славянским университетом (Кыргызская Республика, г. Бишкек). Опрошено 515 респондентов. Руководитель проекта – Г.И. Осадчая.

¹¹ IOM. International migration law 25 (2011). In: *Glossary on Migration. 2nd edition*. Available at: https://documentation.lastradainternational.org/Isidocs/International%20migration%20law_25.pdf

после возвращения: 62,4% опрошенных возвратных мигрантов «полностью удовлетворены» или «в основном удовлетворены» своей работой. Полностью неудовлетворен работой только каждый десятый респондент как среди мужчин, так и среди женщин (табл. 2, 3).

Высокая удовлетворенность работой объясняется, на наш взгляд, и тем, что особых трудностей при поиске работы и устройстве на нее у возвратных мигрантов из России не было. Характерные ответы большинства интервьюированных: «Нет, таковых трудностей не испытал»; «Нет, все замечательно». Хотя работа не всегда устраивала респондентов полностью и рассматривалась некоторыми из них как временная: «Нет, работу нашел быстро, пока все устраивает, но это не моя постоянная любимая работа – просто заработок». Только два респондента из 37 сказали, что у них были

проблемы с трудоустройством: «Да, как говорила до этого, с работой тяжело очень. Вакансий мало, зарплата низкая»; «Да, не знаю, где здесь работать. На биржу труда идти не хочу. Такую иногда».

Наличие работы после возвращения в Кыргызстан, уровень ее оплаты сказались на достаточно высокой оценке материальной обеспеченности: 47,6% опрошенных респондентов оценили свою материальную обеспеченность, а 44,1% – обеспеченность своей семьи как хорошую; 48,6 и 39,0% (соответственно свою и своей семьи) – как удовлетворительную. Только 5,8% возвратных мигрантов считают, что они материально обеспечены плохо. Заметим, что тех, кто оценивает возможности обеспечения семьи низко (плохо), в три раза больше. В приведенных оценках мужчины солидарны с женщинами (табл. 4).

Таблица 2. Считаете ли Вы, что Ваша работа в Кыргызстане сейчас соответствует Вашим знаниям, способностям и возможностям?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	28,3	30,7	24,9
В основном да	35,9	36,7	34,8
Да + в основном да	64,2	67,4	59,7
Нет	14,2	14,3	13,9
В основном нет	21,6	18,3	26,4
Нет + в основном нет	35,8	32,6	40,3

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 3. Считаете ли Вы, что Ваша работа в Кыргызстане сейчас в целом удовлетворяет Вас?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	25,7	28,4	21,7
В основном да	36,7	33,4	41,4
Да + в основном да	62,4	61,8	63,1
Нет	11,4	12,0	10,3
В основном нет	26,3	26,1	26,6
Нет + в основном нет	37,7	38,1	36,9

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 4. Материальная обеспеченность респондентов (своя и своей семьи) после возвращения из России в Кыргызстан, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для обеспечения семьи?	Плохие	5,8	6,6	4,8
	Удовлетворительные	46,6	45,2	48,6
	Хорошие	47,6	48,2	46,7
В настоящее время после возвращения в Кыргызстан как Вы материально обеспечены?	Плохо	16,9	16,7	17,1
	Удовлетворительно	39,0	36,7	42,4
	Хорошо	44,1	46,6	40,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Оценка социального положения мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан

Социальный аспект интеграции, как мы отмечали выше, касается доступа возвращающихся мигрантов к государственным услугам и инфраструктуре в Кыргызстане, включая доступ к жилью, здравоохранению, образованию, нормальному питанию и одежде, возможностям проведения отпуска, занятиям физкультурой и спортом, системам социальной защиты.

Для того чтобы вернуться, необходимо где-то жить. Вернувшиеся мигранты обычно не испытывают проблем с жилищными условиями. 62,3% респондентов оценивают свои жилищные условия как хорошие, 33,4% — как удовлетворительные.

Как правило, все респонденты живут со своей семьей: «*Проживаем мы в Бишкеке. Живем троим: муж, я и наш сыночек*»; «*Проживаю с женой и детьми в Бишкеке, есть своя квартира недалеко от центра*»; некоторые живут у родителей: «*Живем в доме родителей мужа. Мы живем с родителями мужа и со своей дочерью*»; «*Проживаю в Бишкеке, я живу с родителями и супругой*»; «*Живу в городе Бишкек в Кызыл-Аскере, нас в семье 4: мама, папа, сестра и я*». Два респондента на момент опроса снимали квартиру: «*Живу в Бишкеке. На данный момент живу один, но в семье есть брат и сестра*»; «*Живу с другом, снимаем квартиру. Оба работаем, ритм жизни быстрый, постоянно работаю, дома только сплю*».

Оценка возможностей для получения образования несколько ниже. Только 44,7% считают их хорошими, а 38,6% — удовлетворительными. Практически каждый пятый опрошенный возвратившийся из России мигрант оценивает их как плохие.

С учетом достаточно высокой материальной обеспеченности возвратившиеся мигранты (и мужчины, и женщины) оценивают свое питание и одежду как хорошие. Только 1,9% опрошенных отметили, что у них плохое питание и 3,7% — что они плохо одеваются.

Для того чтобы жизнь была полноценной после возвращения в Кыргызстан, в ней должны быть возможности для проведения свободного времени, отпуска, занятий физкультурой и спортом. Этому должна способствовать хорошая экологическая ситуация. Самая низкая оценка дана экологической ситуации: только 37,9% респондентов оценили ее как хорошую, 22,9% — как плохую. Каждый пятый дал отрицательную оценку возможностям для проведения отпуска и каникул. Более половины респондентов положительно оценили возможности для занятий физкультурой и спортом (55,1%), для проведения свободного времени (53,2%; табл. 5).

Из интервью видно, что свободное время возвратившие мигранты, как правило, проводят в кругу семьи: «*В свободное время стараемся больше времени проводить вместе с семьей*»; «*Состав семьи: сестра и племянники. В свободное*

Таблица 5. Оценка респондентами социальных условий своей жизни в Кыргызстане после возвращения из России, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	%
Какая у Вас в Кыргызстане сейчас экологическая ситуация?	Плохая	22,9
	Удовлетворительная	39,2
	Хорошая	37,9
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для проведения отпуска, каникул?	Плохие	19,2
	Удовлетворительные	37,1
	Хорошие	43,7
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для проведения свободного времени?	Плохие	8,5
	Удовлетворительные	38,3
	Хорошие	53,2
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для занятий физкультурой и спортом?	Плохие	11,1
	Удовлетворительные	33,8
	Хорошие	55,1

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

время гуляем по городу»; «Любим с семьей гулять, посещать заведения, с детьми, ходим на игровые площадки»; «Стараемся ходить в новые места, которые открылись в Бишкеке, потому что нас долго не было».

Респонденты без семьи, как правило, свободное время проводят с друзьями: «Свободное время провожу с друзьями»; «Все отлично, в свободное время могу заниматься спортом, встречаться с друзьями».

Оценка социально-психологического самочувствия мигрантов, вернувшихся из России

Кроме проблем с работой, мигранты, находившиеся за границей в течение относительно продолжительного периода, сталкиваются с потерей сети личного и профессионального общения, что приводит к психологическому дискомфорту. Поэтому социально-психологический аспект реинтеграции мигрантов включает в себя восстановление или создание круга общения на работе, с друзьями, родственниками, соседями, а порой и в семье¹².

За время пребывания в России отношения в семье у возвратившихся мигрантов, как мужчин, так и женщин, как правило, не испорти-

лись: 72,2% опрошенных оценивают их как хорошие. Немного более взыскательны женщины (табл. 6).

В социально-психологический аспект реинтеграции входит и установление минимум удовлетворительных, а лучше хороших отношений с коллегами и товарищами по работе: двум из трех респондентов удалось установить хорошие отношения. Установить хорошие отношения с непосредственным руководителям удалось только каждому второму вернувшемуся (табл. 7).

Психологический аспект реинтеграции включает также возрождение ценностей, традиций и образа жизни в стране происхождения. Как показали результаты интервью, большинство интервьюированных за время пребывания в России не отошло от национальных традиций своей страны: «Культура у меня кыргызская, изменился только язык — стал грамотнее»; «Так как я жила с девочками из Кыргызстана, жила и работала в основном на дому, то сохранила свой менталитет»; «Следую нормам кыргызской культуры»; «По национальности я кыргыз, и с детства мне прививали кыргызский менталитет и культуру».

Таблица 6. Какие у Вас в Кыргызстане сейчас отношения в семье?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Плохие	3,5	4,3	2,4
Удовлетворительные	24,3	22,3	27,1
Хорошие	72,2	73,4	70,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 7. Оценка взаимоотношений мигрантов, вернувшихся из России, на работе в Кыргызстане, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Какие сейчас на работе в Кыргызстане у Вас отношения с непосредственными руководителями?	Плохие	7,7	8,2	7,0
	Удовлетворительные	38,5	37,2	40,3
	Хорошие	53,8	54,6	52,7
Какие сейчас на работе в Кыргызстане у Вас отношения с коллегами, товарищами по работе?	Плохие	7,5	7,5	7,4
	Удовлетворительные	24,6	23,5	26,1
	Хорошие	67,9	68,9	66,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

¹² ИОМ. International migration law 25 (2011). In: *Glossary on Migration. 2nd edition*. Available at: https://documentation.lastradainternational.org/lsidocs/Inernational%20migration%20law_25.pdf

Однако пребывание в России, особенно продолжительное время, привнесло в жизнь вернувшихся мигрантов элементы российской культуры. Заметим, что это взаимодействие не конфликтное, но иногда не полностью принимается окружающими: «Конечно, позаимствовала нормы и морали российской культуры», «Однозначно позаимствовала элементы российской культуры; пытаемся совмещать, но некоторые не понимают»; «Из-за того что я долго жил в России, я позаимствовал их культуру тоже и совмещаю».

Интегральная оценка устойчивости реинтеграции

Как отмечалось выше, достижение устойчивой интеграции определяется тем, что вернувшиеся мигранты смогут принимать дальнейшие решения о миграции как вопрос выбора, а не как необходимость. Планирует вернуться каждый пятый мужчина и каждая четвертая женщина. Доля затруднившихся ответить на этот вопрос составляет 29,1% от всех опрошенных респондентов (табл. 8). На наш взгляд, это в первую очередь связано со стабильностью социально-экономической ситуации в Кыргызстане. Основными мотивами, которые могут повлиять на решение о повторной миграции в Россию, в этом случае стали следующие: «Необходимость рабочей деятельности в жизни, так как в Бишкеке она не очень активно работала»; «Нестабильное состояние государства, безработица в стране»; «Если в КР начнётся безработица, то повторная миграция»; «Нестабильная политика в стране, безработица»; «Если безработица, то можно и мигрировать». Повторная миграция в Россию также обусловлена мотивами более выгодной работы: «Хороший заработок и стабильная работа», «Если вдруг будет приглашение о хорошей работе, с хорошим заработком», «Банкротство и хорошие условия работы в России, или же какое-то прям очень хорошее предложение по работе», «Если поступит предложение

о работе, то конечно, постоянная или нет, без разницы», «Хорошая заработная плата». Среди тех, кто имеет двойное гражданство и может быть мобилизован, звучали следующие высказывания: «Окончание войны, страшно возвращаться, вдруг призовут»; «Если ситуация в России улучшится, возможно, вернемся, вернемся на заработок»; «Ну если опять в Кыргызстане будет дестабилизация какая-то, а в России наоборот спокойно, тогда вполне возможно».

Ряд возвратившихся размышляет о возможной повторной миграции, но уже не в Россию, а в другие страны: «Хотелось бы посетить Ташкент или Европу, поработал бы и там и там»; «Да, мне хотелось бы посетить страны Европы»; «Да, если переезжать, то в Европу»; «Хочу в США, заполняя гринкарту»; «В Европу, хочется увидеть что-то новое»; «Хотел бы поехать в Германию»; «Рассматриваю возможность миграции в Корею, Англию, Японию»; «Хотела бы поехать в Германию, поработать врачом»; «Можно посмотреть Америку»; «Хочется и в другие страны, например в Грузию»; «Может быть, в Грецию», «Хотел бы поехать на заработки в арабские страны». В этих размышлениях не прослеживается четкая установка на повторную миграцию.

Фактором, влияющим на повторную миграцию, выступает также оправдание ожиданий от возвращения в Кыргызстан из России. Полностью ожидания оправдались только у каждого четвертого вернувшегося. Несмотря на то, что доля тех, у кого ожидания не оправдались полностью, невелика и составляет только 8,0%, к пессимистической оценке по поводу своего возвращения в Кыргызстан склоняются еще 23,3% опрошенных. Колебания в оценках между мужчинами и женщинами незначительны. Каждый десятый опрошенный мужчина и каждая десятая женщина затруднились дать ответ относительно оправданных ожиданий от своего возвращения (табл. 9).

Таблица 8. Планы по повторной миграции в Россию, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Планируете ли Вы повторную миграцию в Россию в ближайшие 3 месяца?	Да	22,1	19,3	26,2
	Нет	48,7	50,5	46,2
	Затрудняюсь ответить	29,1	30,2	27,6
Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».				

Таблица 9. Оправдание ожиданий от возвращения в Кыргызстан из России, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	25,8	29,5	20,5
Скорее да, чем нет	32,2	29,5	36,2
Да + скорее да, чем нет	58,0	59,0	56,7
Скорее нет, чем да	23,3	22,3	24,8
Нет	8,0	7,9	8,1
Нет + скорее нет, чем да	31,3	30,2	32,9
Затрудняюсь ответить	10,7	10,8	10,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Заключение

Исходя из результатов исследования, можно, на наш взгляд, утверждать, что реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстан носит достаточно устойчивый характер во всех сферах: экономической, социальной и социально-психологической. Подавляющее большинство возвратившихся не планируют повторную миграцию в ближайшее время. Вместе с тем у возвратившихся есть определённые проблемы, что сказалось на недостаточно высоком уровне оправдания их ожиданий от возвращения в Кыргызстан и возможных намерениях снова мигрировать в Россию или в другие страны.

Необходимо отметить, что в Кыргызстане в последние годы вопросы реинтеграции возвращающихся мигрантов стали находить отражение в стратегических документах государства. Однако пока пункты решений относительно возвращения мигрантов, их реинтеграции, очень абстрактны, не отражают конкретных мер, нет целенаправленных программ реинтеграции. Недостаточно признан этот вопрос и в других сферах государственной политики, например в общей стратегии социальной защиты населения. На наш взгляд, нужен системати-

ческий мониторинг для оценки устойчивости реинтеграции возвратившихся на институциональном, местном и индивидуальном уровнях. Данные, собранные в ходе мониторинга по оказанию помощи возвратившимся мигрантам, включая их отзывы, являются важным источником информации об эффективности, результативности и устойчивости мер по реинтеграции. Постоянный мониторинг поможет оценить воздействие различных видов поддержки в области реинтеграции на отдельного мигранта и местное сообщество в целом. Это должно учитываться при подготовке и реализации программ реинтеграции, в рамках которых помощь должна включать экономические, социальные и психосоциальные аспекты, разрабатываться и оказываться в сотрудничестве с самими возвратившимися мигрантами.

Важно помнить, что реинтеграция – это не изолированный процесс, а часть более широкой стратегии управления миграцией в Кыргызстане. Усиление поддержки реинтеграции на национальном уровне может способствовать повышению эффективности управления миграцией в целом и достижению других целей в сфере развития и государственного управления.

Литература

- Деловарова Л.Ф. (2020). Возвратная миграция в Центральной Азии: основные факторы и потенциал развития программ добровольного возвращения и реинтеграции в регионе // Наука. Культура. Общество. № 1. С. 6–12.
- Казмеркевич П. (2017). Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками. Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, Международная организация по миграции (МОМ), Казахстан. URL: <https://prevention.kg/wp-content/uploads/2019/04/%D0%A3%D1%8F%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0>

- %BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2-%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D0%A6%D0%90_%D0%B8%D-1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf
- Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., Кочербаева А.А. (2023). Молодые женщины из Кыргызстана в Московском мегаполисе // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 43–62. DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.4
- Рязанцев С., Гневашева В. (2021). Международная миграция и рынки труда в пандемию COVID-19 // *Международные процессы*. Т. 19. № 4 (67). С. 89–103. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.7
- Сивоплясова С.Ю., Войнов С.М., Письменная Е.Е. (2022). Гендерные особенности возвратной миграции в страны Центральной Азии // *Бизнес. Образование. Право*. № 1 (58). С. 19–25. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.109
- Al-Ali N., Black R., Koser K. (2001). The limits of transnationalism: Bosnian and Eritrean refugees in Europe as emerging transnational communities. *Ethnic and Racial Studies*, 24(4), 578–600.
- Ammassari S., Black R. (2001). Harnessing the potential of migration and return to promote development. In: *Applying Concepts to West Africa (IOM Migration Research Series 5)*. Geneva: International Organization for Migration.
- Cassarino J.P. (2004). Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, 6(2), 253–279. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1730637>
- Cassarino J.P. (2000). Tunisian new entrepreneurs and their past experiences of migration in Europe: Networks, resource mobilisation, and hidden disaffection. *Ashgate*, 978-0754612732. [hal-01232720]
- Cassarino J.P. (2008). Conditions of modern return migrants – editorial introduction, *International Journal on Multicultural Societies*, 10(2), 95–105.
- Cerese F.P. (1974). Expectations and reality: A case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*, 8(2), 245–262.
- Cervantes M., Guellec D. (2002). The brain drain: Old myths, new realities. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, The OECD Observer.
- Dustmann C. (2001). Return migration, wage differentials, and the optimal migration duration. In: *IZA Discussion Papers*, 264. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA). Available at: <http://hdl.handle.net/10419/21114>
- Glaser W.A., Habers C.G. (1974). The migration and return of professionals. *International Migration Review*, 8(2), 227–244.
- Gmelch G. (1980). Return migration. *Annual Review of Anthropology*, 9, 135–159. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.09.100180.001031> 135-159
- King R. (Ed.). (1986). *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315722306>
- Kuschminder K. (2017). *Reintegration Strategies: Conceptualizing How Return Migrants Reintegrate*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-55741-0. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0117196819832756>
- Kubat D. (Ed.). (1984). The Politics of return. International return migration in Europe. In: *Proceedings of the First European Conference on International Return Migration. Rome, November 11–14, 1981*. New York: Center for Migration Studies.
- King R. (Ed.). (1986). *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm.
- Lowell L.B. (2001). *Policy Responses to the International Mobility of Skilled Labour*. Geneva: International Labour Organization, International Migration Branch.
- Rogers R. (1984). Return migration in comparative perspective. In: Kubat D. (Ed.). *The Politics of Return: International Return Migration in Europe*.
- Thieme S. (2012). Coming Home? Patterns and CHARACTERISTICS OF RETURN MIGRATION in Kyrgyzstan. *International Migration IOM*. DOI:10.1111/j.1468-2435.2011.00724.x

Сведения об авторах

Татьяна Николаевна Юдина — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, ул. Фотиевой, г. Москва, д. 6, к. 1; e-mail: ioudinatn@mail.ru)

Галина Ивановна Осадчая — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, ул. Фотиевой, г. Москва, д. 6, к. 1; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Yudina T.N., Osadchaya G.I.

Sociological Assessment of the Success of Reintegration of Migrants Returning from Russia to Kyrgyzstan

Abstract. The relevance of the research is due to the fact that the phenomenon of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan has not been sufficiently studied. Little research has been done on the problems migrants face when reintegrating into the society of their country of origin; such problems include, for example, economic and social situation, the socio-psychological well-being of migrants and the level of reintegration. The aim of the study is sociological assessment of the sustainability of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. Scientific novelty consists in the concretization of the term “reintegration” as a multidimensional process that allows migrants to restore the economic, social and psychosocial relationships necessary to move forward in life; and the term “sustainable reintegration”, as the returnees achieve a certain level of economic self-sufficiency, social stability and psychosocial well-being; in the development of empirical indicators of sustainable reintegration, such as the ability of a returned migrant to provide for themselves and their family, participate in economic activities, housing, build strong social relationships and be involved in the local community, psychological well-being, the ability to use basic services, and the absence of migration plans after return. We provide a sociological assessment of the sustainability of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan, based on the results of a questionnaire survey of 515 return migrants, and focus group interviews with 37 return migrants in Kyrgyzstan in October – November 2022. It has been revealed that the reintegration of return migrants from Russia to Kyrgyzstan is quite sustainable in all spheres: economic, social and socio-psychological. At the same time, the returnees have certain problems reflected in the insufficiently high level of justification of expectations from the return and in possible intentions to migrate again to Russia or other countries.

Key words: return migration, voluntary return, reintegration, sustainable reintegration, indicators.

Information about the Authors

Tatyana N. Yudina — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: ioudinatn@mail.ru)

Galina I. Osadchaya — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of department, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Статья поступила 17.07.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.13

УДК 336.27, ББК 65.26

© Мосикари Т.

Моделирование и прогнозирование государственного долга в Южной Африке

Тебохо МОСИКАРИ

Северо-Западный университет

Ммабато, ЮАР

e-mail: Teboho.mosikari@nwu.ac.za

ORCID: 0000-0001-8552-1566

Аннотация. Основным интересом любой развивающейся страны является сохранение оптимального уровня государственного долга. В настоящее время правительства развивающихся стран крайне обеспокоены по поводу важности госдолга для определения пути развития и роста. Цель исследования состоит в моделировании и прогнозировании размера общего государственного долга Южной Африки, где со времен финансового кризиса 2008 года показатели существенно выросли и до сих пор не вернулись к прежним значениям. Государственный долг представляет собой важнейший инструмент для малого и среднего бизнеса в экономике Южной Африки, ключевой источник фискальной политики. В ходе работы использовалась модель Бокса – Дженкинса (ARIMA). Как правило, при моделировании временных рядов в первую очередь необходимо оценить порядок интегрирования каждого ряда. Авторами был проведен тест Дики – Фуллера (ADF) для анализа единичных корней. Второй шаг заключался в выборе наиболее подходящей модели прогнозирования государственного долга. С помощью информационного критерия Акаике (AIC) в соответствии со значимостью коэффициента из конкурирующих моделей была выбрана модель ARIMA 13,1,1. Согласно прогнозу, ожидается сокращение объема государственного долга. В работе показана важность проведения жесткой налогово-бюджетной реформы для того, чтобы свести государственный долг к минимуму.

Ключевые слова: государственный долг, модель ARIMA, прогноз, Южная Африка.

Для цитирования: Мосикари Т. (2024). Моделирование и прогнозирование государственного долга в Южной Африке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 228–239. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.13

For citation: Mosikari T. (2024). Modeling and forecasting public debt in South Africa. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 228–239. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.13

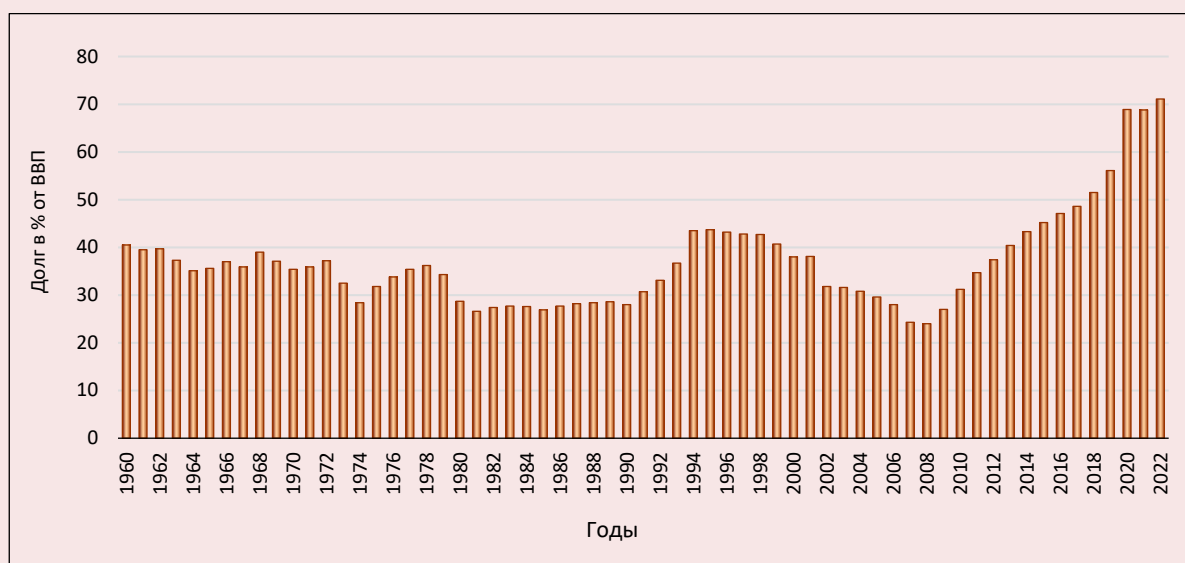
Введение

Успех бизнеса, государственной инвестиционной и макроэкономической политики зависит от точности прогнозирования размера государственного долга, который также называют правительственной задолженностью, поскольку он включает общую сумму обязательств правительства страны. Чаще всего он рассматривается как доля валового внутреннего продукта (ВВП). Государственный долг является важнейшим источником ресурсов правительства для финансирования государственных расходов и заполнения пробелов в бюджете, поэтому в отношении к ВВП обычно используется в качестве показателя способности правительства выполнять свои обязательства в будущем. Согласно (Burriel et al. 2020), государственный долг представляется неотъемлемой частью функционирования рыночной экономики. В литературе говорится о том, что для любой экономики существуют определенные издержки и выгоды, связанные с долгом. Преимуществом в первую очередь является важная роль госдолга в функционировании финансовой системы и проведении денежно-кредитной политики. Во-вторых, государственный долг может оказывать прямое воздействие на благосостояние населения до тех пор, пока выступа-

ет надежным активом для страхования против кумулятивных рисков. С другой стороны, высокий уровень долговой нагрузки в конечном счете может препятствовать долгосрочному росту. Это возможно в том случае, когда заемные средства привлекаются для финансирования непроизводительных расходов или превышают оптимальный уровень государственного капитала (Checherita-Westphal et al., 2014).

По данным, представленным в (Were, Mollel, 2020), средний уровень государственного долга в странах Африки, расположенных к югу от Сахары (SSA), превысил 50% от ВВП по состоянию на конец 2017 года. Финансовый кризис середины 2008 года привел к резкому росту государственного долга во многих развивающихся странах и странах с развитой экономикой (Cecchetti et al., 2010). В исследовании (Balassone et al., 2011) причинами этого названы растущий государственный долг в экономике, отсутствие накопленных сбережений и низкий уровень инвестиций. Кроме того, в Южной Африке финансовая неустойчивость госучреждений привела к увеличению государственного долга, которое наблюдается уже на протяжении многих лет (Schularick, 2012). На *рисунке 1* представлено отношение общего государственного долга к ВВП в период с 1960 по 2022 год.

Рис. 1. Доля общего государственного долга от ВВП за 1960–2022 гг., %

Источник: расчеты авторов по данным ЮАРБ (SARB).

Согласно представленным данным, изменение доли общего государственного долга от ВВП в период с 1960 по 1978 год отличается циклическим характером, во время цикла максимальное значение составило 40%, минимальное — 28,4%. Период с 1980 по 1990 год характеризуется самыми низкими значениями госдолга — в среднем около 29,3% от ВВП. В 1998 году общий долг составлял 42,7% от ВВП, в 2008 году показатели значительно снизились до 24% от ВВП. По данным (Mahadea, 1998), наблюдаемое сокращение государственного долга было достигнуто за счет проведения успешной политики экономического роста, занятости и перераспределения (GEAR). Однако в период с 2008 по 2022 год доля государственного долга от ВВП начала увеличиваться в геометрической прогрессии: с 24 до 71,1% соответственно. Тенденция роста государственного долга вызывает опасения, поскольку также возникает дефицит государственных финансов.

Цель исследования — определить направления решения вопроса о моделировании и прогнозировании государственного долга в Южной Африке с помощью ARIMA-моделирования. В источниках (Zhuravka et al., 2019; Munir, Mehmood, 2018) отмечается несколько факторов, которые можно использовать для описания динамики государственного долга. Однако стоит учитывать, что такой подход может вызывать трудности при выборе неподходящих и незначительных переменных при моделировании государственного долга. Поэтому в интересах настоящего исследования считаем целесообразным принять наиболее надежный метод одномерных временных рядов, такой как ARIMA.

Государственный долг — один из важнейших компонентов налогово-бюджетной политики, способствующий развитию экономики, однако его рост остается серьезной проблемой в Южной Африке. Ситуация усугубляется более быстрыми темпами его накопления по сравнению с его более медленной выплатой. Для любой экономики, в частности для такой развивающейся страны, как ЮАР, прогнозирование государственного долга имеет ключевое значение для эффективного управления. Стоит отметить, что точное и тщательное моделирование и прогнозирование государственного долга в Южной Африке, безусловно, необходимо для того, чтобы избежать неустойчивой долговой

ситуации. Таким образом, в рамках статьи поставлены следующие цели: 1) проанализировать тенденции развития государственного долга в Южной Африке за рассматриваемый период; 2) разработать надежную модель прогнозирования государственного долга для Южной Африки на основе метода Бокса — Дженкинса; 3) спрогнозировать государственный долг Южной Африки за период 2021–2023 гг.

Обзор литературы

Рост государственного долга является одной из проблемных макроэкономических переменных, которые занимают центральное место в управлении государственным долгом большинства стран. Это связано с тем, что чаще всего он используется в качестве одного из фискальных показателей финансов страны. По мнению (Mellet, 2014), одним из главных инструментов фискальной политики является бюджет как средство изменения любого из фискальных элементов, позволяющий изменить покупательную способность жителей страны. В работе (Cecchetti et al., 2010) авторами показано, что при наличии высокого уровня государственного долга у страны вероятность того, что тот или иной шок вызовет нестабильную динамику долга, возрастает. Риск увеличивается, когда показатели государственного долга уже находятся на крутой восходящей траектории, что в настоящее время наблюдается в нескольких странах. Один из аргументов, приводимых российскими исследователями (Minakir, Leonov, 2019), заключается в том, что большая часть государственного долга приходится на реализацию социального обеспечения в противовес инвестиционной деятельности. Работа (Dumitrescu, 2014) послужила основой для анализа увеличения доли государственного долга в ВВП в Румынии в период 2002–2012 гг. Показано, что ситуация в стране благоприятная, прогнозируемый уровень госдолга на конец 2013 года составил 37,8% от ВВП. В работе (Nikoloski, Nedanovski, 2017) изучена динамика государственного долга Республики Македония и возможность его прогнозирования в ближайшем будущем. Учитывая современное состояние и влияние ряда политических и социально-экономических факторов в стране, было установлено, что объем государственного долга в 2017 году составил примерно 40% от ВВП.

Zaja, Krzic и Habek (Zaja et al., 2018) провели исследование по прогнозированию финансовых переменных в экономиках отдельных европейских стран (Португалия, Ирландия, Греция, Испания и Республика Хорватия) с использованием метода наименьшего абсолютно-го отклонения (LAD). На основе анализа фискальных переменных между странами можно отметить истощение сбалансированных бюджетов и преобладание государственного долга. В статье (Zhuravka et al., 2019) были исследованы теоретические и практические аспекты прогнозирования государственного долга в Украине. Сделан вывод о том, что модель ARIMA (1,1,3) наилучшим образом описывает тенденцию динамики государственного долга и обеспечивает наибольшую точность для дальнейшего прогнозирования. В ходе анализа, проведенного (Were, Mollel, 2020), отражен уровень государственного долга и его устойчивость в Танзании с упором на внешний показатель. Было обнаружено, что внешний долг составляет более 70% государственного долга Танзании. Rahman и Pujiati (Rahman, Pujiati, 2021) совместно подготовили исследовательскую работу по прогнозированию государственного внешнего долга Индонезии на пять лет, с 2020 по 2024 год. Исследователи пришли к выводу, что, по прогнозам, сумма государственного внешнего долга с 2020 по 2024 год будет продолжать расти.

Статья (Calitz et al., 2016) посвящена точности бюджетных прогнозов в условиях Южной Африки. Авторы подкрепляют свои аргументы тем, что правительству следует продолжать усиливать налогово-бюджетную систему, устанавливая верхний предел расходов основного бюджета и расширяя доступность информации по аспектам налогово-бюджетной политики. Отмечается, что большая часть научной литературы по Южной Африке посвящена государственному долгу и экономическому росту (см., например: Vaaziz et al., 2015; Mhlaba, Phiri, 2017).

Однако в вышеупомянутых исследованиях не были предприняты попытки смоделировать объем и динамику общего государственного долга Южной Африки с помощью моделей ARIMA. В нашем исследовании прогнозируется государственный долг Южной Африки с использованием временных рядов для периода 1960–2022 гг. Применение прогноза временных

рядов (государственного долга) дает возможность сравнить данные за предыдущие периоды. Предполагается, что тенденции прошлого будут характерны и для последующих периодов, и это позволяет развивать новые направления в экономике. Вследствие сказанного целью данного исследования является моделирование размера государственного долга в Южной Африке с использованием модели ARIMA.

Данные и метод исследования

Информационной базой для исследования послужили данные Южноафриканского резервного банка (SARB). Используемая переменная – общий кредитный долг национального правительства; общий валовой кредитный долг в процентах от ВВП. Данные взяты за период с 1960 по 2022 год.

Метод Бокса – Дженкинса был предложен Джорджем Боксом и Гвиллимом Дженкинсом в их основополагающей книге «Анализ временных рядов» 1970 года. Он предполагает, что процесс, создавший временной ряд, может быть аппроксимирован с помощью модели авторегрессионного скользящего среднего (ARMA), если он не содержит единичного корня, или модели интегрированной авторегрессии скользящего среднего (ARIMA), если она нестационарна. Нами используется модель ARIMA с применением показателя государственного долга в зависимости от его значений в прошлом. Общее выражение модели Бокса – Дженкинса (ARIMA) формируется на основе двух компонентов: авторегрессии (AR) и скользящего среднего (MA). При этом AR – это модели, в которых значение переменной в одном периоде связано с ее значениями в предыдущих периодах, а модели MA учитывают возможность связи между переменной и остатками предыдущих периодов. Таким образом, ARMA можно выразить с помощью формулы:

$$DBTP_t = a + \beta_1 DBTP_{t-1} + \beta_2 DBTP_{t-2} + \dots + \beta_p DBTP_{t-p} + \varphi_1 e_{t-1} + \varphi_2 e_{t-2} + \dots + \varphi_q e_{t-q}, \quad (1)$$

где $DBTP_t$ – показатель госдолга, который зависит только от собственных лагов. То есть $GBTP_t$ – это функция «лагов $GBTP_{t-p}$ ». Аналогично, в модели чистого скользящего среднего (только MA) $DBTP_t$ зависит только от запаздывающих ошибок прогноза $\varphi_q e_{t-q}$, что представляет собой ошибки авторегрессионных моделей

соответствующих лагов. Анализ с использованием модели Бокса – Дженкинса состоит из четырех этапов.

1) Первый этап – идентификация модели: выбор наиболее подходящих запаздываний (лагов) для частей AR и MA, а также определение того, требует ли GBTP первой дифференциации для обеспечения стационарности. Автокорреляция (ACF) и частичная автокорреляция (PACF) используются в целях определения лучшей модели для оценки GBTP (также можно применять информационные критерии).

2) Второй этап – оценка модели: как правило, данный шаг включает в себя оценку методом наименьших квадратов путем анализа GBTP с учетом его прошлых значений и ошибок.

3) Третий этап – диагностическая проверка модели, т. е. тест на автокорреляцию. Диагностическое тестирование модели состоит из ста-

тического теста Харке – Бера, обратных корней AR и теста автокорреляции. Проверка предполагает тесты после оценки, чтобы убедиться, что выбранная модель GBTP наилучшим образом подходит для прогнозирования.

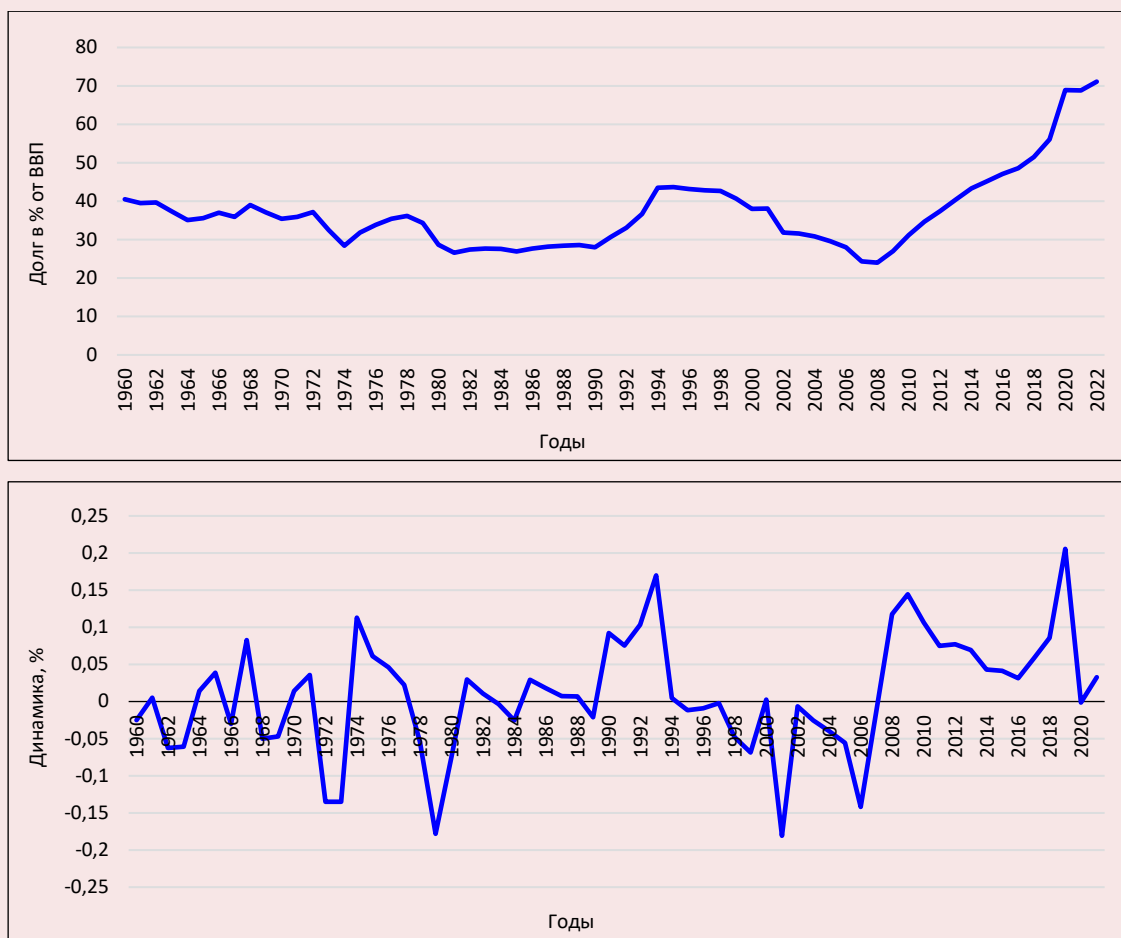
4) Четвертый этап – модельное прогнозирование. Модели ARIMA особенно эффективны при прогнозировании за счет использования запаздывающих переменных. На этом этапе предоставляются прогнозируемые значения GBTP и сравниваются их фактические значения для оценки прогнозируемых значений.

Эмпирические результаты

В данном разделе представлены результаты анализа государственного долга Южной Африки.

Годовой временной ряд показателей государственного долга за период с 1960 по 2022 год представлен на *рисунке 2*.

Рис. 2. Динамика государственного долга

Следует отметить, что переменная нестационарна по уровням, поскольку существуют некоторые тенденции, демонстрирующие стремление показателя к росту, в частности в период с 2008 по 2022 год. Однако переменная показывает стационарность после первичной дифференциации, когда ее среднее значение и дисперсия равны нулю.

В *таблице 1* отражены результаты исследования. Среднее значение государственного долга составляет 36,95% от ВВП. В 2022 году наблюдается максимум (71,1%), что объясняется высоким уровнем стагнации экономической политики из-за влияния пандемии COVID-19, а также оказанием мер государственной поддержки по восстановлению экономики. Минимальное значение составило 24% в 2008 году, что объясняется финансовым кризисом.

Следующий шаг – проверка стационарности нужной переменной. Для этого используются тесты Дики – Фуллера (1979) и Филлипса – Перрона (1988) как наиболее распространенные тесты стационарности временных рядов. В *таблице 2* показаны результаты тестирования ряда на стационарность.

Сперва тест проводился лишь с использованием параметра регрессии, после – учитывались и тренд, и регрессия. В каждом случае нулевая гипотеза $\rho = 0$ не была опровергнута на 5% уровне значимости, учитывая значение теста Дики – Фуллера -0,938. Однако следует от-

метить, что при первичной дифференциации t -статистика теста Дики – Фуллера -4,931 является значимой на уровне 5% при p -значении 0,000. Аналогичные значения показателей можно наблюдать и в результатах теста Филлипса – Перрона, что может свидетельствовать о том, что переменная является стационарной после первичной дифференциации.

Результаты идентификации модели

При оценке модели ARMA в первую очередь необходимо рассмотреть графики частичной автокорреляционной функции и автокорреляции ряда государственного долга Южной Африки (*рис. 3, 4*), чтобы определить общую спецификацию будущей модели ARIMA и количество издержек для каждого компонента. Графики коррелограмм анализируются на основе ключевых свойств графиков функций ACF и PACF для процессов ARMA.

Анализируя функции ACF и PACF, можно определить, является ли выбранный набор данных процессом ARMA. Вывод о максимальном количестве лагов можно сделать только в случае чистых процессов. Рассматривая графики функций ACF и PACF на рисунке 3, следует сказать, что ряд нестационарен, поэтому он был подвергнут первичной дифференциации, содержащей лаги с порядковыми номерами 1, 8, 12, 13 и 14. Наблюдаемый процесс является моделью ARIMA, о чем свидетельствует визуальный анализ графиков ACF и PACF.

Таблица 1. Описательные результаты исследования

Переменная	DBTP
Наблюдение выборки (Obs)	63
Среднее (Mean)	36,95
Среднеквадратичное отклонение (Std. Dev)	10,00
Мин (Min)	24,00
Макс (Max)	71,10

Таблица 2. Расширенный тест Дики – Фуллера и Филлипса – Перрона для переменных DBTP

	Только регрессия	
	Результаты теста Дики – Фуллера	Результаты теста Филлипса – Перрона
Уровни	-0,938 (0,769)	-0,497 (0,884)
Первичная дифференциация	-4,931 (0,000)***	-4,931 (0,000)***
	Тренд и регрессия	
Уровни	-1,375 (0,858)	-0,952 (0,942)
Первичная дифференциация	-5,217 (0,000)***	-5,247 (0,000)

Рис. 3. Доля общего государственного долга от ВВП на разных уровнях

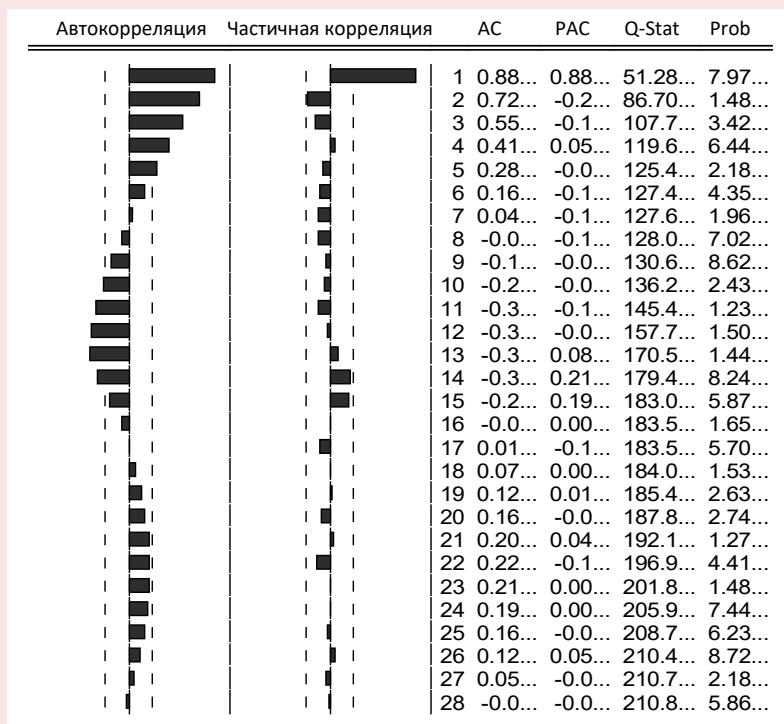
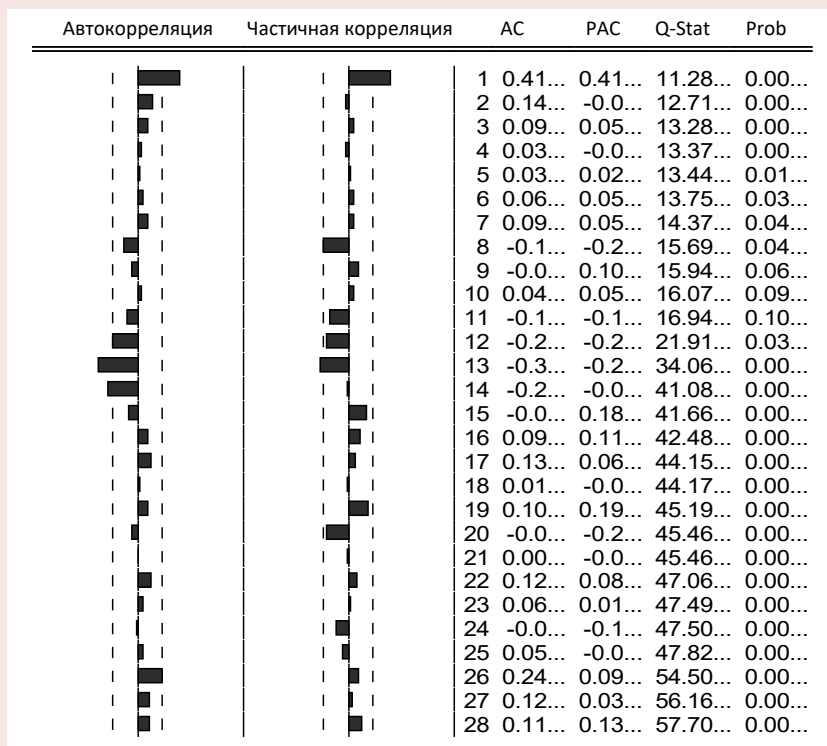

Рис. 4. Доля общего государственного долга от ВВП при первичной дифференциации

Результаты выбора модели

Согласно модели Бокса – Дженкинса (1979), следующим шагом является оценка модели ARIMA с учетом значимости коэффициента, скорректированного R-квадрата и информационного критерия Акаике (AIC), t-статистики с использованием пяти моделей ARIMA. В таблице 3 представлены модели ARIMA, которые можно считать наиболее подходящими, а именно ARIMA (1,1,1), ARIMA (8,1,1), ARIMA (13,1,1), ARIMA (1,1,12) и ARIMA (1,1,14). На основе скорректированного R-квадрата и AIC модель ARIMA (13,1,1) является наиболее подходящей относительно других моделей ARIMA. Таким образом, модель ARIMA (13,1,1) используется для прогнозирования общего государственного долга на период с 2021 по 2023 год.

На рисунках 5, 6 представлена графическая модель Q-теста Лунга – Бокса и обратных корней модели ARIMA (13,1,1). На рисунке 5 отображены результаты, согласно которым нулевая гипотеза не отрицается. То есть большинство p-значений теста больше 0,05, что означает, что остатки для модели временных

рядов независимы. Для диагностики структуры ARMA корни должны лежать внутри единичного круга. В противном случае модель считается нестабильной и, следовательно, не подходит для прогнозирования. Поскольку соответствующие обратные корни полинома лежат в единичном круге, можно сделать вывод, что выбранная модель ARIMA (13,1,1) стабильна и действительно подходит для прогнозирования государственного долга Южной Африки.

Поскольку модель ARIMA (13,1,1) действительно описывает динамику совокупного государственного долга и предполагает более высокую точность для дальнейшего прогнозирования, уравнение (2) отражает спецификацию модели следующим образом:

$$d(dbtp)_t = a + \beta_1 \Delta dbtp_{t-1} + \dots + \beta_1 \Delta dbtp_{t-13} + \varphi_1 e_t + \varphi_2 e_{t-1} + \delta_t \quad (2)$$

Уравнение (2) используется для определения модели, которая позволит получить прогноз динамики государственного долга Южной Африки.

Таблица 3. Анализ выбора наиболее подходящей модели

Модель	Переменные	Коэффициенты	T-статистика	AIC	Скорректированный R-квадрат
ARIMA (1,1,1)	AR(1) MA(1) Sigmasq	0,657 -0,312 7,261	1840** -0,708 7746***	4920	0,124
ARIMA (8,1,1)	AR(8) MA(1) Sigmasq	-0,166 0,355 7,484	-0,996 3000*** 8,705***	4953	0,097
ARIMA (13,1,1)	AR(13) MA(1) Sigmasq	-0,399 0,239 6,688	-1837** 1733** 6662***	4872	0,193***
ARIMA (1,1,12)	AR(12) MA(8) Sigmasq	-0,311 -0,119 8,048	-1,270 -0,793 10 193***	5,041	0,029
ARIMA (1,1,14)	AR(1) MA(14) Sigmasq	0,356 -0,201 7087	3838 -0,797 8,593	4904	0,145

Рис. 5. Q-статистический тест Лjung – Бокса для модели ARIMA (13,1,1)

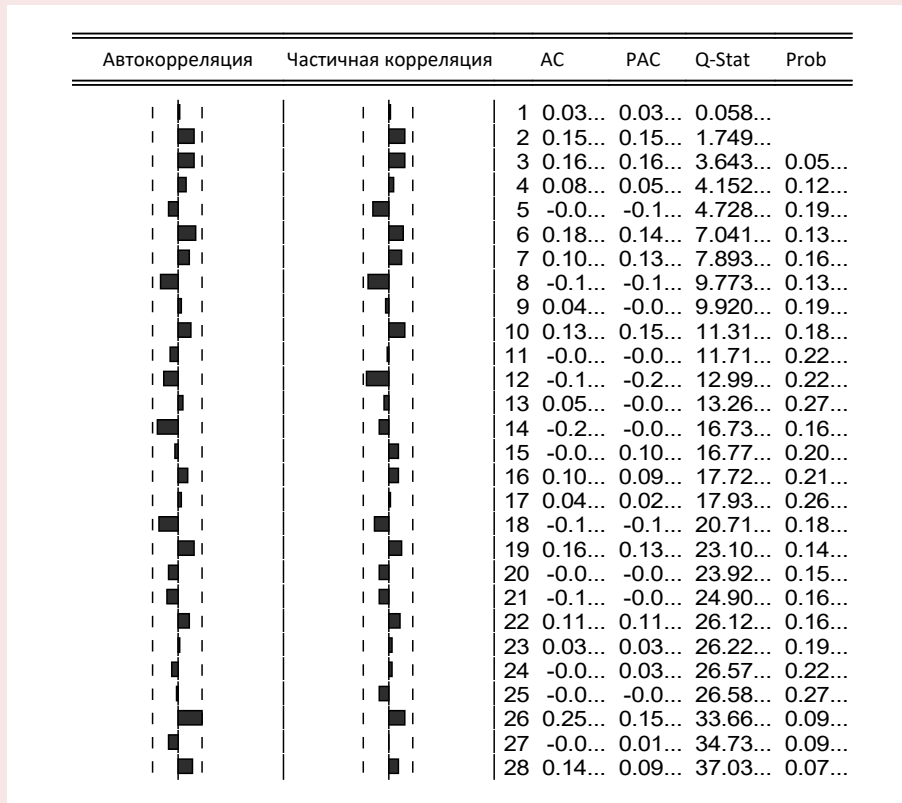
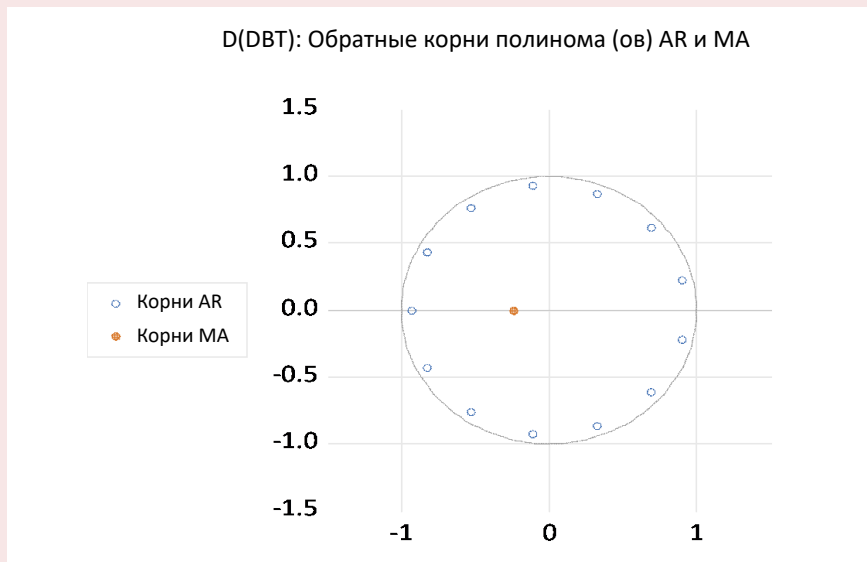

Рис. 6. Корни остатков AR для модели ARIMA (13,1,1)

Результаты прогнозирования

Прежде чем перейти к обсуждению прогнозируемых значений, следует отметить, что некоторые прогнозные оценки были рассмотрены для обеспечения более точного анализа. В таблице 4 представлены критерии оценки модели прогнозирования ARIMA (13,1,1). В данной статье применялись наиболее часто используемые критерии оценки, такие как среднеквадратичная ошибка (RMSE), средняя абсолютная ошибка (MAE) и средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE). Нами исследованы методы прогнозирования, а именно динами-

ческое прогнозирование. На основе полученных указанным методом данных можно сделать вывод, что он обеспечивает наилучшие результаты прогнозирования.

На рисунке 7 показана динамика государственного долга, фактическая и прогнозируемая с помощью динамического прогнозирования. Прогноз в пределах выборки охватывает период с 1960 по 2022 год, тогда как прогноз вне выборки рассчитан на один последующий период, то есть до 2023 года. Согласно представленным данным, прогнозируемые значения хорошо имитируют фактические значения (табл. 5).

Таблица 4. Критерии оценки прогнозирования ARIMA (13,1,1)

Критерии оценки	Динамическое прогнозирование
RMSE	11.44
MAE	8.01
MAPE	19.58

Рис. 7. Фактические и прогнозируемые значения государственного долга с использованием модели ARIMA (13,1,1)

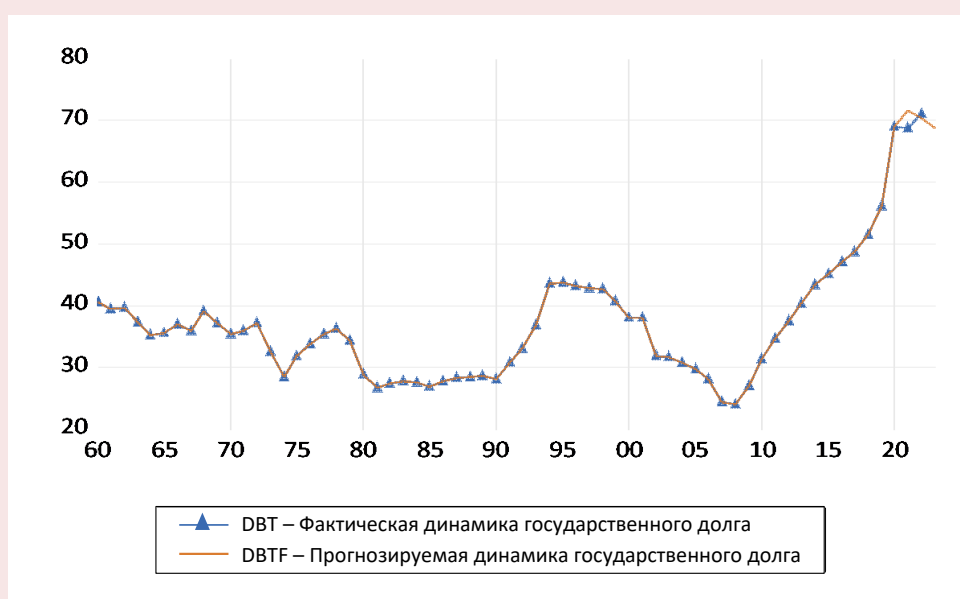

Таблица 5. Сравнение фактического и прогнозируемого показателя государственного долга

Год	Фактические значения	Прогнозные значения
2021	68,8	71,53
2022	71,1	70,33
2023	–	68,66

Таким образом, прогноз общего государственного долга показывает тенденцию к снижению с 71,5% в 2021 году до 70,3% в 2022 году и до 68,7% в 2023 году. Следовательно, полученные прогнозные данные практически не отклоняются от фактических значений, в частности на 2022 год.

Заключение

В рамках статьи была предпринята попытка рассмотреть процесс моделирования и прогнозирования государственного долга в Южной Африке. Нами предложено внедрение одномерной модели ARIMA, которая позволяет моделировать и прогнозировать показатель государственного долга в дальнейшем. Следует отметить, что прогнозирование имеет ключевое значение для управления государственным долгом. Полученные результаты показывают, что модель ARIMA (1,1,1) прошла все необходимые диагностические тесты, следовательно, она в большей степени подходит для про-

гнозирования. В ходе анализа дополнительно были задействованы динамические методы. Прогноз показывает, что в будущем ожидается снижение темпов роста государственного долга. Следует подчеркнуть, что такое прогнозируемое сокращение долга имеет экономические последствия для Южной Африки. В связи с этим данное исследование направлено на стимулирование проведения жесткой налогово-бюджетной реформы с целью свести государственный долг к минимуму. Реформа может включать повышение налоговых поступлений или сокращение государственных расходов для стабилизации государственного долга. Таким образом, практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что предложенная модель успешно имитирует фактические значения объема государственного долга в ходе прогнозирования. На наш взгляд, следует продолжить исследование динамики государственного долга.

Литература

- Baaziz Y., Guesmi K., Heller D., Lahiani A. (2015). Does public debt matter for economic growth? Evidence from South Africa. *The Journal of Applied Business Research*, 31(6), 2187–2196.
- Balassone F., Francese M., Pace A. (2011). Public debt and economic growth in Italy. In: *Economic History Working Paper 11*. Rome: Bank of Italy. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2236725>
- Borjesson G.E.P., Jenkins G.M. (1976). *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 1st edition. San Francisco: Holden-Day.
- Burriel P., Checherita-Westphal C., Jacquinot P., Schön M., Stähle N. (2020). Economic consequences of high public debt: Evidence from three large scale DSGE models, European Central Bank (ECB). *Working Paper Series*, 2450.
- Calitz E., Siebrits K., Stuart I. (2016). Enhancing the accuracy of fiscal projections in South Africa. *South African Journal of Economic and Management Sciences*, 19(3), a1142. DOI: <https://doi.org/10.4102/sajems.v19i3.1142>
- Cecchetti S.G., Mohanty M.S., Zampolli F. (2010). The future of public debt: Prospects and implications. *Bank for International Settlements (BIS), BIS Working Papers*, 300.
- Checherita-Westphal C., Hughes-Hallett A., Rother P. (2014). Fiscal sustainability using growth maximizing debt targets. *Applied Economics*, 46(6), 638–647.
- Dickey D., Fuller W.A. (1979). Distribution of the estimators for autoregressive. Time series with a unit root. *Journal of the American Statistical Association*, 74(366), 427–431.
- Dumitrescu B.A. (2014). The public debt in Romania – factors of influence, scenarios for the future and a sustainability analysis considering both a finite and infinite time horizon. *Procedia Economics and Finance* 8, 283–292.
- Mahadea D. (1998). The fiscal system and objectives of GEAR in South Africa – consistent or conflicting? *South African Journal of Economic and Management Sciences (SAJEMS)*, 1, 3.
- Mellet A. (2014). Analysis of macroeconomic forecasting accuracy of South African national treasury. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(21).
- Mhlaba N., Phiri A. (2017). Is public debt harmful towards economic growth? New evidence from South Africa. *Cogent Economics and Finance*, 7(1).
- Minakir P.A., Leonov S.N. (2019). Regional public debt: Trends and formation specifics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(4), 26–41. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.2

- Munir K., Mehmood N.R. (2018). Exploring the channels and impact of debt on economic growth: Evidence from South Asia. *South Asia Economic Journal*, 19(2), 171–191. DOI: 10.1177/1391561418794692
- Nikoloski A., Nedanovski P. (2017). Government debt dynamics and possibilities for its projection. The case of the Republic of Macedonia. In: *DIEM: Dubrovnik International Economic Meeting*.
- Phillips P.C., Perron P. (1988). Testing for a unit root in time series regression. *Biometrika*, 75(2), 335–346.
- Rahman Y., Pujiati A. (2021). Dynamic forecasting of government foreign debt: Case of Indonesia. *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan*, 14(1). DOI: <https://doi.org/10.15294/jejak.v14i1.29715>
- Schularick M. (2012). Public debt and financial crises in the twentieth century. *European Review of History: Revue Europeenne d'Histoire*, 19(6), 881–897. Available at: <https://doi.org/10.1080/13507486.2012.739149>
- Were M., Mollel L. (2020). Public debt sustainability and debt dynamics: The case of Tanzania. In: *Research Report 20/5, October 202*. UONGOZI Institute. Available at: https://media.africaportal.org/documents/Public-debt-sustainability-and-debt-dynamics_WP20_5.pdf
- Zaja M.M., Krzic A.S., Habek D. (2018). Forecasting fiscal variables in selected European economies using least absolute deviation method. *International Journal of Engineering Business Management*, 10, 1–19. Available at: <https://doi.org/10.1177/1847979017751485>
- Zhuravka F., Filatova H., Aiyedogbon J.O. (2019). Government debt forecasting based on the Arima model. *Public and Municipal Finance*, 8(1), 120–127. DOI:10.21511/pmf.08(1).2019.11

Сведения об авторе

Тебохо Мосикари – PhD (экономика), доцент, Северо-Западный университет (ЮАР, г. Ммабато, 2735, Corner Albert Lithuli & University Drive; e-mail: Teboho.mosikari@nwu.ac.za)

Mosikari T.

Modeling and Forecasting Public Debt in South Africa

Abstract. The principal interest of any developing country like South Africa is to preserve sustainable public debt. Recently, for developing economies there has been a growing concern regarding the importance of debt in setting the path for development and growth. The objective of this paper is to model and forecast total public debt in South Africa. Public debt in South Africa has grown substantially since the financial crisis in 2008 until now and it has not recovered. Debt is a crucial instrument for the small to medium economy such as South Africa and a vital source of fiscal policy. The study applied the ARIMA model to select the appropriate model to estimate and forecast public debt. As it is conventional for any time series modelling to assess the order of integration of the series used. The study employed the ADF unit root test to determine the order of integration and the results show that public debt variable is integrated of order one. The second step was to identify the best model to forecast public debt. In all the competing models the study identified that ARIMA(1,1,1) was selected according to the coefficient significance and Akaike information criteria. The forecast shows that, there is an expected reduction in the stock of public debt in the future. It is therefore recommended by this study that fiscal policy makers should adopt a strong fiscal reform to keep the public debt to a minimum.

Key words: public debt, ARIMA, forecasting, South Africa.

Information about the Author

Teboho Mosikari – PhD (Economics), Associate Professor, North-West University (Corner Albert Lithuli & University Drive, Mmabatho, 2735, South Africa; e-mail: Teboho.mosikari@nwu.ac.za)

Статья поступила 10.05.2023.

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.14

УДК 338.4, ББК 65.20:66.3

© Нифтиев И.М., Рустамли Э.Ф., Маммадли Р.М.

Моделирование производства возобновляемой электроэнергии в Азербайджане

**Ибрагим М.
НИФТИЕВ**

Азербайджанский государственный экономический университет
Баку, Азербайджан
e-mail: ibrahim.niftiyev@unec.edu.az
ORCID: 0000-0003-3437-9824

**Эмин Ф.
РУСТАМЛИ**

UNY LLC
Баку, Азербайджан
e-mail: emin.f.rustamli@gmail.com
ORCID: 0009-0005-5761-8367

**Раван М.
МАММАДЛИ**

Азербайджанский государственный экономический университет
Баку, Азербайджан
e-mail: ravan.m.mammadli@gmail.com
ORCID: 0009-0003-1390-2716

Для цитирования: Нифтиев И.М., Рустамли Э.Ф., Маммадли Р.М. (2024). Моделирование производства возобновляемой электроэнергии в Азербайджане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 240–260. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.14

For citation: Niftiyev I.M., Rustamli E.F., Mammadli R.M. (2024). Modeling renewable electricity production in Azerbaijan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 240–260. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.14

Аннотация. Азербайджан — богатая нефтью страна на Южном Кавказе, обладающая большим потенциалом для развития сектора возобновляемых источников энергии, на долю которого в настоящее время приходится лишь небольшая часть от общего объема производства энергии. Увеличение объемов выработки электроэнергии из возобновляемых источников приносит экономические и экологические выгоды: повышение энергетической безопасности, устойчивости и ресурсосбережения, децентрализованное производство электроэнергии, технологические инновации и смягчение последствий изменения климата. Несмотря на растущее число исследований, посвященных зеленой энергетике Азербайджана или энергетическому переходу, динамика относительно продолжительного производства электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в стране изучена не в полной мере. Более того, в большинстве исследований не учитывается роль технологических изменений и ключевых институциональных и политических переменных в энергетическом переходе. В нашей работе восполняется этот пробел, в ней применяется моделирование с помощью динамического обычного метода наименьших квадратов (DOLS) к годовым данным для выявления ключевых экономических, институциональных и политических детерминант в период с 1990 по 2021 год. Обнаружено, что экономические переменные, такие как цены на нефть, открытость торговли, выбросы CO₂, присоединение к Киотскому протоколу и кризисные периоды, были положительно и статистически значимо связаны с производством электроэнергии из возобновляемых источников в Азербайджане. Однако институциональные переменные (например, эффективность государственного управления), ВВП на душу населения и потребление первичной энергии были отрицательно и статистически значимо связаны с производством возобновляемой электроэнергии. Полученные выводы могут послужить источником важной информации об увеличении объемов производства энергии из возобновляемых источников как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Следовательно, работа представляет интерес для ученых, политиков и лиц, принимающих решения.

Ключевые слова: экономика Азербайджана, производство электроэнергии, динамический метод наименьших квадратов, зеленая экономика, возобновляемые источники энергии.

Введение

Исследование фундаментальных факторов, определяющих производство энергии из возобновляемых источников, приносит существенную пользу обществу. Прежде всего это помогает повысить энергетическую безопасность за счет снижения зависимости от импорта ископаемого топлива (Moriarty, Honnery, 2016). Далее, такие источники характеризуются незначительными выбросами парниковых газов, что делает их ключевым компонентом перехода к низкоуглеродной экономике и сопутствующему снижению выбросов¹. Кроме того, переход на возобновляемые источники энергии способствует укреплению здоровья населения за счет уменьшения загрязнения воздуха, что повышает качество жизни обще-

ства (Singh et al., 2010; Wolch et al., 2014). Этот переход также несет в себе потенциал для создания новых рабочих мест, особенно в сфере производства, установки и обслуживания инфраструктуры возобновляемых источников энергии². Наконец, в регионах, где преобладает традиционная биомасса, переход на возобновляемые источники энергии положительно влияет на жизнь в сельской местности, поскольку отпадает необходимость тратить значительное количество времени и сил на заготовку дров, и одновременно расширяется доступ к современным энергетическим услугам³.

¹ Meletioui A. (2017). The role of network regulation in the transition towards a low-carbon European power system. Doctoral dissertation. Politecnico di Torino.

² См.: Guta D. (2015). Bio-based energy, rural livelihoods and energy security in Ethiopia. Doctoral dissertation, Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. DOI: 10.3726/978-3-653-06173-4

³ Там же.

Богатые нефтью страны все больше стремятся отказаться от традиционного производства энергии на основе ископаемого топлива. Этот переход обусловлен рядом факторов, которые наделяют производство возобновляемой энергии значительным потенциалом для укрепления долгосрочного экономического роста и стратегий развития богатых нефтью стран (Østergaard et al., 2021). Преимущества такого перехода следующие: диверсификация внутреннего производства энергии, которую можно также экспортировать; снижение затрат на производство; уменьшение негативного воздействия на окружающую среду; создание дополнительных возможностей для трудоустройства. Это цели, к которым стремятся многие развивающиеся нефтедобывающие страны. Вышесказанное требует изучения конкретных примеров для получения более глубокого представления о национальных социально-экономических показателях и секторе возобновляемой энергетики. В качестве одного из таких примеров можно привести Азербайджан, расположенный на Южном Кавказе и граничащий с Каспийским морем.

Азербайджан располагает значительными запасами нефти и природного газа, которые используются как для производства энергии внутри страны, так и для получения значительных доходов от экспорта (Bayulgen, 2003). В широком смысле Азербайджан обладает примерно семью миллиардами баррелей нефти, а уровень ее добычи в 2010 году составил 1 034,63 тысячи баррелей в день, что стало самым высоким показателем с 1991 года⁴. Горнодобывающий сектор, на долю которого в 2022 году пришлось 55,94% добавленной стоимости, играет важную роль, а производство энергии является основным стимулом для развития ненефтяной экономики⁵. Горнодобывающая и энергетическая отрасли традиционно воспринимаются как ключевые, а некоторым ненефтяным отраслям и институциональным достижениям в ненефтяной сфере не уделяется должного внимания, в том числе в связи с необходимостью получе-

ния сырьевой ренты⁶. Таким образом, быстрый экономический рост, прогресс в развитии, сокращение бедности и рост благосостояния, наблюдаемые в Азербайджане, сопровождаются такими явлениями, как «голландская болезнь» и деиндустриализация (Hasanov, 2013).

Зависимость Азербайджана от нефти, производство энергии на основе ископаемого топлива и ограниченные возможности для создания рабочих мест делают необходимым рассмотрение таких актуальных проблем, как возможности развития зеленой экономики с целью создания социальных и экономических перспектив. Несмотря на растущий объем литературы, посвященной изучению зеленой экономики и производства возобновляемой энергии в Азербайджане, комплексный подход к моделированию основных экономических, институциональных и политических факторов, влияющих на производство возобновляемой энергии, остается недостаточно проработанным. Кроме того, до сих пор не было проведено комплексное исследование динамики производства возобновляемой энергии за длительный период времени (с 1990 по 2021 год). Для устранения этого пробела в работе построены линейные модели экономики Азербайджана в зависимости от производства электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения, что является ключевым фактором, влияющим на общий экономический рост и развитие (Humbatova, 2020). Исследовательский вопрос, на который мы попытаемся найти ответ, заключается в следующем: как экономические, институциональные и политические факторы повлияли на производство возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане в период с 1990 по 2021 год? Для этого мы используем количественный метод исследования, в частности динамический обычный метод наименьших квадратов (DOLS), который эффективно устраняет проблемы эндогенности и серийной корреляции (Saikkonen, 1991; Stock, Watson, 1993). Подход позволяет отразить устойчивые и динамические взаимосвязи

⁴ The Global Economy (2023). Available at: <https://www.theglobaleconomy.com/>

⁵ Там же.

⁶ См.: Frayne T. (2012). Energy sector FDI in Azerbaijan: An example of good governance. E-international Relations. Available at: <https://www.e-ir.info/2012/08/05/energy-sector-fdi-in-azerbaijan-an-example-of-good-governance/>

между интересующими нас переменными, решая общие проблемы эндогенности, распространенные в наборах экономических данных (Isiaka, 2020). Таким образом, мы руководствуемся предложениями, содержащимися в работе Ahmet (Ahmet, 2021), согласно которым метод DOLS позволяет получить несмещенные коэффициенты для небольших выборок, соответствующих нашей ситуации, независимо от степени их интеграции. Вклад исследования заключается в комплексном рассмотрении детерминант возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане, небольшой богатой нефтью стране, где мировые цены на нефть в значительной степени определяют экономическое процветание. Мы опираемся на теоретическую базу, полученную из обзора литературы, в частности посвященной азербайджанской экономике. Основные научные гипотезы нашей работы:

Г1: экономические детерминанты (например, ВВП на душу населения, открытость торговли) играют статистически значимую роль в производстве возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане в период с 1990 по 2021 год;

Г2: институциональные детерминанты (например, эффективность правительства, качество регулирования) играют статистически значимую роль в производстве возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане в период с 1996 по 2021 год;

Г3: политические детерминанты (например, расходы на исследования и разработки, присоединение к Киотскому протоколу) играют статистически значимую роль в производстве электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в Азербайджане в период с 1996 по 2021 год.

Обзор литературы и теоретическая база

Потенциал Азербайджана для перехода от преобладающей парадигмы энергетики, основанной на использовании ископаемого топлива, к более экологически устойчивой модели производства привлекает пристальное внимание. Это обусловлено наличием в стране мощностей гидро-, солнечной и ветроэнергетики, что благоприятно сказывается на увеличении производства электроэнергии из возобновляе-

мых источников на душу населения (Vidadili et al., 2017). Преобладает мнение, что скрытый потенциал Азербайджана остается не полностью задействованным, открывая перспективы значительного увеличения производства зеленой энергии (Mustafayev et al., 2022). Существует реальная возможность увеличить производство электроэнергии в Азербайджане на 5–7%, а также на 10% повысить производство тепловой энергии, чему способствует внедрение альтернативных источников энергии (Azizov, Mammadova, 2022). Правительство Азербайджана уделяет внимание этим вопросам, особенно в последнее десятилетие, что подчеркивается в Государственной программе по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии в Азербайджанской Республике (Hasanov, 2023). Но все же сохраняются и существенные проблемы в области правовой базы, беспрепятственной интеграции в энергосистему, ограничений по емкости накопителей и гармонизации динамики спроса и предложения, что требует согласованных усилий для их решения в обозримой перспективе.

Количество эконометрических и эмпирических исследований производства возобновляемой энергии в Азербайджане продолжает расти. Например, Huseynli и Huseynli (Huseynli, Huseynli, 2022) выявили причинно-следственную связь между переменными, включающими производство возобновляемой энергии, безработицу и объем производства традиционной энергии. Используя векторную авторегрессию и корреляционный анализ, ученые обнаружили устойчивую взаимосвязь между этими переменными и выяснили, что общее производство и потребление энергии способствует увеличению объемов производства возобновляемой энергии, тем самым создавая новые перспективы занятости. Mukhtarov (Mukhtarov, 2022) применил тест на причинность по Грейнджеру к годовым данным за период с 1992 по 2015 год и обосновал наличие причинно-следственной связи между экономическим ростом и производством возобновляемой энергии в Азербайджане. Mukhtarov и соавторы (Mukhtarov et al., 2020) установили, что рост потребления возобновляемой энергии на 0,16 и 0,60% сопровождается повышением на 1% уровня финансо-

вого развития, измеряемого через показатель внутреннего кредита по отношению к ВВП в период с 1993 по 2015 год. Это статистически достоверным образом подчеркивает ключевую роль внутреннего финансового развития и экономического роста в стимулировании потребления возобновляемой энергии. Тем не менее, в ряде работ были выдвинуты контраргументы, опровергающие предположение об устойчивом равновесии между производством возобновляемой энергии и ключевыми экономическими переменными в азербайджанской экономике (Kalyoncu, 2013), а также ставящие под сомнение их вклад в экономический рост (Huseynli, 2022). Несмотря на это, последнее исследование Hasanov и соавторов (Hasanov et al., 2023) с использованием алгоритмов машинного обучения показало, что и общая факторная производительность, и потребление возобновляемой энергии приводят к сокращению выбросов CO₂.

Азербайджан сталкивается с необходимостью ускорить процесс перехода на новые виды энергии. Традиционная практика производства энергии на основе ископаемого топлива, помимо того, что она явно не соответствует программе устойчивого развития, которой придерживается Организация Объединенных Наций, имеет негативные экологические последствия (Abbasov, 2015). Проблема деградации окружающей среды в Азербайджане привлекает пристальное внимание на протяжении нескольких лет. Это объясняется наличием в стране огромных запасов нефти и газа, что еще больше усугубилось историческим «Контрактом века», подписанным в 1994 году. Это также усилило озабоченность по поводу сохранения окружающей среды (Aliyev et al., 2006). Известные ученые утверждают, что инициированные государством начинания, такие как проекты «Чистый город» и «Белый город», представляют собой конкретные меры по борьбе с изменением климата и истощением жизненно важных ресурсов в Азербайджане (Mehdialiyeva, Mazanova, 2013). Внедрение автономных фотоэлектрических технологий (SAPV) в Карабахском регионе, в частности в городе Зангелан, служит ярким примером систематического стремления политиков укреплять социально-экономиче-

ское благополучие новых общин с помощью стратегий устойчивого производства энергии. Однако необходимо признать, что масштаб таких инициатив не должен ограничиваться исключительно энергетическим сектором; преимущества устойчивой зеленой энергетики должны касаться также сельского хозяйства и транспортной отрасли (Mehdialiyeva, Mazanova, 2013).

В рамках дискурса, охватывающего производство зеленой энергии в Азербайджане, перспективным направлением является сотрудничество с иностранными государствами для использования накопленного ими опыта, технологических инноваций и политических решений. Hajiyeva и Musayeva-Gurbanova подчеркивают перспективы развития сотрудничества между Азербайджаном и европейскими партнерами, в частности Швейцарией и Швецией, известными своими эффективными экономическими парадигмами и политикой, направленной на интеграцию зеленой энергетики (Musayeva-Gurbanova, Hajiyeva, 2022). Этот импульс подчеркивается ключевой ролью Азербайджана в укреплении энергетической безопасности стран Европейского союза, что придает стратегическое значение Южному Кавказу и региону Каспийского моря (Galandarova, 2023). Galandarova (Galandarova, 2023) также утверждает, что сотрудничество между Азербайджаном и странами Европейского союза способствует созданию прочной нормативно-правовой базы для продвижения программы производства возобновляемой энергии (Galandarova, 2023).

По сути, перспективные траектории производства возобновляемой энергии в Азербайджане опираются как на оптимистичные, так и на осторожные взгляды. Каждая позиция подкрепляется различными тезисами, основанными на преобладающих политических, социально-экономических и институциональных условиях. Например, Азербайджан разрабатывает целый ряд законодательных актов, правовых документов и государственных инициатив, созвучных европейским нормам, что свидетельствует о стремлении страны организовать энергетический переход, учитывающий экологические императивы и экономию ресурсов (Ahmadov,

Khalilov, 2019). Ibadoghlu (Ibadoghlu, 2022) предлагает свой взгляд на оценку производства возобновляемой энергии; Hajizada (Hajizada, 2021) утверждает, что сильное межведомственное взаимодействие в сочетании с проактивной позицией правительства Азербайджана повышает возможность реализации поставленных целей в сфере зеленой энергетики. Сравнительный анализ, проведенный Cholewa и соавторами (Cholewa et al., 2022), а также Guliyev (Guliyev, 2023), подчеркивает стремление Азербайджана сократить выбросы парниковых газов на 30% за счет сектора возобновляемой энергетики. Тем не менее, возникают проблемы: ограниченное сотрудничество с соседними странами и ярко выраженное монопольное господство ОАО «Азерэнерджи», что снижает эффективность нормативно-правовой базы и нормативных предписаний (Hamidova et al., 2022).

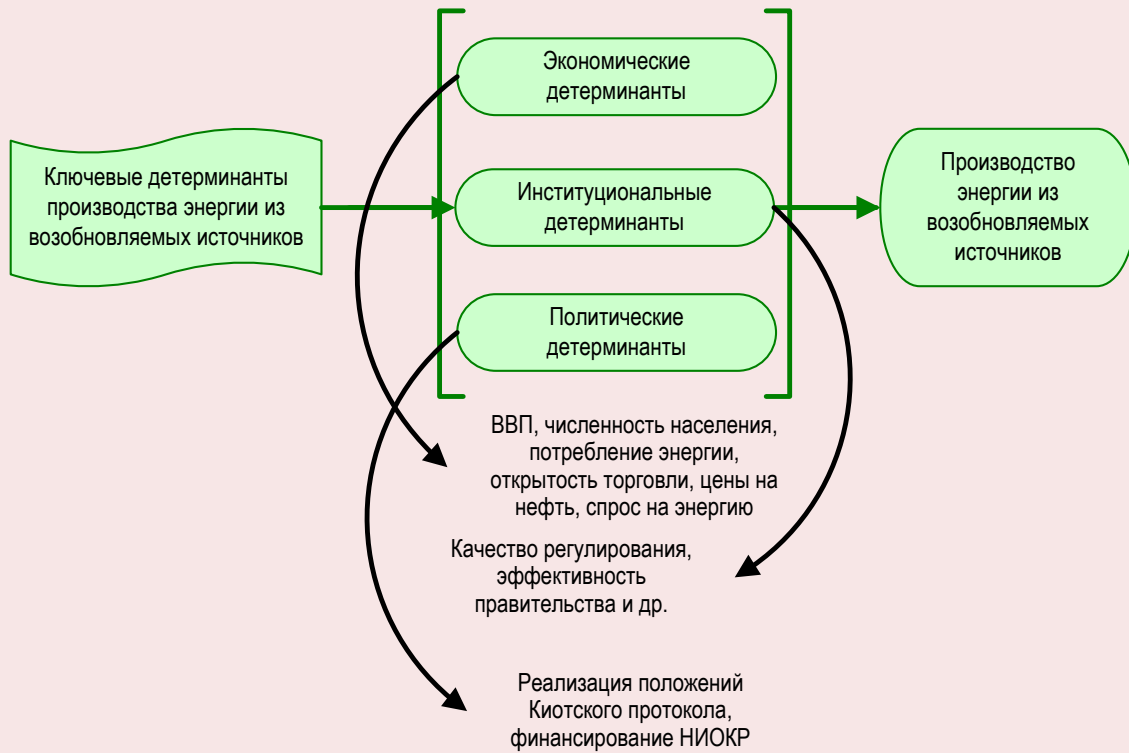
В ряде исследований обращается внимание на недобросовестные действия и серьезные препятствия, мешающие прогрессу развития зеленой энергетики в Азербайджане. Страна сталкивается с необходимостью пересмотреть свои ценовые и инвестиционные стратегии в сфере производства электроэнергии. В сложившейся обстановке достичь инвестиционного порога, необходимого для наращивания мощностей по производству возобновляемой энергии, очень сложно (Gulaliyev et al., 2020). Существующая технологическая и экономическая эффективность, связанная с производством возобновляемой энергии, явно неоптимальна в сочетании с недостатком стимулов, способных придать необходимый импульс потенциальным заинтересованным сторонам Азербайджана (Gulaliyev et al., 2020). Nuriyev и соавторы (Nuriyev et al., 2021) подтверждают вышесказанное, указывая среди проблемных аспектов развития возобновляемой энергетики энергетическую политику, финансовые риски и необходимость доступа к сетям. Bayramov (Bayramov, 2021) подчеркивает роль субсидий в принятии государством мер, направленных на стимулирование и укрепление производства энергии на основе ископаемого топлива, и обходит стороной проблему стимулирования начинаний в области возобновляемых источников энергии.

Трудности, вызванные пандемией COVID-19, нашли отклик и в сфере возобновляемой энергетики Азербайджана. По мере снижения мирового спроса и цен на нефть фискальная свобода Азербайджана сократилась, что ограничило его возможности по инвестированию и наращиванию производства возобновляемых источников энергии (Bayramov, 2021).

Доступ к капиталу для проектов возобновляемой энергетики остается затрудненным из-за низкой ликвидности в местной банковской системе и высоких процентных ставок (Bayramov, 2021). Guliyev (Guliyev, 2023) утверждает, что сектор возобновляемой энергетики Азербайджана зависит от прямых иностранных инвестиций из стран Персидского залива. Предпочтения потребителей в отношении возобновляемых источников энергии также невелики, а азербайджанская общественность по-прежнему плохо информирована о возможностях отказа от ископаемого топлива (Bayramov, 2021). Для расширения использования возобновляемых источников энергии необходимо повысить осведомленность населения (Bayramov, 2021).

Мы сформулировали теоретическую основу исследования, опираясь на работы (Ahmad et al., 2022; Bourcet, 2020; Omri, Nguyen, 2014; Przychodzen, Przychodzen, 2020). Методологический подход к выбору переменных в контексте исследования представлен на *рисунке 1*. Мы разделили переменные на три категории: экономические, институциональные и политические детерминанты, в совокупности представляющие основные каналы, через которые происходит воздействие на производство возобновляемой энергии. Эта классификация справедлива не только для Азербайджана, но и в более широких международных рамках. В сфере экономических детерминант такие переменные, как ВВП на душу населения, спрос на энергию и открытость торговли, считаются основными факторами, влияющими на производство возобновляемой энергии. Аналогичным образом, институциональные детерминанты включают качество регулирования, эффективность правительства и агрегированный показатель качества институтов, основанный на

Рис. 1. Теоретическая основа исследования

Источник: составлено авторами на основе анализа литературы.

совокупности соответствующих показателей управления Всемирного банка, таких как верховенство закона, право голоса и подотчетность, контроль над коррупцией и политическая стабильность. Наконец, исследование политических аспектов производства возобновляемой энергии было основано на всестороннем анализе реализации Киотского протокола и выделения ресурсов на исследования и разработки.

Данные и методология

В исследовании используется методика DOLS, которая является более предпочтительным подходом по сравнению с традиционным методом OLS. Выбор обусловлен эффективностью DOLS в плане смягчения проблем, возникающих в связи с автокорреляцией и эндогенностью, о чем говорилось ранее. Ниже приводится общее функциональное представление эмпирических моделей:

$$Y_t = F(E_t, I_t, P_t), \quad (1)$$

где Y_t – производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в момент времени t ; E_t – возможные экономические детерминанты в тот же момент времени (например, ВВП на душу населения, цены на нефть, потребление энергии); I_t – институциональные детерминанты, охватывающие такие аспекты, как качество регулирования, эффективность правительства и среднее качество институтов, включающее дополнительные компоненты (например, контроль над коррупцией, законность); P_t – переменные в области политики, включающие такие факторы, как расходы на исследования и разработки, реализация Киотского протокола и т. д. Эта функциональная взаимосвязь оценивается с помощью различных переменных, отобранных в соответствии с теоретическими рамками исследования. Затем были рассчитаны модели DOLS в рамках подхода, разработанного Stock и Watson (Stock, Watson,

1993). Таким образом, наш расчет модели DOLS представлен следующим образом:

$$RenElec_t = C_0 + \beta_i X_{i,t} + \sum_{r=-k}^{r=k} \Phi_i \Delta X_{i,t+r} + \varepsilon_{i,t}, \quad (2)$$

где $RenElec$ – производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в момент времени t ; C_0 – вектор коэффициентов перехвата; $X_{i,t}$ – вектор интегрированных регрессоров в их уровневой форме, за которыми следуют их дифференцированная, лаговая и опережающая формы $\Delta X_{i,t+r}$; Δ – оператор разности, относящийся к вектору объясняющих переменных, входящих в состав X ; k – количество лагов и опережений; Φ – вектор коэффициентов, полученных из лаговых и опережающих объясняющих переменных; β_i – вектор долгосрочных коэффициентов; ε_i – случайные условия ошибки в момент времени t . Решение установить значение k , равное «1», обусловлено ограничениями, накладываемыми ограниченным объемом выборки, основанной на годовых данных.

Нами проанализированы работы, в которых использовались модели DOLS для оценки данных временных рядов (Murshed, Saadat, 2008; Loganathan, Subramaniam, 2010; Mahadea, Kaseeram, 2018; Ahmet, 2021). Эти исследования были направлены на выяснение разумного выбора переменных в рамках одной модели с учетом ограничений, накладываемых объемом выборки. Анализ выявил устойчивую тенденцию, согласно которой обычно две-три, максимум четыре объясняющие переменные, включая параметр перехвата, считаются подходящими для оценки модели DOLS. В свете этого наблюдения наши усилия были направлены на использование от двух до трех объясняющих переменных в оценках, что способствовало получению существенных и несмещенных долгосрочных коэффициентов.

Для оценок OLS корректировка степеней свободы и изменение масштаба членов ошибки OLS являются стандартными процедурами в эконометрическом программном обеспечении EViews. Однако в контексте DOLS переоценка этого стандартного подхода становится необходимой из-за сложной природы модели, включающей лаги и опережения дифференцированных объясняющих переменных в сочетании с

их соответствующими уровневыми формами. В качестве корректирующей меры мы применили метод DOLS в эконометрическом программном обеспечении EViews. Примечательно, что ковариационная матрица коэффициентов строится по методу HAV, а опция корректировки степеней свободы остается не отмеченной, как и подобает методу DOLS. Для повышения робастности нашего анализа каждая модель прошла диагностические тесты, включая тест на нормальность Харке – Бера и тест Вальда. Кроме того, значения R-квадрата в сочетании со стандартной ошибкой регрессии дают представление о качестве линейных оценок.

В *таблице 1* представлен полный обзор рассматриваемых переменных. Примечательно, что временной охват переменных в наборе данных оказался разным. Например, такие показатели, как доля первичной энергии, получаемой из возобновляемых источников, преобладающие цены на нефть, темпы роста населения, выбросы CO₂ на душу населения и потребление первичной энергии на душу населения, отслеживались с 1990 по 2021 год. С другой стороны, показатели, включающие производство электроэнергии на душу населения из возобновляемых источников, ВВП на душу населения и степень открытости торговли, рассматривались за период с 1990 по 2021 год, а расходы на научные исследования и разработки (НИОКР) и институциональные переменные (например, качество регулирования, эффективность правительства) – с 1996 по 2021 год.

Для трех переменных наблюдались выпадающие значения. В частности, для переменной RegQ значение выброса было ограничено 2004 годом, а для переменных TrOpp и PrEnCon значения выброса распространялись на несколько лет (*табл. 2*). Для решения этой проблемы была применена стратегия, включающая ограничения на значения, в соответствии с которой выпадающие значения RegQ и TrOpp были заменены максимальными или минимальными значениями, извлеченными из соответствующих временных рядов, не затронутых выпадающими значениями. В отличие от этого, переменная PrEnCon оставалась неизменной с точки зрения значений выбросов, в первую очередь из-за сложностей, связанных с потенциальной потерей данных.

Таблица 1. Характеристика переменных, использованных в моделировании методом DOLS

№	Переменная	Сокращение	Определение	Источник
1.	Производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения	RenElec	В киловатт-часах; общий объем электроэнергии из таких источников, как солнечная энергия, ветер, гидроэнергия, геотермальная энергия и т. д.	Our World in Data
2.	Выбросы CO ₂ на душу населения	CO2Emm	В тоннах; выбросы углекислого газа (CO ₂) в результате использования ископаемого топлива и промышленности, за исключением землепользования	
3.	Потребление первичной энергии на душу населения	PrEnCon	В киловатт-часах на человека	
4.	Цены на нефть	OilP	В долларах США за баррель; денежная стоимость одного барреля нефти	U.S. Energy Information Administration
5.	Открытость торговли	TrOpp	В %; процентная доля торговли (экспорт – импорт) в ВВП страны	The World Bank
6.	ВВП на душу населения	GDPPerCap	В текущих долларах США; ВВП на душу населения является результатом деления валового внутреннего продукта на численность населения в середине года	
7.	Расходы на НИОКР	R&DExp	В %; процент ВВП, выделяемый на расходы на исследования и разработки	
8.	Эффективность правительства	GovEff	В оценочном значении (-2,5 – самый низкий показатель; +2,5 – самый высокий); эффективность государственного управления охватывает восприятие качества государственных услуг, результативность государственной службы, ее независимость от политических влияний, качество разработки и реализации политики, а также доверие к приверженности правительства этой политике	
9.	Качество регулирования	RegQ	В оценочном значении (-2,5 – самый низкий показатель; +2,5 – самый высокий); качество регулирования относится к предполагаемой способности правительства разрабатывать и осуществлять эффективную политику и нормативные акты, которые поощряют и поддерживают рост и развитие частного сектора	
10.	Качество институтов	InsQ	Среднее значение всех доступных показателей World Bank Governance	
11.	Темпы роста населения	PopGr	В %; ежегодный прирост общей численности населения страны	
12.	Реализация Киотского протокола	KyotoPr	Фиктивная переменная за период 2000–2021 гг. = 1	Составлено авторами на основе данных Министерства энергетики
13.	Периоды экономических кризисов	Crises	Фиктивная переменная для кризисных периодов 1989–1994 = 2009–2010 = 2014–2015 = 2020 = 1	
Источник: составлено авторами.				

Перед проведением оценок DOLS все переменные были стандартизированы с помощью Z-коэффициентов, что способствовало достижению сопоставимости коэффициентов. Таким образом, в таблице 2 представлены описательная статистика, информация о точках выброса (годы их возникновения) и корреляции на основе непараметрического коэффициента корреляции Спирмена для каждой переменной с зависимой переменной, а именно RenElec.

Принимая во внимание работы (Azizi et al., 2022; Nordin et al., 2014; Sharif et al., 2017), мы используем фундаментальные статистические процедуры, чтобы убедиться в совместимости нашего набора данных с системой DOLS. Проводится расширенный тест Дики – Фуллера (ADF) для оценки единичного корня и коинтеграционный анализ Йохансена – Юселиуса для изучения закономерностей коинтеграции.

Существование коинтеграционной связи между интересующими нас переменными является обязательным условием для последующего применения DOLS. Это фундаментальное понимание стационарности и коинтеграции подтверждает устойчивость последующего линейного моделирования, согласуясь с устоявшейся практикой в области экономики, о чем свидетельствуют фундаментальные работы (Lim et al., 2003; Zhong, Lei, 2008; Herve, Shen, 2011).

Согласно тесту ADF (табл. 3), все переменные являются стационарными в форме первой разности на основе информационного критерия Акаике. Когда переменные стационарны по первой разности, зачастую проще оценить взаимосвязь между ними с помощью эконометрических методов, таких как регрессия или коинтеграция. Стационарность упрощает процесс моделирования и повышает надежность результатов.

Таблица 2. Описательная статистика переменных

Переменная	Мин.	Макс.	Среднее	Ст.откл.	Выбросы	Корреляция
RenElec	118.62	369.16	222.42	62.50	—	—
CO ₂ Emm	3.32	7.61	4.53	1.50	—	0.26*
PrEnCon	14,165.33	36,072.15	20,617.52	7,234.66	1991	0.04
OilP	14.42	99.67	44.31	27.83		-0.06
TrOpp	55.35	115.84	86.41	15.31	1992–93, 2004	0.54**
GDPPerCap	60.24	7,890.84	3,007.71	2,650.32	—	-0.22
R&DExp	0.17	0.42	0.25	0.07	—	0.06
GovEff	-0.71	0.81	0.07	0.53	—	-0.43*
RegQ	-0.88	-0.48	-0.67	0.10	2004	0.27
InsQ	-1.06	0.42	-0.19	0.52	—	-0.43*
PopGr	0.44	2.12	1.18	0.36	—	0.31*

Примечания. Описательная статистика была основана на наборе данных, который не содержал каких-либо выбросов
 * Корреляция значима на уровне 0,01 (с двумя хвостами);
 ** Корреляция значима на уровне 0,05 (с двумя хвостами).
 Источник: расчеты авторов на основе полученного набора данных.

Таблица 3. Расширенный тест Дики – Фуллера на единичный корень для переменных

	RenElec	CO ₂ Emm	PrEnCon	OilP	TrOpp	PopGR
На уровне	-2.38	-1.52	-0.70	-2.37	-2.91	-1.98
1 разница	-5.19***	-3.41*	-4.19**	-6.29***	-6.23***	-5.66***
	GDPPerCap	R&DExp	GovEff	RegQ	InsQ	
На уровне	-2.28	-2.75	-2.30	-2.26	-0.93	
1 разница	-3.44*	-5.04***	-5.55***	-3.65**	-4.42***	

Цифры были округлены до второго знака после запятой для краткости. Символы *, ** и *** указывают на статистическую значимость на уровнях 10%, 5% и 1% соответственно.
 Источник: расчеты авторов.

Учитывая различие в объемах выборки по количеству наблюдений и относительно короткой временной промежуток, наша аналитическая стратегия включала проведение трех различных коинтеграционных анализов Йохансена – Юселиуса. Эти исследования были основаны на объединении различных подмножеств интересующих нас переменных с абсолютным включением зависимой переменной, обозначаемой как производство электроэнергии из возобновляемых источников (RenElec). Результаты анализа представлены в *таблице 4*. Примечательно, что результаты, полученные в ходе трех аналитических итераций, постоянно подчеркивают существование как минимум одного коинтеграционного уравнения между оцениваемыми переменными. Такие результаты фактически подтверждают предположение о том, что рассматриваемые переменные демонстрируют коинтеграцию, что подразумевает наличие устойчивого долгосрочного равновесия между ними. По сути, это означает действие объединяющего механизма, который согласовывает траектории движения интересу-

ющих нас переменных. Следовательно, есть все основания для получения теоретически значимых результатов, имеющих существенное эмпирическое значение.

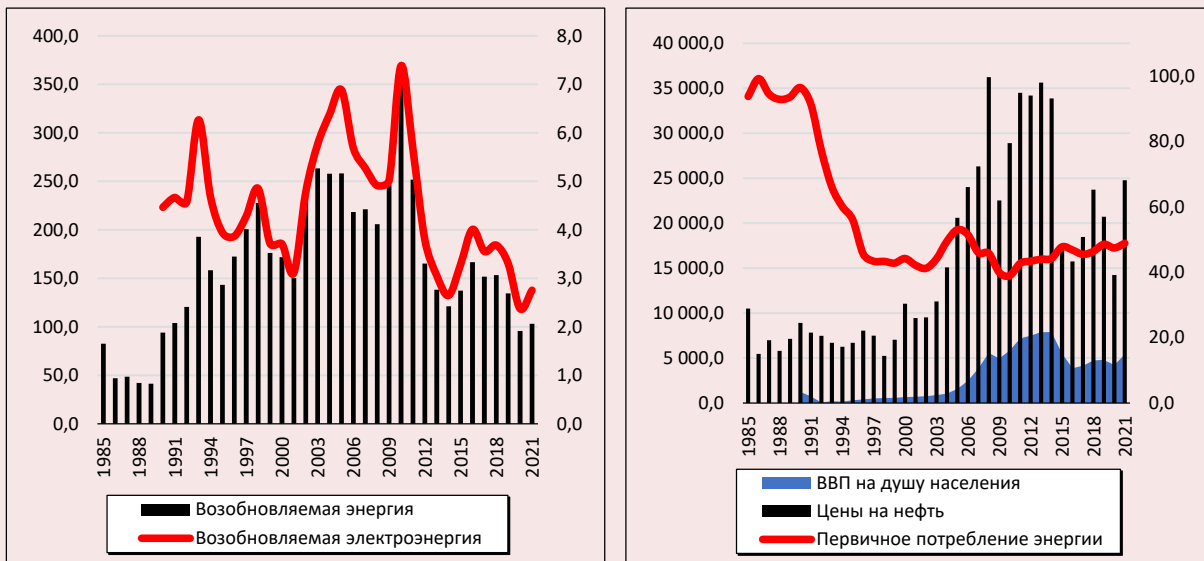
Результаты

Начнем анализ с того, что траектория производства возобновляемой энергии в Азербайджане, выраженная как доля от общего объема производства энергии, имела тенденцию к росту с 1985 года, достигнув 7,4% в 2010 году (см. *рис. 2, панель а*). Однако с 2010 года наметился сдвиг, характеризующийся незначительными подъемами показателя в 2016 и 2022 годах. Это отклонение становится заметным при рассмотрении процентных показателей в 1,9% в 2020 году и 2,1% в 2021 году, которые не позволяют использовать истинный потенциал и возможности, заложенные в азербайджанской экономике для производства возобновляемой энергии. Аналогичным образом при анализе производства электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения прослеживается заметная положительная корреляция с производством возобновляемой энергии.

Таблица 4. Неограниченный ранговый тест на коинтеграцию (след)

Включенные переменные: RenElec, CO ₂ Emm, GDPPerCap, R&DExp, PopGr				
Гипотетическое число CE(s)	Собственное значение	Статистика следа	0.05 Критическое значение	Вероятность **
Нет*	0.836459	103.3124	69.81889	0.0000
Максимум 1*	0.696716	59.85577	47.85613	0.0025
Максимум 2*	0.568655	31.22172	29.79707	0.0341
Максимум 3	0.289956	11.04140	15.49471	0.2090
Максимум 4	0.110975	2.823131	3.841466	0.0929
Включенные переменные: RenElec, InsQ, PrEnCon, TrOpp, PopGR				
Нет*	0.813482	89.72712	69.81889	0.0006
Максимум 1*	0.676744	49.42562	47.85613	0.0353
Максимум 2	0.440283	22.32214	29.79707	0.2809
Максимум 3	0.201426	8.394374	15.49471	0.4242
Максимум 4	0.117360	2.996116	3.841466	0.0835
Включенные переменные: RenElec, OilP, GovEff, RegQ, GDPPerCap				
Нет*	0.722904	77.72665	69.81889	0.0102
Максимум 1	0.559890	46.92528	47.85613	0.0610
Максимум 2	0.472954	27.22774	29.79707	0.0962
Максимум 3	0.347316	11.85654	15.49471	0.1639
Максимум 4	0.065142	1.616664	3.841466	0.2036
Примечания: Включенные наблюдения: 24 после корректировок; интервал запаздывания (при первых различиях): 1 к 1. Предположение о тренде: линейный детерминированный тренд; тест следа показывает 3 коинтегрирующих уравнения на уровне 0,05; * отклонение гипотезы на уровне 0,05; ** MacKinnon – Haug – Michelis (1999) p-значения. Источник: расчеты авторов.				

Рис. 2. Сектор возобновляемой энергетики и отдельные ключевые переменные в экономике Азербайджана, 1985–2021 гг.

а) Процентная доля возобновляемых источников энергии в общем объеме производства энергии (правая ось) и производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения (киловатт-часы)

б) ВВП на душу населения (текущие доллары США), цены на нефть (доллары США за баррель, правая ось) и потребление первичной энергии на человека (киловатт-часы) в азербайджанской экономике

Источники: данные Our World in Data; World Bank.

Эта корреляция достигла своего пика в 2010 году, составив 369,2 киловатт-часа, а затем продемонстрировала нисходящую траекторию вплоть до 2021 года. Примечательно, что только 2016 и 2021 годы являются важными точками в недавней временной области, касающейся производства электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения.

На рисунке 2, панель б, также отражены основные экономические показатели, связанные с экономикой Азербайджана, в частности динамика ВВП на душу населения, цен на нефть и потребления первичной энергии на душу населения. Траектория цен на нефть сыграла решающую роль в влиянии на ВВП и ВВП на душу населения Азербайджана, особенно в период с конца 2000-х годов до 2014–2015 годов, отмеченный обвалом цен на нефть на международных товарных рынках. Сырьевой суперцикл

наступил в 2004 году и достиг пика в 2015 году. В период с 2004 по 2015 год среднегодовая цена на нефть составляла 78 долларов США, а в 2015 году резко упала до 48 долларов США, что привело к волатильности и колебаниям. Они препятствовали быстрому восстановлению ВВП Азербайджана, тем самым понижая снижающее влияние на ВВП на душу населения. Нестабильность привела к снижению ВВП на душу населения до 3 880,7 доллара США в 2016 году, что соответствует уровню 2007 года. Одновременно с этим объем потребления первичной энергии на душу населения в Азербайджане снизился с 34 094,6 киловатт-часа в 1985 году до 14 981,9 киловатт-часа в 2022 году. Хотя с 2010 года наметилась тенденция к росту потребления первичной энергии на душу населения, показатель потребления остается ниже, чем в конце 1980-х и 1990-х годов.

Таблица 5. Результаты анализа DOLS

Уравнение:	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8
Период:	1990–2021	1996–2021	1996–2021	1996–2021	1990–2021	1990–2021	1996–2021	1990–2021
Константа	-0.46*** (0.14) [-3.28]	0.00 (0.17) [0.02]	-0.53*** (0.16) [-3.39]	-0.44 (0.26) [-1.71]	0.40 (0.27) [1.45]	-0.27 (0.28) [-0.97]	-0.02 (0.12) [-0.18]	-0.26 (0.18) [-1.46]
OilP	3.40*** (0.65) [5.24]		0.45 (0.43) [1.03]					
PopGr	0.34** (0.15) [2.30]							
GDPперсар	-3.38*** (0.60) [-5.64]			0.89** (0.37) [2.44]		-0.28 (0.27) [-1.04]	-0.24 (0.24) [-1.00]	-0.23 (0.14) [-1.60]
TrOpp		1.11*** (0.19) [5.78]						
R&DExp		-0.05 (0.22) [-0.23]						
InsQ			-0.51* (0.27) [-1.88]					
GovEff				-1.15*** (0.31) [-3.72]				
CO2Emm					4.76*** (1.47) [3.25]	0.68** (0.32) [2.16]		
PrEnCon					-4.24*** (1.41) [-2.99]			
Kyoto						0.74* (0.41) [1.82]		
RegQ							0.16 (0.24) [0.69]	
Crises								0.65* (0.36) [1.82]
Наблюдения	29	23	23	23	31	29	23	29
R-квадрат	0.71	0.62	0.61	0.58	0.30	0.42	0.53	0.39
Скорректированный R-квадрат	0.50	0.41	0.38	0.34	0.04	0.14	0.25	0.26
Стандартная ошибка регрессии	0.72	0.84	0.87	0.89	0.96	0.94	0.95	0.87
Значение Харке – Бера	1.06	2.23	1.03	1.53	1.17	0.01	1.22	0.12
Вероятность Харке – Бера	0.59	0.33	0.60	0.46	0.57	0.99	0.54	0.93
Тест Вальда1	12.59***	15.62***	16.88***	6.71***	4.07**	2.59*	0.39	12.08***
Тест Вальда2	50.35***	46.87***	50.63***	20.14***	12.21***	10.38**	1.17	36.25***

Примечания. «М» – модель; стандартные ошибки указаны в круглых скобках; Т-статистика приведена в квадратных скобках. Символы *, ** и *** указывают на статистическую значимость на уровнях 10%, 5% и 1% соответственно. Все цифры округлены до второго знака после точки для компактности; «Тест Вальда1» представляет результаты теста Вальда, основанные на F-статистике, «Тест Вальда2» представляет собой значение хи-квадрат.
Источник: расчеты авторов.

В таблице 5 представлены результаты анализа DOLS относительно зависимой переменной RenElec. Из восьми рассмотренных моделей, а именно с M1 по M8, две модели, а именно M1 и M3, дали статистически значимые коэффициенты (оба отрицательные). Эти модели также были направлены на изучение потенциальной прогностической способности OilP в отношении RenElec. Примечательно, что только в контексте M1 цены на нефть продемонстрировали положительно значимую связь с RenElec. PopGr и TrOpp демонстрируют положительную и статистически значимую связь с RenElec, как показано в M1 и M2, хотя и с разной статистической значимостью. С другой стороны, GDPregсар преимущественно демонстрировал отрицательную корреляцию с RenElec. Эта отрицательная корреляция была статистически значимой в M1, но оказалась статистически незначимой в M6, M7 и M8. Более того, выбросы углерода оказались положительно и статистически значимо связаны с RenElec в моделях M5 и M6. И наоборот, PrEnCon продемонстрировал заметную отрицательную и статистически значимую связь с RenElec. Этот комплексный анализ завершает изучение экономических детерминант, влияющих на RenElec в рамках азербайджанского экономического ландшафта в период с 1990 по 2021 год.

Что касается детерминант институционального качества, то RegQ не имеет статистически значимой связи с RenElec, имея положительный коэффициент. Напротив, переменные GovEff и InsQ оказывают заметное отрицательное статистически значимое влияние на переменную RenElec.

Среди политических детерминант RenElec R&DExp не была статистически значимой, но такие фиктивные переменные, как Crises и Kyoto, были положительно и статистически значимо связаны с RenElec. Обе фиктивные переменные были разработаны для того, чтобы выяснить, оказывают ли периоды экономического кризиса и присоединения к Киотскому протоколу в 2000 году влияние на производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения.

Для оценки надежности расчетных моделей DOLS использовались различные показатели оценки качества, включая R-квадрат, стандарт-

ную ошибку регрессии, тест на нормальность Харке – Бера и тест Вальда. Примечательно, что самые низкие значения R-квадрата и скорректированного R-квадрата наблюдались в модели M5 (0,30 и 0,04 соответственно), а в модели M1 наоборот (0,71 и 0,50 соответственно). В то время как значения R-квадрата дают представление о качестве подгонки, стандартная ошибка регрессии помогает понять превосходство модели, количественно определяя среднее расхождение между наблюдаемыми значениями и линией регрессии. В целом стандартная ошибка регрессии варьируется в разных моделях: от 0,71 в M1 (самая низкая) до 0,96 в M5 (самая высокая). Это свидетельствует о минимальных отклонениях от средней стандартной ошибки регрессии, равной примерно 0,88. Важно отметить, что тест Харке – Бера не выявил признаков гетероскедастичности во всех моделях. Примечательно, что модель M7 была единственным случаем, когда тест Вальда не соответствовал критериям. Таким образом, результаты M5 и M7 следует интерпретировать с осторожностью, в то время как остальные модели предлагают более надежные и устойчивые оценки коэффициентов.

Обсуждение

Цель работы заключалась в выявлении основных экономических, институциональных и политических переменных, влияющих на производство электроэнергии из возобновляемых источников в той или иной стране. Для этого был сформулирован следующий вопрос, которым мы руководствовались при проведении исследования и получении количественных данных: как экономические, институциональные и политические факторы повлияли на производство возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане в период с 1990 по 2021 год? Полученные эмпирические результаты помогают определить долгосрочное влияние экономических, институциональных и политических факторов в Азербайджане, которые ранее не подвергались глубокому анализу. Мы сформулировали три гипотезы и принимаем все альтернативные гипотезы, основываясь на статистически значимых результатах: существует по крайней мере один экономический показатель, который играет роль среди трех основных каналов влияния (т. е. экономических, инсти-

туциональных и политических) на генерацию возобновляемой электроэнергии в Азербайджане.

Результаты, полученные с помощью метода DOLS для Азербайджана, выявили несколько значимых связей между ключевыми экономическими переменными и выработкой возобновляемой электроэнергии на душу населения. В первую очередь, цены на нефть, темпы роста населения и открытость торговли демонстрируют положительную и статистически значимую связь с выработкой возобновляемой электроэнергии на душу населения. Это говорит о том, что по мере роста цен на нефть, увеличения численности населения и открытости торговли в Азербайджане одновременно повышается производство возобновляемой электроэнергии на душу населения. Причин, по которым этот эмпирический результат соответствует экономическим и политическим предпочтениям Азербайджана, может быть несколько.

Несомненно, всесторонняя оценка экономических реалий в Азербайджане как нефтедобывающей стране и стране-экспортере в сочетании с ее статусом малой открытой экономики выявляет очевидную связь между ростом цен на нефть и ростом национального благосостояния. Рост благосостояния служит стимулом для направления ресурсов на развитие технологий возобновляемой энергетики, чему часто способствуют государственные субсидии или трансфер технологического опыта. Отсюда можно сделать вывод, что снижение цен на нефть может свидетельствовать о сокращении выработки возобновляемой электроэнергии на душу населения в Азербайджане. Однако в этом анализе необходимо проявлять осторожность. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что важная переменная экономических кризисов подчеркивает, что такая корреляция может быть не столь выраженной. Следует отметить, что переменная периодов экономического кризиса учитывает такие события, как рецессия в начале 1990-х годов и мировой финансовый кризис, вызванные факторами, выходящими за рамки динамики товарных рынков.

Понимание структуры потребления первичной энергии имеет решающее значение для оценки перехода на возобновляемое электричество, отражая зависимость от источников

энергии, что позволяет выстраивать политику и направлять инвестиции в инфраструктуру. Изменения в структуре потребления указывают на сдвиги в сторону более чистых источников, что влияет на энергетическую устойчивость, экологические цели и экономические соображения. Однако на примере Азербайджана, рассмотренном в ходе нашего исследования, связь с потреблением первичной энергии отрицательная и статистически значимая. Это означает, что по мере роста потребления первичной энергии производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения имеет тенденцию к снижению по сравнению с потреблением. Более высокое потребление энергии из невозобновляемых источников может оказывать демпфирующее воздействие на развитие возобновляемых источников энергии в Азербайджане.

Одним из интересных и неожиданных выводов стала отрицательная и, в некоторых случаях, статистически значимая связь между ВВП на душу населения в Азербайджане и выработкой возобновляемой электроэнергии. Поскольку ВВП на душу населения является одной из наиболее важных экономических переменных, она заслуживает особого внимания. Например, при более высоком ВВП на душу населения может увеличиться спрос на энергию, что приведет к большей зависимости от традиционных, невозобновляемых источников энергии, которые зачастую более доступны и используются более широко. Аналогичным образом, по мере роста экономики основное внимание может быть уделено быстрому созданию инфраструктуры для поддержки индустриализации и урбанизации. Это может привести к использованию традиционных источников энергии, способным обеспечить более оперативное энергоснабжение. Однако недавнее исследование Mukhtarov и Mikayilov (Mukhtarov, Mikayilov, 2023) показало, что экономический рост благоприятствует развитию сектора возобновляемых источников энергии и помогает сократить энергетическую бедность при наличии финансирования. Более того, экономический рост иногда может привести к принятию политических решений, в которых экономическое развитие ставится на первое место по сравнению с экологическими проблемами. Азербайджан — страна, богатая

нефтью и природным газом, где производство энергии из ископаемого топлива всегда было дешевле, чем производство возобновляемой зеленой энергии. Это способствует снижению стимулов для инвестирования в возобновляемые источники энергии, поскольку быстрый экономический рост может привести к более быстрому внедрению традиционных энергетических технологий в силу их известности и налаженных цепочек поставок.

Мы обнаружили, что выбросы CO₂ отрицательно связаны с производством электроэнергии из возобновляемых источников. Это означает, что общее производство энергии, а также производство энергии из возобновляемых источников, ухудшает состояние окружающей среды. Этот вывод в чем-то схож с наблюдениями Achuo и Ojon (Achuo, Ojon, 2023) для стран с низким и ниже среднего уровнем дохода; авторы утверждают, что потребление возобновляемой энергии увеличивает загрязнение окружающей среды. Кроме того, выявленная нами статистически значимая и отрицательная связь между выработкой электроэнергии из возобновляемых источников и потреблением первичной энергии может свидетельствовать, что, хотя страна увеличила производство и повышению энергии, это не привело к повышению выработки электроэнергии из возобновляемых источников. По мнению Fang и соавторов (Fang et al., 2022), здесь следует учитывать уровень урбанизации, человеческого капитала и глобализации.

Еще одним неожиданным результатом стала отрицательная связь между качеством институтов и выработкой возобновляемой электроэнергии на душу населения. Как в научных кругах, так и в средствах массовой информации широко обсуждалось, что производство и потребление зеленой энергии в Азербайджане не получило достаточного развития до 2022 и 2023 годов, когда правительство инвестировало значительные средства в устойчивые источники энергии. Полученные нами результаты в определенной степени совпадают с опасениями общества относительно развития зеленой энергетики в Азербайджане.

Отсутствие статистически значимой связи между качеством регулирования и выработкой электроэнергии из возобновляемых источников

позволяет предположить, что конкретные аспекты, связанные с разработкой и внедрением нормативных актов, могут не оказывать существенного влияния на уровень производства электроэнергии из возобновляемых источников. Другие факторы, такие как технологический прогресс, доступность ресурсов и экономические стимулы, могут оказывать более существенное влияние на внедрение возобновляемых источников энергии. Также отрицательная связь между эффективностью правительства и объемом производства электроэнергии из возобновляемых источников может указывать на то, что при более высоком уровне эффективности правительство может проводить политику или принимать нормативные акты, непреднамеренно препятствующие развитию возобновляемой энергетики. Важно изучить причины этой отрицательной связи, например бюрократические препятствия, непоследовательное проведение политики или нормативные барьеры, которые могут сдерживать направление инвестиций в проекты возобновляемой энергетики. Кроме того, отрицательная и статистически значимая связь между более обобщенной переменной качества институтов в нашем исследовании (включая контроль коррупции, верховенство закона и т. д.) и производством электроэнергии из возобновляемых источников вызывает озабоченность по поводу общей бизнес-среды и инвестиционного климата в контексте возобновляемой энергетики. Это позволяет предположить, что более низкое общее качество институтов также препятствует развитию и внедрению технологий возобновляемой энергетики.

Две переменные — расходы на НИОКР и присоединение к Киотскому протоколу — были использованы для оценки политической деятельности, связанной с производством электроэнергии из возобновляемых источников. Отсутствие статистически значимой связи между расходами на НИОКР и выработкой электроэнергии из возобновляемых источников позволяет предположить, что в условиях Азербайджана инвестиции в НИОКР, связанные с возобновляемыми источниками энергии, возможно, не способствуют значительному увеличению производства электроэнергии из возобновляемых источников. Тот факт, что

присоединение к Киотскому протоколу в 2000 году привело к увеличению производства электроэнергии из возобновляемых источников, может свидетельствовать, что международные соглашения и обязательства играют определенную роль в формировании политики страны в сфере возобновляемой энергетики. Акцент протокола на сокращении выбросов парниковых газов и содействии устойчивому развитию мог побудить власти Азербайджана к принятию политики и инициатив, поддерживающих возобновляемые источники энергии. Следовательно, международные соглашения могут влиять на усилия страны по переходу на новые источники энергии.

Несмотря на большой вклад, наше исследование имеет ряд важных ограничений, о которых следует помнить, прежде чем делать какие-либо выводы на основе эмпирических оценок. Во-первых, моделирование ограничено только подушевым производством возобновляемой электроэнергии. Во-вторых, еще одним ограничением является моделирование DOLS на основе годовых данных. Моделирование DOLS требует тщательного рассмотрения характеристик данных и соответствующих спецификаций модели, и на результаты может повлиять выбор эндогенных и экзогенных переменных. Кроме того, решающую роль может сыграть чувствительность к длине лага. В-третьих, переменные, касающиеся технологических изменений и качества институтов, должны быть более детально проработанными. Мы стремились к более компактному и в то же время целостному анализу, но такие важные вещи, как рентоориентированное поведение в азербайджанском энергетическом секторе, также должны быть учтены в линейных моделях. Наконец, другие количественные методы, такие как полностью модифицированные методы обыкновенных наименьших квадратов, классическая коинтеграция или авторегрессия с распределенным лагом, могли бы послужить основой для продуктивной эмпирической проверки наших результатов.

Заключение

Многочисленные исследования показывают, что Азербайджан располагает экологически чистыми источниками энергии, такими

как гидроэнергия, энергия ветра и геотермальная энергия, что делает страну идеальным местом для производства возобновляемой энергии (Rzayeva et al., 2021). Однако на пути развития возобновляемой энергетики стоят такие проблемы, как субсидии на ископаемое топливо, институциональные проблемы и вопросы управления. В результате в англоязычной литературе появляется все больше отчетов об энергетическом переходе в Азербайджане, но более полные отчеты пока единичны. Наша цель – дать долгосрочную эмпирическую оценку ключевых экономических, институциональных и политических факторов, определяющих производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в период с 1990 по 2021 год, используя метод DOLS.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что на производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения в Азербайджане положительно влияют такие факторы, как благоприятные цены на нефть, рост населения и открытость торговли. Однако для дальнейшего роста возобновляемых источников энергии в стране необходимо устранить отрицательную связь с потреблением первичной энергии. Отсутствие негативного влияния в периоды экономических кризисов является положительным фактором для стабильности и потенциального роста сектора возобновляемой энергетики в Азербайджане, однако некоторые переменные институционального качества, например эффективность правительства и совокупное качество институтов, отрицательно связаны с производством электроэнергии из возобновляемых источников.

Включение таких переменных, как расходы на НИОКР и присоединение к Киотскому протоколу, в качестве косвенных индикаторов политических аспектов энергетического перехода отражает предположение о том, что эти факторы выделяют элементы государственной политики в сфере возобновляемой энергетики. Хотя расходы на НИОКР не показали значимого эффекта, положительное влияние присоединения к Киотскому протоколу предполагает, что политические обязательства, принятые на междуна-

родном уровне, могут повлиять на подход страны к развитию возобновляемой энергетики. В то же время положительная и статистически значимая связь между производством электроэнергии из возобновляемых источников и выбросами CO₂ может означать, что зеленая энергетика все еще не может помочь достижению устойчивых целей для успешного энергетического перехода.

Основываясь на полученных результатах, мы предлагаем следующие рекомендации: 1) необходимо сделать стратегический акцент на согласовании национальной экономической динамики с быстрым переходом от производства энергии на основе традиционных видов топлива к устойчивой парадигме производства зеленой энергии; эта трансформация, отражающаяся в более широких экономических показателях, таких как ВВП и ВВП на душу населения, подчеркивает необходимость разработки согласованных политических решений; 2) в связи с постоянным увеличением численности населения возрастает потребление энергии, что требует создания надежных механизмов поддержки трансфера технологий и внутренних инициатив в области НИОКР; национальная политика, ориентированная на исследования и технологический прогресс, должна охватывать не только сектор возобнов-

ляемых источников энергии, но и более широкий экономический спектр, способствуя тем самым развитию отечественного производства оборудования для возобновляемых источников энергии и облегчая фискальное бремя, связанное с импортом; 3) важно укреплять международные соглашения и развивать совместные предприятия, учитывая обоснованные выводы об их благоприятном влиянии на производство электроэнергии из возобновляемых источников на душу населения; 4) создание всеобъемлющей институциональной базы и специальных нормативных актов для сектора возобновляемых источников энергии по-прежнему является необходимостью; в отсутствие прочной правовой основы, продуманной концепции и долгосрочных стратегий развитие производства возобновляемых источников энергии в условиях небольшого и богатого ресурсами Азербайджана находится под угрозой; 5) наступил благоприятный момент для гармонизации политики сохранения окружающей среды и развития производства возобновляемой энергии. В частности, согласованность стратегий сокращения выбросов CO₂ и развития сектора возобновляемых источников энергии требует целенаправленного изучения для создания динамичной и взаимосвязанной перспективы по этим жизненно важным темам.

Литература

- Abbasov E. (2015). Sustainable solution for increasing the share of solar photovoltaic usages on residential houses in Azerbaijan. *Environmental Research, Engineering and Management*, 71(4), 11–18. DOI: 10.5755/j01.arem.71.4.12070
- Achuo E.D., Ojon N. (2023). Energy transition and pollution emissions in developing countries: Are renewable energies guilty? *International Journal of Development Issues*. DOI: 10.1108/IJDI-05-2023-0114
- Ahmad U.S., Usman M., Hussain S., Jahanger A., Abrar M. (2022). Determinants of renewable energy sources in Pakistan: An overview. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(19), 29183–29201. DOI: 10.1007/s11356-022-18502-w
- Ahmadov E., Khalilov T. (2019). Azerbaijan from inclusive and innovative governance to green economy. In: *37th International Scientific Conference on Economic and Social Development – “Socio Economic Problems of Sustainable Development”*. Baku, Azerbaijan, February 14–15.
- Ahmet U. (2021). Is fueling the economy with too much finance good? *Anadolu İktisat ve İşletme Dergisi*, 5(1), 1–13.
- Aliyev F.G., Khalilova H.K., Aliyev F.F. (2006). The use of alternative energy sources – the best approach to improving environmental situation in Azerbaijan. In: *16th World Hydrogen Energy Conference 2006, WHEC 2006*. Lyon, France, June 13–16, 2006.
- Azizi J., Zarei N., Ali S. (2022). The short-and long-term impacts of climate change on the irrigated barley yield in Iran: An application of dynamic ordinary least squares approach. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(26), 40169–40177. DOI: 10.1007/s11356-022-19046-9

- Azizov S.G., Mammadova G.S. (2022). The importance of using alternative energy sources in the protection of the atmosphere in Azerbaijan. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: Географічні науки*, 17, 50–54.
- Bayramov A. (2021). Azerbaijan's Renewable energy policy: Opportunities, drivers and challenges. *Caucasus Analytical Digest*, 120, 2–7.
- Bayulgen O. (2003). Facing the dilemma of global capitalism: The case of Azerbaijan. *Central Asian Survey*, 22(2–3), 209–220. DOI: 10.1080/0263493032000157735
- Bourcet C. (2020). Empirical determinants of renewable energy deployment: A systematic literature review. *Energy Economics*, 85, 104563. DOI: 10.1016/j.eneco.2019.104563
- Cholewa M., Mammadov F., Nowaczek A. (2022). The obstacles and challenges of transition towards a renewable and sustainable energy system in Azerbaijan and Poland. *Mineral Economics*, 35(1), 155–169. DOI: 10.1007/s13563-021-00288-x
- Fang J., Gozgor G., Mahalik M.K., Mallick H., Padhan H. (2022). Does urbanisation induce renewable energy consumption in emerging economies? The role of education in energy switching policies. *Energy Economics*, 111, 106081. DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106081
- Galandarova U. (2023). The place and role of Europe's energy security in Azerbaijan's economic interests. *Наукowi перспективи (Naukovi perspektivi)*, 1(31). DOI: 10.52058/2708-7530-2023-1(31)-229-241
- Gulaliyev M., Mustafayev E., Mehdiyeva G. (2020). Assessment of solar energy potential and its ecological-economic efficiency: Azerbaijan case. *Sustainability*, 12(3), 1116. DOI: 10.3390/su12031116
- Guliyev F. (2023). Renewable energy targets and policies in traditional oil-producing countries: A comparison of Azerbaijan and Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*, 18793665231177720. DOI: 10.1177/18793665231177720
- Hajizada O. (2021). Issues of integration into the green economy in the republic of Azerbaijan. *Piretc*, 17(7), 16–22.
- Hamidova L., Huseynov A., Samedova E. (2022). Challenges in Implementing renewable energy sources in Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(6), 441–446. DOI: 10.32479/ijeep.13636
- Hasanov F. (2013). Dutch disease and the Azerbaijan economy. *Communist and Post-Communist Studies*, 46(4), 463–480. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.09.001
- Hasanov F.J., Mukhtarov S., Suleymanov E. (2023). The role of renewable energy and total factor productivity in reducing CO₂ emissions in Azerbaijan. Fresh insights from a new theoretical framework coupled with Autometrics. *Energy Strategy Reviews*, 47, 101079. DOI: 10.1016/j.esr.2023.101079
- Hasanov R. (2023). Promoting sustainability in Azerbaijan's energy sector: A green policy evaluation and future outlook. *Green Economics*, 1(1), 62–69.
- Herve D.B.G., Shen Y. (2011). The demand for money in cote D'ivoire: Evidence from the cointegration test. *International Journal of Economics and Finance*, 3(1), 188.
- Humbatova S.I. (2020). The relationship between electricity consumption and economic growth: Evidence from Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 10(1), 436–455. DOI: 10.32479/ijeep.8642
- Huseynli B., Huseynli N. (2022). Econometric analysis of the relationship between renewable energy production, traditional energy production and unemployment: The case of Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(4), 379–384. DOI: 10.32479/ijeep.13233
- Huseynli N. (2022). Effect of renewable energy and traditional energy production on economic growth: The case of Turkey and Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(3), 257–261. DOI: 10.32479/ijeep.12943
- Ibadoghlu G. (2022). Problems and prospects of transition to alternative energy in Azerbaijan. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.4249068
- Isiaka A. (2020). Inequality within the EU-15 countries: Have social benefits been pro-poor, pro-middle class or pro-rich? *International Journal of Social Science Research*, 8(2), 169–199. DOI: 10.5296/ijssr.v8i2.16571
- Kalyoncu H., Gürsoy F., Göcen H. (2013). Causality relationship between GDP and energy consumption in Georgia, Azerbaijan and Armenia. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 3(1), 111–117.
- Lim K., Lee H., Liew K. (2003). *International Diversification Benefits in ASEAN Stock Markets: A Revisit*. Labuan School of International Business and Finance, University Malaysia, University Putra Malaysia.
- Loganathan N., Subramaniam T. (2010). Dynamic cointegration link between energy consumption and economic performance: Empirical evidence from Malaysia. *International Journal of Trade, Economics and Finance*, 1(3), 261–267.

- Mahadea D., Kaseeram I. (2018). Impact of unemployment and income on entrepreneurship in post-apartheid South Africa: 1994–2015. *The Southern African Journal of Entrepreneurship and Small Business Management*, 10(1), 1–9. DOI: 10.4102/sajesbm.v10i1.115
- Mehdialiyeв A., Mazanova O. (2013). On some problems of the creation and development of green technologies in Azerbaijan. In: *7th International Conference on Application of Information and Communication Technologies, IEEE, October 23–25, 2013, Baku, Azerbaijan*. DOI: 10.1109/ICAICT.2013.6722804
- Moriarty P., Honnery D. (2016). Can renewable energy power the future? *Energy Policy*, 93, 3–7. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.02.051
- Mukhtarov S. (2022). The relationship between renewable energy consumption and economic growth in Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(1), 416. DOI: 10.32479/ijeep.11948
- Mukhtarov S., Humbatova S., Hajiyeв N.G.O., Aliyeв S. (2020). The financial development-renewable energy consumption nexus in the case of Azerbaijan. *Energies*, 13(23), 6265. DOI: 10.3390/en13236265
- Mukhtarov S., Mikayilov J.I. (2023). Could financial development eliminate energy poverty through renewable energy in Poland? *Energy Policy*, 182, 113747. DOI: 10.1016/j.enpol.2023.113747
- Murshed M., Saadat S.Y. (2008). The impacts of corruption on the efficacy of public expenditure on health: Evidence from Bangladesh. In: *Proceedings of the 2nd International Conference on Sustainable Development, February 17–18, 2018, Dhaka, Bangladesh*.
- Musayeva-Gurbanova A., Hajiyeва N. (2022). *The Application of “Green Economy” Policy of Switzerland and Sweden to the Karabakh Region of Azerbaijan: Review and Appraisal*. The University of St. Gallen.
- Mustafayev F., Kulawczuk P., Orobello C. (2022). Renewable energy status in Azerbaijan: Solar and wind potentials for future development. *Energies*, 15(2), 401. DOI: 10.3390/en15020401
- Nordin N., Nordin N., Zainudin N. (2014). Role of economic freedom in the R&D-TFP growth nexus: Panel dynamic ordinary least square (OLS) evidence. In: *Proceedings of the 1st International Conference on Management and Muamalah, November 13–14, 2014, Kajang, Malaysia*.
- Nuriyeв M.N., Mammadov J., Mammadov J. (2021). Renewable energy sources development risk analysis and evaluation: The case of Azerbaijan. *European Journal of Economics and Business Studies*, 5(3), 11–20. DOI: 10.26417/ejes.v5i3.p11-20
- Omri A., Nguyen D.K. (2014). On the determinants of renewable energy consumption: International evidence. *Energy*, 72, 554–560. DOI: 10.1016/j.energy.2014.05.081
- Østergaard P.A., Duic N., Noorollahi Y., Kalogirou S.A. (2021). Recent advances in renewable energy technology for the energy transition. *Renewable Energy*, 179, 877–884. DOI: 10.1016/j.renene.2021.07.111
- Przychodzen W., Przychodzen, J. (2020). Determinants of renewable energy production in transition economies: A panel data approach. *Energy*, 191, 116583. DOI: 10.1016/j.energy.2019.116583
- Rzayeva Z., Guliyeva A., Miriyeva A. (2021). Natural and economic effects of renewable energy sources in the developing countries: A case of Azerbaijan. *E3S Web of Conferences*, 250, EDP Sciences. DOI: 10.1051/e3sconf/202125003007
- Saikkonen P. (1991). Estimation and testing of cointegrated systems by an autoregressive approximation. *Econometric Theory*, 8, 1–27. DOI: 10.1017/S026646660010720
- Sharif A., Afshan S., Nisha N. (2017). Impact of tourism on CO₂ emission: Evidence from Pakistan. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 22(4), 408–421.
- Singh A., Syal M., Grady S.C., Korkmaz S. (2010). Effects of green buildings on employee health and productivity. *American Journal of Public Health*, 100(9), 1665–1668. DOI: 10.2105/AJPH.2009.180687
- Stock J.H., Watson M.W. (1993). A Simple estimator of cointegrating vectors in higher order integrated systems. *Econometrica*, 61(4), 783–820. DOI: 10.2307/2951763
- Vidadili N., Suleymanov E., Bulut C., Mahmudlu C. (2017). Transition to renewable energy and sustainable energy development in Azerbaijan. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 80, 1153–1161. DOI: 10.1016/j.rser.2017.05.168
- Wolch J.R., Byrne J., Newell J.P. (2014). Urban green space, public health, and environmental justice: The challenge of making cities ‘just green enough’. *Landscape and Urban Planning*, 125, 234–244. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2014.01.017
- Zhong Z.W., Lei Q.L. (2008). Some notes on Johansen and Juselius cointegration test. *Statistics & Information Forum*, 23, 80–85.

Сведения об авторах

Ибрагим М. Нифтиев – PhD in Economics, преподаватель/инструктор, Азербайджанский государственный экономический университет (ул. Истиглалият, 6, AZ 1001, Баку, Азербайджан; e-mail: ibrahim.niftiyev@unec.edu.az)

Эмин Ф. Рустамли – степень бакалавра по управлению бизнесом, младший специалист по налогообложению, UHY LLC (пр-т Гейдара Алиева, 152, AZ 1029, Чинар Плаза, Баку, Азербайджан; e-mail: emin.f.rustamli@gmail.com)

Раван М. Маммадли – степень бакалавра по управлению бизнесом, студент, Азербайджанский государственный экономический университет (ул. Истиглалият, 6, AZ 1001, Баку, Азербайджан; e-mail: ravan.m.mammadli@gmail.com)

Niftiyev I.M., Rustamli E.F., Mammadli R.M.

Modeling Renewable Electricity Production in Azerbaijan

Abstract. Azerbaijan is an oil-rich country in the South Caucasus with great potential for developing the renewable energy sector, which currently accounts for only a small share of total energy production. Increased electricity generation from renewables can bring various economic and environmental benefits, such as greater energy security, sustainability and resource conservation, decentralized power generation, technological innovation, and climate change mitigation. Although there are a growing number of studies on Azerbaijan's green energy or energy transition, the dynamics of its relatively longitudinal per capita renewable electricity generation have not been fully explored. Moreover, most studies ignore the role of technological change and profound institutional and policy variables in the energy transition. Our study fills this gap by applying dynamic ordinary least squares modeling (DOLS) on annual data to identify the key economic, institutional, and policy determinants in the period from 1990 to 2021. We reveal that economic variables such as oil prices, trade openness, CO₂ emissions, accession to the Kyoto Protocol, and crisis periods were positively and statistically significantly associated with renewable electricity production in Azerbaijan. However, institutional quality variables (e.g., government effectiveness), GDP per capita, and primary energy consumption were negatively and statistically significantly associated with renewable electricity. Our findings hold the potential to furnish essential insights into enhancing renewable energy production across both short- and long-term horizons. Consequently, policymakers, decision-makers, and scholars stand to gain valuable insights from the outcomes of our research.

Key words: Azerbaijan economy, electricity production, dynamic ordinary least squares, green economy, renewable energy.

Information about the Authors

Ibrahim M. Niftiyev – PhD in Economics, Lecturer/Instructor, Azerbaijan State University of Economics (6, Istiglaliyyet Street, Baku, AZ 1001, Azerbaijan; e-mail: ibrahim.niftiyev@unec.edu.az)

Emin F. Rustamli – Bachelor of business administration, junior tax specialist, UHY LLC (152, Heydar Aliyev Avenue, Chinar plaza, Baku, AZ1029, Azerbaijan; e-mail: emin.f.rustamli@gmail.com)

Ravan M. Mammadli – Bachelor of business administration, student, Azerbaijan State University of Economics (6, Istiglaliyyet Street, Baku, AZ 1001, Azerbaijan; e-mail: ravan.m.mammadli@gmail.com)

Статья поступила 08.12.2023.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.15

УДК 316.422, ББК 60.524

© Когай Е.А., Ромашкина Г.Ф.

Памяти Н.И. Лапина: II Лапинские чтения

Евгения Анатольевна

КОГАЙ

Курский государственный университет

Курск, Российская Федерация

e-mail: eakogay@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2950-5710; ResearcherID: B-4772-2016

Гульнара Фатыховна

РОМАШКИНА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: gr136@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

В Институте философии Российской академии наук 12–13 декабря 2023 года состоялись II Лапинские чтения – всероссийская конференция с международным участием, организованная Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (ИФ РАН) и Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН). Тема конференции является сквозной тематикой исследований участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Программа) за последние 24 года. Участники Программы

осуществляли исследования более чем в двадцати регионах России, объединённые ЦИСИ ИФ РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Именно поэтому было принято решение ежегодно проводить Лапинские чтения, посвященные памяти Николая Ивановича Лапина.

На конференции рассматривались не только вечные проблемы социологии, но и самые актуальные запросы текущего момента: цивилизационная проблематика, различные дисбалансы и противоречия в общественном

Для цитирования: Когай Е.А., Ромашкина Г.Ф. (2024). Памяти Н.И. Лапина: II Лапинские чтения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 261–268. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.15

For citation: Kogay E.A., Romashkina G.F. (2024). To the Memory of N.I. Lapin: Second Lapin Readings. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 261–268. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.15

сознании, региональная и общенациональная идентичность, миграционные настроения и установки, социокультурная и социально-экономическая динамика, духовность и ценности молодежи. Доклады и сообщения участников конференции носили как общетеоретический и методологический характер, так и основывались на данных конкретных социологических исследований, проведенных в городах Москва и Санкт-Петербург, Вологодской, Тюменской, Курской, Ульяновской, Свердловской, Томской, Самарской, Владимирской, Новосибирской областях, в республиках Чувашия, Якутия, Башкортостан, Пермском крае, Республике Беларусь. Это является отличительной особенностью Лапинских чтений.

Первый день конференции проходил в смешанном формате на базе ИФ РАН в г. Москве.

Пленарное заседание конференции открыла и.о. руководителя ЦИСИ ИФ РАН д-р соц. наук Л.А. Беляева. Она выразила удовлетворение тем, что важное дело по изучению социокультурных процессов в российских регионах, начатое Н.И. Лапиным, имеет довольно много последователей, в том числе среди молодежи, что в уходящем году в ряде субъектов Российской Федерации удалось провести полевые социологические исследования, опирающиеся на типовую методику, разработанную в ЦИСИ ИФ РАН. Людмила Александровна пожелала всем участникам конференции успешной работы.

Первый доклад «Цивилизационная гетерогенность России. Собственность. Цивилизационные модели развития в представлениях населения» был также представлен Л.А. Беляевой. Она отметила, что в социальной структуризации общества находит отражение гетерогенный характер российской цивилизации, причем эта структуризация выступает индикатором цивилизационного развития, а также цивилизационной дифференциации. Последняя, по сути, проявляет цивилизационные разломы общества по трем осям: характер и содержание труда жителей страны; материальная дифференциация населения и, наконец, неравномерность развития регионов. Анализируя итоги проведенного летом 2023 года всероссийского социологического исследования, Л.А. Беляева пришла к выводу о том, что российская смешанная экономика может быть охарактеризована как цивилизационный микс, в котором репрезен-

тированы все виды собственности, но доминирует крупная собственность, ассоциированная с государством в различных институциональных конфигурациях. При выборе цивилизационной модели развития страны ее жители в большей мере склоняются к самобытному пути, при этом в ресурсно обеспеченной группе значимым также является путь, который может быть выстроен с учетом лучших достижений развитых стран.

В докладе «Опыт изучения ценностей и национальных черт русского народа», подготовленном д-ром экон. наук, доцентом, и. о. директора А.А. Шабуновой и канд. экон. наук, зам. директора О.Н. Калачиковой (ВолНЦ РАН), были представлены результаты социологического исследования, охватившего регионы Северо-Западного федерального округа. Исследование показало, что незыблемыми ценностями остаются здоровье, материальная обеспеченность, семья. Вместе с тем все чаще респонденты заявляют о ценности самореализации.

Канд. полит. наук, научный сотрудник ИФ РАН В.А. Подольский в рамках своего выступления развил одно из ведущих направлений научного творчества Н.И. Лапина. Обратившись к вопросу о роли социального государства как средства формирования социальной солидарности в работах Николая Ивановича, автор доклада акцентировал внимание на важности достижения синергии государства и гражданского общества. Идея достижения государства всеобщего благосостояния должна смениться идеей общества всеобщего благосостояния, в котором социальные услуги становятся доступными через активизацию таких позиций, как добровольная солидарность и активность.

Серию докладов с опорой на многолетние исследования в рамках Программы представили ученые из Тюменского государственного университета. Д-р соц. наук, профессор В.А. Давыденко и зав. кафедрой канд. соц. наук Е.В. Андрианова развивают концепции «жизненного мира» как продолжение теоретико-эмпирических подходов Н.И. Лапина. Авторы подробно показали, как идеи классиков феноменологической социологии, теории коммуникативного действия развивались, объективизировались и операционализировались в некоторые структуры жизненного мира в про-

тивовес субъективному характеру категории «жизненный мир». Попытка описать эмпирически такие структуры может опираться на категории понимания, смысла, осмысленного действия, интерсубъективности.

Далее с докладом «Парадоксальность общественного мнения по материалам социокультурного мониторинга в Тюменской области» выступила профессор Тюменского государственного университета д-р соц. наук Г.Ф. Ромашкина. Она отметила, что за 17 лет наблюдений (с 2006 года) доля ответов «Я рад, что живу здесь» возросла с 31 до 63%. Удельный вес тех, кто хотел бы уехать в другой регион или другую страну, в совокупности за все годы наблюдений практически не менялся, составляя до 7% от выборки. Самые высокие когнитивно-аффективные оценки дают те, кто не родился в этом регионе, переехал в него менее 5 лет назад и считает себя обеспеченным. Вынужденные переселенцы и приехавшие временно положительную оценку дают реже остальных респондентов. Чем старше люди, но при этом чем меньше времени они живут в данном месте, тем более позитивно они оценивают практически все стороны своей жизни. Такое позитивное самоопределение имеет прямую связь с ощущением переезда в регион на постоянное жительство. Однако парадоксальность заключается в том, что с реальными оценками всех сторон жизни оно связано слабо. Например, эти оценки слабо эластичны по типу поселения, образованию, уровню и статусу занятости опрошенных. За период наблюдений существенно снизился уровень модернизованности системы ценностных ориентаций жителей региона, до 36% возрос уровень ставшей ранее маргинальной идентичности по шкале «свой – чужой» с жителями бывших республик СССР, когда доля отметивших близость превысила долю тех, кто ее не отмечал, впервые за весь период наблюдений. Выявлен рост поселенческой близости и снижение межпоколенческих различий по компонентам социального оптимизма.

Развитие идей Н.И. Лапина о модернизационных процессах было представлено в выступлении канд. филос. наук, старшего научного сотрудника, доцента ИФ РАН В.П. Веряскиной «Персональная модернизация в мире социальных дисбалансов современного цивилизаци-

онного развития». В качестве ведущих дисбалансов в современном мире были отмечены социальное неравенство, социальный дисбаланс в трудовой сфере, долгосрочный тренд старения населения, смена парадигмы социального государства в новой социальной реальности, вызовы в сферах образования, здравоохранения, наконец, дисбалансы в этнокультурной сфере и иммиграции. Обозначенные дисбалансы поднимают вопросы о персональной модернизации человека, об эффективности применения человеческого потенциала и человеческого потенциала в контексте трансформации институтов социального развития. Автор доклада также обратил внимание на уязвимость, фиксируемую социологами в эмпирических и статистических данных, на формирование картины ценности жизни как биологического субстрата человека, как фундамента, на котором реализуется персональная модернизация.

Выступление главного научного сотрудника ЦИСИ ИФ РАН д-ра филос. наук, профессора Ю.М. Резника «К вопросу о региональной структуре жизненного мира человека» было выстроено на основе концептов «местобытие», «топос», «локус среды», «местность» и ряда других. Отталкиваясь от установки на локализацию места бытия, докладчик отметил, что жизненный мир человека распадается на регионы, соответственно, человеку требуются силы для установления связи между местами бытия. Сами регионы могут быть поделены на внешние (такие как антропосфера, социосфера) и внутренние (здесь на первый план выходит «самость»). Центром личности при этом выступает самосознание человека.

Проблема этнических факторов развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации была поднята канд. соц. наук, профессором, заведующим научной лабораторией Уфимского университета науки и технологий Р.М. Валиахметовым. Он отметил, что без этничности не может быть жизненного мира. Соответственно, социологам нужно учитывать и анализировать этнические факторы. При этом особого внимания требуют такие территориальные образования, как республики. Докладчиком был представлен сравнительный анализ проблем развития человеческого потенциала республик на примере Башкортостана, Дагестана и Тувы. Работа выполнена на основе

масштабного полевого социологического исследования, а также серии экспертных интервью, проведенных с представителями науки, образования, региональных органов власти и институтов гражданского общества. Тувинские эксперты акцентируют внимание на необходимости учета этнических особенностей хозяйственной деятельности, культуры и традиций коренного народа в социально-экономическом развитии республики. В Дагестане проявляется этническая специализация предпринимательской деятельности. В Башкортостане, как показало проведенное исследование, межэтнические различия по уровню жизни почти не заметны, при этом титульные этносы в республике представлены преимущественно в образовании, культуре и здравоохранении.

Секция 1 «Социокультурное развитие регионов России» показала разнообразие тематики, которая освещается в рамках социологических исследований участниками Программы. Модератором секции выступила старший научный сотрудник ИФ РАН канд. филос. наук, доцент В.П. Веряскина. Доцент Уральского федерального университета канд. соц. наук А.Н. Тарасова (г. Екатеринбург) представила интересный доклад, посвященный трансформации системы ценностей в условиях нестабильности, особенностям ценностной структуры волонтеров. Опираясь на методику анализа ценностной структуры, разработанную Н.И. Лапиным, автор на основе данных массового опроса в Свердловской области выявила, что ценностный базис молодых волонтеров более устойчив, чем для всей молодежи 14–35 лет. Анна Николаевна показала, какие ценностные структуры формируются у молодежи в процессе активного участия в волонтерском движении. Например, для школьников включенность в волонтерство сильнее всего коррелирует с ценностью инициативы и жертвенности. Учащиеся колледжей и техникумов чаще включаются в волонтерство при актуализации ценности «независимость», студенты, получающие высшее образование, — при доминировании ценности порядка, а работающая молодежь до 35 лет — «традиции» и «инициатива».

Социокультурное развитие российских регионов и ценностные ориентации населения областных центров за 2003–2020 гг. проанализировала старший научный сотрудник институ-

та социологии ФНИСЦ РАН канд. экон. наук Г.П. Бессокирная. Галина Петровна поставила цель выявить, как связана типология модернизованности российских регионов и ценности повседневной жизни. Был сделан вывод, что структура ценностей повседневной жизни идентична у больших социальных групп населения в областных центрах семи регионов, которые относятся к разным типам модернизованности. При этом динамика структуры ценностей показала стремительный рост ценности труда для заработка и снижение важности ценности общения.

Зав. кафедрой Курского гос. университета д-р филос. наук, профессор Е.А. Когай совместно со студенткой А.В. Лапшиной представили оценку качества жизни и социального благополучия жителями Курской области, опираясь на результаты полевого социологического исследования, проведенного осенью 2023 года на основе типовой методики «Социокультурный портрет регионов России». Авторы доклада акцентировали внимание на том, что в оценке социального благополучия жителями региона материальная составляющая не является доминирующей, фиксируется тенденция интегративного понимания качества жизни. Наибольшее беспокойство жители региона выражают в отношении качества медицинского обслуживания. Результаты исследования свидетельствуют, что образ и соответствующее качество жизни не позволяют жителям Курской области в современных условиях в полной мере реализовать свой человеческий потенциал.

Доцент СЗГМУ им. И.И. Мечникова Н.Н. Хомутова (г. Санкт-Петербург) раскрыла проблемы и перспективы использования цифровых ассистивных технологий. Показано, что этика безопасного использования цифровых технологий подразумевает их применение с учетом возрастных и иных индивидуальных особенностей, распространение на принципах равенства, открытости, информированности. Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН канд. соц. наук М.Н. Муханова (г. Москва) выступила с сообщением «Домохозяйства занятых селян: социально-экономическое положение (региональный аспект)». Отмечено, что средством к существованию жителей села являются зарплата или пенсии всех видов, а инфляцион-

ные процессы обесценивают эти доходы, в основном они тратятся на товары первой необходимости, что усиливает миграционные настроения в сельских территориях. Доходы в социально-экономическом положении сельских домохозяйств не имеют заметных региональных различий, те или иные явления типичны, так как институциональное давление в равной мере воздействует на социально-экономические процессы территорий, трудовое поведение селян. В сельских территориях остается актуальной проблема бедности, а в перспективе для работающих селян риски оказаться за границей бедности или в состоянии, предшествующем бедности, стоят довольно остро.

Е.В. Каргаполова, д-р соц. наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова (г. Москва), выступила с сообщением «Духовность в представлении россиян (на примере жителей Москвы и Московской области)», вызвавшим бурную дискуссию, что отразило новизну и актуальность авторского подхода. Екатерина Владимировна привела пример анализа нелинейных распределений саморефлексии духовного состояния на разных жизненных этапах по социальной, демографической и материально-имущественной структуре. Например, самые высокие показатели саморефлексии – у среднего класса, относительно невысоки показатели и оценки духовного состояния в период юности, в старшем возрасте люди преимущественно дают высокие прогнозы своего духовного состояния, и это уже слабо зависит от их реального материального положения.

Доцент Томского государственного университета канд. ист. наук О.Ю. Смоленчук представила ситуационный анализ медицинских профосмотров как одного из регуляторов устойчивого развития региона на примере Кемеровской области, опираясь на включенные наблюдения, привлекая обширный статистический материал, результаты экспертных интервью. Такой анализ в социологии встречается нечасто, что определило новизну и актуальность работы. По завершении доклада прозвучало предложение расширить методологическую базу исследования для создания объективизированной картины действительности, выходящей за рамки нормативно-статистического анализа.

К.В. Ракова, канд. соц. наук, младший научный сотрудник ЦИСИ ИФ РАН, выступила с докладом «Российское общество сквозь года: социально-демографические характеристики россиян, стремящихся к власти». Кристина Викторовна опиралась на эмпирические данные 6-й, 7-й и 8-й волн всероссийского мониторинга, реализуемого ЦИСИ ИФ РАН, исследуя уровень поддержки ценностного суждения «человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других». Эта доля снизилась с 26 до 10% в 2023 году, представляя «властность» как антиценность в общественном мнении. Средний возраст россиян, стремящихся к власти, вырос на 10 лет, сегодня в эту категорию входят люди в возрасте от 35 до 44 лет. Результаты исследования свидетельствуют, что нищие и бедные слои населения, а также не очень удовлетворенные своей жизнью россияне относятся к наименее стремящимся к власти. Дискуссия показала, что причинно-следственные связи в данном исследовании необходимо устанавливать дополнительно, поскольку прямая их интерпретация может исказить реальность.

Доклад А.Ф. Нешатаева, ассистента УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург) был посвящен роли отечественного кинематографа в формировании миграционной непривлекательности сельской местности и малых городов по результатам контент-анализа. Автор рассмотрел массив из 399 фильмов и сериалов, в которых демонстрировались темы, связанные с сельской местностью и малыми городами, за 1991–2022 гг. Александр Васильевич сделал вывод о характеристике образа сельской местности в современном кинематографе как территории с неблагоприятной обстановкой, стимулирующей миграционную убыль населения. Участники конференции высказали предположение о том, что указанный феномен может говорить не столько о формировании общественного мнения, сколько об отражении реального состояния дел. Однако данные утверждения требуют дополнительной, более глубокой проверки и сами по себе являются предметом социологического анализа.

Во второй день конференции обсуждение состоялось в онлайн-формате на базе ВолНЦ РАН, г. Вологда. Модератором второй сессии выступила зам. директора ВолНЦ РАН канд. экон. наук О.Н. Калачикова.

Канд. соц. наук, доцент Ю.С. Маркова и зав. кафедрой канд. ист. наук Е.Б. Плотникова (Пермский государственный университет) проанализировали динамику ценностей жителей Пермского края в условиях социальной нестабильности. Согласно результатам исследований за 2006–2023 гг., ценностная система жителей Прикамья в целом характеризуется стабильностью. В «интегрирующее ядро» ценностей пермяков входят такие базовые ценности, как жизнь человека, порядок, общительность, независимость. Кроме этого, высокое значение по-прежнему имеют ценности свободы, семьи, благополучия, работы, входящие в «интегрирующий резерв» ценностей пермяков. К 2023 году наблюдается рост ориентации на ценность независимости, которая переместилась из «интегрирующего резерва» в «интегрирующее ядро», и традиции, которая из «оппонирующего дифференциала» поднялась в «интегрирующий резерв». Несколько снизилась значимость ценности семьи, перешедшей из ядра в резерв, и инициативности, которая по сравнению с 2006 годом переместилась из «интегрирующего резерва» в «оппонирующий дифференциал». Отмеченные тенденции показывают, что преодоление рисков социальной нестабильности связано не только со степенью выраженности индивидуалистических (современных) ценностей, но и с уровнем поддержки традиционных ценностных ориентиров.

В.М. Цлаф, канд. техн. наук, доцент, научный руководитель Межрегиональной группы «Агентство системного консультирования „СТРАТЕГ“» (г. Самара) выступил с сообщением «Управляемая социокультурная модернизация – ответ на цивилизационные вызовы современности». Виктор Михайлович показал, как можно изучать процессы усложнения мира, его модернизационный дифференциал через данные о жизнеобеспечивающей и властно-регулирующей функциях социально-деятельностной системы в терминах Н.И. Лапина.

Н.М. Лавренюк-Исаева, канд. соц. наук, зам. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки

и технологий, представила доклад «Социальная зрелость управления в регионах России» по материалам Выборочного наблюдения участия населения в непрерывном образовании в 2020 году (Росстат), на эмпирических данных социологического опроса, реализованного в Республике Башкортостан в 2023 году. Основной вывод – социальная зрелость управления в регионах России имеет разную степень, зависит от ряда эндогенных и экзогенных факторов по отношению к управляющим и управляемым, от уровня социальной субъектности, компенсируется непрерывным образованием и самообразованием.

Оригинальной по постановке и формулировке теме «„Трезвые села“ Якутии как форма социокультурной инновации» посвятил свое сообщение Ю.И. Жеусов, канд. соц. наук, старший научный сотрудник Института биологических проблем криолитозоны СО РАН (г. Якутск). Юрий Иннокентьевич обратил особое внимание не только на внедрение неформального или формального запрета на продажи алкоголя, но и на создание новых социальных норм и практик, способствующих выбору населением осознанного трезвого здорового образа жизни, формирование условий для социальной активности, досуга, самореализации людей и развития села в целом. Проведенные социологические исследования и анализ статистики, по мнению автора, подтверждают эффективность этих социокультурных инноваций. Сообщение вызвало вопросы к автору и бурную дискуссию участников конференции.

Смоленский межвузовский кампус как драйвер комплексной трансформации экономики и культуры Западного приграничья России исследовал А.И. Винокуров, канд. психол. наук, доцент Смоленского государственного института искусств. Были показаны результаты исследования транзитивных эпох российско-белорусского приграничья с 2005 года на примере Смоленской области. В частности, Александр Иванович анонсировал планируемые изменения производственных и социальных процессов региона, обусловленных деятельностью Смоленского межвузовского кампуса.

В.Т. Тарасов, канд. экон. наук, доцент Чебоксарского филиала РАНХиГС, представил доклад «К вопросу о цивилизационной и модернизационной гетерогенности России».

Владимир Тимофеевич опирался на системный подход к анализу компонент цивилизации, разработанный Н.И. Лапиным. Автор указал на методологические проблемы, возникающие при реализации этого подхода на практике, отметил возможности применения разветвленного набора инструментов, сформулировал перспективные направления развития методологии.

В докладе «Участие молодежи в гражданской науке: проблемы и возможности вовлечения» канд. соц. наук М.В. Худякова и аспирант Д.Ю. Агафонова (Тюменский государственный университет) наглядно показали на масштабных эмпирических данных, что термин “citizen science”, широко известный в мировом научном дискурсе, тем не менее не признается отечественной наукой и практикой. Еще менее распространено развитие мотивации «научного волонтерства», признание легитимности и релевантности не только процессов, но и результатов научной деятельности с привлечением непрофессионалов со стороны так называемой профессиональной науки. Здесь возникают вопросы эпистемологии, отказа от наукоцентризма, субъектоцентризма, создания новых форм организации научной деятельности.

В рамках последующих сообщений в той или иной мере раскрывались социокультурные аспекты жизни в регионах России на современном этапе, проблематика региональной идентичности. В.И. Мосин, канд. соц. наук, доцент (г. Тула), рассказал о примерах устойчивого развития и финансово-хозяйственной деятельности управляющих компаний, которые, по мнению автора, должны влиять на их рейтинг в сфере ЖКХ. Такие практико-ориентированные примеры позволяют улучшать качество социальных услуг и деловой климат в регионе. А.Р. Мажитова, доцент Башкирского кооперативного института (г. Уфа), рассказала о синергии развития потребительской кооперации в Республике Башкортостан. Особенности региональной идентичности рассмотрел канд. филос. наук, доцент Владимирского филиала РАНХиГС Д.И. Петросян. С.А. Чернышов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ТГУ (г. Томск), сквозь призму междисциплинарных современных подходов к идентичности показал соотношение общероссийских и регио-

нальных элементов в сибирской региональной идентичности. Канд. ист. наук В.Г. Харитоновна (г. Чебоксары) провела анализ миграционной ситуации и миграционных установок жителей Чувашии.

В.Р. Шухатович, канд. соц. наук, зав. отделом Института социологии НАН Беларуси (г. Минск), представила проактивные мотивы в структуре мотивации выбора профессии у населения Республики Беларусь. Н.И. Яковлева, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск), рассмотрела социальные медиа как ресурс формирования ценностных ориентаций населения.

Видение социокультурного развития со стороны молодых исследователей было отражено в выступлениях студентов и аспирантов вузов Москвы, Курска, Вологды, Тюмени, Минска. Так, студентка Курского государственного университета В.А. Дзюба совместно с д-ром филос. наук, профессором, зав. кафедрой социологии Курского государственного университета Е.А. Когай представила итоги проведенного полевого социологического исследования в докладе «Гражданская идентичность в региональном измерении (на примере Курской области)». Опираясь на важную идею Н.И. Лапина о том, что во взаимодействии человека с обществом проявляются деятельностные качества личности, среди которых важное место следует отвести гражданско-общественной культуре, авторы репрезентовали широкую палитру идентификационных оценок, кругов доверия, возможностей и реальных практик гражданского участия. Студенты Северо-Западного института им. О.Е. Кутафина (Вологодский филиал) Д.П. Смирнова и П.И. Костылева воссоздали особенности миграции населения между Россией и странами СНГ на современном этапе. О социально-экономическом развитии сельскохозяйственных организаций Тюменской области рассказала аспирант кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ Ю.Е. Худякова. Младший научный сотрудник отдела социологии социальной сферы, аспирант Института социологии НАН Беларуси М.И. Горбач (г. Минск) рассмотрела особенности самообразования молодежи в условиях информационного общества. Определив самообразование как вид свободной деятель-

ности личности или социальной группы, осуществляемый на основе свободного выбора и направленный на удовлетворение широкого спектра потребностей, прежде всего духовного плана, она последовательно проанализировала аспекты самообразовательной активности, свойственной белорусской молодежи. Студентами РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.С. Василенко, Е.А. Шагановой, М.А. Киселевым, А.А. Демидовой и Н.С. Беляевой в выступлениях были затронуты важные вопросы развития духовного мира человека, они касались вопросов о любимых книгах в структуре читательских предпочтений современного российского студенчества, о совести в представлениях московской молодежи, наконец, об образе женщины в российском и американском кинематографе.

Эти выступления показали, что молодые люди успешно принимают участие в масштабных исследованиях, реализуют самостоятельные научные проекты, демонстрируют готовность к научному поиску, что позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы разви-

тия общероссийской программы исследования социокультурных процессов в российских регионах. Модерацию секции молодых исследователей осуществляла зам. зав. отделом ВолНЦ РАН канд. экон. наук М.А. Груздева.

По окончании конференции состоялось заседание координационного совета программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Все участники заседания отметили успешность проведения научной конференции, а также важность продолжения полевых исследований на основе типовой методики «Социокультурный портрет регионов России». Эти исследования позволяют создать обширную базу данных о социокультурных процессах, происходящих на российском пространстве, отслеживать динамику процессов, осуществлять компаративные подходы при анализе социальных проблем. Также было принято решение провести следующие Лапинские чтения в 2024 году в рамках Всероссийского социологического конгресса, организуемого Российским обществом социологов.

Сведения об авторах

Евгения Анатольевна Когай – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: eakogay@mail.ru)

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: gr136@mail.ru)

Kogay E.A., Romashkina G.F.

To the Memory of N.I. Lapin: Second Lapin Readings

Information about the Authors

Evgenia A. Kogay – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, head of department, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: eakogay@mail.ru)

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: gr136@mail.ru)

Статья поступила 09.01.2024.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (февраль 2024 г.), а также за период с февраля 2023 по февраль 2024 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2023 гг.²

В декабре 2023 – феврале 2024 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно увеличился (на 2 п. п., с 62 до 64%). Доля отрицательных суждений снизилась с 23 до 21%³.

За последние 12 месяцев (с февраля 2023 по февраль 2024 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 3 п. п. (с 61 до 64%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

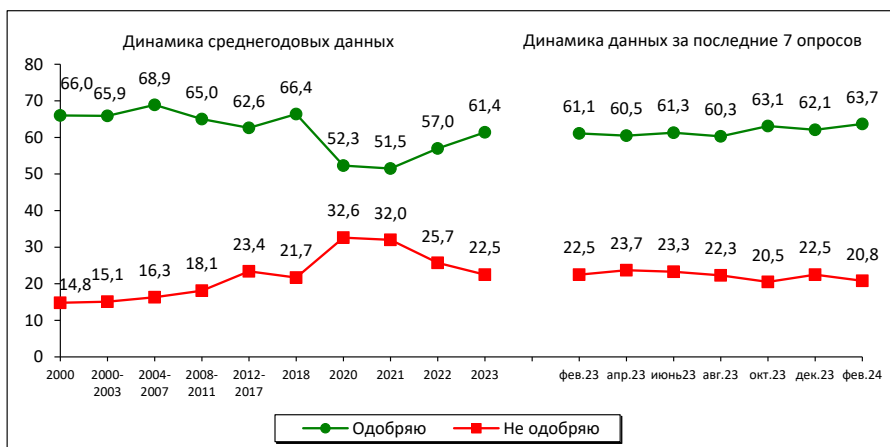
³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в феврале 2024 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в феврале 2023 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	фев. 2023	дек. 2023
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	61,1	60,5	61,3	60,3	63,1	62,1	63,7	+3	+2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	22,5	23,7	23,3	22,3	20,5	22,5	20,8	-2	-2
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	-	-	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	49,3	48,3	49,2	50,8	51,3	51,9	52,7	+3	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	27,9	28,1	27,1	26,1	28,6	27,9	26,2	-2	-2
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	47,1	48,3	48,7	48,1	47,5	49,1	50,8	+4	+2
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	33,0	32,3	30,7	29,7	29,7	29,9	27,5	-6	-2
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»																		

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Одобрю	+3	+2
Не одобряю	-2	-2

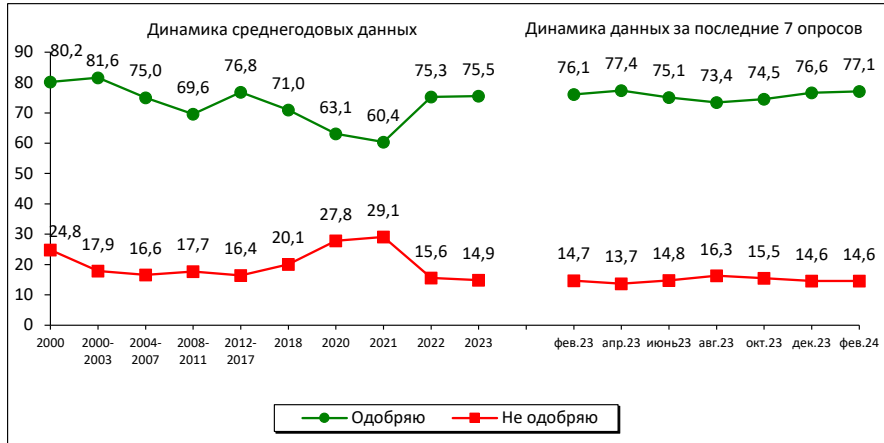
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с декабря 2023 г. по февраль 2024 г. составил 77%. Удельный вес негативных отзывов – 15%.

Оценки населения в целом соответствуют уровню поддержки деятельности главы государства в феврале 2023 г.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

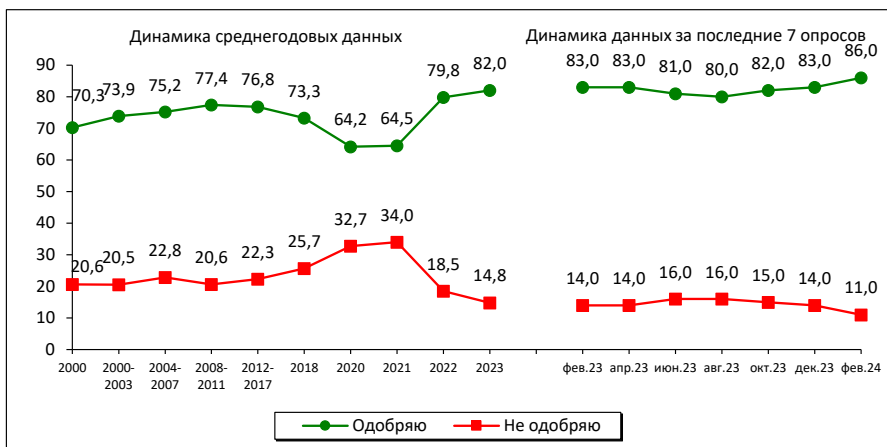
Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Одобрять	+1	+1
Не одобрять	0	0

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ продолжает увеличиваться с августа 2023 г. В декабре 2023 – январе 2024 г. он возрос на 3 п. п. (с 83 до 86%), а в целом за период с августа 2023 по январь 2024 г. – на 6 п. п. (с 80 до 86%).

По сравнению с февралем 2023 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ в январе 2024 г. увеличился незначительно (на 3 п. п., с 83 до 86%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), январь 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Одобрять	+3	+3
Не одобрять	-3	-3

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»
Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

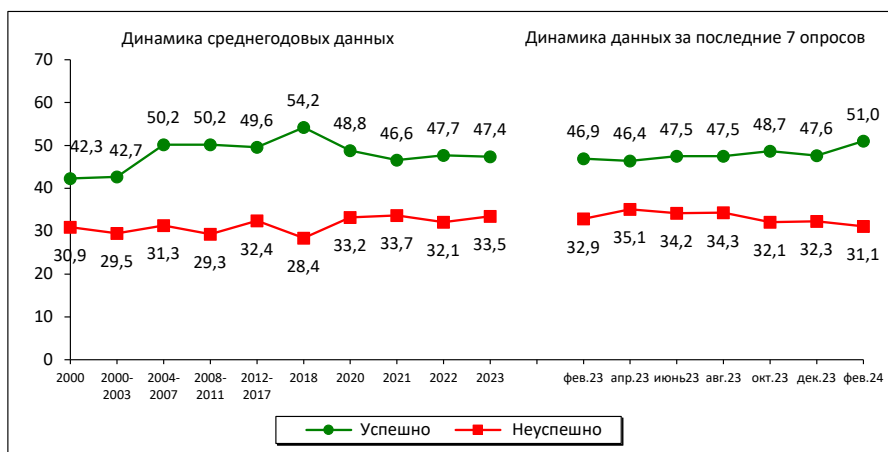
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца возрос удельный вес жителей области, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России (на 3 п. п., с 48 до 51%). Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, не изменилась и составила 31–32%.

За последние 12 месяцев удельный вес положительных оценок возрос на 4 п. п. (с 47 до 51%).

Укрепление международных позиций России

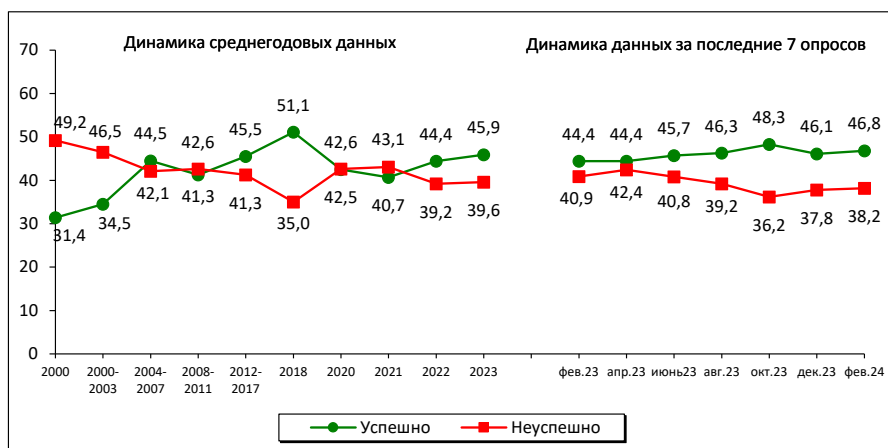

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Успешно	+3	+3
Неуспешно	-2	-1

Как и в декабре 2023 г., удельный вес жителей области, отмечающих успешность действий Президента РФ по наведению порядка в стране, составил 46%. Доля негативных суждений значительно ниже и также остается стабильной (38%).

Небольшие изменения наблюдаются в динамике за последние 12 месяцев: удельный вес положительных характеристик возрос на 3 п. п. (с 44 до 47%), негативных – снизился с 41 до 38%.

Наведение порядка в стране

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Успешно	+3	+1
Неуспешно	-3	0

В декабре 2023 – феврале 2024 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 42–43%; удельный вес противоположных суждений – 40–41%.

Оценки населения чуть лучше, чем в феврале 2023 г. (доля позитивных характеристик увеличилась на 3 п. п., с 39 до 42%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Успешно	+4	+1
Неудачно	-2	-2

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за последние два месяца составила 35–37%, при этом удельный вес негативных характеристик снизился на 3 п. п. (с 51 до 48%).

По сравнению с февралем 2023 г. доля позитивных суждений не изменилась (36–37%), негативных – снизилась на 3 п. п. (с 51 до 48%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Успешно	+1	+1
Неудачно	-3	-3

В партийно-политических предпочтениях жителей области за последние два месяца существенных изменений не произошло: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 43%, КПРФ – 9–10%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 4%, «Новые люди» – 1–2%.

По сравнению с февралем 2023 г. доля тех, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», увеличилась на 4 п. п. (с 39 до 43%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2024 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	фев. 2023	дек. 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	39,1	37,6	39,3	39,0	40,3	41,7	42,7	+4	+2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	9,5	9,3	9,5	9,8	9,8	9,8	9,0	-1	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	5,9	6,9	6,7	7,8	7,9	6,5	6,6	+1	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	4,6	4,7	4,7	4,5	4,5	3,5	3,6	+1	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	1,3	2,1	2,1	2,3	1,5	1,9	1,4	0	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,3	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	26,5	28,0	28,0	26,5	25,2	24,6	26,6	25,2	-3	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	11,1	11,4	11,4	11,4	11,2	11,4	9,9	11,4	0	+2

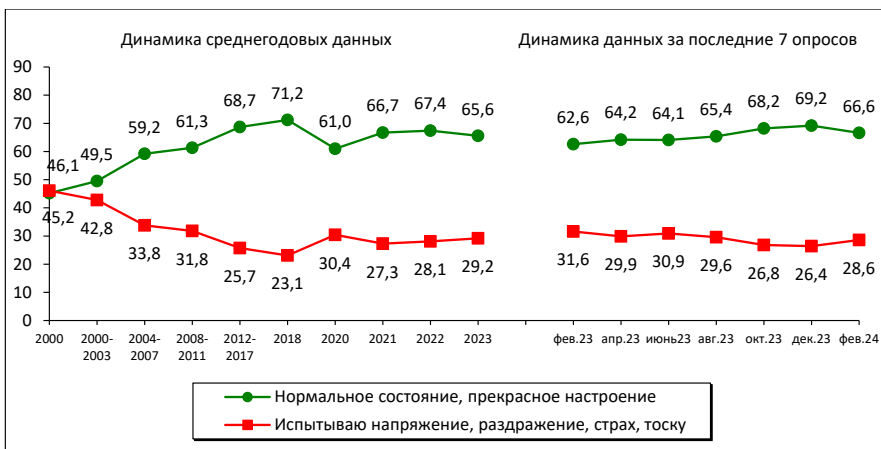
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В декабре 2023 – феврале 2024 г. незначительно уменьшилась доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное» (на 2 п. п., с 69 до 67%). Удельный вес негативных суждений возрос на 3 п. п. (с 26 до 29%).

Тем не менее оценки населения чуть лучше, чем в феврале 2023 г.: доля положительных характеристик социального настроения выше на 4 п. п. (с 63 до 67%), негативных – ниже на 3 п. п. (с 32 до 29%).

Социальное настроение

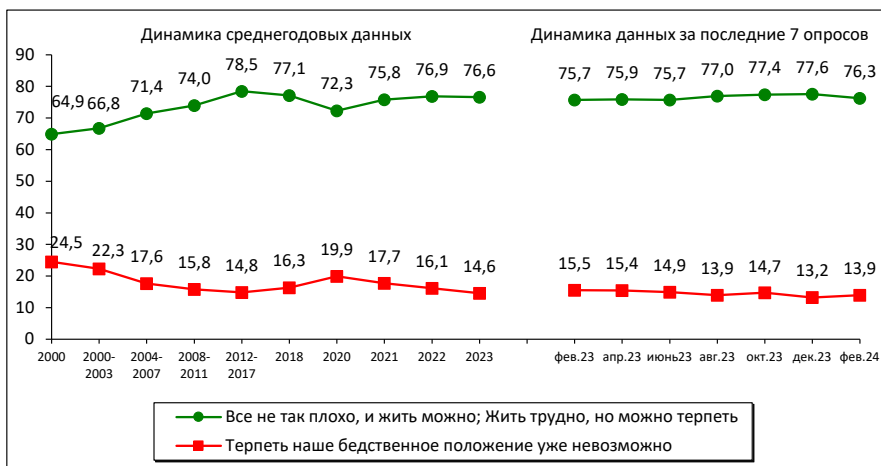

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+4	-2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-3	+2

В оценках запаса терпения за последние два месяца значительных изменений не произошло: доля положительных суждений составляет 76–77%, отрицательных – 13–14%.

В феврале 2024 г. оценки населения примерно соответствуют уровню февраля 2023 г.

Запас терпения

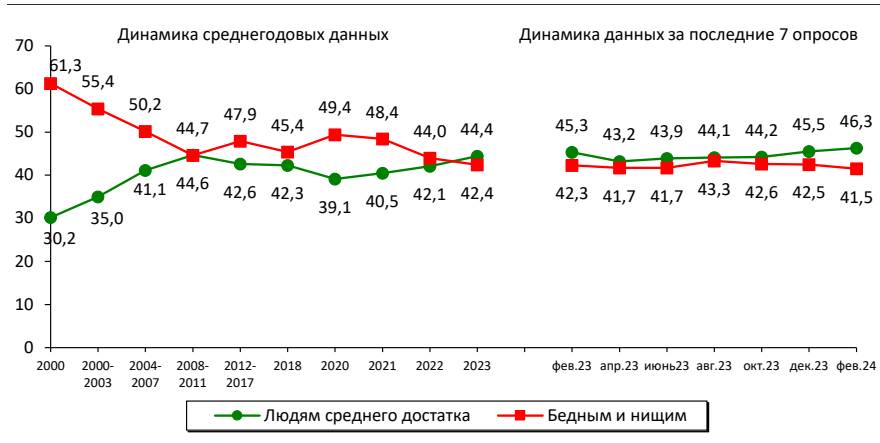

Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+1	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	+1

Как и в декабре 2023 г., в феврале 2024 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 46%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (42–43%).

За последние 12 месяцев существенных изменений в оценках населения также не наблюдается.

Социальная самоидентификация

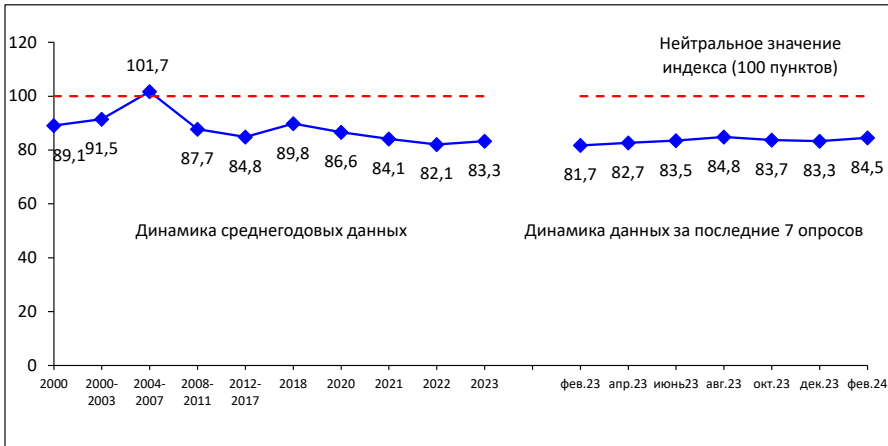
Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
Вариант ответа	фев. 2023	дек. 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+1	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-1	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в декабре 2023 г. – феврале 2024 г. увеличился на 2 пункта (с 83 до 85 п.).

По сравнению с февралем 2023 г. рост ИПН составил 3 п. п. (с 82 до 85 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

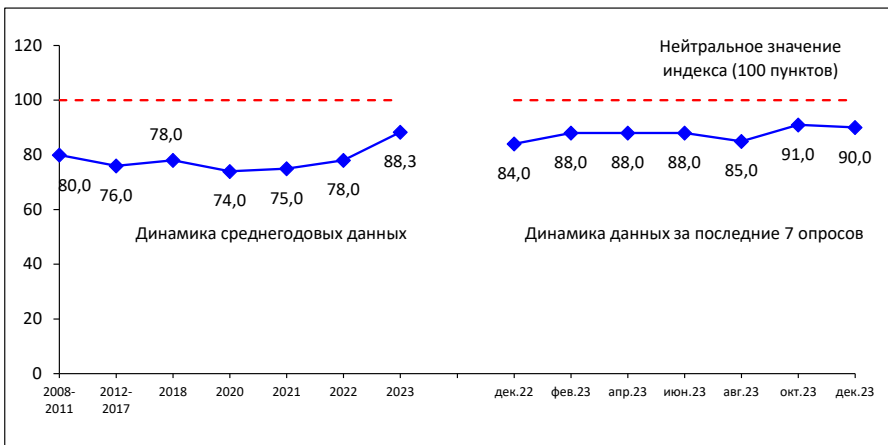
Изменение (+/-), февраль 2024 г. к		
ИПН	фев. 2023	дек. 2023
Значение индекса, в пунктах	+3	+2

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с октября по декабрь 2023 г.), индекс потребительских настроений составил 90–91 пункт.

Ощутимые позитивные изменения наблюдаются за последние 12 месяцев (ИПН возрос на 6 пунктов, с 84 до 90 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
ИПН	дек. 2022	окт. 2023
Значение индекса, в пунктах	+6	+1

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за декабрь 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с декабря 2023 г. по февраль 2024 г. незначительное (на 2–3 п. п.) снижение доли людей, испытывающих в повседневной жизни преимущественно позитивные эмоции, отмечается во всех основных социально-демографических категориях населения. В группе лиц, по субъективным самооценкам доходов попадающих в категорию 60% среднеобеспеченных слоев населения, доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 6 п. п. (с 73 до 67%).

Однако за последние 12 месяцев изменения социального настроения в разрезе основных социально-демографических категорий носят преимущественно позитивный характер: в 8 из 14 групп отмечаются положительные тенденции, в остальных оценки остаются стабильными.

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	фев. 2023	дек. 2023
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	62,5	65,4	63,4	65,4	66,9	69,6	66,5	+4	-3
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	62,7	63,4	64,7	65,3	69,4	68,9	66,5	+4	-2
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,0	70,6	72,9	72,9	76,2	79,4	78,0	75,1	+5	-3
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	63,9	67,7	68,6	69,2	71,1	72,3	69,9	+6	-2
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	58,1	56,9	55,4	56,3	60,5	62,0	59,2	+1	-3
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	57,2	60,2	61,6	63,2	64,4	65,5	63,9	+7	-2
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	66,1	63,7	65,1	63,7	65,1	70,1	69,1	66,0	+2	-3
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	68,8	67,3	67,3	68,2	67,4	70,0	72,8	69,4	+2	-3
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,1	46,2	47,8	50,4	49,6	52,5	54,2	52,2	+6	-2
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	67,4	62,2	64,4	65,7	67,9	71,0	73,1	66,9	+5	-6
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	73,9	73,8	78,2	72,1	70,3	73,2	75,9	74,4	+1	-2
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	54,5	56,0	57,8	60,8	63,8	64,8	62,5	+8	-2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	68,1	65,9	68,4	67,9	66,4	69,4	70,6	67,2	+1	-3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	67,7	65,3	66,6	65,6	67,3	70,2	70,9	68,5	+3	-2
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	62,6	64,3	64,1	65,3	68,3	69,2	66,5	+4	-2

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты первой «волны» мониторинга, проведенной в 2024 г., в начале года оценки населения остаются в целом стабильными. По большинству ключевых показателей существенных изменений по сравнению с декабрем 2023 г. не произошло:

- ✓ уровень одобрения деятельности главы государства с октября 2023 г. составляет 62–64%;
- ✓ оценки успешности работы Президента РФ по решению ключевых задач также остаются стабильными: по укреплению международных позиций России – 48–51%, по наведению порядка в стране – 46–47%; по защите демократии и укреплению свобод граждан – 42–43%; по подъему экономики и росту благосостояния населения – 35–36%;
- ✓ доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», – 42–43%;
- ✓ незначительное снижение доли положительных оценок социального настроения за последние два месяца находится в пределах ошибки выборки (+/- 2 п. п.) и с октября 2023 г. составляет 67–69%;
- ✓ удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «людей среднего достатка», с июня 2023 г. находится в интервале 44–46%;
- ✓ индекс потребительских настроений также с июня 2023 г. существенно не меняется и составляет 84–85 пунктов, что, впрочем, свидетельствует о преобладании пессимистических прогнозов людей относительно будущего экономики страны и своего личного материального положения.

Среди изменений, которые обращают на себя внимание в начале года, следует отметить незначительное снижение доли людей, положительно характеризующих своё повседневное эмоциональное состояние, во всех основных социально-демографических группах населения. Однако эти изменения несущественные и пока что не приняли характер тенденции. Вполне возможно, на настроении людей могло отразиться окончание новогодних «каникул»; рост цен⁵ (который мог сказаться на оценках 60% среднеобеспеченных слоев населения); более, на наш взгляд, серьезная возможная причина – рост напряженности международной обстановки вокруг России по поводу потенциального «открытого» конфликта со странами НАТО (по крайней мере об этом уже не раз в начале года публично упоминали некоторые представители западного политического истеблишмента⁶, а также ряд российских экспертов⁷).

Тем не менее в феврале 2024 г. Президент РФ В.В. Путин (обращаясь, в том числе, ко всему международному сообществу через интервью американскому журналисту Т. Карлсону) открыто заявил о том, что у России «нет никаких интересов ни в Польше, ни в Латвии – нигде... а втягиваться в какую-то глобальную войну – это противоречит здравому смыслу, потому что глобальная

⁵ По данным Вологдастата, индекс потребительских цен в декабре 2023 г. составил 107,8% (к декабрю 2022 г.), а в целом за 2023 г. – 106,1% (к 2022 году). При этом реальная заработная плата на территории региона по последним данным (на ноябрь 2023 г.) составила 103,7% (к октябрю 2023 г.). Источник: Социально-экономическое положение Вологодской области в 2023 году: доклад / Вологдастат. Вологда, 2024. С. 54, 76.

⁶ См., например:

1. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг (26.01.2024, Брюссель): «Если Путин выиграет на Украине, есть реальный риск, что он повторно применит силу».

2. Главнокомандующий вооруженными силами Норвегии Э. Кристофферсен (21.01.2024, интервью газете «Dagbladet»): «Когда эта война закончится, никто не знает, каким будет следующий шаг Путина».

3. Министр обороны Германии Б. Писториус (19.01.2024, интервью газете «Der Tagesspiegel»): «Мы слышим угрозы из Кремля почти каждый день... поэтому мы должны принять во внимание, что Владимир Путин может однажды напасть на страну НАТО».

⁷ См., например:

1. Катасонов В. Верный признак подготовки к большой войне // Завтра. 13.02.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/v_mire_ozhidaetsya_novaya_volna_inflyatcii_vernij_priznak_podgotovki_k_bol_shoj_vojne

2. Шурыгин В. Запад не собирается оставлять Украину, всё только начинается // Изборский клуб. 07.02.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25311>

война поставит на грань уничтожения всё человечество»⁸. То же самое он повторил в ходе своего очередного ежегодного Послания Федеральному Собранию РФ: «Запад спровоцировал конфликты на Украине, на Ближнем Востоке, в других регионах мира и продолжает лгать. Теперь вот без всякого смущения заявляют, что Россия якобы намеревается напасть на Европу. Просто — мы же с вами понимаем — несут бред какой-то»⁹. Позиция России по данному вопросу объявлена, таким образом, достаточно открыто и недвусмысленно, и только время покажет, прислушается ли к ней западное политическое сообщество.

Стабильность оценок общественного мнения, отмечаемая в начале года по большинству показателей мониторинга, важна ещё и в связи с приближающимся главным внутрироссийским политическим событием — выборами Президента РФ, которые назначены на 15–17 марта 2024 г.

29 января ЦИК РФ официально зарегистрировала В.В. Путина как кандидата на должность главы государства, и практически ни у одного эксперта нет сомнений в том, что по итогам этих выборов действующий президентский срок В.В. Путина продолжится. По данным ВЦИОМ на февраль 2024 г., 76% россиян планируют принять участие в выборах Президента РФ, при этом за В.В. Путина собираются голосовать 75% опрошенных¹⁰.

Многие эксперты убеждены, тем не менее, что «спокойную кампанию западные оппоненты В. Путину провести не дадут», с их стороны прогнозируются «интенсивные попытки воздействия», подготовка к которым началась «как минимум за год до начала СВО»¹¹. И в этой ситуации для органов властей всех уровней остается крайне важной задачей дальнейшего повышения эффективности реализации социальной политики с целью поддержания уровня и качества жизни широких слоев населения в продолжающихся сложных условиях, в которых оказалась Россия после начала СВО.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁸ Интервью Президента РФ В.В. Путина американскому журналисту Т. Карлсону // Официальный сайт Президента РФ. 09.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

¹⁰ Выборы президента России — 2024: первый рейтинг // Аналитический обзор ВЦИОМ. 10.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2024-reitingi-kandidatov>

¹¹ Мухин А. Внешнее вмешательство в выборы 2024 года в России и возможные последствия: доклад. Январь 2024. 18 с.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 05.03.2024.
Дата выхода в свет 07.03.2024.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,02. Тираж 500 экз. Заказ № 7.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru